4
Г-70

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

Проблемы изучения

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

78292

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

Проблемы изучения

Ответственные редакторы
доктора филологических наук
Е.А. ЗЕМСКАЯ И Д.Н. ШМЕЛЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1984

Сборник статей посвящен описанию живого языка современного города на материале записей речи жителей Москвы, Ленинграда и некоторых других городов. Исследуется специфика некодифицированных сфер современного русского языка, рассматривается проблема лингвистического статуса городского просторечия. В работах, представленных в сборнике, просторечие понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не вполне владеющих нормами литературного языка. Просторечие обнаруживается на разных ярусах членения языка, что обусловливает его поуровневый анализ: исследуются просторечные явления в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, лексической семантике.

4
Г-70

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
78292

Г $\frac{4602000000-211}{042\,(02)-84}$ –353–84–III

© Издательство "Наука", 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник посвящен современному русскому городскому просторечию.

Проблема просторечия до сего времени остается малоисследованной. Несмотря на давнее функционирование в языковедческой литературе самого термина "просторечие", в современных работах им определяются существенно различные лингвистические феномены: с одной стороны, просторечием называют совокупность стилистических средств сниженной экспрессии, с другой — имманентно нейтральные с точки зрения стилистики и не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере нормами литературного языка. Дело осложняется еще и тем, что в исследованиях по истории русского языка существует и своя традиция употребления этого термина, под которым понимается живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-литературной стихии с заметным церковнославянским компонентом, так и стандартизованному языку древне- и старорусской деловой письменности. Ввиду уже этих обстоятельств понятна настоятельная потребность в четком определении статуса и места в структуре современного русского языка такого явления, как просторечие.

В работах, представленных в настоящем сборнике, просторечие понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не владеющих нормами литературного языка. Факты подобного рода до сих пор отмечались по преимуществу в работах по культуре речи. Однако только нормативный аспект в отношении к просторечию представляется явно недостаточным. Помимо борьбы с языковыми неправильностями и пропаганды нормы, необходимо тщательное и свободное от вкусовых пристрастий исследование просторечной языковой стихии. Обращение с этой точки зрения к такому, казалось бы, "малопочтенному" языковому материалу оправдывается общими целями: обнаружить те или иные тенденции, действующие в современной русской речи в целом, выяснить природу и истоки многих явлений, считающихся характерными для литературной разговорной речи и других устных форм реализации языка, выявить слабые и неустойчивые звенья в структуре общенационального русского языка, что позволит с большей определенностью ставить прогнозы его развития и с бóльшим основанием предлагать те или иные рекомендации нормативного характера.

Необходимо заметить также, что многие элементы просторечия постепенно входили в общелитературное употребление, некоторые из общеупотребительных слов современного литературного языка еще в недалеком прошлом рассматривались как просторечные. Довольно часто факты просторечия используются в художественной литературе для речевой характеристики персонажей и т.д. Историческая интерпретация соответствующих явлений важна при лингвостилистическом анализе художественных произ-

ведений. В просторечии, как и в диалектах, сохранились отдельные явления, проливающие свет на историю русского языка. Все сказанное объясняет актуальность изучения современного просторечия как одной из составных частей языка современного города.

Данная книга может способствовать решению таких важных задач, как выяснение статуса городского просторечия на современном этапе и выявление истоков современного просторечия (в частности, определение удельного веса и влияния старых, отживших норм, диалектных форм, профессиональной речи, жаргонов, "канцелярита", "русификации" иносистемных языковых явлений и др.).

Особенностью работ, составляющих сборник, является то, что в них фактически впервые к исследованию привлечен обширный материал записей живой, подлинной речи лиц — носителей городского просторечия. До сих пор, как можно было заметить, подобные факты извлекались большей частью из беллетристических сочинений, т.е. брались в препарированном художественным сознанием авторов виде.

Просторечные явления обнаруживаются на разных ярусах членения языка, чем и обусловлен поуровневый анализ просторечия в настоящем сборнике: исследуются фонетика, морфология, синтаксис, лексика, лексическая семантика (статьи Н.Н. Розановой, Е.А. Земской и М.В. Китайгородской, А.Ф. Журавлева, Л.А. Капанадзе, О.П. Ермаковой, Т.С. Морозовой). Предметом изучения явилась в основном речь жителей Москвы и Ленинграда, однако в сборнике представлены и статьи, в которых содержатся попытки отдельного, "монографического" описания просторечия некоторых иных городов (Челябинск и другие города Урала, Элиста).

В Приложение к книге включены расшифровки магнитофонных записей — образцы диалогического и нарративного жанров в просторечии.

Л.А. КАПАНАДЗЕ

СОВРЕМЕННОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Понятие просторечия в современной лингвистике неоднозначно. В этой статье предполагается коснуться следующих тем:

1. Просторечие как историческая категория; национальное своеобразие русского просторечия.
2. Просторечие как социальная категория; носители просторечия.
3. Язык современного города и просторечие.
4. Локальность просторечия.
5. Характерные черты современного городского просторечия.
6. Просторечие и язык художественной литературы.
7. Просторечие и словари.

I

Традиционно употребляемый в русистике термин "городское просторечие" последовательно употребляется в двух значениях: а) общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся за пределами литературного языка; б) сниженные, грубоватые элементы в составе самого литературного языка.

Внелитературное просторечие представлено на всех языковых уровнях, тогда как "просторечный слой" литературного языка являет собой прежде всего лексические единицы, т.е. касается в основном словаря. Ср. *одёжа, пёкло, туфель, пущай, сёдни, вчерась, таперича, мотри* (повелит. наклонение), с одной стороны, и — *небось, сызмала, задарма, срамота, промеж, богатей* и под.[1] — с другой.

В настоящей статье мы будем говорить о просторечии лишь в одном значении: городское просторечие — это ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка.

Естественно, что "простая речь" может противостоять речи нормированной только в эпоху кодификации, — тогда, когда обществом осознается единство разговорно-литературных форм национальной речи. Как известно, понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка (В.В. Виноградов). В разных языках по-разному шло объединение диалектов, интердиалектов, разговорного койне и различным было регулирующее влияние национального книжного языка.

Как известно, в Германии, Польше, Чехии речь донациональной эпохи

---

[1] См. указание на подобное употребление термина просторечие в энциклопедии "Русский язык" (М., 1979, с. 239).

не носила узкодиалектного характера, это были разного рода интердиалекты, и поэтому во время становления и формирования общенациональной разговорной формы литературного языка они вступили с последней в сложное взаимодействие. Характерно противостояние в Чехии региональной формы нелитературного языка, называемого obecná čeština, новому разговорному чешскому литературному языку (обе формы речи употребляются высокообразованными носителями языка). В различных регионах Германии (ФРГ) интердиалект широко употребляется в речи публицистической, на радио в телепередачах и т.д. Социально-исторические условия развития русского литературного языка вели к постепенному, но неуклонному размежеванию его с просторечием.

Происхождение и формирование русского просторечия прослеживается в трудах классиков нашего языкознания в связи с изучением развития русского литературного языка (А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, С.П. Обнорский, В.В. Виноградов, Л.П.Якубинский, Б.А. Ларин, Г.О. Винокур). Достаточно подробно исследован вопрос о народных основах литературного языка, о формировании разных его стилей, связанных с живыми народными говорами. С другой стороны, известен интерес лингвистов "старшего поколения" к проблемам исследования социальных диалектов и арго, к лингвистическому изучению города[2]. Все эти работы позволяют нам представить себе непростую картину возникновения и жизни просторечия в русском языке.

Конец XVI – начало XVII вв. – время, когда закладывались основы русского национального языка. В эту эпоху происходит резкое изменение общеязыковой ситуации – разговорный язык получает доступ в письменность. Возникает целый ряд новых литературных жанров, мало связанных со старым церковно-книжным языком. Изменяется социальная среда – появляется город новой формации: это уже не укрепленный замок удельного князя, и центр городской жизни теперь – посад. "Посадские люди" – это торговцы, ремесленники. Все они подчиняются законодательным порядкам царя. Посадская письменность XVII в. и была первой фиксацией русского национального языка[3]. До XVIII в. устная речь даже образованных людей еще не была нормированной. Вопрос о литературности вставал только тогда, когда дело касалось книги, литературы, вообще всякой письменности. Г.О. Винокур справедливо писал о языке того времени: "От исследователей художественных свойств языка в произведениях низких жанров во всяком случае требуется очень большой такт для того, чтобы не принять общеупотребительное за сознательно отобранное"[4]. В XVIII в. русское общество заметно пестреет. Появляется разнообразие культурных слоев, типов и одновременно с этим – тяготение к литературно-нормализованным формам устного бытового общения (напомним, что 30–40-е годы XVIII в. – это годы деятельности В.И. Тредьяковского, появление новых образцов разговорной речи – "языка изрядной компании"). Во второй половине XVIII в. разговорный язык приспособляется к светскому обиходу столицы, происходит дальнейшее углубление различий между двумя типами устной речи – разговорно-простонародной и разго-

---

[2] В.В. Виноградов ссылается на работы К.П. Зеленецкого, Д.К. Зеленина, В.И. Чернышева, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, Б.А. Ларина (*Виноградов В.В.* О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 3, с. 223).

[3] *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII вв.). М., "Высшая школа", 1975, с. 259.

[4] ***Винокур Г.О.*** Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 97.

вором "изрядной компании" – светским обиходом[5]. Важнейшее культурно-историческое событие той эпохи – возникновение системы трех стилей, а затем и развитие М.В. Ломоносовым учения о трех стилях. В 70–80-е годы начинается процесс смешения и взаимопроникновения стилей, который завершается в XIX в. демократизацией норм русского литературного языка. Здесь лежит характернейшая особенность русской устно-речевой традиции: именно гармоническое соответствие всех "стихий" русского языка – книжно-славянского наследия и живой народной речи – в устных формах литературного языка сделало его притягательным для всех образованных русских людей и вытолкнуло "однотонное" просторечие за пределы литературных норм. Городское просторечие в современном понимании этого слова возникло в середине XIX в. и окончательно "уложилось" к началу XX в.

Устная речь Москвы начала XX в. включала в себя две струи – а) литературно-нормированные формы устного общения и б) фамильярно-бытовые просторечные формы.

II

На наших глазах, на протяжении жизни всего лишь одного поколения людей, происходит изменение жизни города: так, Москва с населением в 2 млн. чел. начала века превращается в современный супергород с населением в 10 млн. чел. Существенно изменяется социальный и образовательный статус жителей города, меняется демографическая картина. Столица уже давно не живет за счет "внутренних" ресурсов развития, она втягивает в свою орбиту население разных краев и областей нашей страны.

Еще в начале XX в. московское просторечие питалось соками окружавших Москву диалектов. Важное наблюдение находим в книге Вл. Гиляровского "Москва и москвичи": "Москвичи ... – не только те, которые родились в Москве, а и те, которых дают Москве области. Так, Ярославская давала Москве половых, Владимирская – плотников, Калужская – булочников. Банщиков давали три губернии, но в каждой – по одному-двум уездам, и не подряд, а гнездами. Испокон веку Москву насыщали банщиками уезды: Зарайский (Рязанский), Тульский – Каширский и Веневский. Так из поколения в поколение шли в Москву мужчины и женщины"[6] (см. также лекцию С.С. Высотского в настоящем сборнике).

Уже с 20-х годов XX в. резко меняется социальный состав жителей Москвы. Городское московское просторечие теряет свои привычные корни, разрушаются и внутрисемейные языковые традиции. Образованные "дети" не повторяют просторечия "отцов", у них появляются новые авторитеты и образцы для подражания. Если раньше просторечие было живо "семейными преданиями", то теперь школа, радио, телевидение оттесняют его на задний план в хоре "голосов города".

Современное просторечие – это язык необразованных слоев города, а значит, – прежде всего язык старшего поколения. Старое московское просторечие уходит из жизни вместе с его носителями, на наших глазах оно становится реликтовым явлением языка. Но одновременно возникает новое городское просторечие – феномен, еще совершенно не изученный лингвистами именно из-за своей новизны.

---

[5] *Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального литературного языка. – ВЯ, 1956, № 1, с. 20–23.

[6] *Гиляровский В.Г.* Москва и москвичи. В 4-х т. М., 1968, т. 4, с. 297.

III

Современный город — это не единый организм. Его характеризует нестабильность жизни и прежде всего нестабильность населения. Одна из характерных демографических черт века — миграция населения. Огромный котел города с трудом перемешивает и перемалывает разные традиции словоупотребления, разное отношение к традиционным формам устного общения. Сейчас в устной речи все большее значение приобретают профессионализмы, жаргоны, арго — с одной стороны, и, с другой — укрепляется литературная разговорная речь. Разговорно-просторечная стихия становится конгломератом, включающим общеупотребительные диалектизмы, украинизмы, профессиональные жаргоны, молодежное арго, "мещанизмы" и некоторые наиболее устойчивые формы старого просторечия.

IV

Особого внимания заслуживает вопрос о локальности просторечия. Априори можно сказать, что современное столичное просторечие должно отличаться от городского просторечия небольших русских городов, — таких, например, как Кострома или Калуга. В небольших городах население, как правило, более стабильно, там сильнее традиции языкового словоупотребления, "преданья старины глубокой". Кроме того, не прерываются связи города с окружающими его диалектами.

V

Каковы же определяющие особенности современного городского просторечия?

1. Прежде всего просторечие характеризует ненормированность речи, полное отсутствие кодификации на всех уровнях языка. В литературном языке бывают и трехступенчатые нормы (М.В. Панов): — "рекомендуется", "допускается", "запрещено". Но при этом нет и не может быть безразличного равенства вариантов. В просторечии все варианты равнозначны и однофункциональны.

(Ср.: *Кажный дянь дождь*; *Кто это полóжил газету здесь? — Маруська нижняя* (= с 1-го этажа); *Яблок кислый? — Маленько не поняла, давеча бабы спробовали*).

2. Если литературный язык характеризуется сложной стилистической организацией и дифференциацией средств, то просторечие представляет собой в этом отношении недифференцированное языковое явление.

3. Для просторечия характерна факультативность употребления, необязательность его для членов данного социума.

4. Просторечие бесписьменно. Книжный эквивалент просторечия — безграмотное письмо человека, не знакомого с эпистолярными жанрами литературного языка. Однако здесь мы не может говорить о каком-то новом виде просторечия, так как на письме не появляются ни новые синтаксические конструкции, ни специфические формы речи, неизвестные устной традиции.

5. Если для литературного языка характерно функциональное разнообразие единиц[7], то просторечие отличается функциональной "монотонностью". Здесь распространены полные синонимы (и лексические, и грамматические). Дублетность языковых единиц — один из признаков диалекта, и в этом городское просторечие смыкается с говорами.

---

[7] *Панов М.В.* О литературном языке. — Русский язык в национальной школе, 1972, № 1, с. 9—19.

Отражение фактов современного просторечия в словарях выглядит очень противоречивым. В основе этого противоречия лежит неоднородность самой природы этой языковой категории[8].

Замечено, что в основе большинства определений просторечия в современных словарях лежит представление о ее экспрессивном характере. Лексическое просторечие рассматривается как совокупность языковых элементов, "имеющих экспрессивную окраску грубости"[9], как непринужденные и несколько грубоватые слова и формы языка (Ю.С. Сорокин). В словарях отмечаются как просторечные следующие слова: *брюхо, пузо, дрейфить, балбес, обалдуй, трепач, хапуга, брехать, околпачить, налимониться, садануть, укокошить, звездануть, нализаться, лаяться, втюриться, улепетывать, барахлить, обалдеть, лапать, спереть* и т.п.

Наиболее существенный признак, свойственный словам всей этой группы, — пейоративность. Характерно, что составители всех современных русских словарей не удовлетворяются одной пометой "прост." и комбинируют сложные пометы, оперируя понятиями "вульгарное", "областное", "бранное", "неодобрительное", "презрительное". Эти варианты помет подчеркивают экспрессивный характер слова и закрепляют в толковании сниженную "тональность" слова и оценочный характер его значения (по отношению к помете "просторечное" это часто является тавтологией). Не надо повторять, что варьирование этих экспрессивно-оценочных помет в словарях весьма субъективно.

Отметим некоторые характерные черты современного московского просторечия[10].

У д а р е н и е. 1. Перенос ударения в книжных словах на другой слог: *при́говор, мага́зин, по́ртфель, доку́мент, кило́метр, санти́метр, шо́фер, фору́м* (название кинотеатра) и т.п. 2. Сохранение вышедших из употребления архаических ударений: *злоба́, уменьши́ть, деятельный.* 3. В категории причастий прош. вр. страдательного залога ударение последовательно переносится с флексии на основу: *принесе́но, приве́дено, привезено, свезено.* 4. В формах глаголов прош. вр. женского и среднего рода ед. ч. и во множ. ч. ударение также перемещается на основу: *гнала́, отдала́.* 5. Сохранение диалектного ударения: *случа́й, мо́лодежь.*

М о р ф о л о г и ч е с к и е о с о б е н н о с т и. 1. Неограниченное распространение категории им. пад. множ. числа существительных муж. рода на *-а* (*шофера, слесаря* и под.). 2. Смешение типов склонений, которое создает несоответствие литературному языку в формах отдельных падежей: *блюдечков* (род. пад. мн. ч.), *местов, делов.* 3. Замена возвратных форм глагола невозвратными (особенно часто в причастиях): *загоревший дом, не дождавший, сидел задумавши.* 4. Формы причастий страдательного залога на *-тый* (литературное *-нный*): *вырватый, порватый.* 5. Формы императива: *едь! едьте! ехай! ехайте!* 6. Смешение классов глаголов: *махать — махаю — махают.*

---

[8] См. об этом: *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, с. 14, 63; *Митрофанов Г.Ф.* К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке. — Труды Томского гос. ун-та, 1960, т. 138; *Рахманова Л.И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. — В кн.: Вопросы стилистики, М., 1966; *Скляревская Г.Н.* О соотношении лексикографических понятий "разговорное" и "просторечное". Автореф. канд. дисс. Л., 1973; *Виноградов С.И.* Просторечие как категория нормативной оценки лексики в "Толковом словаре русского языка" Д.Н. Ушакова. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[9] *Гвоздев А.Н.* Указ. соч., с. 14. См. об этом: *Виноградов С.И.* Указ. соч., с. 239.

[10] См. об этом: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Учпедгиз, М., 1938, с. 437.

Синтаксические особенности. 1. Своеобразие в управлении глаголов — с предлогами и без предлогов: *беспокоиться про кого-нибудь, радоваться о чем-нибудь.* 2. Широкая сфера употребления отдельных значений предлогов: *через* 'по причине', 'из-за': *через него в кино опоздавши*[11].

Лексико-фразеологические особенности. На этом уровне языка отличия просторечия от литературного языка наиболее разительны. Каждая социальная группа несла в просторечие свой словарь (диалект, профессиональное арго, жаргон). Современный просторечный лексикон вобрал в себя элементы разнообразных "низовых языков", а многие языковые пласты, бывшие прежде локально ограниченными, вошли в общее употребление после революции, особенно активно шел этот процесс в 20-х годах.

Литературному языку свойственна широкая дифференциация средств выражения и жанровое многообразие речи. Жанрово разнообразна и разговорная речь. Просторечие же монотонно и не знает жанровых подразделений. Здесь нет никаких стилистических градаций и оценок. Таким образом, употребление терминов "разностильные элементы", "чужеродные вкрапления", "чужестильное" — теряет по отношению к просторечию свое лингвистическое содержание. Носитель просторечия никогда не задумывается о норме речи, уместности и сообразности своего словоупотребления, и именно поэтому, как кажется, усилия нормализаторов речи не находят здесь отклика. Эти представления противоречат взгляду на просторечие как нарочито небрежную и "фривольную" речь[12].

Особого внимания заслуживает вопрос о живучих чертах просторечия, о доли просторечия в речи людей образованных. Это могут быть отдельные явления из области морфологии, морфонологии, синтаксиса, ударения, фонетики. Врач говорит: — Надо его *ло́жить* в больницу. Инженер: *Шо́фера* у меня нет...

Чаще всего мы сталкиваемся в подобных случаях с нарушениями литературных произносительных норм. Эти и подобные явления следует интерпретировать как случаи неполного овладения нормами кодифицированного языка, — таким образом, это область деятельности специалистов по культуре речи.

Просторечие и разговорная речь. Просторечие противостоит не только литературному языку в целом, но и разговорной речи как сфере непринужденного общения литературно говорящих людей. Как известно исследователи РР при определении объекта своего изучения опираются на экстралингвистические характеристики этой речи (неподготовленность, непринужденность речи носителей литературного языка при установке на неофициальность общения). Если взять соответствующие критерии для определения просторечия, то отличие последней от РР будет лишь в составе носителей: просторечие — это неподготовленная, непринужденная речь лиц, не владеющих литературным языком. Часто говорят и пишут о взаимопроникновении этих двух сфер речи в современном русском языке, об активном их взаимодействии. По-видимому, такие утверждения слишком

---

[11] Характерно замечание В.В. Виноградова о том, что многие черты современного просторечия приводятся в словарях неправильностей с половины XIX в. в одних и тех же списках (К. Зеленецкий, В. Долопчев) (Там же, с. 440).

[12] *Орлов Г.А.* К проблеме границ обиходно-бытовой и современной литературной разговорной речи. — ВЯ, 1981, № 5, с. 125. — Ср. многочисленные примеры "нарочито небрежной" речи в работе Т.Г. Винокур, где говорится, в частности, о пропорциях "литературного" и "нелитературного" в языке современной прозы, см: *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., Наука, 1972, с. 12—100.

категоричны. Просторечие так или иначе может проникать в РР (обычно через жаргоны), но между двумя этими сферами речи лежит пропасть. Чересчур велики отличия — лексико-семантические, морфологические, суперсегментные — чтобы можно было ставить вопрос о "взаимопроникновении".

Просторечие и язык художественной литературы — это круг вопросов, который связан с использованием просторечия как стилистического средства литературного языка[13]. В современном употреблении "в качестве стилистически значимых языковых единиц ... выступают элементы просторечия, социально-профессиональных диалектов и жаргонов" (Т.Г. Винокур)[14]. Справедливо указывается, что "просторечная обиходность" в последние годы широко представлена на газетной полосе, в публицистической речи (что было невозможно в XIX в.). В отличие от нейтрального употребления нелитературно говорящих, просторечные элементы в сфере литературной речи используются в экспрессивных целях. Характерологическая же роль просторечных элементов в художественной литературе — это традиционный и уже освященный веками литературный прием. Ср. в современной прозе: — Маруська нижняя давесь на машине постирала — мы обхохотались. Все вместе склала, и давай крутить. А что вышло? Псивое белье и псивое (И. Грекова, Летом в городе, 1966).

Напомним о роли просторечия в создании современной сказовой речи, непревзойденным мастером которой был Мих. Зощенко. Таким образом, для художественной литературы внелитературный материал — всегда некоторое отступление от норм, вызванное к жизни соответствующей эстетической и характерологической задачей, и без определенной и достаточно убедительной мотивировки просторечию нет входа в книжную речь.

* * *

В заключение поставим вопрос о системности современного просторечия. Как кажется, приведенные выше характеристики современного просторечия (см. также статью "Современная просторечная лексика" в настоящем сборнике) ведут к необходимому выводу: современное просторечие не представляет собой единой системы[15]. Это речь, противопоставленная как говорам, так и литературной разговорной речи[16], но противопоставленная им не как система единиц, а как некий общественно-исторический феномен с весьма невысокой степенью структурной организованности. Три сферы современной устной речи — диалект, просторечие, литературная разговорная речь — различны между собой прежде всего по составу носителей языка. Элементы языка, маркированные как просторечные, не составляют полных парадигм ни на одном из уровней языка.

Современное городское просторечие — явление неоднородное. В последнее время происходит "смена вех" в русском просторечии: изменяется социальный состав его носителей, изменяется и лингвистическая "материя", сам набор языковых единиц, составляющих просторечный слой современного городского разговорно-обиходного языка. Если в XIX — начале XX вв.

---

[13] См. об этом: *Петрищева Е.Ф.* Внелитературная лексика в современной художественной прозе. — В кн.: Стилистика художественной литературы М., Наука, 1982.

[14] *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., Наука, 1980, с. 25.

[15] См. об этом также в ст. Е.А. Земской и М.В. Китайгородской, публикуемой в настоящем сборнике.

[16] См.: *Баранникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка. — В кн.: Язык и общество. Саратов, 1974, с. 4—21.

городское просторечие формировали диалектное словоупотребление и городское койне, то к 60-м годам нашего века такими языковыми доминантами становятся жаргоны и "мещанизмы" разного рода. Различие этих двух просторечных стихий очевидно. Плюрализм самого объекта исследования усложняет работу лингвиста, однако исследования последнего десятилетия не оставляют сомнений в том, что современное городское просторечие будет записано и изучено.

В.Д. ДЕВКИН

О ВИДАХ НЕЛИТЕРАТУРНОСТИ РЕЧИ

Литературность — понятие, которое соответствует культурному языковому стандарту, пользующемуся престижем[1]. Это эталонность, образцовость языка[2]. Ей противостоит нелитературность как нарушение правильности языка с точки зрения образованного человека[3]. Чистота языка не менее важна, чем охрана окружающей среды, забота об исторических памятниках, уважение к национальному достоинству и внимание к прошлому народа как часть политики, регулирующей духовную жизнь общества[4].

---

[1] В последнее время в зарубежной лингвистике все чаще стал употребляться для литературного языка термин "стандартный язык" (*Garvin P.* The standard language problem — concepts and methods. — In.: *Hymes D.* (ed.) Language in culture and society. New York, 1964; *Glinz H.* Deutche Standardsprache der Gegenwart. — In.: Lexikon der germanistischen Linguistik. Tübingen, 1973; Dictionnaire de linguistique par Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi Cnr. et J.—B., Mével J.-P. Paris, 1973; *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод. — ВЯ, 1967, № 1). О понятии Standardsprache З. Егер сказал, что оно немногим лучше прежнего Hochsprache (Lexikon der germanistischen Linguistik. Hrsg. Althaus P., Henne H., Wiegand H. 2. Aufl. Tübingen, 1980, S. 375). Для русского языка название "стандартный язык" неприемлемо по разным причинам, одной из которых служит семантика данного прилагательного, выражающего "шаблонность, штамп, нетворческое начало". Подобная негативность несовместима с той передовой ролью в обществе, которую призван играть литературный язык.

[2] Полезно вспомнить, что говорил о литературности 60 лет назад А.М. Пешковский: "Существование языкового идеала у говорящих — вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере с о з д а ю щ а я самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования. С точки зрения естественного процесса речи, с точки зрения, так сказать, физиологии и биологии языка, эта черта совершенно неестественна. Если сравнить речь с другими привычными процессами нашего организма, например с ходьбой или дыханием, то "говорение" интеллигента будет также отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта-то неестественность и оказывается как раз условием существования литературного наречия" (*Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык. — В кн.: *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, с. 236).

[3] То и дело возникающие протесты в писательской среде против якобы насильственного сковывания свободы действия языка за счет установления его литературности и нелитературности, разумеется, не могут быть приняты ни в языкознании, ни в практическом преподавании. В этой связи показателен "анархистский" взгляд А. Югова, полагающего, что "весь язык литературен": то, что не успело стать нормой, когда-то будет ею (ср.: *Югов А.* Думы о русском слове. М., 1972). В том-то и дело, что норма избирательна и невозможна без отбора, без фильтрования.

[4] *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1980; *Розенталь Д.Э.* Культура речи. 3-е изд. М., 1964; *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

Чтобы активно воздействовать на соблюдение языковой культуры, следовало бы уточнить некоторые положения лингвистической теории и прежде всего отношение к отдельным сторонам естественной живой речи. Здесь отсутствует единство взглядов и предстоит немалая работа по выяснению многих связанных с этим вопросов. Достаточно ознакомиться с языковедческой литературой в данной области, чтобы увидеть, насколько различно в нормативно-стилистическом плане расцениваются одинаковые факты языка. Еще большее разнообразие наблюдается среди неспециалистов, далеких от языкознания самих носителей языка. Однако было бы непростительной крайностью переоценивать эту пестроту при квалификации регистровой отнесенности языкового материала. Все же есть нечто среднее, устоявшееся, что закреплено в узусе и нормативной традиции и доступно фиксации и описанию.

Условно объединяемое понятием нелитературности представлено несколькими разновидностями, из которых особо выделяются следующие пять. Во-первых, это территориальные диалекты, носителями которых является деревенское население преимущественно старшего поколения. Диалект оказывается таким образом и особым социолектом, связанным с определенной социальной средой и соответствующим уровнем образования. При современном всеобуче, возросшей роли школы и средств массовой коммуникации (радио, телевидение, кино) диалектные черты сильно потеснены литературным языком и все заметнее сдают свои позиции[5].

Вторым видом нелитературного языка следует считать речь малообразованных, недостаточно грамотных людей, которым по тем или иным причинам не удалось в должной мере овладеть нормами литературного языка. Это горожане — выходцы из сельской местности.

Третьей разновидностью нелитературности можно считать нарушение "этических конвенций", происходящее как по незнанию их, так и намеренно, с определенными установками.

Четвертый вид проявления нелитературности встречается в качестве вкраплений всевозможных отступлений от строго кодифицированной литературной нормы в речи, которую в целом следует без колебаний квалифицировать как вполне литературную.

В той или иной форме нелитературность упомянутых четырех типов в лингвистической литературе затрагивалась и описывалась. Представляется целесообразным причислить к нелитературным явлениям также и пятый случай, когда в речи происходит неоправданное, противоречащее правилам культурного языка различное "завышение", употребление средств официально-торжественного стиля, редких терминов, нарушение правил единообразия и однородности текста. Это встречается у лиц, не в полной мере чувствующих тонкости стилистических требований и не владеющих разговорными нормами, несмотря на достаточность общего культурного уровня.

Понятие нелитературности связывается с характеристикой как целостного текста речи, так и его отдельных особо маркированных средств. Чтобы считать чью-то речь нелитературной, исходят не столько из удельного веса использованных явлений, отмеченных как нарушения культивированного языка, сколько из качества и характера отступлений от

---

[5] См.: Русская диалектология. Ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова. М., Наука, 1964; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., Наука, 1968.

литературной нормы[6]. Названные виды нелитературности прослеживаются на предлагаемом далее материале. Нелитературность обнаруживается на всех уровнях.

Малограмотная речь не состоит сплошь из неправильностей[7]. Ее основу составляет общенародный язык с его грамматическим строем и основным словарем. Правильное, совпадающее с литературным явно преобладает, хотя на всех уровнях имеется немалое количество вариантов, отличающихся от литературных[8]. Нелитературное в языке необразованных обычно преимущественно диалектного происхождения[9].

В фонетике это особая мелодика, свои ударения, свое чередование звуков, свои редукции и звуковые вставки, гиперкорректные формы. Например: *свекла́, искра́, жгёт, стюдень, тута, тама, куды, суды, сгинать, кажный, бисиком, слободно, бухвет, страм.* Многие звуковые варианты оказываются не чисто фонетическими, а фоно-морфологическими: *улыбиться, не пущають, уплочено,* он *пекёт, посо́дит, хошь, крыжечка, крантик, он могёт, они хочуть, куда котисся?, я напужалася.* Для придания нелитературной окраски бывает достаточно какой-либо характерной черты произношения, например оканья, яканья, фрикативного *г.*

Местоимения, употребительные наречия, служебные слова в неграмотной речи имеют свою специфику (*ихний, евонный, тутошний, здеся, тамотки, опосля, али, кабы, окромя*)[10]. Нелитературные расхождения с литературной нормой в морфологии очень значительны и затрагивают все основные категории большинства частей речи: род существительных (женский р. *мясо, молоко, тигра;* мужской р. *яблок, полотенец*), формы падежа (*на гвоздю, в дому, у корове, курей, делов, шевелить рукам, ногам, у Зое Васильевной, с ручкими*), формы числа (*цыпляты, теленки, офицера́, клапана́, выбора́*), степени сравнения (*хужее, красивше*), спряжение (*голодую, ездию, брехает, ходють, лягем, хочете*), особенно характерно неразличение пассивного и активного значения и выражающей его формы (*моющая сумка, вьющие волосы, учащие* вместо *учащиеся, млекопитающиеся*) и неправильные повелительные формы (*бежи, не боись, подь, ляжь, седай, не трожь*), причастия (*между нами все порвато, мы уже пужатые*), инфинитивы (*снесть, привесть, рость, иттить, бечь*)[11].

Ошибки неграмотных возникают при несоблюдении многочисленных правил узуса, отклоняющихся от типовых явлений разных уровней литературного языка: при выравнивании парадигм, при заполнении лакун.

---

[6] С иных идеологических позиций рассматривается речь малообразованных в таких работах, как: *Badura* B. Sprachbarrieren. Zur Soziologie der Kommunikation. Stuttgart, Bad Cannstatt, 1971; *Bausinger H.* Deutsch für Deutsche. Dialekte, Sprachbarrieren, Sondersprachen. Frankfurt/M., 1979; *Bernstein B.* Studien zur sprachlichen Sozialisation. Düsseldorf, 1972.

[7] *Скребнев Ю.М.* К вопросу об "ортологии". — 1961, № 1.

[8] Подробно просторечные явления в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, в заимствованных словах разбираются в соответствующих статьях этого сборника.

[9] См.: *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979; *Оссовецкий И.А.* Исследования в области лексикологии русских народных говоров. Докт. дисс. М., 1971.

[10] *Рогожникова Р.П.* Варианты служебных слов в современном русском языке. — В кн.: Литературная норма и вариантность. М., Наука, 1981.

[11] См.: *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978; *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980; *Она же.* Разговорные и просторечные формы в грамматике. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., Наука, 1977.

Неправильные нелитературные формы бывают разной степени контрастности. Одни из них ярки и сразу выдают низкий уровень культуры. Это в первую очередь морфология (*скидавай, на боке, побегем, ложи, у мене, ездию*) и лексика, связанная с понятиями, которые сравнительно редко встречаются в официальном языке и которые соответственно не приходится встречать в написанном виде за пределами беллетристики (*ты моесся, сымай, покеда, до завтрего*). Другие неправильности "невиннее" и просачиваются даже в речь владеющих литературной нормой. Они не всегда и не каждому режут слух: *одеть пальто, сколько время?; кухо́нный, ходата́йствовать, хозяева́, езжай,* родит. пад. мн. ч. *чулков, носок; он зво́нит, я по́няла.* Но культурный человек (без особого задания воспроизведения чужих слов) никогда не употребит: *ндравится, кажный, много кин, они сплять, ономнясь* и т. п.

Печать неграмотности в лексике лежит на словах одинакового с литературным языком корневого состава, представляющих собой, однако, своеобразные дубли — словообразовательные и фонетические варианты: *папка* (*папа*), *мамка* (*мама*), *поздоровкаться* (*поздороваться*), *до свиданьица* (*до свиданья*), *спасибочки* (*спасибо*), *склизко* (*скользко*), *нонешний* (*нынешний*), *вострый* (*острый*), *тверёзый* (*трезвый*), *сызнова* (*снова*), *завидки* (*зависть*), *вертаться* (*возвращаться*), *он татар, а не армян* (*татарин, а не армянин*), *пущать* (*пускать*), *здря* (*зря*), *заместо* (*вместо*), *задарма* (*даром*).

Среди "неграмотных слов" немало омонимов нейтральным: *обратно* (*снова, опять*), *приказывать* (*велеть*), *наказывать* (*просить*); *признать* (*узнать*), *через* (*из-за*), *больно* (*очень*), *схоронить* (*спрятать*).

Встречаются словоупотребления, отличающиеся от литературных некоторым смещением денотативной отнесенности типа: *булка* (любой вид белого хлеба)[12], *больница* (поликлиника), *отбить* (послать) *телеграмму, мясо* (говядина в противопоставлении свинине, баранине и др.), *железный* (металлический), *сахар* (только кусковой, а не песок), *квадратный* (даже о сильно вытянутой прямоугольной форме), *позвонок* (позвоночник), *электричка* в метро (вместо *поезда*). Среди них немало индивидуальных явлений, не нарушающих понимания благодаря прозрачности ситуативно обусловленной внутренней формы: *обоюдный* (обходительный) *человек, скоропостижные* (вёрткие) *рыбки.*

В речи необразованных нередко отсутствуют принятые в литературном языке эвфемизмы для названий понятий, считающихся неэстетичными, грубыми, неприличными.

Типично для некультурной речи применение сильно сниженных ярко экспрессивных (с позиций литературной нормы) слов без особой функциональной и эстетической оправданности: *дохать* (кашлять), *кокнуть* (разбить), *чесать* (идти). *брехать* (врать), *городить* (говорить ерунду), *перекобылить* (переменить), *ржать* (смеяться), *лаяться* (ругаться), *чокнутый* (сумасшедший), *попухнуть* (попасться, пострадать на чем-то). Одно и то же лексическое явление в официальной обстановке может быть экспрессивным, а в простой бытовой беседе не выделяться никакой выразительностью[13]. "Неграмотная" лексика содержит некоторый фонд слов, по форме непосредственно не соотнесенных с нейтральными (соотнесенность может быть затемнена): *пацан* (мальчик), *трошки* (немного), *сидор*

---

[12] Не ощущаемое ленинградцами в отличие от москвичей как просторечное.

[13] *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка. — ВЯ, 1973, № 2, с. 9.

(вещевой мешок), *дрын* (палка), *кореш* (приятель), *небось* (вероятно), *намедни* (недавно), *шибко* (сильно).

Многие иностранные заимствования ассимилируются в речи необразованных людей, получающих данную лексику главным образом устно, отличающимся от литературного языка образом[14]. Это в первую очередь фонетические о.клонения с заменой звуков, с изменением ударения: *струмент, капитализьм, пóртфель, колидор, дилектор, фатера, ложия, константировать, гардероп, битон, паска, шóфер;* с уничтожением йотации: *раион, троллебус, Нью-Орк.* Грамматические и семантические модификации заимствованных единиц также нередки: *фамилие, на бюллетне, на метрé, моя тюль, у табла.* Типичны паронимические преобразования[15] (народная этимология): *крылос* (клирос), *штрафовка* (страховой сбор), *полувер* (пуловер), *Авдеевы* (авгиевы) *конюшни, ни грамма* (ни грана), *бурдовый* (бордовый).

Нелитературна, разумеется, и нецензурная (табуированная) лексика. Ее применение сильно зависит от социальной среды и действующих в ней правил, норм и традиций.

Лексику крестьянского быта (*слега, прясло, чело, недоуздок, чересседельник* и т. п.) или ремесла по причине номенклатурности ее характера не следует включать в просторечные средства.

Синтаксис малограмотной речи отличается еще большей "лоскутностью", рыхлостью, чем в литературной разговорной речи, еще бóльшим количеством обрывов, вставок, подхватов, иным управлением и согласованием (*Очень вами благодарна; Директор ушли; Вы болен; Это от Елены Алексеевной; у папе, у маме был я; Не скучай за мной!; Он на нас игнорирует; Это вам касается!*).

В русистике неграмотную речь часто называют просторечием[16]. Термин этот не безупречен прежде всего из-за многозначности. Известно, как нежелательна полисемия специальных слов в одной и той же области. Кроме упомянутого значения, просторечие еще понимают как речь сниженную, грубую. Если неграмотная речь существует как единственная имеющаяся в распоряжении малокультурных людей возможность языкового общения, то вульгарная речь — плод свободного выбора, производимого любым членом языкового коллектива, независимо от уровня образования[17]. И, наконец, третье значение термина просторечие — это обиходная разговорная речь, в основном не нарушающая литературности. Последнее толкование применяется главным образом к прошлым эпохам развития русского языка[18].

Несмотря на то, что усилиями многих лингвистов противоречивость и нечеткость термина "просторечие" фактически достаточно убедительно доказана, вывода из этого не сделано — он продолжает сохраняться, ви-

---

[14] Подробнее об этом в статье А.Ф. Журавлева данного сборника.

[15] См.: *Девкин В.Д.* Возникновение слов и фразеологизмов на базе частичного звукового подобия. — В кн.: Вопросы лексикологии немецкого и французского языков. М., 1980.

[16] Иногда различается внелитературное и литературное просторечие, см.: *Филин Ф.П.* Просторечие. [Статья в энциклопедии] "Русский язык", М., 1979; Литературная норма и просторечие. М., Наука, 1977.

[17] О различии неосознанной, "наивной" грубости речи и ее намеренной вульгаризации см.: *Девкин В.Д.* Этическая и персонологическая характеристики разговорной речи. — В кн.: Вопросы строя немецкой речи. Владимир, 1973.

[18] См.: *Князькова Г.П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974; *Марканова Ф.А.* Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И.С. Тургенева Ташкент, 1968.

димо, в силу традиции[19]. Было бы разумно закрепить за ним первое значение, однако просто зачеркнуть второе и третье невозможно. Именно это и приводит к большим осложнениям, особенно для иностранцев, изучающих русский язык и не имеющих в своей лингвистике равноценного термина.

Просторечие — проблема социолингвистическая, а в социолингвистике действует, как правило, многомерный подход с учетом личностной и социальной характеристики собеседников, их установок, намерений, общего опыта, предыстории и условий протекания разговора. Совершенно одинаковые по составу высказывания могут восприниматься по-разному в зависимости, например, от того, говорит ли образованный или малограмотный, взрослый или ребенок. Стилистическая сниженность в словах иностранца, например, заметнее, эффектнее, чем у говорящего на родном языке. Окраска создается не одними собственно языковыми средствами, а комплексом факторов, в том числе и экстралингвистических. Считать ли высказывание просторечным, определяет не столько удельный вес просторечных элементов, сколько личность говорящего, его возможность выбирать из разных кодов, его собственное отношение к избранным средствам выражения. Необразованный человек не замечает своей неграмотности. Доступные ему языковые средства (особенно в грамматике) применяются потому, что он не располагает иными возможностями, тогда как культурный человек сознательно решает, как ему лучше выразиться. Есть синонимия и у носителя просторечия, только она заметно ограничена, по крайней мере рамками узуса его среды.

Обычно выделяют просторечие городов, крупных центров[20]. В отличие от диалекта, единого для определенной территории, просторечие большого современного города пестро. Оно складывается из разных диалектных заимствований. Одни выходцы привносят в язык что-то из своей области, другие — из своей. Поэтому невозможна единая грамматика просторечия, возникает некоторый "винегрет" из разных диалектных особенностей.

Просторечие (в суженном смысле как малограмотная речь) — явление уходящее. С ростом культуры оно должно сойти на нет. Пока же оно

---

[19] Не случайно нет понятия "просторечие", например, в германистике и романистике. Симптоматичны поиски его эквивалентов при переводе, например, на немецкий язык как: *Volkssprache* (*Böhme U.* Wort und Wortschatz. Studie zu Fragen der allgemeinen Lexikologie am Material des Russischen. — In: Linguistische Studien. Leipzig, 1979, S. 137), *lässige Umgangssprache* (Die russische Sprache der Gegenwart, Bd. 4 — Lexikologie. Verfaßt von einem Autorenkollektiv u.L. v. Wilske L. Leipzig, 1978, S. 122), *niedere Umgangssprache* (Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd 1— Existenzformen, Funktionen und Geschichte der Sprache. Von einem Autorenkollektiv u. L. v. Serebrennikow B.A. Berlin, 1973, S. 408), *Substandartismen* (*Fleischmann E.* Übersetzung lexikalischer Substandartismen. — In: Beiheft III/IV z. Zeitschrift "Fremdsprachen". Leipzig, 1971).

[20] Параллельно с просторечием существует понятие койне как основной формы обиходно-бытовой речи необразованной, не владеющей литературными нормами части городского населения (см. об этом: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. Раздел "Литературный язык" — автор М.М. Гухман). Круг его носителей сужается, "причем это сужение имеет отчетливо выраженную социальную окраску... Сужение социальной базы общего койне, превращение его в обиходно-бытовую речь низов, во-первых, в значительной степени лишает койне свойственной ему ранее престижности (известная престижность остается лишь по отношению к диалектной речи, как противопоставление городской речи сельской), во-вторых, делает общее койне социально-ограниченным типом речи" (*Баранникова Л.Г.* К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне — В кн: Типы наддиалектных форм языка. М., 1981, с. 118).

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

живо, хотя все больше уступает свои позиции литературной норме. Даже в речи одного и того же лица (представителя просторечия) встречается то правильная, то неправильная форма (*два пальта́/пальто, мой яблок/мое яблоко, пять этажов/этажей*). Несмотря на укоренившиеся автоматизмы речи, многие малообразованные люди доучиваются на ходу, сами поправляют себя, ориентируясь на окружение. Правда, это не всем удается.

Речь интеллигентного человека в идеале должна была бы быть совершенно свободна от просторечных элементов. Однако не является исключением то, что они в ней все же встречаются. Это вызывается разными причинами. В одних случаях своеобразным маскарадом, когда говорящий сознательно переключается на чужой социолект, заимствуя, цитируя не свойственные его обычной речи черты с целью подчеркивания, иронизации, подтрунивания, паясничанья, шутовства, или передразнивания дистанцированности, непричастности к воспроизводимым образцам остраненной, очужденной речи, для создания речевого портрета. У образованного человека богаче регистры и переключение с одного на другой происходит свободнее, чем у того, кто обладая невысокой речевой культурой, может многие сниженные явления применять наивно, безотчетно, не придавая им функциональной нагрузки[21]. Например, подшучивающий над влюбленным внуком-девятиклассником старый инженер говорит: *Небось на свиданку, к залетке? Милка с глазками заждалася.* Руководитель аспиранту: *Это непонятно изложено, трудящие вас не поймут;* Корректор коллеге: *Ну посмотрела я этот отдыхающий фильм. Никак не отплююсь.* В других случаях, очень редких, все же возможны функционально не обусловленные нелитературные элементы в литературной речи. Один скажет *жамки* (пряники), другой — *насупротив* (напротив), третий — *напрочь*, четвертый — *гомозиться* (возиться, суетиться) и т. п. От этих единичных вкраплений речь не становится просторечной. Иногда цитация образцов неграмотной речи связана с фразеологизированными построениями, крылатыми выражениями: *кина не будет; кажинный раз на том же самом месте; ни туды и ни суды; не пимши не емши; опять поддамши; знает собака, чью мясу съела; не хотится, как хотится, я один могу пройтиться.*

Нелитературна вульгарная речь, показатели которой — гробианизмы, вульгаризмы, жаргонизмы. Назначение их разнообразно и употребление в самых различных условиях разными по социальной принадлежности, уровню образования, духовному складу, отношению к речевой эстетике людьми преследует многие цели. Например, считают, что молодежь жаргонизмами выражает своеобразный протест обычному наскучившему, вечно одинаковому языку. Небольшая иллюстрация: Одна студентка другой: *Ну, мать,ты даешь!; За гроб автомат, по зарубежке пять; Я третий день шевелю лексикологию и не секу* (= Ну, дорогая, ты меня восхищаешь! За гражданскую оборону получила зачет автоматически, по зарубежной литературе пятерку; Я третий день готовлю лексикологию и пока в ней не разбираюсь). Спортсмен: *Соловей его сделает* (= Соловьев

---

[21] Не только в книжной, но и в разговорной речи интеллигенцию отличает умение вживаться в любой языковой "образ", раствориться в нем, приспосабливать его к выразительным задачам речевого общения, т. е. делать "чужое" "своим", а значит, относиться к разным типам своей речевой деятельности "рефлективно", привнося даже в разговорную речь момент специального отбора, выражающегося в том, что стилистические столкновения используются в интеллигентской речи гораздо чаще с экспрессивным подтекстом, чем прямолинейно" (см.) *Винокур Т.Г.* Функциональная и социальная характеристика стилистических свойств высказывания в современном русском языке. — В кн.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., Наука, 1977, с. 317—318.

его обгонит, победит). Жаргоном называют речь, содержащую жаргонизмы, т. е. он маркируется главным образом лексически. Специфика его остальных уровней едва заметна. Применяют жаргонизмы совершенно сознательно, отдавая себе отчет в синонимичности с нейтральным, в то время как необразованный человек нередко применяет сниженную лексику как единственное средство выражения нужного содержания.

Отступает от литературности речь маленьких детей, не владеющих языком, а также речь представителей других национальностей, иностранцев. В их ломаной речи не исключены и бесконтрольно подхваченные просторечные элементы, и узуальные речевые погрешности, однако она противостоит нормированному языку по иным показателям, чем некультурная речь носителей родного языка.

Литературность связывается не только со строевой (грамматической, лексической, фонетической) правильностью, но и с принятой эстетико-стилистической упорядоченностью высказываний. Уже как нарушение должной чистоты речи следует рассматривать неоправданный повтор одного и того же слова, неумение синонимизировать, неточные словоупотребления, непропорциональное применение отделочных средств (например, "перерасход экспрессем"), злоупотребление иностранными словами, казенно-бюрократическими выражениями, терминами, профессионализмами[22], модными словами, штампами, словами-паразитами, нарушение этических правил (неуместная невежливость, фамильярность, панибратство, неумелая самоподача, нечувствительность к подтексту). Обычно нелитературность отмечается в связи со всевозможным снижением. Есть, однако, все основания рассматривать как несоблюдение литературных норм случаи не вполне оправданных "завышений", когда высокостильное не только не нужно, но ошибочно, когда высокопарность неуместна, когда официальность излишня, когда деланная красивость становится фальшивой[23]. Важничание, щеголяние образованностью, манерность, сюсюканье, расфуфыривание обыденного — все это противоречит (часто не писанным, еще не сформулированным, но уже действующим и исполняемым) правилам простоты и красоты культивированного языка. С этой точки зрения нельзя следующие фразы счесть литературными: *Я лично прибуду на именины вашего кинотеатра с супругой*[24] (Я приду на юбилей вашего кино с женой); *Я яичек не кушаю. После приема пищи отдыхаю, перед сном купаюсь* (в ванне) (Я яиц не ем. После еды сплю, перед сном моюсь).

Почему не считать нелитературным (по причине ненормативности) произношение некоторых иностранных слов в речи небольшой части интеллигенции: *фанэра, пионэр, конкрэтно; кокурс, так* (назализация вместо *-нк-*); суффикса *-ция* как *-циа* вместо *-цыя* и *-цио* как *цьо* и т. п., а также сохранение фонетической близости к оригиналу в случаях реализовавшейся русификации заимствований: *джаз, джем* [dʒ], *интерьёр, шофёр*?[25]

---

[22] См.: *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., Наука, 1968.

[23] *Девкин В.Д.* Языковая манерность как стилистическое явление. — В кн.: Вопросы немецкой филологии. М., 1970.

[24] Пример не лишен нарочитости, поскольку пять стилистических ошибок сразу в одной фразе едва ли реальны.

[25] Ср.: *Поливанов Е.Д.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. — В кн.: Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1978; *Он же.* Фонетика интеллигентского языка. — Там же; *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Оценочные характеристики "соответствующий" и "противоречащий литературной норме" возникают нередко лишь по традиции, без особого логического основания. Так, метонимичное выражение *Вы здесь встаете?* (адресованное к стоящему) считается нелитературным соответствием правильной фразы *Вы здесь выходите?*, тогда как построенная по аналогичному метонимическому переносу *Сели!* (об успевших лишь войти, а не сесть в вагон) признается вполне обычной. Осуждаемое литературной орфоэпической нормой смещение ударения в некоторых сложных словах со вторым компонентом *-метр* на предпоследний гласный (*кило́метр, санти́метр*), связано, как ни странно, с закономерностью, которая обнаруживается при количественном анализе. В словарях регистрируется не менее 110 слов на *-метр*. Из них только 20 имеют (по литературной норме) ударение на последнем слоге. Следовательно, ошибка имеет свое "оправдание" в языковой системе.

Несмотря на активизацию воздействия на язык разных "рычагов культуры", все же он продолжает развиваться стихийно[26]. Никакими усилиями ученых невозможно запретить или приостановить то, что реально получило всеобщее распространение и таким образом стало претендовать на то, чтобы быть принятым в литературную норму. Немало ошибок было ведь узаконено литературной нормой в прошлом: *тарелка, кафель, одинарный, каперсы.*

В литературе неоднократно отмечалась (А.А. Шахматов, Ш. Балли) несправедливость рассмотрения диалекта и простонародной речи как литературной порчи. Из конкурирующих форм победила одна, а могло оказаться иначе. Нормы подвижны, и то, что в настоящее время расценивается как нелитературное, может стать литературным впоследствии. Поэтому понятия "неправильный", "ошибочный" весьма относительны, но тем не менее говорить о неграмотности речи, исходя из современного положения вещей, вполне допустимо. Боязнь привесить ярлык малограмотности тому, что действительно сегодня ощущается как явное несоответствие литературной норме, уже привела к серьезным упущениям в нашей практике борьбы за культуру речи в разных областях и особенно в лексикографии[27]. Если в конкретной теоретической работе можно пояснить, в каком смысле понимается просторечие, то в словаре просторечная принадлежность (особенно в виде пометы) может ввести в заблуждение[28]. Ведь обращающийся к словарю интересуется не в последнюю очередь коннотациями нужного ему слова — кем, в какой среде, с какой целью оно обычно употребляется[29]. Когда, например, в семнадцатитомном академическом словаре

---

[26] Важную роль играют, например, словари правильности речи, борющиеся с распространенными ошибками: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Ред. К.С. Горбачевич. Л., Наука, 1973; Правильность русской речи. Словарь-справочник. Сост. Крысин Л.П. и Скворцов Л.И. 2-е изд. М., 1965; *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

[27] См.: *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка. — ВЯ, 1973, № 2, с. 7.

[28] См.: *Виноградов С.И.* "Просторечие" как категория нормативной оценки лексики в "Толковом словаре русского литературного языка" Д.Н. Ушакова. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., Наука, 1977.

[29] См.: *Рахманова Л.И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. — В кн.: Вопросы стилистики. М., 1966; *Сорокин Ю.С.* Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской (1789—1794 гг).— В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, М.—Л., 1949.

современного русского литературного языка одинаковой пометой *"просторечное"* снабжены, с одной стороны, совершенно очевидно неграмотные формы (*пужать, напрямки, надсмехаться, склизкий*), а с другой стороны, слова, вполне допустимые в интеллигентской речи (*гармошка, головомойка, галдеть, долговязый, доконать, допоздна, деляга, дылда*), со всей остротой становится заметной несуразность объединения данной словарной характеристикой таких свойств, которые должны были бы строго разграничиваться. Всякий нерусский или недостаточно знающий язык остается при наведении подобной справки сбитым с толку.

Для современного русского языка характерен процесс ускорения превращения нелитературного в литературное (или хотя бы в литературно-разговорное) и исчезновения нелитературных слов и форм. Словарные пометы, уточняющие сферу употребления лексических единиц, нередко показывают не столько ограничение их применения в современном языке, сколько их происхождение — источник, откуда они появились[30]. Вышедшее из просторечия может подвергнуться мелиорации (завышению, облагораживанию).

Из высказанных соображений следует, что нарушение литературности имеет многие разновидности, среди которых особенно важно различать некультурную, неграмотную окраску речи людей, не осознающих ее неправильностей, и намеренное сознательное снижение речи, ее экспрессивную вульгаризацию. Нелитературность — понятие градуируемое, и степень и тип ее надо устанавливать в каждом конкретном случае с учетом совокупности необходимых факторов, при неослабном внимании к экстралингвистическим моментам.

"Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык"[31]. Следовательно, литературность, а тем более отклонения от нее и многочисленные факты реальной жизни языка, не укладывающиеся в ее законы, очень далеки от однозначного понимания[32]. Субъективизм интерпретации, историческая подвижность норм, зависимость оценки чистоты языка от многих обстоятельств обусловливают зыбкость границ литературности. Повышение внимания к этой проблематике — неотложная задача лингвистики.

---

[30] *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для современного языкознания. — ВЯ, 1966, 6; *Бабкин А.М.* Новый академический словарь русского языка. Проект. Л., 1971.

[31] *Виноградов В.В.* Литературный язык. — В кн: Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

[32] Ср: *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык. — Избр. работы по русскому языку. М., 1957; *Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967; Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960; Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969; *Едличка А.* О пражской теории литературного языка. — Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967; *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура. — Там же; *Он же.* О функциональном расслоении литературного языка. — Там же; *Матезиус В.* О необходимости стабильности литературного языка. — Там же.

С.С. ВЫСОТСКИЙ

О МОСКОВСКОМ НАРОДНОМ ГОВОРЕ

Запись лекции-беседы, прочитанной
в Институте русского языка
АН СССР 6 июня 1972 г.*

Я нахожусь в большом затруднении, потому что у меня очень много материала, который накапливался буквально десятилетиями. И хотелось бы по многим разделам сказать немножко в другом плане, чем обычно говорят на тему о городской диалектологии. Потому что очень много уже теоретического и практического известно. И вот мое сообщение — это один из аспектов изучения московского говора, а не энциклопедическое обозрение этого вопроса. Мне кратко приходится упоминать о том, что вы и сами хорошо знаете, но это для порядка нужно перечислить. Вот такие, например, вопросы: что подразумевается под московским говором? Не только я даю это определение. Конечно, языковеды старшего поколения уже давали такие определения. Здесь подразумевается речь коренного московского населения, наиболее отдаленная от литературного языка. Когда мы записываем диалектологический материал в деревне, там этот вопрос прозрачен. Там все лежит на поверхности. Что значит речь, наиболее отдаленная от литературного языка? Ведь московский народный говор, как нас учили, лежит в основе литературного языка.

Литературный язык генетически близок московскому народному говору, тут взаимовлияние идет. Тут взаимная обратная связь влияний. Но в конце-то концов надо все-таки напомнить, что московский народный говор — это обособленная единица в языковом подразделении, но края ее, периферия очень размыты. В чем отличие московского говора от литературного языка? Тут я хочу напомнить о некоторых вам известных высказываниях наших классиков, филологов, например Шахматова, в историческом плане, когда он писал еще об этом в 1911 г., это в литературном курсе его "Очерк современного русского литературного языка". Там так говорится: "Между современным языком образованных классов и языком московского простонародья, в особенности в области произношения, различие незначительно". Ну и тут всякие классические определения, которые более или менее потом пересматривались в поздний период: консонантизм московского говора — северный, а вокализм — южнорусский. Позднее Чернышев указывал, что многие примеры на ударение слов ближе к стихии севернорусской и лексика тоже тянет к севернорусской, а не к южнорусской. Теперь вспомним ранние высказывания Дурново, которые он повторял и позднее, в последнем даже издании "Введения в историю русского языка", изданном в Брно в 27-м году. Он там говорит, что в литературном языке произношение и формы словоизменения в общем совпадают с произношением и формами словоизменения московского говора. Словарный же состав и словообразование наполовину церковнославянские. Ну вы понимаете, что под этой устаревшей терминологией кроется. Соболевский очень еще рано, в 97-м году прошлого века, говорил, что литературный язык — это говор, который употребляем мы сами и который слышится у образованных людей. Центр и родина его — Москва. И он сам так хорошо говорил, он с Пресни, у них там собственный дом. Сейчас этот район объявлен заповедником, и там даже не ломают дома,

---

* Публикация подготовлена сотрудниками сектора современного русского языка ИРЯ АН СССР. При публикации отдельные особенности устной речи были опущены.

улицы снова мостят булыжником, в общем оставляют кусочек старой Москвы такого рода, как она была в девятьсот пятом году. Потом Соболевский в этой же работе, в "Опыте русской диалектологии", говорит: "Если мы обратимся к московскому простонародному говору, то увидим, что никаких звуковых особенностей он не имеет". Вот так. Что значит "не имеет"? Ну тут речь идет об особенностях каких-то, значит, о какой-то экзотике. Но главное отличие его от нашего говора — в формах и словарном материале. Говор имеет ряд форм и слов, которые нам хорошо известны, но которые мы считаем вульгарными. Например, там *моё, твоё, рублёв, баранков, дённо, пять дён, сазон* (сезон), *до ких пор, жгёт, жгём,* такое спряжение: *положь, положьте, не трожь, слышь, пужать, пущать, сусед, ефтот, таперича, дарма́.* Все это считалось вульгаризмом и не принималось в литературный язык, но это свойственно было и московскому народному говору.

Теперь вот еще такие есть общие вещи, которые всегда приводятся на первых страницах курсов общего языкознания или курсов истории русского языка, что московский городской говор противопоставляется устно-разговорной форме литературного языка. Различия между русским языком и московским народным говором в области лексики, словообразования, словоизменения по известным историко-лингвистическим причинам были значительные еще в конце XIX в. Тем более в настоящее-то время эти различия стали минимальными. Вот еще интересно привести высказывание о специфических признаках звукового строя московского говора Дмитрия Николаевича Ушакова. В работе "Русская орфоэпия и ее задачи" (это в сборнике "Русская речь" 28-го года) он говорит, что главное различие — в произношении. Потому что слишком мало единиц различается лексически или морфологически. И тут он переходит с одного определения на другое. Для него термины "народный говор" и "просторечие" — это одно и то же. Как вы знаете, термин "просторечие" — уже не совсем настоящий термин, потому что допускает разные толкования. Но в данном случае, когда в старой литературе встречается выражение "просторечие" в этом плане, это реминисценция понятия простой народ. А во всех современных словарях сказано, что это устаревшее понятие, лишь в применении к дореволюционному периоду развития русского общества это понятие "простой народ" применимо. Значит, слово "просторечие" сейчас все понимают по-разному, но в данном случае Ушаков имел в виду просто вот тот народный говор, о котором сейчас идет речь. Но когда мы говорим о произношении, то надо процитировать одно место из этой же работы Ушакова, и вот почему. Он пишет, что не надо смешивать язык в широком смысле с произношением и относить к произношению то, что к нему не относится. Например: *жгёт, у моей жене́, склизко.* Это не особое неправильное произношение слов *жжет* и так далее, а просто это другие слова, которые не приняты в литературном языке, но существуют в говорах, между прочим и в московском просторечии. Правильному литературному языку можно научиться из книг, написанных и немосквичами, и из устной речи немосквичей. Правильному же произношению можно научиться только путем знакомства с устной речью москвича. И вот тут вспоминается знаменитая пушкинская просвирня. "Пушкинская московская просвирня — безусловный образец, конечно, только произношения, а не литературного языка в целом, так как она, конечно, могла говорить и *склизко,* и другие не допускаемые в книжный язык слова и формы. Однако эти неправильные слова она произносила правильно, по-московски." Я напомню вот этот хрестоматийный пример из Пушкина. У Пушкина так сказано: "Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным язы-

ком". Тут Ушаков добавляет, что Пушкин имел в виду главным образом, по-видимому, чисто русские слова и выражения, сочные и меткие, которых часто не хватает книжной речи. Мне кажется, отсюда все-таки трудно исключить и понятие живого звучания.

Теперь о необходимости различать понятие орфоэпии и правильного произнесения. Мне здесь приходится отступить, сделать, так сказать, нежелательный экскурс в сторону. У славистов есть понятие не только орфоэпия, но и ортофония. Ну если бы сказать по-русски — о р ф о ф о н и я, неблагозвучное такое слово, но это польское — ортофония. Лингвисты время от времени об этом напоминают. Вот Дмитрий Николаевич Ушаков давно уже об этом хлопотал, чтобы лингвисты не путали эти понятия. У Григория Осиповича Винокура незадолго до смерти также была статья на эту тему.

И Надия Александровна Янко-Триницкая писала об этом, чтобы не путали по плохой традиции разные вещи, когда к фонетике относят ф о н е м н ы й с о с т а в с л о в а, что́ на деле принадлежит области лексики и морфологии, а не собственно фонетике, не живому произношению. Так что в любом учебнике, и даже в большинстве из них, можно найти, что в число фонетических признаков часто ошибочно включают то́, например, когда говорят о русских диалектах: окончание 3-го лица глагола [т'] в противоположность тому, что в других диалектах [т]. Или окончания прилагательных мужского рода такого типа как *тонкий* и старое книжное *тонкый:* вот — *кий* или *кый* тоже считается фонетикой совершенно ошибочно. Или наличие [ж] в корреспондирующей группе [жд] в словах *надежда* и *надёжа* относится к современной фонетике. Или вот окончания глаголов *хо́дют* или *хо́дят?* (Когда известно, что это *-ут* взято из другого спряжения.) Но это Ушаков предлагал в свое время, и другие авторы напоминают, чтобы это не называли произношением. Ведь в этом аспекте примеры *он идёть* или *он идёт* одинаково ортофоничны. Ведь согласные звуки [т'] или [т] в конце слова одинаково допустимы в аспекте звукового оформления слова. Ну посмотрите, слово *быть* или *быт* есть, *путь* и *пуд, рать* и *рад,* почему бы тогда не *идёть* и *идёт,* вполнѣ ортофонично! И вот Ушаков и говорит, что московский народный говор не вот этим отличается, а именно живым произношением. То есть я считаю, можно сказать, что для характеристики московского говора, фонетической в основном, нужно определение, показывающее специфику фонетического слова. А именно живую вариативность гласных и согласных фонетического слова, обязательные позиционные и комбинаторные оттенки гласных и согласных, которые обусловлены ритмической структурой слова, местом его во фразе, фразовой интонацией. В этом аспекте, например, такие случаи, как произношение *свя*той, *тя*желый совершенно недопустимы, они противоречат живой тенденции оформления фонетического слова, поскольку, как в школе говорят, безударная буква *я* не читается как *я*. Это в школе говорят, и вполне лаконично сказано. Я должен напомнить, что для литературного языка такие произношения для полного стиля неправомерно, как мне кажется, допускал Щерба. Помните, вот в "Фонетике французского языка" у него есть пример русской транскрипции: *Я па́* [м'а] *тник себе воздвиг нерукотворный,* там есть еще примеры произношения буквенного, которое не является живой закономерностью языка.

Теперь, после этих предварительных замечаний, я хочу сказать вот о чем. Какова же история изучения московского говора? Сведения о речи коренного московского населения в специальную литературу поступали издавна и по двум линиям. В меньшей мере из этнографических очерков и статей в газетах и журналах XIX в. Очень много интересного материала здесь можно найти. Но в основном начиная с XVIII в. еще в трудах Ломо-

носова, в рукописной грамматике Барсова (она есть в библиотеке МГУ), в работах Тредиаковского и так далее можно найти сведения о специфических признаках московской речи как основы литературного языка. Причем правильный социологический аспект — признание приоритета московской речи — нередко заслонялся сентенциями об ее эстетических достоинствах, о благозвучии высокой московской речи по сравнению с более серой, некрасивой диалектной речью, в частности, речью низкой. Но, между прочим, если вы у Даля проверите термины (народные термины) "говорить свысока" или говорить "низким говором" — это обозначает лишь речь *акающую* и противопоставленную ей речь *окающую.* Возможно, и социологическая база вот у этих определений была, когда они возникали, — речь "высокая" и речь "низкая". Но по словоупотреблению данных терминов, как показано у того же Даля, можно видеть, что здесь когда говорят "свысока" — это просто аканье, ну, например: "к Смоленску — еще более свысока говорят". Не может же быть, чтобы Даль считал, что ближе к Смоленску лучше говорят. Тут момент, конечно, не эстетический, а чисто лингвистический. На рубеже XIX—XX в. история русского литературного языка и русская диалектология сложились как отдельные дисциплины. И вот в этот период ряд авторов — Корш, Соболевский, позже Дурново, Ушаков, Шахматов и другие — без особых предварительных разысканий, исходя лишь из своего практического знания московской речи (буквально — это вещь в себе, никто ее не видел, не знает, и в то же время все как-то знают и понимают интуитивно), и вот они (без особых разысканий) создают характеристику ее основных признаков, и именно той ее разновидности, которая именовалась тогда языком образованной части московского населения. То есть они говорили о литературном языке. При этом упоминалось, что существует хотя и близкий, но другой тип московской речи, а именно городской мещанский говор, говор низших слоев населения, говор необразованных классов, причем (слово класс тут нетерминологично) под этим подразумевались различные социальные группировки, сословные, профессиональные и так далее, речь которых заметно контрастировала с литературно обработанной нормой литературного национального языка.

И вот, несмотря на неотстоявшуюся терминологию, все же можно понять, что в таких случаях речь идет о подлинно народном говоре, в тот период называемом иногда просторечием — в связи с понятием о простом народном языке. Нужно еще упомянуть вкратце о работе Кошутича. Планомерным изучением московского говора был занят сербский ученый Кошутич, который лет за 10 до Великой Октябрьской революции специально наблюдал и транскрибировал речь группы коренных москвичей, представителей интеллигенции старшего и младшего поколения. В результате была написана известная "Граматика руског језика", в 16-м году, по-моему, она вышла, где обширный фонетический раздел отражает не только специфику русского литературного произношения в московском изводе, так сказать, но и различия в речи двух поколений. Нам довелось слышать живую речь некоторых из этих испытуемых, лет через 30 после работы Кошутича, и проверить точность транскрипции известного сербского фонетиста, который был на высоте своего мастерства. Один из дикторов тогда был Дмитрий Николаевич Ушаков, которого я-то хорошо знал, он мой учитель был, и речь которого, к счастью, оказалась зафиксированной, хотя и позже — в 30-х годах, в граммофонной записи. Я ее показывал года два назад здесь, но впоследствии эта запись была переведена на магнитофонную ленту. Значит, необходимое сравнение можно проводить и теперь. Кроме того, у нас есть возможность слышать живую речь членов

семей тех дикторов, которые были тогда описаны Кошутичем в качестве "mladých moskovlán". Я имею в виду семью Ушаковых, семью Щепкина, профессора Щепкина. Кстати, к вопросу о цензе произношения дикторов. К категории коренных "mladých moskovlán" Кошутич причислил одного диктора, сына профессора Щепкина, но старшее наше поколение помнит и самого Щепкина. Но его ныне здравствующая сестра в современной речи обнаруживает элементы южнорусского говора. Я имею в виду речь Марфы Вячеславовны Щепкиной, работницы Исторического музея. Мы давно уже, лет десять назад, ходили в Исторический музей и записали ее лекцию о древних рукописях. И вот оказалось, что в ее современной речи обнаружились черты южнорусского говора, которых, по ее словам, в молодости не отмечалось. Ну, я думаю, что здесь налицо реминисценция детской речи, как возрастное явление. Ее мать, давно скончавшаяся, духовного звания и родилась в Рязанской губернии, как она мне рассказала. Вот в этом аспекте материал Кошутича требует проверки.

Теперь вот изучение московского говора в наше время. Оказывается, что широкое систематическое изучение московской городской речи впервые предпринято сектором современного русского языка нашего института. Эта работа ведется много лет и большим коллективом, очень опытным. У них отсортировывается главное и побочное. Главная задача — записывать и изучать речь в очень широком диапазоне параллельных вариантов языковых систем, начиная от наиболее отдаленных от литературного образца до разговорно-бытовой формы литературного языка.

Итак, эта заведомая неоднородность объекта наблюдения зависит от того, что современный срез языкового ландшафта большого города, как известно, представляет продолжение, наследие многих линий развития городской речи Москвы дореволюционного периода, причем речи различных социальных кругов городского населения. В связи с новыми качественными условиями развития национального языка в послеоктябрьский период эти линии смешивались, нередко теряли свои прежние отличительные черты, испытывали влияние вновь складывающегося языкового стандарта, а с другой стороны, не могли устоять от воздействия на систему и диалектной речи пришельцев, новых москвичей, которых сейчас в Москве — вместе с их вторым поколением, уже московскими уроженцами, — до 80%. Если вспомнить, что и до революции Москва когда-то тоже была неоднородной, в ней было около полутора миллионов только населения, а сейчас до семи миллионов, и, безусловно, Москва пополнилась в таком гигантском масштабе за счет приезжих, а не путем естественного прироста. Но когда мы говорим о приезжих, вопрос касается тех иммиграционных волн, которые наполнили Москву в начале и середине 20-х годов, и затем в конце 20-х и в 30-х годах. Социология этого вопроса не разработана, и имеется лишь общее представление, что эти массовые иммиграционные волны все-таки в основном были представлены населением крестьянским. В начале 20-х годов хлынула в центр и интеллигенция. Безусловно, большие сдвиги русский литературный язык тогда уже получил. Заселение Москвы конца 20—30-х годов — в основном крестьянское. Вот предмет моего изучения по сравнению с предметом изучения сектора современного русского языка несколько сужен. Из всех разновидностей современной речи, которые можно сейчас наблюдать в Москве, я останавливаюсь на данной разновидности определенных слоев коренного московского населения, наиболее противопоставленной разговорной форме литературного. Эта речь сохраняет преемственность с дореволюционным мещанским московским говором и, несмотря на утрату многих специфических признаков, некогда отделявших ее от генетически

близкого ей литературного языка, может еще относиться к самостоятельному языковому подразделению. Большое количество моментов совпадений московского городского говора с литературным языком показывает, насколько трудно выделить контур данного говора, но вовсе не снимает самой задачи, ведь ее решение необходимо, поскольку пресловутый московский говор, претерпевший в новых исторических условиях качественные изменения, все еще репрезентирует во многих отношениях облик той стадии своего развития, который некогда изучали языковеды при разыскании источников возникновения русского литературного языка и который имели возможность наблюдать литераторы и драматурги, оставившие нам в своих произведениях яркие картины московского быта прошлого века. Я тут вспоминаю не только одного Островского. И вот как вещь в себе московский городской говор практически многим известен, по крайней мере в театральной практике его применение как стилистическая окраска роли бывает безошибочно точным и интуитивным, поскольку никакие пособия по сценической речи не излагают с необходимой подробностью правила старого народного московского произношения, ну, в частности, растяжка безударных гласных, характерная длительность и так далее. Интересный момент мне пришлось в жизни наблюдать, я был однажды в клубном спектакле при одной крупной фабрике, ставили "Бедность не порок" — пьесу, которая очень давно нигде не идет. Там был не очень удачный режиссер, который по правилам речи ничего не мог сказать, тем более, что сам он не владел правильным литературным произношением. И вот оказалось (вы помните, там показана купеческая среда, святки, девушки там приходят — старый такой патриархальный купеческий быт), и вот девушки (а они ткачихи) с образованием там пять-шесть классов, которые ни в каких тонкостях литературного языка и московского народного говора не разбирались, и вдруг меня поразило, что они произносят реплики своей роли с такой растяжкой, с такой интонацией, которая как раз и соответствует моему представлению о московском народном говоре. Я тогда стал спрашивать: "Почему вы так странно говорите (вот образцы такой записи я вам покажу, у меня магнитофонные записи есть), почему вы так растягиваете, странные такие ударения делаете, ведь вы же так не произносите в живой речи?" Они говорят: "Так нужно". Они мне ответили: "Так говорят по-простому здесь". Я говорю: "Ну что значит по-простому? Какая-нибудь из колхоза приехала, будет по-деревенски говорить?" — "Нет-нет, так говорят замоскворецкие купчихи". Я говорю: "А вы ж никогда не видали и купчих-то, тем более замоскворецких". — "Нет, мы знаем, как надо". Вот они уперлись, что они знают ка́к, но не могли мне показать источника своего знания. И вот характерно, когда мне приходится на занятиях показывать образцы московского народного говора, я встречаю массовое понимание, какая-то улыбка такая вот, говорят: "А, мы знаем в чем дело, как это смешно, по-старинному, это так вот было, а сейчас вот нету". Значит, какое-то представление об этом есть. Но в учебнике сценической речи ничего этого не сказано и не может быть, и я знаю это, потому что некоторые из них писались, так сказать, с ведома нашей лаборатории. Вот известные авторы Полетова, Козлянинова. Они работали в нашей лаборатории, и вот в ГИТИС'е они излагали этот материал, который и у нас прослушивали и интерпретировали его. Кто видел спектакль "Валентин и Валентина"? Мы параллельно смотрели эту вещь в "Современнике" и во МХАТ'е, мне удалось во МХАТ'е посмотреть, и меня поразило. . . Там ведь конфликт такой, что в интеллигентской семье — дочка, а в семье, где мать проводница поезда, — сын, и вот не позволяют им жениться в современных условиях. Между прочим это ин-

теллигентская семья, там по высказываниям ("мы сами не княжеского происхождения") видно — это первое или второе поколение, из народа интеллигенция, а там неинтеллигентная современная московская семья, и вот интересно, что говорят стандартным литературным разговорным языком все, и главное молодежь, представители этих двух антагонистических, как бы сказать, в лингвистическом плане семей говорят одинаково, но мать дает какие-то краски, которые, как говорится, "вот бьется, а в руки не дается", что-то такое другое, что по старой терминологии можно было бы назвать "простонародным", а вот попробуйте-ка подобрать термин, как назвать этот тип произнесения? Современная городская социология совершенно не разработана в этом аспекте, и хотя мы все знаем, о чем идет речь, мы не знаем, как это назвать, потому что терминология старая изжила сама себя, она получила новое социальное содержание и уже не покрывает это понятие, и мы не знаем как быть, а понятие-то существует.

Вот я говорю о том, что́ такое московский народный говор в моем представлении, и если в момент своего возникновения когда-то московский городской говор и был четко приурочен к городским низам, к определенной общественной группе населения в качестве ее основного средства речевого общения, то впоследствии он, видимо, получил расширение социальной сферы применения. Как иллюстрации можно вспомнить простонародную речь, которой отличалась в высшем свете московская аристократка Ахросимова в "Войне и мире". Безусловно, этот говор продолжительное время влиял и на формирование литературного языка, вспомните тут о пушкинской просвирне.

Конечно, в настоящее время в числе носителей изучаемого говора можно найти представителей различных слоев общества, в том числе и интеллигенция и новой, и старой формации; поэтому социальный тезис, что это — мещанский говор, стар, он даже и в старом аспекте не годился в данном случае, но чтобы все-таки удостовериться в типичности изучаемого материала по теме, приходилось собирать в определенной этнографической среде, минимально связанной с практикой употребления литературного языка, и на фактах своей лингвистической биографии показывать, что здесь живет континюация, продолжение московского говора, который в дореволюционную эпоху квалифицировался как говор простого народа. Чтобы представить историческую перспективу развития московского говора, следует коснуться условий существования кругов его носителей в этнографическом плане, и в таком историческом несколько плане.

Сравним Москву с самого начала ее возникновения и Москву современную. И образно выражаясь, можно сказать, что старый народный мещанский говор от современного народного говора так же отличается, как вот эти две карты друг от друга. Можно подойти и разглядеть, вы узнаете эти районы, вот видите, леса́, и болота на периферии, а сейчас леса новостроек, я сам живу там. . . Вот этнографическая структура города, которую надо знать. Не обязательно коренным москвичом надо быть, чтобы все-таки знать место, где мы живем, в плане исторической этнографии. Я думаю, что я могу так быстро кое-что нарисовать (рисует на доске).

Вот предположим, это вот территория Москвы, вот это Дорогомилово, вот это Хамовники, вот это Замоскворечье, и потом идет Симоново и так далее. Ну Кремль треугольник, первый посад, который позднее вырос в Китай-город. Потом позже Белый город по бульварному кольцу. Вот это линия бульвара, Камер-Коллежский вал на пересечении. . . Как говорили, Петербург строили, а Москва строилась. Много такого самодеятельного всего было в Москве, и объяснялось это, конечно, историческими причи-

нами. Купечество, как вы знаете, это Замоскворечье. Купечество таганское, оно посерее. Рабочее население жалось на окраинах, где сосредоточились промышленные предприятия. Ткацкие фабрики — "Трехгорная мануфактура" и так далее, Черкизово, Семенка — это все ткацкое, а машиностроительные — это где более квалифицированный пролетариат, это вот это (показывает), Симоновское...

И вот слаборазвитый общественный строй даже способствовал тому, что место жительства населения могло служить местом его работ. Мещанское ремесленное население было рассеяно по всему городу, во-первых, в районе Трубной, это исконно ремесленные такие территории, затем специализации: Марьина роща — это башмачники, сапожники, с этой территорией неспроста связано московское старообрядчество, которое, как вы знаете, имело определенную топографическую весомость, сосредоточено было в восточной части населения, а не там, где более интеллигентная, так сказать, просвещенная часть общества жила.

Под какие влияния мог попадать московский народный говор, который, с одной стороны, питался народным говором, с другой стороны опирался на литературный язык?

Теперь мне хотелось бы поподробнее рассказать о мещанах как этнографической группе в Москве, потому что когда язык складывался, особенно в начале XX в., тогда он оправдывал термин "мещанский говор". Но вообще мне представляется, что как этнографическая группа она не соответствовала в целом понятию сословия мещанского, потому что включала в себя население, принадлежащее сословиям и духовенства, и купечества, и другим. По этнографическим описаниям XIX в. замечается большое сходство в быте и языке. Вот эта языковая база населения этого, что она из себя представляла? Это были мелкие ремесленники с семьями своими, кустари, мелкие торговцы, огородники на окраинах города (ведь Лужники на нашей памяти застроились, там огородники жили), служащие торговых предприятий, мелкое чиновничество, представители духовного звания, частично рабочие на фабриках и более или менее крупных мастерских. Тут я подчеркиваю — не рабочие в Москве, а ведь рабочие по паспорту тоже были мещане, но основные рабочие массы в Москве были тесно связаны происхождением и в бытовом отношении с крестьянством, поэтому для рабочих прошлого века и начала XX в. типична речь со следами диалектных особенностей. Я, к сожалению, не захватил, у меня в лаборатории есть фотография начала 20-х годов, где, видимо, изображены рабочие Трехгорной мануфактуры. Это сидят старые женщины, в платочках, заколотых булавками. Это совершенно крестьянская среда, даже по внешнему облику. Москва — столица со специфическим составом рабочих, здесь и женский труд, это не металлургический Ленинград. Представьте себе, что в Москве фабрики ткацкие на Петровке останавливались на Петра и Павла на покос. Эту картину я видел в 39—40 году в Нарофоминске, я там в округе собирал материал для диссертации, и там оказалась фабрика, она останавливалась на покос тоже на две недели. Значит, насколько быт крестьянский тесно был связан с бытом тогдашнего города.

Конечно, когда мы говорим "язык, речь рабочей окраины", надо с большой осторожностью относиться к определению "рабочая окраина", потому что в большинстве своем эта речь была связана с диалектной. Теперь, когда мы говорим об этих кругах населения, которые я перечислял, какое доступное образование, образовательный ценз для них был? Это в основном для мужчин начально-приходские церковные школы, это 2—4 класса; городские мещанские училища, а это образование ниже сред-

него; женские прогимназии с неполным гимназическим курсом; женские епархиальные училища — это для духовного сословия, — а в XXв. уже женские и мужские гимназии, мужские реальные училища, куда уже дети стремились поступать. Вместе с этим распространено домашнее образование учителей-надомников, частное. Начальные школы были распространены, и поэтому процент грамотности повысился только едва-едва на рубеже XX в. Но характерный этнографический момент, что в старообрядческих кругах процент грамотности был очень высок, и у мужчин, и у женщин. Например, даже в деревне в XIX в. около Боровска грамотность доходила до 85–90%, что в городах не всегда было; правда, эта грамотность определенного направления, церковнославянская, они даже если писали письма, то славянскими буквами писали, а не гражданкой, но все равно это был путь к овладению и грамотой гражданского образца.

Этнографическая структура этого мещанского населения в XIX в. такая. Московское мещанство тогда было приписано к слободам, которые находились в составе города, еще в 90-х годах. Еще и теперь сохранилась память в отдельных семьях об их несколько привилегированном положении, не приезжих, а коренных московских мещан, как след их цеховой организации, которая некогда содействовала ремесленному производству. Об этом в семьях, конечно, избегали распространяться, просто говорили с гордостью: "Мы из мещан с Бронной слободы", мне так в 46-м году сказала референт из Института мирового народного хозяйства. Она носила оригинальную фамилию Целовальникова, и она сказала: "Мы происходим из мещан с Бронной слободы, мы не приезжие", с большой гордостью сказала она. Я знал также потомков с Барашовской слободы, это у Покровских ворот. Кроме мещанских слобод, были ямские слободы, там государевы ямщики были, они получали содержание и обязаны были заниматься транспортом в эпоху до развития железных дорог, и вот там от них сохранились поселения на рубеже XIX–XX в. Это все о кругах мещанства так называемого. Какие еще были слободы? Переяславка, со своей церковью, отдельный мирок. Большая Переяславка, Малая, Средняя Переяславка. У Рижского вокзала, Бутырки, Тверская-Ямская, Коломенка, Павелецкий вокзал, ну, конечно, в современном быту все это воссоздать нельзя. Теперь, кто жил на окраинах Москвы? Из центра постепенно население коренное московское вытеснялось на периферию, так что коренные носители московского народного говора оказались на периферии Москвы — ремесленники, извозчики, огородники, вот они и их потомки. Конечно, все это трансформировалось, и потом тут один момент очень важный был. В Москву приходили мастеровые на постоянные и сезонные работы. Землекопы шли из Смоленской губернии, плотники из Владимирской и Рязанской, каменщики из Владимирской и Тверской и так далее. И естественно, они вставали (пристраивались) на квартиру на улицах у тех застав, откуда пришли, и часть их оседала и включалась в московское население. Так, в Дорогомилове в свое время был повышенный процент выходцев из западных местностей, Смоленщины и так далее. В селе Алексеевском на Переяславке — из Ярославской губернии, по Владимирке (это Шоссе Энтузиастов) — из Владимирской губернии, по Тульской — с Юга, по Нижегородской — это Рязань, это улица Нижегородская. Это население частично ассимилировалось с коренным населением московских окраин и частично уходило по окончании сезона на родину, отсюда в Черкизове, в Семеновском можно было услышать и оканье. Я знаком с рукописью Чернышева — языковеда, диалектолога старшего поколения, — он свидетельствует, что в 20-х годах нашего века даже вот в Щитникове, за Измайловом, он слышал еще оканье. Мне

кажется, все-таки это не то оканье, которое начиналось от Москвы в 20—30 километрах и шло прямо до Ледовитого океана. Это все-таки оканье, наверное, вот таких вот людей, не материк того оканья, а вот осевшие мастеровые, со своей территории, которые пришли и осели на соответствующей окраине. Конечно, все это надо учитывать. Возможны диалектизмы, которые включались или перерабатывались, перемалывались в этом народном московском говоре.

Ради курьеза сказал бы о национальных группах, которые оставили. . . или, вернее сказать, не оставили заметных следов в языке. Древняя западноевропейская группа — это Лефортово (Лафёртово в народном произношении) — растворилась, ничего не осталось. Французы, представьте себе, на Кузнецком мосту, вот эти шляпники, перчаточники, Грибоедов все возмущался Кузнецким мостом. Я московские фамилии знаю Лафонтен, Депре, Мессо, до сих пор они живут, ничем не отличаются от московского населения, мы сами жили 20 лет в доме Лафонтена, около "Эрмитажа". Древняя западнорусская группа из литовских мещан совершенно растворилась. Древняя украинская группа — это Маросеевка, хохловская Маросейка, Малоросейка — совершенно ничего не сохранилось. Древняя татарская группа в Замоскворечье, там она была очень давно, и так давно, когда татары еще не были магометанами, там это Спасоболвановка стояла, где они поклонялись огню и так далее. И магометанская позже, там была мощная группа, как вы знаете, татары после татарского ига в Москве насадили ремесло кожевников, и вот улица Кожевники, Татарская улица, Болвановка, вот та часть Замоскворечья, представьте себе, там до сих пор есть татарская группа населения современного; в Москве есть две группы, но безусловно они не связаны совершенно преемственностью со старыми татарскими поселениями. Они растворились, по своему положению это же были захватчики, привилегированная группа населения, из них очень многие вошли в круги русской аристократии, и вот князья Мещерские, Касимовские князья, Булгаковы, Баскаковы — это дворянские фамилии таких дворян, которые пришли от татарщины. А вот новых групп татарских две. Одна, представьте себе, на старом месте, но преемственности нет, все татары — мишари (Мещера), из Рязанской области, Горьковской области, но не из Казани. Другая группа — это торгово-ремесленная, позже возникла — Трубная, на 4-й Мещанской живет до сих пор, но они тесно связаны с крестьянской родиной, это полукрестьянское население до сих пор, у них свои мечети, к тому же сказать, в Замоскворечье даже ларек с конским мясом есть на Замоскворецком рынке, около метро, на Пятницкой[1]. Теперь древнегрузинская колония, название осталось "Грузины", больше ничего не осталось. Ради курьеза упомянуть о цыганской колонии, которая около двухсот лет жила в Петровском парке и связана с их ресторанно-загородной деятельностью. Там "Мавритания" была, и они до сих пор там живут, там целые династии — Шишкины, еще во времена Пушкина, в цыганском театре до сих пор полно Шишкиных, сестер, братьев, внучек. Это все с тех пор идет. Я знаю, что наша сотрудница Липовская как раз жила на этой территории в детстве и в школе училась с цыганами, она мне рассказывала.

Национальные группы в других городах могли бы представлять весомый ингредиент, который влияет на развитие языка. В Москве все это перемололось и растаяло, ничего нет. Теперь — бывшие крестьянские окраины. Они вошли издавна уже в состав города. Следы этих старых

[1] Некоторые историко-этнографические наблюдения автора относятся к 50—60-м годам XX в. (Примечание редакторов).

поселений — вот площадь Восстания, еще называют "Кудрино", а не просто Кудринская площадь, как село Кудрино. Или как село Сущево около Новослободского метро, это Сущевский вал. Вас могло бы привлечь, что в составе Москвы были крепостные деревни, и деревни государственных крестьян, они могли, естественно, вносить определенный вклад в живую речь. Я имею в виду принудительные переселения крепостных крестьян из разных мест. Я должен сказать, что на улице Красноармейской около Сокола — это вотчина царей грузинских и князей Багратионов, это их крепостные деревни были. Немного больше, 100 лет назад, там было вполне крестьянское население. На улице Покровской много семей жило здесь до 40-х годов, сейчас их переселили, с фамилией Шуваловы, там тридцать домов и все Шуваловы, Шуваловы. Конечно, происходили они из крепостных графа Шувалова, и они были не родственники между собой, неизвестно почему Шуваловы. Второе, третье поколение уже забывает о своем происхождении, но насколько это крестьянская стихия, — целая деревня с одной фамилией. В Филях лет сто назад были крепостные деревни. Останкино (между прочим, Останкинский музей вел наблюдение за семьями потомков шереметевских мастеровых) . . . Совершенно крестьянский быт, и в то же время территория города была. Ничего такого в мещанской среде быть не могло, это новое ассимилирование народное, потомки крестьян, они сейчас уже не отличаются от современного городского населения. Интересно мне рассказывала информантка Гударева, что, когда справляли свадьбу, собирали своих бывших односельчан, уже после того как переехали в новые дома к Соколу. Они еще по-старому чувствовали свою принадлежность к крестьянской среде. Связи бытовые были по зонам.

(Показывает на карте районы распространения говоров, окружавших Москву). Это вот лингвистический ландшафт вокруг Москвы. Я срисовал те изоглоссы, чтобы показать, как близко это подходит к Москве, какое это имеет отношение к московскому народному говору. За пределами Камер-Коллежского вала было коренное крестьянское население, в речи которого встречаются диалектизмы того сектора лингвистической карты, который приближается к Москве (продолжает показ). Я не буду говорить про изоглоссы, я только отмечаю, что они существуют и очень выразительно себя проявляют. А яканье я сам еще фиксировал совсем недавно, в Нагатине, Коломенском, тут яканье.

В московском говоре не могло быть яканья; яканье, как и ёканье, — это одиозная крестьянская черта, я имею в виду тот антагонизм между крестьянами и городом, который был очень острым, а почему некоторые языковые черты считаются такими — это загадка, это не объясняется структурными особенностями языка. Почему, например, цоканье является ужасным, а [г] фрикативное простительным? Есть фонологическое объяснение, но возможно и обратное явление, которое необъяснимо ни фонологией, ни чем другим. Между прочим, на новой карте показано, что Москва окружена зоной умеренного яканья, это мне непонятно, потому что умеренное яканье распространено не здесь, здесь еканье или и́канье. Здесь интересный такой момент. У меня записан разговор о том, что по старым дорогам, ямским дорогам, распространялась московская речь в виде мещанского резкого напряженного и́канья. Так что вот около Люберец, вот эта территория — и́канье. . . Даже на территории уже оканья (за Пушкином уже окающая территория). Московская ямская дорога, ярославская (до Хотькова примерно) — акали, это цепочка акающих и и́кающих деревень. Значит, Москва как бы окружена такими радиусами распространения торговых сел больших и деревень с элементами московской речи. Ну, а секторы между этими радиусами, конечно, более диалектные.

Я упомянул об антагонизме старом бытовом, который сейчас, конечно, уже стерт. Это было вызвано социально-экономическим отношением этих двух населений в дореволюционную эпоху, сложившимся бытом. И из ближних деревень даже до 20 верст ходили пешком в Москву продавать продукты питания, холст, пряжу, возили дрова, строительный материал, но с мещанским населением глубоких бытовых связей не было, а браки даже осуждались. Конечно, что это за брак: надо было отказаться от привычного ведения хозяйства, бросить землю, переходить в город. Это все имеет значение для определения характера городского говора. Интересно, что в подмосковных деревнях сохранилась память о старых названиях улиц и площадях Москвы: Мясницкая улица, Тверская, Сухаревка, Драчевка. И до сих пор те крестьяне, которые на Центральный рынок едут, у них уже традиционные пути торговли, — они в основном из Царицына. Я всегда спрашиваю: "Почему вы сюда из Царицына? Это же по Курской дороге". — "Мы потом идем в мастерскую, отдать в чистку на Драчевку". Я говорю: "А где же эта Драчевка?" Делаю вид, что не знаю. — "А по-вашему Трубная".

Так что́ я хочу сказать? Старый московский говор — где же надо его искать? Учитывая географическое размещение Москвы, местожительство носителей старого городского говора и их потомков, все это конечно нельзя абсолютизировать. Все же можно сказать, что материал для освещения поднятой проблемы нужно искать не в центре Москвы, а на ее периферии, у застав и за заставами. И конечно, если мы смотрим, почему Зыкина хорошо поет и хорошо говорит, произносит вернее, это потому, что она крестьянка из села Черемушки. Она любила сидеть на крылечке и петь, ее заметили, предложили учиться. Это она рассказывала (по телевизору выступала), свою биографию рассказывала. Вот на этой территории на наших глазах вот тает Тропарево, Беляево-Богородское, вот эти деревни, Воронцово уже сломали, я на днях ходил — уже нет Воронцова, и Семеновского нет, совсем недавно было, года два-три назад. А вот туда бы надо бы своевременно направлять экспедиции, хотя бы Московского областного педагогического института. Некоторые рвутся на далекую периферию, а сколько нужнее было бы изучать речь жителей коренных московских деревень, которые, может, на месте живут двести-триста-четыреста лет. Многое уже упущено и не восстановимо.

Теперь я не знаю, как мне быть. Может быть, хотя бы кратко сказать о некоторых языковых чертах, я говорил все время об этнографии этого явления. Что же нам наблюдать? Объект, как вещь в себе все-таки как-то вырисовывается, мы его знаем, априорно мы уже знаем, куда идти и кого записывать. Спрашиваем паспортные данные своих дикторов, которых мы опрашиваем, и оказывается, что действительно, по морфологии, по лексике оказывается очень много общего, называемого просторечным в современном смысле слова. Но в фонетике есть моменты, так сказать, интуитивного характера, которые простой транскрипцией иногда не вскрываются, а они создают колорит старой московской речи. Если попробовать их систематизировать, оказывается, что московский говор, очевидно, издавна не представлял собой того идеального единства, о котором говорили языковеды старшей поры. Я не могу сказать, что это только одно московское, но не другое. Это неспроста. Возможно, это воздействие старых диалектов, которые создавали московский говор, но не достигли того идеального единства, которого якобы достиг литературный язык, в нем тоже много диалектного. Я обращал внимание на двойственность многих этих признаков. И в основном-то выходит, вот Соболевский говорил: "Большой разницы нет между литературным языком и диалектами". Как нет? Вы сами

услышите, сразу же, с первых же слов наших дикторов, что это что-то другое, а не литературное произношение. Не в составе звукового строя, т.е. не в составе фонем, а в разновидностях позиционных изменений. К сожалению, в прежних фиксациях эти тонкости не могли получить детального словесного описания и не отражены в транскрипции, довольно упрощенной.

Например, ритмическая структура слова. Мы имеем в виду такие слова, как *пароход, самовар, потакать* -та-та- та́- с ударением на конце. Она имеет важное значение для определения многих говоров. Конечно, структура слова не складывается в этом отношении только из распределения длительности. Тут имеет значение еще характер тембра, степень редукции, усиление или ослабление звука.

Например, в новом стандартном языке слово *потакать,* мы гласные обозначим красными полосами, а согласные синими. Значит, в слове *потакать* я выделил только [ъ] – [а] – [а́]. [Показывает таблицы распределения длительности гласных в слове]. Все здесь выверено, в миллисекундах, все это выражено в процентах, тут дана натуральная картина распределения длительности гласных и согласных. Вот посмотрите, гласные под ударением, конечно, длиннее, не намного покороче первый предударный, и довольно короткий второй. Теперь посмотрите московский коренной традиционный говор в отношении к этому новому стандарту. Здесь эти отношения иные: довольно большой этот [показывает на гласный I предударного слога] и довольно большой этот [ударный гласный], но за счет этого [гласный II предударного слога]. Например, *сапоги.* Не с [а] п [а̄] ги́, а [съ па̄г'и́]. С чем это контрастирует? Это вятская скороговорка. Та-та-та́ (имитирует). Никак не могут студенты периферии выучиться центральной русской ритмике слова, мучаются, переучиваются, а никак не могут.

А вот владимиро-поволжская ритмика. Это [п^{ъ}така́т'], [г^{ъ}лова́], [п^{ъ}рохо́т], [с^{ъ}мол'о́т]. Смотрите, как сильно растянут I предударный и как проглатывается почти этот [показывает на таблице гласный II предударного слога]. Как это контрастирует с литературной ритмикой, отличается от нормы, стандарта. И когда я выбираю по картинке, к чему это ближе, то оказывается, что эта картинка вот э́та [показывает таблицу распределения длительности гласных в московском народном говоре]. Посмотрите: это [с^{ъ}моло́т], а это [с^{ъ}мало́т], это [п^{ъ}рово́с], это [п^{ъ}рово́с]. То же самое, но только аканье. Теперь встает интересный исторический вопрос: кто на кого влиял? Неужели Москва влияла на владимиро-поволжскую группу? Не наоборот? Это старая основа севернорусская?... (нрзб.) Но в данном случае поразительно, что на восток и на юго-восток и на северо-восток от Москвы мы видим такую же ритмику, но на территории окающих говоров.

[Фрагмент беседы об *у*-образном "о", растяжке гласных пропущен из-за технического несовершенства записи. – *Ред.*].

Вот с растяжкой, с повышением мелодии связано замечание Достоевского, когда он характеризует речь мещан при вводе ее в действие, он говорит, что у них была характерная слащавая растяжка предударного слога, растяжка гласного. Все-таки Достоевский хотя и петербургский писатель, но он родился у нас на Божедомке и знает, конечно, московское мещанское произношение. Вот эта растяжка гласных – *са-ама́, па-ашла́* – он считает – это слащавое, отвратительное и связывает это с московским говором.

Теперь относительно аканья я вам скажу. Когда мы говорим об аканье, что такое аканье, мы знаем это в фонологическом плане. Московская речь склонна именно вот к этому типу произнесения гласных, а не к такому, который признавал у себя Щерба. Как вы знаете, Щерба, согласно своему

произношению, записал так: Λ (пишет на доске), и так пишет и Реформатский. Но эта буква читается по-разному. Вот ленинградская фонологическая школа упорно придерживается этой транскрипции. Оказывается, Щерба все-таки отказался от этой записи, от применения вот этого знака (т.е. и квалификации произнесения), он говорит, что на самом деле надо писать не эту букву Λ, но $\underset{\cdot}{a}$ (со знаком подъема). Вот с этим мы согласны, это будет улучшение литературного произношения.

Теперь, в отношении еканья и и́канья надо сказать. И вот и́канье и еканье, очевидно, сосуществовали в Москве испокон веков. Очевидно, и́канье — исторически это более древнее, пришло с юга когда-то. Но нельзя сказать, что московская речь обязательно такая, а не такая, как говорится в некоторых справочниках. Это вот та речь, которая свойственна большинству из нас, это вот такое [и] этимологическое: *п* [и]*ры* — *п*[е]*ро*, это будет по-разному: *п*[и]*ры*, но *п*[е]*ро*, и это называется мещанским и́каньем в литературе XX в. Несколько расплывчатое понятие. Что значит мещанское и́канье? Сам Ушаков проповедует, что надо не и́кать, а екать.

В своей же натуральной речи Ушаков и и́кает, и екает, но, насколько я представляю, у него преобладало и́канье в бытовой речи, но оно не резало слух, как не режет всем нам. В мещанской речи оно носит, как раньше говорили, вульгарный оттенок. Но слово *вульгарный* изжило само себя. Что такое вульгарный? Вульгарная латынь — народная латынь, простонародная. У нас есть понятие вульгарного (условно говоря) и́каньи — это резко напряженное и́канье — *в*[и̂]*сна*, *п*[и̂]*ры*, *п*[и̂]*рог*. Это [и] режет слух, это и́канье мы транскрибируем как не просто напряженное, а сверхнапряженное, и оно дает характерные призвуки.

Но вы можете послушать такую старую речь в ГУМе. Вот у некоторых продавщиц ГУМа (видимо, трудно попасть туда на работу, и у них "каста" своя), послушайте, какая у них речь, как они глотают второй предударный слог, растягивают безударные, какая интонация.

Чтобы наблюдать языковую панораму и методом статистики сортировать, сколько случаев в речи одного диктора еканья и и́канья (по-моему, на 25 мин. это 2500 — 3000 слов), если иметь в виду, что процент по русскому языку таких слов, как *голова, самолет,* — 7%, тогда слов 170—200 наберется из этого текста, и это довольно значительный для статистики материал. Некоторые люди очень пластичны в беседе, и они подчиняются чужой речи. Если они говорят с и́кальщиками, они нечаянно начинают и́кать, хотя обычно екают. Тут кто кому поддастся в интонации в диалогической речи, кто кому подчиняется в интонации, кто какую песню начинает, подхватывает и ведет музыкальную фразу. Потом вскрылось и такое, что связано со стилем: если что-нибудь такое серьезное, торжественное — еканье; если что-то бытовое, небрежное — и́канье. Потом заметим так, если во фразе есть много этимологического *и,* — ну типа *пиры,* то оно как бы абсорбирует, притягивает к себе *и* коренное, и получается целиком и́кающая фраза, человек настраивается на и́канье нечаянно. Если статистику ввести, чего больше, чего меньше в речи, (и считать) без учета внутренней закономерности живой речи, которой еще никто не занимался в таком аспекте, то, конечно, мы не получим точного ответа.

Мне хотелось бы еще сказать об оканье. Вот знаете, что в какой-то частной системе в литературном языке может быть оканье (например, в произношении иностранных слов). Как реализуется оканье в народном говоре? Какое-нибудь *ш* [о]*ссе* это будет *ш* [и]*се*, какое-нибудь *п*[о]*эт*, *р*[о]*манс* будет *п*[а]*эт*, *р*[а]*манс*. Но вот местное население Мещанских улиц (обнаруживало), как я называю, "стыдливое оканье", т.е. произносили *Б*[о]*бет*: сохраняют оканье, но все-таки аканье выдает. При частом произ-

несении этих фамилий может и не дойдут до *Б* [а] *бет,* и все-таки это [о] есть в речи тех кругов населения, которые я изучал. Между прочим, по встречаемости слогов "нэ" [с твердым согласным] или "не" [с мягким согласным] закономерности, очевидно, нет. Прекрасно умещается в слоге *бэ, дэ, нэ, бе, де, не,* и это не только в названии букв.

Последнее: мне бы хотелось сказать о таком противопоставлении: как надо в Москве говорить — е[ж̄]*у* или е[ж̄]*у*. Конечно, *е*[ж̄]*у* говорят в городе только молодые москвичи. Коренные москвичи говорили *е*[ж̄]*у, дро́*[ж̄]*и*. Мы знаем, что буква *щ* может произноситься как *ща* однородная и как *сча*, но в потоке живой речи встречаются часто преобразования, которые напоминают произношение новое литературное. Внешне оно как бы то́ же *сча*, но на самом деле представляет собой редуцированное... Тут как бы начинается *ша* обычное, потом дальше идет *ша* страшно напряженное, но не доходит оно до смычки, и дальше *тэ* мягкое, знаете, как паровоз шумит на улице [произносит]. Впечатление того, что это *ща* как *ща* и ч, на самом деле нет. Это относится к тем интимным моментам, которые взяты прикладниками на вооружение.

Я пропускаю много разделов, но нужно мне только сказать — я считаю, что московский говор как континюант старого московского говора еще живет. Края этой языковой единицы, как я уже говорил, размыты, но это не дает основания снимать проблему. Прежние авторы по-разному говорили о различии между литературным языком и московским говором, говорили, что различия в фонетике незначительны, но если совсем тают лексические вот эти одиозные всякие *оне́* или *они*, или вот эти морфологические образования всякие — *жгёт* или *жжет,* вот если это пропадает, то целый фонетический класс обнаруживает много особенностей, и если прежние авторы говорили о единстве говора, мне кажется, все-таки нужно отметить его неединство, и вероятно, и с к о н н о е. Как вы видите, эта тема обширная, она могла бы быть, конечно, и коллективной, она требует детального этнографического описания, материалов, их ответвлений очень много. Нам лучше ответить на многие частные вопросы в индивидуальных беседах. [Далее идет прослушивание образцов записей].

У меня тут поставлена запись одна, это с восточной окраины Москвы дикторша, и она интересна в том отношении, что в восемнадцатом-девятнадцатом году работала курьером в одном советском учреждении, входила в Кремль, видела Ленина, там вот это она описывает, вот послушайте. Обратите внимание на ее ритмику с растяжкой. В конце она говорит слово *ж*[ы^{э}]*ра* и *ж*[ы^{э}]*рища,* со вкусом она это произносит. Преподавательница сценической речи, которая написала книгу о правильном московском произношении (я давал ей прослушать эти записи), сказала: "Боже мой, всю жизнь прожила, и только сейчас впервые услышала *ж*[ы^{э}]*ра,* хотя всю жизнь учила, что так надо произносить". Вот заведите, пожалуйста, послушайте ритмику [воспроизводят запись].

До чего трудно мне как диалектологу работать в условиях городской диалектологии! Как нас легко, приветливо встречают на периферии и как трудно работать на московской окраине. "Говорим мы, как вы, ничем мы не замечательны. Что вы передразнивать что ли приехали? Ничего особенного нет". Приходилось дипломатию разводить. Это давно было, в Карачарово, самый крайний дом, каменный низ и верх, строили еще на деньги, которые они получили за отчуждённую землю, когда строили окружную железную дорогу. Они получили страховку, выстроили этот домик, и вот они живут уже несколько поколений в этом домике. Женщина не хотела заговаривать, но я прошел раз, прошел два, и возбудил страшное любопытство. Она меня окликнула: "Гражданин! Вам чего-нибудь

нужно?" Я загадочно ,ответил: "Нет, мне ничего не нужно". "Ну а чего же?" Тут я немножко согрешил. Я говорю: "Знаете что, я тут был в детстве, и ничего не узнаю". Меня осенило, что это путь к ее сердцу. "Знаете, я был в детстве, здесь улица была, то, другое"... Это сразу попало на ее любимую струнку, она сразу меня засыпала материалом после этого, и мы пригласили ее сюда, и от нее записано очень много текстов, уже в Институте.

Теперь другой образец речи, из более культурной среды. Вот послушайте, она рассказывает о семнадцатом-девятнадцатом годе. [Прослушивается запись]. Вот видите, вот эта структура внутренняя дифтонгоидов очень близка к владимиро-поволжской, если нарисовать схему, то и не отличить от владимиро-поволжской группы, хотя это коренные московские жители, из старых мещанских кругов, т.е. основного городского населения. Сейчас я покажу в виде образца речь подмосковной деревни. Вот там яканье, это коренные местные, деревня Чагино, это ближе, чем Капотня (Капотня — это уже загород). Вот образец крестьянского подмосковного говора, встречается там *яво,* и *яму* там в речи немножко проскальзывает, при ритмике очень похожей, знакомой, а вариативность гласных, варианты и вариации уже иные, не собственно городские. [Прослушивается запись].

А сейчас я хочу вам кусочек, очень маленький, дать из записи Дмитрия Николаевича Ушакова. Помните, я показывал года два назад обнаруженную с большим таким трудом ленту, которую копировали-перекопировали в театральном обществе. Это образец лекции, которую Дмитрий Николаевич Ушаков произносил перед учителями, о правильном московском произношении. Интересно то, что в конце он дает в своем собственном произношении рассказ Чехова "Дачники'. Этот рассказ в его дореволюционной русской диалектологической хрестоматии приведен в транскрипции, и вот проходит сорок лет, он произносит это же самое. Интересно видеть сдвиг, как он транскрибировал себя в девятьсот десятом примерно году, и как он произносит около сороковых годов. Сдвиг, конечно, есть в сторону и́канья. Значит, даже на протяжении одной лингвистической биографии (Дмитрия Николаевича Ушакова) можно наблюдать сдвиг, это очень интересный материал. Обратите внимание, как он сбивается с еканья на и́канье все время, хотя проповедует, что надо екать. [Идет прослушивание записи].

Н.Н. РОЗАНОВА

СОВРЕМЕННОЕ МОСКОВСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(на материале фонетики)

ВВЕДЕНИЕ

1. Московское городское просторечие, или московский народный говор, как его часто называют, легло в основу русского литературного языка. На базе московского просторечия сформировались в основном фонетические черты литературной нормы. Многие исследователи прошлого, внимательно вслушиваясь в говор московского простонародья, пытались обнаружить в нем черты сходства и различия с литературным языком. Уже А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Д.Н. Ушаков отмечали, что наибольшее сходство просторечия с литературной нормой наблюдается в области произношения. Так, А.И. Соболевский писал: "Если мы обратимся к московско-

м; простонародному и подмосковному говору, то увидим, что никаких звуковых особенностей он не имеет. Главное отличие его от нашего говора — в формах и словарном материале[1]". Аналогичные мысли высказывает и Д.Н. Ушаков: ≪Пушкинская московская просвирня — безусловный образец, конечно, только произношения, а не литературного языка в целом, так как она, конечно, могла говорить и "склизко", и другие недопустимые в книжный язык слова и формы. Однако, она эти "неправильные" слова произносила "правильно", по-московски... Словом, и на этих "неправильных" словах произношению московскому, произношению "правильному", можно было бы у нее выучиться, но сами-то эти слова перенимать в литературный язык было бы ошибкой≫[2].

2. Сравнивая особенности современного московского просторечия с русским литературным произношением, мы можем отметить, что различия между этими двумя речевыми сферами проявляются в наше время гораздо резче. Это объясняется многими причинами. Во-первых, значительно изменился социальный состав носителей просторечия[3]. Во-вторых, развиваются и меняются орфоэпические нормы литературного языка. Вследствие этого многие произносительные особенности, общие для литературного языка и просторечия, сохранились только в просторечии, в литературном же языке они были вытеснены новыми орфоэпическими нормами[4]. В-третьих, не стоит на месте, а претерпевает изменения, развивается и само московское просторечие. В нем появляются новые черты, не свойственные ему ранее. В современном городском просторечии зарождаются и получают распространение те фонетические явления, которые проникают в литературный язык значительно медленнее.

3. Для современного московского просторечия характерна своего рода д в о й н а я н а п р а в л е н н о с т ь фонетических изменений. С одной стороны, в просторечии дольше задерживаются многие произносительные черты старой литературной нормы. Некоторые особенности старомосковского произношения в настоящее время уже вышли из состава норм современного литературного языка, но продолжают встречаться в просторечии и составляют теперь его специфику. Возникает парадоксальная ситуация, которую отмечал Р.И. Аванесов. Некоторые уходящие из состава норм особенности сохраняются в сценической речи, придерживающейся, как известно, более традиционных произносительных норм, и таким образом эти особенности являются принадлежностью строгой разновидности нейтрального стиля, но в то же время эти же самые черты могут характеризовать и московское просторечие. Таким образом, пишет Р.И. Аванесов, "например, произношение огуре[шн]ый, кирпи[шн]ый можно услышать как в речи "правнучки" пушкинской просвирни, так и в сценической речи (и при том не только в характерных ролях, но и в собственной, конечно культивированной, актерской речи)"[5].

С другой стороны, в современном московском просторечии можно

---

[1] *Соболевский А.И.* Опыт русской диалектологии, вып. I СПб., 1897, с. 12—13.

[2] *Ушаков Д.Н.* Русская орфоэпия и ее задачи. — В сб.: Русская речь. Л., Academia, 1928, с. 6—7.

[3] См. об этом подробнее в ст. С.С. Высотского (наст. сб.)

[4] Ср. замечание Р.И. Аванесова: "Часть особенностей просторечного стиля впоследствии утратила свое значение нормы, вытеснившись соответствующими элементами книжного произношения. Ср. произношение *скрыпеть, прынц, вышня, цалует*, допустимое в XIX в., которое в настоящее время находится за пределами литературного языка и характеризует просторечие" (*Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., Просвещение, 1972, с. 22).

[5] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 23.

обнаружить много фонетических черт, общих с литературной разговорной речью[6]. Однако по сравнению с РР развитие произносительных тенденций осуществляется в просторечии более динамично: некоторые фонетические явления здесь распространены шире и проявляются более регулярно, чем в современном литературном языке.

4. Рассмотрим на конкретном материале, как соотносятся в наше время современное московское просторечие и литературный язык.

При анализе устаревших или уходящих из литературной нормы орфоэпических явлений, которые сохраняются еще в произношении носителей московского просторечия, мы будем сравнивать просторечие с кодифицированным литературным языком (КЛЯ)[7]. Материал для сравнения мы берем главным образом из книги Р.И. Аванесова "Русское литературное произношение" (М., "Просвещение", 1972, изд. 5-е, перераб. и доп.). В качестве дополнительных материалов использовались также и другие исследования, посвященные описанию орфоэпических норм кодифицированного литературного языка[8].

При описании других произносительных особенностей, наблюдаемых в просторечии, сопоставляем просторечие с литературной РР. Подобное сравнение представляется целесообразным, так как многие сходные фонетические явления можно обнаружить в обеих речевых сферах. Однако, как мы увидим далее, действие некоторых фонетических тенденций, обнаруживаемых в РР, ограничено целым рядом различных условий. Для просторечия же эти ограничения оказываются менее существенными. В качестве материала для сравнения, помимо наших собственных наблюдений над особенностями просторечного и разговорного произношения, использовались работы по фонетике РР[9].

5. Материалом для рассмотрения послужило произношение лиц, родившихся или выросших в Москве, но не вполне овладевших литературной нормой, т.е. являющихся носителями современного московского просторечия. Прежде всего анализировались магнитофонные записи бесед с информантами—носителями просторечия. В качестве вспомогательного материала использовались также блокнотные (ручные) записи.

Краткая характеристика информантов:

Л. — род. в 1873 г. в Москве. Родители: отец — купец 1-й гильдии, мать — домашняя хозяйка. Образование: училась 5 лет в частном пансионе. Род занятий: домашняя хозяйка. (Запись сделана С.С. Высотским в 1959 г. Оригинал записи хранится в фонотеке ИРЯ АН СССР).

О. — 76 лет, родилась под Москвой (д. Лужники Каширского уезда). С 7 лет жила в Москве. Родители: отец — сельский священник, мать — домашняя хозяйка. Образование среднее, закончила Филаретовское училище (для детей мелких священнослужителей). Род занятий: работала библиотекарем, в настоящее время находится на пенсии. (Запись сделана в 1976 г.).

---

[6] О термине "разговорная речь" (РР) см.: Русская разговорная речь. М., Наука, 1973, с. 5 и сл.

[7] О термине "кодифицированный литературный язык" см. там же, (с. 26 и сл.).

[8] *Чернышев В.И.* Законы и правила русского произношения. Пг., 1915; *Кошутич Р.* Граматика руског језика. Пг., 1919; *Ушаков Д.Н.* Указ. соч; *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929; *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941; *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967; Русский язык и советское общество. Фонетика. М., 1969; Русский язык по данным массового обследования. М., 1974; *Вербицкая Л.А.* Русская орфоэпия. Л., 1976 и др.

[9] Русская разговорная речь, 1973 (гл. "Фонетика. Сегментные единицы"); Русская разговорная речь. Тексты. М., Наука, 1978; Русская разговорная речь. Фонетика, Морфология. Лексика. Жест. Языковая игра. М., Наука, 1983; *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979; *Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в разговорной речи. — В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973 и др.

Ч. — 81 год, родилась в Москве. Образование начальное. Родители работали на текстильной фабрике. Род занятий: работница фабрики "Красная Роза", в настоящее время пенсионерка. (Запись сделана в 1977 г.).

С. — 80 лет, родилась в Москве. Родители: отец — дворник, мать — домашняя хозяйка. Образование начальное. Род занятий: работала на трикотажной фабрике, затем была домашней хозяйкой, в настоящее время пенсионерка. (Запись сделана в 1979 г.).

К. — 56 лет. Родилась в г. Щелково Московской обл. Образование среднее, закончила ФЗУ. Род занятий: работала на текстильной фабрике, в настоящее время — мастер-наставник ПТУ при комбинате "Красная Роза". (Запись сделана в 1978 г.).

Н. — 50 лет, родился в Москве. Образование среднее. Род занятий: рабочий комбината "Трехгорная мануфактура". (Запись сделана в 1964 г.).

Е. — 50 лет, родилась в Москве. Образование среднее. Родители: отец — сапожник, мать — уборщица. Род занятий — работает завхозом. (Запись сделана в 1978 г.).

Р. — 64 года, родилась в д. Кусково Московской обл. С 16 лет живет в Москве. Образование среднее, закончила медицинское училище. Родители: отец — продавец, мать — домашняя хозяйка. Род занятий: работала медсестрой, в настоящее время пенсионерка. (Запись сделана в 1980 г.).

Считаем необходимым сделать следующую оговорку. Очевидно, многие фонетические явления, описываемые ниже, встречаются не только в московском просторечии. Однако рассмотренный материал (все записи были получены от москвичей) не позволяет с уверенностью утверждать, что данные явления также распространены в речи жителей других городов. В связи с этим мы будем говорить лишь о московском просторечии, допуская, что часть описанных фактов встречается в речи и немосквичей.

СТАРЫЕ ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ И СОВРЕМЕННОЕ МОСКОВСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

Как мы уже отмечали выше, в московском просторечии, по сравнению с литературной нормой, более стойко держатся устаревшие произносительные черты. Обратимся теперь к описанию этих черт.

АССИМИЛЯТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

В московском просторечии смягчение согласных перед мягкими согласными проведено более последовательно, чем в литературном языке. Отметим также, что ассимилятивное смягчение согласных широко встречается в произношении не только представителей старшего поколения (родившихся в 1900 г. и раньше), но также в речи лиц, родившихся в более позднее время (в 20-е, 30-е, 40-е годы).

В современном литературном языке старая норма сильно расшатана. Твердые согласные перед мягкими могут не смягчаться, а в ряде случаев новое произношение без ассимилятивного смягчения уже окончательно победило старую норму. Р.И. Аванесов отмечает: "Во многих случаях старое московское произношение в отношении смягчения согласных перед мягкими согласными перестало быть нормой современного русского литературного произношения и приобрело разговорно-бытовой характер (или сохранилось в просторечии), а в некоторых случаях стало архаизмом"[10]. В просторечии старое московское произношение пока держится более стойко.

В современном литературном языке степень распространения мягкого варианта произношения в разных сочетаниях неодинакова. В просторечии

---

[10] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 108--109.

практически во всех группах согласных мягкий вариант возможен или даже преобладает.

1) Сочетание "зубной + мягкий зубной".

В современном литературном произношении в этих сочетаниях мягкость сохраняется более стабильно, чем в других случаях[11]. Однако распространенность мягкого варианта неоднородна. Она зависит от ряда как собственно языковых, так и неязыковых причин. Наиболее существенными, по наблюдениям исследователей, являются следующие: а) артикуляционная близость согласных в сочетании: "Чем больше артикуляционная близость согласных в сочетании, тем выше средняя частость мягкого варианта"[12]. Таким образом, в сочетаниях [н'т'] и [з'д'] ассимилятивная мягкость сохраняется более последовательно, чем, например, в сочетаниях [з'л'], [с'л']; б) характер морфемного стыка: "Морфемная граница, проходящая внутри сочетания, снижает частоту мягкого"[13]. Реже всего происходит смягчение в случае, если сочетание оказывается на стыке предлога и слова[14].

В просторечии данные условия менее существенны. Ассимилятивное смягчение преобладает в сочетаниях согласных независимо от их артикуляционной близости и характера морфемного стыка. Приведем несколько примеров. *Внутри слова* (не на морфемном стыке): в се[н'т']ябре, [з'д']есть, [с'т']ипендия, в па[н'с']ионе, ко[т'л']етка, [д'л']я себя, разо-[з'л']ился, [с'л']ёзы; *на стыке корня и суффикса:* фоку[с'н']ичает, не[с'т']и, разро[с'л']ися, вле[з'л']и; *на стыке приставки и корня:* ра[з'д']елили, ра[з'н']ежилася, о[т'л']тела; ра[з'л']езлась; *на стыке предлога и слова:* бе[с'с']ебя, бе[з'н']его, [с'н']ими, [с'т']еми, [з'д']евочками, [с'л']еночкой, бе[з'л']источков, чере[з'н']иколай Иваныча.

Из социальных факторов, влияющих на степень встречаемости мягкого варианта в современном литературном языке, существенным оказывается в о з р а с т говорящего. Во многих словах, содержащих сочетание "зубной + зубной", встречаемость мягкого варианта убывает от старшего поколения к младшему[15].

Наши наблюдения над произношением носителей московского просторечия показывают, что возрастной критерий здесь менее существен. Ассимилятивное смягчение зубных согласных перед мягкими зубными встречается в речи представителей разных возрастных групп. Так, в записи речи Л. (род в 1873 г.) всего встретилось 10 словоупотреблений, содержащих сочетание "зубной + мягкий зубной", из них в 8 случаях представлен мягкий вариант произношения; в записи речи О. (род. в 1899 г.) 11 раз употреблен мягкий вариант (всего 14 словоупотреблений); у С. (род. в 1903 г.) — 6 раз (из 6); у К. (род. в 1924 г.) — 7 раз (из 8); у Е. (род. в 1931 г.) 7 раз (из 9).

2) Сочетание "зубной + мягкий губной".

В современном литературном языке степень смягчения согласного в сочетании "зубной — мягкий губной" зависит во многом от характера морфемного стыка, на котором находится сочетание[16]. Мягкий вариант преоб-

---

[11] Русский язык по данным массового обследования..., с. 43.

[12] Там же, с. 45.

[13] Там же, с. 46.

[14] Ср. замечание Р.И. Аванесова: "Твердое произношение согласного предлогов на *-з* перед мягкими зубными следующего слова представляет собой новую норму современного русского языка, сменившую собою старую норму со смягчением" (*Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 115).

[15] Там же, с. 50—53.

[16] "Сильным языковым фактором, оказывающим влияние на распределение вариантов, является морфемный стык" ("Русский язык по данным массового обследования" ..., с. 61).

ладает внутри корня, реже он встречается на стыке приставки и корня, еще реже — на стыке предлога и слова[17].

В просторечии мягкое произношение данного сочетания распространено широко как внутри слова, так и на различных морфемных стыках: [с'в'] инина, на [т'в'] ерскую, пло [т'в'] ица, Ме [д'в'] едково, [д'в'] ёрки (прост. вар. от *дверки*), [з'в'] ено, разно [ц'в'] етные, [с'м'] етана, обе [с'п'] ечено; [с'п'] илили, о [т'в'] етить, о [т'в'] ела, ра [з'в'] яжи, по [д'в'] ешивали, и [з'м'] енилась, [с'в'] езли, ра [з'б'] ить; [с'в'] ещами, [з'б'] елой (отделкой), [с'м'] ебелью, чере [с'п'] ять (минут) и т.д.

Твердый вариант встречается реже. На фоне преобладающего мягкого произношения зубного согласного в данном сочетании попадаются отдельные случаи отсутствия ассимилятивного смягчения. Так, в речи информантки О (см. с. 39) встретилось произношение о [тв'] ет, но через некоторое время она употребляет мягкий вариант в слове о [т'в'] етил.

В современном русском литературном языке в ряде случаев мягкий вариант произношения почти полностью вытеснен твердым, а в просторечии произношение с ассимилятивным смягчением держится более стойко. Перечислим эти случаи.

1. Мягкое произношение сочетаний "[т], [д], [з], [с] + губной" в многоязычных словах[18]. В нашем материале следующие иноязычные слова были произнесены со смягчением зубного согласного: пор [т'в'] ейн, пор [т'ф'] ель, [с'в'] итер, [с'в'] ера (искаж. *сфера*), [с'ф'] ера (услуг), [с'п'] ецифицкий (специфический), [с'п'] ецилист (специалист), ди [с'п'] етчер, жа [с'м'] ин, го [с'п'] италь, про [с'п'] ект.

2. Сочетание "н + мягкий губной". В произношении наших информантов—носителей просторечия в данном случае преобладающим оказывается мягкий вариант: и [н'в'] ентарь, дези [н'ф'] екция, ко [н'ф'] еты, ко [н'в'] ерты.

3. Смягчение согласных [д] и [т] в приставках *под-, над-, пред-, от-* перед мягкими губными. В современном литературном языке в этих случаях победила новая норма: данные сочетания произносятся без ассимилятивного смягчения[19]. Наш материал показывает, что в московском просторечии мягкий вариант произношения распространен довольно широко. Ср. следующие примеры: по [д'в'] ешивали, по [д'м'] ели, на [д'в'] яжи, что о [т'в'] етить?; о [д'б'] еливатель, о [т'м'] енили, о [т'в'] ертывается (отворачивается), о [т'в'] ертка, о [т'в'] етил, нажарила о [д'б'] ивных, о [т'в'] есил, о [т'м'] етина, по [д'м'] енили, о [т'п'] етый (негодяй), о [т'п'] евание.

4. Мягкое произношение зубного в предлогах на [т] и [д] перед мягкими губными. В современной литературной норме победил твердый вариант: "Произношение мягких [т] и [д] в подобных случаях, свойственное старому московскому произношению, в настоящее время характеризует просторечный, сниженный стиль"[20]. В произношении носителей современного московского просторечия мягкий вариант еще сохраняется: по [д'в'] ишней, о [т'п'] ива, о [т'в'] ерочки, о [т'м'] еня.

5. Для московского просторечия характерно также широкое распро-

---

[17] Там же, с. 61.

[18] Ср. замечание Р.И. Аванесова о произношении таких сочетаний в литературном языке: "Смягчения зубных согласных перед мягкими губными обычно не происходит в словах иноязычного происхождения: пор [тв'] ейн, пор [тф'] ель, как [дм'] ий, [тм'] ин, в при [зм'] е. Произношение со смягчением зубных в таких словах имеет оттенок просторечия" (*Аванесов Р.И.*, Указ. соч. с. 11).

[19] Там же, с. 112.

[20] Там же.

странение мягкого варианта произношения предлогов на [з]—[с] (*без, из, через*) перед мягкими губными. В современном литературном языке, в отличие от просторечия, преобладает твердый вариант[21]. Таким образом, в современном московском просторечии старый произносительный вариант держится более стойко, чем в литературном языке. Ср. следующие примеры: и[з'б']елоруссии, не теряю и[з'в']ида, бе[з'в']ерочки, бе[з'м']еня, бе[с'п']ерины, чере[з'м']есяц, бе[с'п']яти (два), чере[с'п']ять (минут).

3) Сочетания "р + мягкий зубной", "р + мягкий губной".

В современном литературном языке новая норма произношения согласного [р] без смягчения перед мягкими губными и зубными является преобладающей. "Мягкость согласного [р] в сочетаниях с мягкими губными и зубными, которая была свойственна старому московскому произношению, не может уже считаться нормой для современного литературного языка: она встречается все реже и реже, притом по преимуществу в речи представителей старшего поколения"[22]. Выделяется лишь небольшое число случаев, в которых мягкость [р] возможна и даже предпочтительна с точки зрения современных норм: 1) в словах обиходно-бытовых, если перед [р] находится гласный [э] под ударением (че[р'в']и, пе[р'в']енец); 2) если сочетание [р] с мягкими губными и зубными находится между гласными переднего ряда (ки[р'п']ич, те[р'п']еть); 3) мягкое произношение предпочтительно также в словах *скорбь* и *борщ*[23].

В московском просторечии устаревшее произношение с мягким [р] распространено гораздо шире, независимо от того, гласные какого ряда находятся по соседству. При этом мягкий вариант произношения встречается в речи представителей разных возрастных групп (т.е. не только старшего поколения). Ср. такие примеры: се[р'в']из, се[р'в']ис (искаж. *сервис*), фо[р'м']енное (платье), ко[р'м']ить, (в действующей) а[р'м']ии, на фе[р'м']е, те[р'п']еливая, ки[р'п']ичный, па[р'н']и, в "Уда[р'н']ике", дво[р'н']ик, (сто) ко[р'н']ей (о помидорах), по вто[р'н']икам, не пове[р'н']ешь, па[р'н']ик, губе[р'н]ия, уме[р'л']и, коридо[р'ч']ик, ого[р'ч']ение, огу[р'ч']ик, го[р'ч']ица, убо[р'ш']ица.

4) Сочетание "губной + мягкий губной".

В просторечии преобладают случаи ассимилятивного смягчения [в] в сочетаниях "в + мягкий губной": [в'м']ешалися, [ф'п']ереди, [в'б']елом (доме), [ф']илипповской (булочной), [в'м']ешочке и т.д. Однако такое произношение не может считаться особенностью московского просторечия, так как оно широко распространено и в литературном языке[24].

То же самое можно сказать о сочетаниях [ф'м'], [м'п'], [м'б'], мягкое произношение которых еще часто встречается в речи носителей литературного языка, но в то же время сохраняется также и в просторечии: по ари[ф'м']етике, в ла[м'п']е, и[м'п']ераторское (училище), ко[м'б']инашка, бо[м'б']ежка, и[м'б']ирный (пряник) и т.п.

В просторечии нередко встречается мягкое произношение сочетаний *бв* и *бм* на стыке приставки и корня о[б'в']ила, о[б'в']инил, о[б'в']ешивают, о[б'м']ен. В современном литературном языке такое произношение считается устаревшим. Р.И. Аванесов отмечает: "Произношение в указанных положениях сочетания [б'в'] (с мягким [б], сочетания [б'м'] (с мяг-

[21] Там же.
[22] Там же, с. 121.
[23] Там же, с. 121—122.
[24] Там же, с. 109.

ким затвором вначале) в соответствии со старыми московскими нормами характеризует несколько сниженный просторечный стиль"[25].

Принадлежностью просторечного произношения стало смягчение [б] перед мягкими губными на стыке предлога и следующего слова. В нашем материале встретились следующие случаи смягчения [б]: о[б'в']етку, о[п̄']ень, о[б'м']еня, о[б̄']елом (платье жалею), о[б'в']икторе (плачет) (об Викторе).

5) Сочетания "зубной + j", "губной + j".

Как показали статистические исследования современного литературного произношения, внутри морфемы губные и зубные согласные перед [j] обычно смягчаются ([в'jу́гъ] — вьюга, по[б'jо́]м, воро[б'jа́]). На стыке морфем употребляется и старый (со смягчением), и новый (без смягчения) вариант[26]. Если мы обратимся к просторечному произношению, то увидим, что здесь предпочтение отдается старому московскому варианту, т.е. губные и зубные согласные перед [j] на морфемных стыках произносятся мягко. Приведем несколько примеров. *На стыке приставки и корня:* [с'jэ́']здит, [с'jэ́] ла, [с'jо́]мные (зубы), ра[з'jь]динить, ра[з'jо]мный, о[б'jо́]м, по[д'jо́]мник; *на стыке предлога и слова:* [с'jу́]га, [с'jа́]блоками, чере[з'jа́]лту, бе[з'ji]ды, о[т'jа́]блони.

6) Сочетание "губной + мягкий задненёбный".

В современном литературном языке губные перед мягкими задненёбными обычно произносятся в соответствии с новой нормой, т.е. без смягчения[27]. Социально-лингвистические исследования русского литературного произношения подтверждают, что в данном сочетании побеждает новая норма[28]. Вариант со смягчением в наше время сохраняется лишь у некоторых носителей литературного языка. Обычно это или представители старшего поколения, или лица среднего возраста, семейные традиции которых сохраняют эту норму до сих пор. В современном просторечии мягкий вариант распространен значительно шире. Ср. следующие примеры: ю[п'к']и, тря[п'к']и, в коро[п'к']е, в другой упако[ф'к']е, в Кремле[ф'к']е, на Пирого[ф'к']е, на Серпухо[ф'к']е, де[ф'к']и, (после семейной) обстано[ф'к']и, (немного) тра[ф'к']и, (две) остано[ф'к']и, в духо[ф'к']е, на Шаболо[ф'к']е, без рю[м'к']и, в су[м'к']е, на Данило[ф'к']е, (не на той) остано[ф'к']е, в Хи[м'к']и. Мягкое произношение губных согласных перед мягкими задненебными в речи наших информантов употребляется довольно последовательно и может считаться особенностью современного московского просторечия.

7) Сочетание "губной + зубной".

В современном литературном языке смягченное произношение губного в этом сочетании невозможно, перед мягким зубным произносится всегда твердый губной: со[фс']ем, деше[вл']е, ло[пн']ет и т.п. Существует предположение, что смягченное произношение губных в сочетании "губной+ зубной" было свойственно старой норме. Некоторые исследователи отме-

---

[25] Там же, с. 110.

[26] "По данным опыта внутри морфемы согласный перед < j > произносится мягко в 96–98% случаях, на стыке же морфем произношение мягкого колеблется от 5 до 91% по разным словам" ("Русский язык по данным массового обследования...", с. 76).

[27] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 126.

[28] "Итак, наши данные говорят о том, что новый, твердый вариант не только широко распространен, но и охватил все возрастные и социально-профессиональные слои носителей литературного языка" (Русский язык по данным массового обследования..., с. 80).

чали такое произношение у носителей литературного языка в начале века[29]. Однако у Р.Кошутича, оставившего подробное описание произношения московской интеллигенции начала нашего века, находим замечание о том, что сочетание "губной + мягкий зубной" всегда произносилось с твердым губным[30]. В то же время у современных носителей московского просторечия нередко встречается смягченный вариант произношения этого сочетания. В нашем материале имеются следующие случаи такого произношения. Внутри слова: со[ф'с']ем (другое дело), [ф'с'] ех (лучше), [ф'с']е, [в'з']яли, в дере[в'н']е, гра[б'л']и, [б'л']ины (пекли) [м'н']е, де[ф'ч']онкой (была), о[б'л']ижи; на стыке предлога и слова: [ф'с']емье, (придет) [ф'с']ебя, [в'д']еревне, [в'д']ень (рождения). Мягкое (или полумягкое) произношение губных перед мягкими зубными, не встречающееся в современном литературном языке, является характерным признаком просторечия.

Итак, наблюдения над просторечным произношением показывают, что в современном московском просторечии ассимилятивное смягчение твердых согласных перед мягкими распространено гораздо шире, чем в литературном языке. В тех случаях, когда в современном литературном языке твердый вариант произношения значительно преобладает над мягким и старое произношение сохраняется преимущественно в просторечии, устаревший вариант с ассимилятивным смягчением можно считать особенностью, характеризующей московское просторечие. Однако наличие или отсутствие ассимилятивного смягчения в произношении не является решающим показателем, свидетельствующим о том, что данный говорящий — носитель просторечия. В речи человека, владеющего литературными нормами, эта черта указывает на то, что его произношение сохранило некоторые старомосковские особенности. В то же время при наличии у говорящего других просторечных особенностей (прежде всего лексических и грамматических) эта же самая черта может рассматриваться как характеризующая просторечное произношение. При этом наиболее яркими показателями просторечия являются следующие случаи ассимилятивного смягчения:

1. Мягкое произношение сочетаний "[т], [д], [з], [с] + губной" в словах иноязычного происхождения: пор[т'ф']ель, [с'ф']ера, порт[(т'в']-ейн.

2. Мягкое произношение зубного в приставках и предлогах на[д] и [т] перед мягкими губными: по[д'м']ели, о[т'в']ертка, по[д'в']ишней, о[т'п']ива.

3. Мягкое произношение [р] перед мягкими губными и зубными (за исключением небольшого числа случаев, в которых ассимилятивное смягчение [р] возможно и в литературном языке): па[р'н']и, дво[р'н']ик, ого[р'ч']ение.

4. Мягкое произношение [б] в сочетаниях *бм, бв* на стыке приставки и корня: о[б'в']есил, о[б͡'м']ерил.

5. Смягчение [б] перед мягкими губными на стыке предлога и следующего слова: о[б'в']етку, о[б͡'м']еня, о[п̄']ень.

---

[29] *Брандт Р.Ф.* Лекции по исторической грамматике русского языка, вып. I. Фонетика М., 1892, с. 107; *Поржезинский В.К.* Элементы языковедения и истории русского языка. М., 1910, с. 54; *Чернышев В.И.* Указ. соч., с. 46; *Панов М.В.* Русская фонетика..., с. 326.

[30] *Кошутић Р.* Указ. соч., с. 154. — Ср. также мнение М.В. Панова о свидетельствах некоторых авторов относительно возможности смягченного произношения губных в данных сочетаниях: "Если даже эти свидетельства и не ошибочны, все же такое произношение было малораспространенным вариантом более типичного произношения с твердыми губными в этой позиции" (*Панов М.В.* Русская фонетика, с. 326).

6. Смягчение губного в сочетании "губной + задненёбный": тря[п'к']и, се[м'г']и, в духо[ф'к']е, на за[м'к']е.

7. Мягкое (или полумягкое) произношение губных в сочетании "губной + мягкий зубной": [ф'с']який, о[б'н']ими, [в'д']ере[в'н']е и т.п.

ПРОИЗНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

1) Сочетания *зж, жж, жд.*

В современном литературном языке сочетание *зж* не на стыке приставки и корня (или предлога и следующего слова), а также сочетания *жж* и *жд* (в слове *дождь, дожди*) могут произноситься двояко: [ж̄'] — по старой московской норме и [ж̄], [жд'] — по новой норме. Исследователи современного литературного произношения отмечают, что твердый вариант в настоящее время получил более широкое распространение[31]. Встречаемость мягкого варианта в различных словах неодинакова, она зависит от ряда причин как собственно языковых (наличие/отсутствие чередования в слове, частотность слов и др.), так и социальных (возраст говорящего, территориальная принадлежность). Однако, не смотря на то, что частотность употребления твердого или мягкого варианта в литературном языке колеблется от слова к слову, общая тенденция выражена достаточно определенно: "В настоящее время вместо мягкого двойного [ж]' все шире и шире начинает употребляться твердый двойной [ж]: во́[ж:]ы, дро́[ж:]ы, жу[ж:]а́ть, е́[ж:]у, по́[ж:]е. Такое произношение вытесняет собой звук [ж':], соответствующий старым московским нормам, и не может считаться сейчас неправильным. В связи с этим для современного состояния литературного языка мягкий двойной [ж] все в большей степени становится характерной чертой лишь старого московского произношения, а основным постепенно становится [ж:] (твердый) [32].

В современном московском просторечии, в отличие от литературного языка, произношение [ж̄'] в этих случаях держится более стабильно: до[ж̄']ик, мо[ж̄']ит, ви[ж̄']у, дро[ж̄']и, ао[ж̄']и, жу[ж̄']ит. Кроме того, в нашем материале имеются случаи произношения [ж̄'] на месте сочетания *жд* не только в слове *дождь* и производных от него, но и в других словах: подо[ж̄']и, подо[ж̄']ите, на и[ж̄']ивении, (день) ро[ж̄']ения. Употребление [ж̄'] в этих словах, является, по-видимому, особенностью просторечия.

2) Сочетание *чн.*

На месте *чн* по нормам старого московского произношения в литературном языке произносилось [шн]. В настоящее время в большинстве случаев эта норма считается устаревшей, она заменилась новой с произношением [ч'н].

Р.И. Аванесов отмечает: "В настоящее время произношение [шн] вместо *чн* по старым московским нормам во многих случаях приобрело просторечную, сниженную стилистическую окраску, а для ряда слов характеризует диалектную речь"[33]. Лишь в небольшом количестве слов на месте *чн* в

---

[31] Ср. наблюдение, сделанное в монографии "Русский язык по данным массового обследования". Статистическое обследование группы слов, содержащих сочетания *жж, зж, жд* позволило сделать следующий вывод: "Средняя частость [ж̄'] по всем словам равна 0,327. Это значит, что мягкий вариант почти в два раза менее распространен, чем твердый" (с. 84—85).

[32] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 140.

[33] Там же, с. 143.

современном русском литературном языке произносится [шн], таких как коне[шн]о, ску[шн]о, яи[шн']ица, скворе[шн']ик и др. В других случаях либо старое произношение ([шн]) допустимо наряду с ([ч'н]), либо окончательно вытеснено новой нормой.

В современном московском просторечии были зафиксированы следующие случаи произношения [шн]: було[шн]ая, праче[шн]ая, гре[шн']евая (каша), гречи[шн]ые (блины), ябло[шн]ый (пирог), убыто[шн]ый, поряд о[шн]ый, копее[шн]ое (дело), пустя[шн]ый, песо[шн']ица. Следует отметить, однако, что носители просторечия употребляют [шн] на месте *чн* также непоследовательно. Нам встретилось в речи наших информантов наряду с [шн] и произношение [ч'н]: гре[ч'н']евая (каша), ябло[ч'н]ое (варенье), моло[ч'н]ая (каша), пшени[ч'н]ый, верево[ч'н]ая (лестница).

3) Сочетания *кт, гд, кк, гк.*

В литературном языке в сочетаниях *кт, гд, кк, гк,* согласно нормам старого московского произношения, в некоторых словах наблюдалась диссимиляция задненёбных согласных [к] и [г]: ко[γд]а, ино[γд]а, все[γд]а и т.п. В современном литературном произношении сохраняются взрывные задненёбные [г] и [к].

В просторечном произношении еще нередко встречается [γд] в этих словах. Ср. следующие примеры: ко[γд]а-нибудь (сходим с тобой), нико[γд]а (не говорила), все[γд]а (были вместе), (повозь не ходили) нико[γд]а.

2. В произношении носителей современного московского просторечия сочетание *кт* в некоторых словах произносится как [хт]: ни[хт]о, [хт]о-нибудь, [х-т]ому дому, ко[хт']и, но[хт']и, дё[хт']ю, де[хт']ярное (мыло). Такое произношение было свойственно старомосковской норме[34]. В современном литературном языке, в отличие от просторечия, сохранилось только произношение [кт].

3. По старой московской норме на месте *кк, кг* произносилось [хк], [γг]. Однако в современном русском литературном языке такое произношение полностью утрачено. По свидетельству Р. Кошутича, произношение [х] и [γ] в этих сочетаниях являлось устаревшим уже для литературного языка начала нашего века[35].

В современном московском просторечии встречается [γг], [хк] на месте *кк, кг:* [γг]остям, [γг]ородским (парням), [хк]орове, [хк]ому. Такое произношение в настоящее время является характерным признаком просторечия.

УСТАРЕВШЕЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ

По нормам старого московского произношения некоторые слова в литературном языке произносились не так, как сейчас. В настоящее время в этих случаях новая норма вытесняет или уже вытеснила старую. Однако

---

[34] Ср.: "Группа *кт* во многих говорах произносится как [хт]: [хт]о, [х-т]ому, до[хт]ор, дире[хт]ор. Такое произношение для некоторых случаев было не чуждо и старым московским нормам ([хт]о, [х-т]ому)" (*Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 146).

[35] "Као што се *кк* може разједначити у *хк*, тако се и *гг* може разједначити у *γг*. Отуд спојеви типа къ го́роду (ка граду), изједначивши, мукло *к* с јасним *г* (г-го́роду), могу звучати као *γ-го́рᵇдУ;* исто тако къ горѣ (к брегу) *-г-гᵃр'е́*, а отуд: *γ-гᵃр'е́* и т.д. Као је глас, који смо обележили словом γ, редак и све ређи у књиж. језику..., у оваквим спојевима чешће се чује *гг* (т.ј. дуго *г* [ɡ̄]), него *γг*" (*Кошутић* Р. Указ. соч, с. 75).

устаревшее произношение таких слов сохраняется еще в московском просторечии. Сюда относятся следующие случаи:

1. Произношение твердого [р] в некоторых словах: (наелись) [гры]бов, [пры]нцесса, [пры]нц, ка[пры]зы[36].

2. Произношение [р'] в словах ве[р'х], четве[р'к], це[р'к]овь, пе[р'в]ый. В нашем материале встретились следующие случаи произношения [р']: на́ве[р'х], по́ве[р'х]у, в це́[р'к]овь, четве́[р'к], Ве[р'х]о́вный (совет), в пе́[р'в]ых (рядах), пе́[р'в]о-на́пе[р'в]о.

3. Произношение слова *очень* в твердым [н]. Отметим, что употребление [н] не зависит от качества последующего звука (твердый—мягкий, глухой—звонкий, гласный—согласный). Приведем следующие примеры: оче[н] ласковый, оче[н] страшно, оче[н] хорошо, оче[н] соленого (наелись много), (строго) оче[н] держали, оче[н] любил, оче[н] уговаривала, (на Рождестве много пожаров было) оче[н], оче[н] осторожно.

Итак, рассмотренный материал показывает, что в просторечии более стойко держатся многие особенности старого московского произношения. Некоторые из этих особенностей утратили или утрачивают статус литературной нормы и сохранились только в просторечии. В этом случае они представляют собой в настоящее время черты, характеризующие современное московское просторечное произношение.

ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И В ПРОСТОРЕЧИИ

Если сравнить просторечие с литературной РР, то в их фонетике можно обнаружить много сходного. Это сходство, видимо, обусловлено совпадением некоторых условий протекания речи: непринужденность, непосредственность общения, преимущественно устная форма реализации. Однако более пристальный анализ просторечного и разговорного материалов позволяет обнаружить существенные различия между этими речевыми сферами.

Так, в современном московском просторечии встречаются практически те же самые виды фонетических деформаций, что и в РР, но условия, при которых эти деформации возможны, для РР и для просторечия оказываются различными. Обратимся к рассмотрению произносительных особенностей современного московского просторечия и условий их реализации.

РЕДУКЦИЯ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ

1. В московском просторечии, как и в литературной РР, широко распространена сильная, вплоть до полной утраты, редукция гласных безударных слогов. При этом качественной редукции подвергаются г л а с н ы е в е р х н е г о п о д ъ е м а [у], [и]: но́в[ъ]ю (квартиру); к [т'ъ]хоми́ровой (фамилия врача), р[ъ]кавицы, полн[ъ]ю (карету), к[ъ]лаки, в с[ъ]ндуке.

2. Как и в литературной РР, в просторечии особенно часто происходит выпадение гласного 1-го заударного слога. При этом рядом стоящий согласный может приобретать дополнительную слоговость, а может оставаться и неслоговым [м'ид'в'э́д'въ] — *Медведева,* [двају́рдн̄ъь] — *двоюродная,*

---

[36] Р.И. Аванесов отмечает: "Произношение этих слов с твердым [р] (кап[ры́]зный, [прынц], [прын]це́сса, [рыск], [ры]сковáть) свойственно внелитературному городскому просторечию" (*Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 106).

(меньше) [жы́ткс'и] — *жидкости,* [апслу́ӡжт] — *обслужит,* [нау́ч'ш] — *научишь,* [фсако́л'н'кӡх] — *в Сокольниках,* [рас'п'и́свъцъ] — *расписываться,* [полп'а́твъ] — *полпятого,* [корӡ'т] — *кормят.*

3. Нулевая редукция гласного 2-го предударного слога также происходит очень часто. Утрата гласного в этом слоге подчеркивает своеобразие ритмической структуры слов в московском просторечии. Длительность гласного 1-го предударного слога еще больше увеличивается за счет утратившегося гласного 2-го предударного. Примеры: [сма̄ва́р] — *самовар,* [зва̄ро́тъ] — *за ворота,* [р'ста̄ра́н] — *ресторан,* [мна̄стыр'] — *монастырь,* [пка̄па́ў] — *покопаю,* [псӡа̄д'и́л'и] — *посадили,* [пра̄с'о́ӡнч'къ] — *поросеночка,* [пл'йч'и́л'и] — *полечили,* [нп'йшы́т'и] — *напишите,* [ӡзр'йшы́лъ] — *разрешила.*

4. Особо следует остановиться на случаях сильной редукции гласных 1-го предударного слога в просторечии. Как уже отмечалось в фонетической литературе, московский народный говор отличается от литературного языка особенностями ритмического строения слов. Эти особенности строятся прежде всего на различии в распределении длительности между гласными ударного, 1-го предударного и остальных безударных слогов в слове. Гласный 1-го предударного слога отличается от других безударных слогов наибольшей длительностью, силой и своеобразием тембра звучания[37]. У слушателей это обычно создает впечатление, что москвичи особенно сильно растягивают слова. (Ср. известную дразнилку: "Мы из Ма-а-сквы"). Однако наши наблюдения показывают, что такая ритмическая модель в современном московском просторечии сохраняется не всегда. В произношении коренных носителей московского просторечия наряду с растяжкой гласного в 1-м предударном слоге нередко встречаются случаи сильной редукции гласных в этой позиции: [бъла́] — *была,* [выръба́тваъцъ] — *вырабатывается,* [пръшл'и́] — *прошли́,* [устъју́] — *устаю,* [къку́ӈ't'] — *какую-нибудь,* (ръспу́т'ин) — *Распутин,* [бръла́] — *брала,* [скъза́л] — *сказал,* [ф'ьвр'л'э́] — *в феврале,* [кръс'и́въи] — *красивые.* Данное явление распространено также и в литературной РР[38].

Сильная редукция в 1-м предударном слоге может приводить к полной утрате гласного. Отметим, что выпадение гласного в этой позиции в литературной РР встречается гораздо реже. Препятствует утрате гласного целый ряд ограничений. Ср. наблюдения исследователей фонетики РР: "Для сильной редукции и выпадения гласного в первом предударном слоге необходимы определенные условия, способствующие редукции. Наши примеры показывают, что первый предударный гласный выпадает обычно при следующих условиях: 1) после мягкого согласного: присоед(и) няюсь, нап(и)шу, прин(е)су, инст(и)тут, универс(и)тет и т.д., исключение — к(а)кой-то, к(а)кие-то; 2) если первый предударный слог не является начальным слогом слова: удлинение, "утяжеление" предударной части слова способствует редукции первого предударного гласного; исключения — с(е)стра, к(а)кой-то, с(ей)час[39]". Действие ограничений, существенных для РР, в просторечии ослабляется. Ч и с л о п о з и ц и й, в которых возможно выпадение гласного 1-го предударного слога, у в е л и ч и в а е т с я. Это, во-первых, позиции, совпадающие с РР: после мягкого согласного не в начальном слоге слова: [к'ип'т'и́ла] — *кипятила,* [н'ич'во́] — *ничего,* [нъл'ва́л'и] — *наливали,* [п'ир'ив'л'и́] — *перевели,* [п'ьрв'ид'на́] — *переведена,* [ръш'та́лъ] — *рассчитала,* [ин'с'ту́т] — *институт.*

---

[37] См. об этом подробнее в статье С.С. Высотского в наст. сборнике.

[38] Русская разговорная речь, 1983 (раздел "Суперсегментная фонетика").

[39] Русская разговорная речь, 1973, с. 45.

Кроме того, нулевая редукция возможна в позициях, не совпадающих с РР; после твердого согласного: [къмна́л'ъи кварт'э́ры] — *коммунальные квартиры,* [ал'итр'ин] — *олететрин,* [нъзва́ицъ] — *называется,* [садно́й стърны́] — *с одной стороны;* в начальном слоге слова как после твердого, так и после мягкого согласного: [кпцы́] — *купцы,* [сч'ас] — *сейчас,* [рга́ут] — *ругают,* [сказа́л] — *сказал,* [па вос'ьм' цсо́ф] — *по восемь часов,* [бла] — *была;* [сстра́] — *сестра,* [м'н'а] — *меня,* [д'в'ина́ц ч'со́ф] — *двенадцать часов,* [т'п'эр'] — *теперь,* [ч'тыр'ь] — *четыре,* [н'д'э́лъл'и] — *не делали,* [н'м'э́цкаи] — *немецкий.*

5. Сильная редукция гласных других безударных слогов в просторечии также распространена шире, чем в литературной РР. При этом ограничения, препятствующие выпадению гласных в РР, для просторечия оказываются менее существенными. Так, утрата гласного 2-го заударного слога в РР возможна лишь при следующих условиях: 1) "при сильной редукции большей части слова (обычно в очень частотных словах или морфемах, например, в отчествах): [ја́кп'нъ] *Яковлевна,* [г'ьо́р'н'ь] *Георгиевне,* [д'м'и́тр'ьч'] или [д(') м'и́тч'] *Дмитриевич,* [д(') м'и́тнъ] *Дмитриевна*"; 2) "когда второй заударный слог начинается с сонорного согласного, перед которым гласный первого заударного слога не редуцирован до конца; [про́вълкъ] *проволока,* [па́пьрт(') н'ик] *папоротник,* [су́тълкъ] *сутолока,* [на́вълкъ] *наволока,* [вы́църпът'] — *выцарапать,* [вы́д'ил'л'и] *выделили,* [вы́д'иэл'л'и] — *выделали,* а также слово *притолка*"[40].

В современном просторечии выпадение гласного 2-го заударного слога может осуществляться при тех же условиях, что и в РР: [мар'гр'иго́р'нъ] — *Марья Григорьевна,* [б'изо́ч'ьрд'и] *без очереди,* [ф'о́дн'ъ] — *Федоровна;* [на́вълч'к'и] — *наволочки,* [пъзнако́м'ил'с] — *познакомились,* [ро́с'в'ьн'к'и] — *родственники,* [растро́ил'с] — *расстроилась.* Но возможна редукция гласного и в других позиционных условиях (т.е. после любых согласных, не только сонорных): [с'э́м'ьс'т'] — *семьдесят,* [ат'э́ш'ьснъиъ ваина́] — *Отечественная война,* [н'э́уква] — *не у кого.*

Особенно часто выпадение гласного 2-го заударного слога происходит в глаголах с суффиксами *-ыва, -ива, -ова, -ева* в форме прошедшего времени: [ака́пывлъ] — *окапывала,* [зап'и́съвлъ] — *записывала,* [пъсав'э́тьвл'и] — *посоветовали,* [зав'а́зывла] — *завязывала,* [уха́жъвла] — *ухаживала,* [зав'и́дъвл'и] — *завидовали.* В РР в этих случаях более вероятна сильная редукция гласных 1-го заударного слога ([ука́звъла] — *указывала,* [пъсав'этвъл'и] — *посоветовали,* [зав'и́двъл'и] — *завидовали* и т.п.).

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛНОЙ РЕДУКЦИИ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ

В результате полной редукции в просторечии, как и в РР, рядом могут оказаться согласные, сочетание которых невозможно в кодифицированном литературном языке[41]. Приведем следующие примеры из просторечия: за[с'д]ате́ли, мо́[жт], осо́[б'н]о, испо́л[н'л]ось, вы́[п'с]ать, [т'х]оми́рова.

Однако, в отличие от литературной РР, встречаемость подобных сочетаний в просторечии более ограничена. В просторечии реже нарушаются "запретительные" правила сочетаемости согласных за счет широкой рас-

---

[40] Там же, с. 47.

[41] Ср. наблюдение исследователей РР: "В результате полной редукции гласного в соседстве друг с другом могут оказаться такие гласные, которые по правилам сочетаемости" не имеют права" на соседство" (Русская разговорная речь, 1973, с. 60).

пространенности здесь различных процессов взаимодействия между соседними согласными. Перечислим их:

1) Слияние двух одинаковых согласных, оказавшихся рядом, в один долгий звук: в таком [с̄] тоя́нии, оли [т̄] рин, [п̄] уля́рный, [п̄] рощу́, [г̄] ие́на ("Гигиена" — название чистящего средства). Если рядом оказываются согласные, отличающиеся друг от друга по какому-либо признаку, то нередко происходит полная ассимиляция согласных: с (е) стра → [с̄тра], с (ей) час → [ш̄'ас], в карт (о) чке → [фка́рч̄'к'и], служ (а) щие → [слу́ш̄'ии], под (о) деяльник → [пъд'ијэ́л'н'ик], кост (о) чка → [ко́сч̄'ка], лент (о) чки → [л'э́нч̄'к'и].

2) В результате выпадения гласного происходит упрощение образовавшихся сочетаний двух и более согласных. Так, оказавшиеся рядом звуки *т* и *л*, *д* и *н*, *т* и *н* заменяются фаукальным согласным: [ф'о́д͡нъ] — *Федоровна,* [рад'и́т͡л'ьи̯] — *родителей,* [н'им'э́дн̄ъ] — *немедленно,* [въс'п'ита́т͡нъь] — *воспитательная (работа),* [пр'ьцс'эи̯да́т͡л'] — *председатель.*

Выше мы уже рассмотрели случаи полной ассимиляции согласных. Нередко между оказавшимися рядом согласными может происходить частичная ассимиляция по какому-либо одному или нескольким признакам: ч (а) сов → [цсоф], мис (о) чку → [м'и́ш'ч'ку], закус (о) чки → [заку́ш'ч'к'и] (ассимиляция по месту образования); бат (ю) шки → [ба́ч'шк'и] (ассимиляция по способу образования); провод (и) шь → [право́ч'ш] (по способу образования и по глухости); Технич (е) ское (управление) → [т'ихн'и́ш'скъь], электрич (е) ская (пила) → [ил'иктр'и́ш'скъь] (по способу образования); р (е) сторан → [р'стара́н], с Вер (о) чкой → [с'в'э́рч'къи̯], мож (е) т → [мошт], в авг (у) сте → [ва́фкс'т'ь], в (е) селее → [ф'с'ил'э́и̯ъ], баб (у) шка → [ба́пшкъ], на автоб (у) се [нъафто́пс'ь] (ассимиляция по глухости).

3) Особо следует рассмотреть случаи ассимиляции согласных по твердости. В литературной РР между твердым и мягким согласными, оказавшимися рядом после полной редукции гласного, ассимиляция наблюдается редко[42]. В просторечии ассимиляция по твердости распространена довольно широко: прав (и) ло → [пра́влъ], с (е) стра → [с̄тра́], пен (и) циллин → [п'ьнцыл'и́н], заинтер (е) совалась → [зъин'т'ьрсава́лъс], проф (е) ссора́ → [пръфсара́], по набер (е) жной → [пана́б'ьржнъи̯], Марья Григорь (ев) на → [мар'гр'иго́рнъ], разговар (и) вать → [ръзгава́р-вът']. Список примеров можно было бы продолжить. Широкую распространенность ассимиляции по твердости можно объяснить тем, что в просторечии ярче, чем в литературной РР, проявляется тенденция избегать "запретных" сочетаний согласных. Если в РР сочетание "мягкий + твердый" обычно сохраняется (пра [в'л] о, в [р'с] тоpане) и служит сигналом того, что гласный, находившийся между согласными, утратился, то в просторечии в результате ассимиляции согласных, оказавшихся рядом, устраняются последние "следы" выпадения гласного (пра́ [вл] о, в [рс] тора́не). Таким образом, просторечие в этом отношении более последовательно, чем РР: здесь ярче проявляется тенденция довести процесс редукции гласных в некоторых позициях до конца, т.е. устранить все "последствия" такой редукции.

4) В результате выпадения гласного может образоваться консонантная группа, состоящая из трех и более согласных. В таких группах согласных

---

[42] "При исчезновении гласного между мягким и твердым согласным изредка можно наблюдать ассимиляцию согласных по твердости, а именно частичную или полную утрату мягкости первым согласным: [аб(') за́т'на] *обязательно,* [съв(') ршэ́на] *совершенно,* [нъп(') са́т'] *написать*" (Русская разговорная речь, 1973, с. 58).

в просторечии происходит упрощение: по сущ(е)ству → [пъсущ'сту́], Ал(е)ксандра Григор(ев)на → [асан гр'игор'нъ]; Дмитр(ие)вна → [д'им'-итна], семьд(е)сят → [с'эм'с'ьт], в Ломонос(ов)ский институт → [влъманоскай]. Процесс упрощения групп согласных в просторечии сходен с аналогичным процессом в РР.

Как отмечают исследователи РР, "легче всего такое упрощение наблюдать в суффиксах"[43]. Подобные явления имеют место и в современном просторечии: упрощение в словах с суффиксом *-ственн-*: общественный → → [апш'эсный], государственное → [гъсударснъь]; родственники → → [рос'н'ик'и], торжественно → [таржэснъ]; с суффиксом *-тельн*: воспитательная (работа) → [въс'п'итат'нъь], обязательно → [аб'зат'нъ], решительный → [р'ишыт'най].

Отдельно следует отметить случаи упрощения групп согласных, не характерные для литературной РР, но часто встречающиеся в просторечии. Например, в словах с суффиксом *-овск-*, если корень оканчивается на [т]: Сарат(ов)ский →[сарацкъй], Филарет(ов)ское (училище) → [ф'илар'-эцкъь]; в словах с суффиксом *-ческ-*: Ботанический (сад) → [бътан'ицкъй], купеческий →[куп'эцкъй], империалистическая (война) → [им'п'ир'л'ис't'ицкъйъ], технический → [т'ихн'ицкъй]. Подобные случаи упрощения настолько широко распространены в просторечии, что образовавшиеся формы на *-цкий (-цкай)* можно считать просторечными вариантами литературных форм на *-овский, -ческий*. Это значит, что данное явление, имевшее первоначально фонетическую основу, является теперь фактом грамматики просторечия.

УСТРАНЕНИЕ СТЕЧЕНИЯ ГЛАСНЫХ

1. В просторечии наблюдается тенденция к устранению зияний. Хотя стечение гласных в словах русского языка встречается не часто[44], все же в тех немногих случаях, когда оно есть, для носителей просторечия характерно стремление избавиться от такого сочетания. Имеется два способа избежать зияний, и оба широко используются в просторечии.

Первый из них — вставка согласного (обычно [в] или [j]) между гласными. Чаще всего такое произношение наблюдается в словах иноязычного происхождения. Ср. следующие примеры: *какао* — [кака́ва], *радио* — [ра́д'ива]; *пианино* — [п'иан'и́на], *в киоске* — [ф'к'ийо́ск'и], *театр* — [т'ийа́тър], *шпион* — [шп'ийо́н], *маэстро* — [майэ́стръ], *проектное (бюро)* — [прайэктнъйъ].

2. Другой способ устранения зияний — стяжение гласных. Этот способ (в отличие от первого) встречается и в литературной РР.

Встречаемость этого явления в РР и в просторечии объясняется сходством условий протекания речи: "В потоке речи, особенно при ускоренном темпе, происходит очень значительная взаимоадаптация и наложение во времени соседних звуков, которые иногда сливаются полностью... Стяжение предполагает не только полную ассимиляцию звуков по качеству, но и слоговую перестройку, утрату слога и нарушение, изменение ритмической схемы слова"[45].

---

[43] Там же, с. 58.

[44] "Сочетание "гласный + гласный" достаточно редко в русском языке (и речи). Просматривая словарь русского языка, мы будем не так часто встречать слова с этим сочетанием; слушая речь, не часто услышим последовательность из двух слоговых гласных" (*Панов М.В.* Русская фонетика, с. 65).

[45] Русская разговорная речь, 1973, с. 64.

Однако в просторечии сфера распространения данного явления гораздо шире. Перечислим сначала случаи стяжения гласных, возможные в РР и в просторечии, а затем отдельно отметим случаи стяжения гласных, не зафиксированные исследователями РР, но встречающиеся в просторечии.

Стяжение гласных, встречающееся и в РР и в просторечии

В просторечии стяжение встречается чаще, поэтому наряду с примерами, отмеченными и в литературной РР, здесь много слов и форм, употребляемых в РР обычно без стяжения.

1) На стыках слов в потоке речи: *Он рано умер* — [рану́м'ьр]; *Потому что у ней муж умер* — [птамушту́н'э̯и].

2) В словах иноязычного происхождения: *театр* — [т'а́тър], *до библиотеки* — [б'ибл'ат'э́к'и], *официантка* — [аф'ица́нкъ], *авиаторы* — [ав'а́търы], *авиационный* — [ав'ицо́нъи̯], *раунатин* — [рунат'и́н], *аудитория* — [ад'ито́р'иъ̯ъ], *протоиерей* — [прътър'э̯и], *реабилитировали* — [р'ьб'ьл'ит'ирвъл'и], *пианино* — [п'ан'и́на], *туалет* — [т^{у}ал'э́т], [т^{о}ал'э́т], *(он был) метеоролог* — [м'итэ^{ы}ро́лъх], *милиционер* — [м'ил'цын'э́р], [м'ил'цан'э́р], *пионеры* — [п'ан'э́ры], *по географии* — [пъг'играф'ии], *диета* — [д'э́та], *диетический* — [д'ит'и́цкъи̯].

3) В словах исконно русских по происхождению, где имеются случаи скопления гласных не на морфемных стыках: *паука* — [пука́], *паутины (кругом)* — [пут'и́ны], *яиц* — [jиц].

4) На стыке приставки и корня. В литературной РР, как отмечают исследователи, "лишь редкие слова этой группы допускают стяжение"[46]. Такое ограничение объясняется тем, что "в литературном русском языке фонетическая самостоятельность слова и морфемы достаточно велика, потому пограничные звуки разных морфем или слов, соседствующие друг с другом, взаимодействуют лишь очень ограниченно, и гласные на стыке морфем и слов стяжению не подвержены. Исключение представляют слова с приставками *со-, во-* и корнем, начинающимся с гласного, но не все, а лишь те из них, в которых приставка (а затем и корень) д е с е м а н т и з и р у е т с я, в н у т р е н н я я ф о р м а з а т е м н я е т с я и с т ы к с т и р а е т с я (выделено нами. — *Н.Р.*): *вооружение, воображать, сооружение, сообщать, вообще, воодушевить (ся), сооруженный, соображать, соображение, сообразительный, сообразоваться, сообща, сообщающийся, сообщение, соответственно* и некоторые другие"[47]. В современном просторечии стяжение гласных на стыке приставки и корня распространено гораздо шире. Оно обнаруживается не только в словах с приставками *со-* и *во-*, как в РР, но также на стыке других приставок и корня, где есть стечение гласных. Ср. следующие примеры: в словах с приставкой *со-*: с[а]бще́ние, не с[ъ]бража́ла; с приставкой *во-*: в[ъ]бра́жает (много); с приставкой *по-*: п[а]бе́дала, п[ъ]ккура́тней, п[у]ха́живай (за ней); с приставкой *на-: научили* — [нуч'и́л'и], н[ъ]боро́т; с приставкой *пере-: переодела* — [п'ир'ид'э́лъ], *переоборудовали* — [п'ьр'ьбару́двъл'и]; *у-: уезжаете* — [уӡжа́ит'и]; *при-: приобрела* — [пр'ибр'ила́].

5) На месте стечения двух гласных, образовавшегося в результате выпадения согласного между ними: те(б)я → [т'а], дя(д)енька → [д'а́н'къ], буд(е)т → [бут], пра(в)ильно → [пра́л'нъ], то есть → [тос'], обслуживают → [апслу́жвут], "Гигиена" (название чистящего средства) → [г'э́на].

---

[46] Там же, с. 65.
[47] Там же, с. 65.

Стяжение гласных, встречающееся преимущественно в просторечии

Приводимые ниже случаи стяжения не отмечены исследователями РР и свойственны, по-видимому, прежде всего просторечию. Здесь они распространены широко.

1) В словах с частицами *не* или *ни,* если слово начинается с гласного: *неаккуратный* — [н'икура́тнъи], *неизгладимое (впечатление)* — [н'и́зглад'и́мъиъ], *(ничего) не обнаружили* — [н'ьбнару́жыл'и], *не исповедовалась* — [н'испав'э́двълъс], *необходимо* — [н'ипхад'и́ма], *неизвестно* — [н'из'в'э́снъ], *не упадите* — [н'упад'и́т'и], *не отремонтировали* — [н'атр'ьман'т'и́рвъл'и], *не ожидала* — [н'ажыда́лъ], *ни у кого (нету)* — [н'укаво́].

2) На стыке предлога и следующего слова: *на Украине* — [нукраи́н'и], *на Арбат* — [нърба́т], *на Алексеевской (улицы)* — [нъл'икс'э́ифскъи], *на октябрь* — [накт'а́бър'], *на Ильин день* — [нъл'ји́н д'э́н'], *на окружной (дороге)* — [нъкружно́и], *на обед* — [наб'э́т], *на огороды* — [нъгаро́ды], *на Осипенко (он жил)* — [нъс'ип'э́нкъ]; *по Арбату* — [парба́ту], *по электричеству (учился)* — [пъл'иктр'и́ш'ству]; *за окном* — [закно́м], *за урожаем* — [зуража́ьм]; *до обеда* — [даб'э́дъ].

3) В сложных словах на стыках морфем: *своеобразная* — [свъибра́знъь], *красноармеец* — [кръснар'м'э́иц], *самообслуживание* — [съмапслу́жвън'ъ].

3. В литературной РР наличие/отсутствие стяжения зависит также от характера сочетания гласных. По наблюдениям исследователей, "чаще и легче стягиваются сочетания из звуков не контрастных друг другу, реже и труднее — из контрастных (поэтому, например, редко стягиваются сочетания с [у], так как [у] сильно контрастирует почти со всеми гласными)"[48]. В просторечии контрастность сочетания гласных не является фактором, препятствующим стяжению. Так, в нашем материале довольно много встретилось случаев стяжения сочетаний с [у]: *обслуживают* — [апслу́жвут], *ни у кого* — [н'укаво́], *не упадите* — [н'упад'и́т'и], *на Украине* — [нукраи́н'и], *поухаживай* — [пуха́жвъи], *паука* — [пука́], *аудитория* — [ад'итО́р'ииъ], *раунатин* — [рунат'и́н], *за урожаем* — [зуража́ьм], *по уходу (за больными)* — [пухо́ду], *туалет* — [т°ал'э́т].

4. Итак, процесс стяжения гласных в просторечии охватывает более широкий круг слов, чем в РР: сливаться в один звук могут гласные, оказавшиеся на стыке приставки и корня, предлога и следующего слова, частиц *не* и *ни* и следующего слова. В литературной РР стечение гласных в этих случаях отсутствует или наблюдается гораздо реже. Кроме того, появление стяжения в просторечии в меньшей степени, чем в литературной РР, зависит от характера сочетания гласных. Так, в просторечии слияние контрастных гласных в один звук происходит чаще, чем в РР.

ОСЛАБЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Ослабление согласных — одно из ярких свойств современного просторечия. Эта черта широко распространена и в литературной РР[49]

Один из видов ослабления согласных, широко распространенный в просторечии, — утрата или ослабление смычки у взрывных согласных. Особенно часто ослабляет смычку аффриката [ч'], в произношении носителей

[48] Там же, с. 67.

[49] "Если рассматривать согласные в потоке речи, независимо от их фонетической позиции, то можно отметить лишь одну общую тенденцию, наблюдающуюся в РР: согласные склонны к ослаблению и выпадению" (Там же, с. 75).

просторечия она звучит как [ш']; до́[ш']ка, блю́де[ш']ко, [ш']а́йник, да́[ш']ный, гре́[ш']невая (каша), ка[ш']а́ется и т.п. Такое произношение можно встретить также и в литературной РР[50], однако в просторечии замена [ч'] на [ш'] распространена гораздо шире[51]. Некоторые исследователи отмечают, что подобное произношение в основном характерно для "московской неинтеллигентной молодежи"[52]. В нашем материале замена [ч'] на [ш'] нередко встречается в произношении коренных москвичей — носителей просторечия более старшего поколения. Приведем следующие примеры из речи представителей разных возрастных групп. Женщина (род. в 1873 г.): купе́[ш']еский, гре́[ш']невая (каша), ни[ш']его́, пе́[ш']и, у[ш']и́лась, в кори́[ш']невых (платьях), ду́ро[ш']ками (делаются), под була́во[ш']кой, из но[ш']ле́жки; женщина (род. в 1902 г.): по[ш']ему́, о́[ш']ень; женщина (род. в 1900 г.): по[ш']ти́, на[ш']ина́лося; мужчина (род. в 1929 г.): заме[ш']а́тельно, (дай) [ш']ервя[ш']ка́, отмо[ш']и́ли; женщина (род. в 1899 г.) у[ш']и́тельница, вра[ш']и́, ле[ш']и́ть, клю[ш'], у[ш']ителя́.

Ослабление или утрата смычки встречается не только у [ч'], но и у других взрывных согласных и аффрикат. Ср. такие примеры: с[т̆]ро́го, [з']е́шние, *что-нибудь* — [шо́н'ибъс'], в о́[п̆]щем, *теперь* — [с'п̆э́р'] *цвета* — [с'в'ита́], постоя́л [б̆]ы.

В московском просторечии отмечаются также случаи ослабления смычки у согласного [г], в результате чего иногда в произношении коренных москвичей — носителей просторечия можно услышать *г* фрикативное вместо *г* взрывного: ру[γ]а́ют, у́[γ]ол, У́[γ]лич, [γ]лубина́, со[γ]на́л с [γ]незд, (два с половиной) [γ]о́да, кру[γ]о́м.

РЕДУКЦИЯ ИНТЕРВОКАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

Тенденция к ослаблению согласных проявляется не только в утрате или ослаблении какого-либо элемента артикуляции, но и в полной редукции согласных.

Как и в литературной РР, в современном просторечии встречается явление редукции согласных в позиции между гласными. При этом выпадать могут различные согласные. Чаще всего исчезают [j], сонорные и [в]: холо́[дн̆ъ́ў] (воду пьют), в Оте́чествен[нуў] (войну), торжественн[ъь] (служба), до́бръ́ў — *добрую*, [каэ́шнъ] — *конечно*, [наэ́рнъ] — *наверно*, [растра́ўс] — *расстраиваюсь*, [с'л'ипа́и] — *слепая (стала)*, [пано́уму] — *по-новому;* реже выпадают звонкие взрывные согласные: с [ба́у]шкой, [бу́ит] — *будет*, [вы́ьт] — *выйдет (замуж)*, (в церковь) [хо́ўт] — *ходют;* особенно редко выпадают глухие согласные: [т'иэ́р'], [т'эр'] — *теперь.*

Отметим, что данное явление в просторечии, видимо, имеет меньшую распространенность, чем в РР. Объяснить это можно тем, что для просторечия менее характерны зияния (стечения гласных), неизбежно образующиеся в результате редукции интервокальных согласных. Обычно зияния устраняются путем слияния гласных в один звук: ко(н)ечно → [каэ́шнъ] → [кэ́шъ], ба(б)ушка → [ба́ушкъ] → [ба́шкъ]; бу(д)ет → [бу́ит] → [бут] и т.п. либо редукции согласных вообще не происходит.

---

[50] Русская разговорная речь, 1973, с. 75—76; *Пауфошима Р.Ф.* О произношении [ч'] в литературном языке. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971, с. 268—269.

[51] *Вербицкая Л.А.* Указ. соч., с. 105, 111, 114.

[52] *Пауфошима Р.Ф.* Указ. соч., с. 268.

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

1. Как и в литературной РР, в просторечии довольно ярко проявляется тенденция к упрощению стечений согласных в речевой цепи. При этом возможны два пути упрощения: 1) вставка гласного в консонантное сочетание, 2) выпадение одного из согласных[53]. Поскольку оба способа упрощения групп согласных встречаются в просторечии, рассмотрим каждый из них подробней.

2. Упрощение групп согласных путем вставки гласного. Примеры, иллюстрирующие этот способ упрощения, многочисленны. При этом вставной гласный может появляться в начале, в конце или в середине слова в зависимости от того, где находится сочетание согласных: [пъ] рофе́ссор, [къ] лубни́ка, [съ] моро́дина, (учился) на [вър] ача́, [цъ] халту́бо (Цхалтубо), [шъ] кату́лочка; па́ [л'ъ] мы, во вто́ [ръ] ник или во вто́ [р'ъ] ник, кра́ [съ] ная, фло́ [къс]. Подобный способ упрощения групп согласных в просторечии распространен гораздо шире, чем в РР[54]. В то же время вставные гласные внутри консонантных сочетаний встречаются и в КЛЯ[55].

В некоторых случаях появлению зставных гласных способствует не только фонетика, но (в значительно большей степени) тенденция к лексической или грамматической аналогии.

Так, очень часто в просторечии встречается произношение слова *пирожное* как [п'иро́жънъь] или [п'иро́жынъь] с вставными гласными [ъ] или [ы]. Такое произношение нередко отражается и в ошибочном написании этого слова как *пироженое*. Подобное произношение и написание, видимо, возникло под влиянием произношения и написания слова *мороженое* [маро́жънъь].

Произношение слова *рижский* как [р'и́жъскъи], встречающееся в просторечии, возникло, возможно, под влиянием грамматической аналогии. Во многих словах русского языка перед суффиксом *-ск-* после шипящих имеется интерфикс *-е-: княжеский, купеческий, дружеский* и т.п. Видимо, широкая встречаемость таких слов и послужила причиной распространения произношения *рижеский*.

Особо следует остановиться на случаях, когда вставной гласный появляется в сочетании двух согласных, находящихся на конце слова, при этом 2-м согласным является сонант. В этой позиции сонант обычно становится слоговым, а затем происходит прояснение слоговости путем вставки гласного[56]. Подобное явление можно встретить не только в просторечии, но также и в литературном языке: октя́ [бр'] → октя́ [бър'], анса́м [бл'] → анса́м [бъл'], ру [бл'] → ру́ [бъл'][57]. Однако только в просторечии возможен другой вариант прояснения слоговости сонорного согласного: дополнительный гласный появляется не в н у т р и сочетания согласных, а п о с л е сонанта; анса́м [бл'] → анса́м [бл'ь] или анса́м [бл'и], сентя [бр'] → сентя́ [бр'ь], ру [бл'] (тридцать) → ру́ [бл'и] (тридцать), в Кре [мл'] → в Кре [мл'и], фи [л'м] → фи́ [л'мъ], мы [с'л'] → мы́ [с'л'ъ], жи [з'н'] → жи́ [з'н'ъ],

---

[53] См.: Русская разговорная речь, 1973, с. 86 и сл.

[54] "Вставка гласного хотя и встречается в РР, но не является ее спецификой" (Там же, с. 91).

[55] Там же, с. 91.

[56] Ср. замечание М.В. Панова: "Для разговорного стиля характерно присутствие гласного перед конечными сонорными, которые в нейтральном стиле являются слоговыми; при этом сонорный лишается своей слоговости; нейтральный стиль — [жыз'н'], разговорный стиль — [жыз'мн']; нейтральный стиль — [в'ихр'], разговорный стиль — [в'и́хър'] и т.д." (*Панов М.В.* Русская фонетика..., с. 269).

[57] *Реформатский А.А.* Слоговые согласные в русском языке. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., Наука, 1971.

теа́ [тр] → теа́ [тръ][58]. Появление гласного пазвука после бывшего слогового согласного приводит к образованию конечного открытого слога.

Отметим, что оба способа прояснения слоговости конечного сонанта одинаково часто встречаются в просторечии.

3. Упрощение групп согласных путем выпадения одного из согласных. В просторечии, как и в литературном языке, возможно упрощение сочетаний из т р е х и более согласных. Однако случаи упрощения различных групп согласных в просторечии встречаются гораздо чаще, чем в РР и КЛЯ.

Так, если в литературной норме для некоторых тройных сочетаний согласных допускаются формы с упрощенной группой (*нтк:* [нтк] и [нк]; *ндк:* [нтк] и [нк]; *стк:* [стк] и [ск]; *стл:* [стл] и [сл] и т.п.)[59], то в просторечии упрощенные формы являются единственными: офици [а́нк] а, студе́ [нк] а, загво́ [ск] а, вертихво́ [ск] а, ко [с'л'] я́вая (рыба), а́ [см] а.

Другие типы упрощений не свойственны нормам КЛЯ вообще, но встречаются в РР. Эти же виды сочетаний подвергаются упрощению и в просторечии. В то же время способы упрощения тройных сочетаний и их результаты в РР и в просторечии не всегда совпадают.

Рассмотрим эти сочетания.

1) Сочетания *фст (р), фск (р) взд (р).* В литературной РР упрощение этих групп происходит за счет ослабления и утраты начального [ф]. В просторечии также встречается такой тип упрощения: [стр'] е́тили, [скр'] и́кнула, [здр] а́гивает, [сп] аха́ть, [ск] опа́йте, [ск'] ипяти́л (чайник), [зр] о́слые. Однако в произношении сочетания *фст* у некоторых носителей московского просторечия встречаются случаи ослабления и утраты согласных [т], или [д], что, по-видимому, не характерно для литературной РР: [фс] а́ешь, [фс] а́ли, [з] ро́гнула (вздрогнула).

2) В современном просторечии часто встречается упрощение сочетаний [фск] (орфографическое *вск*), [нск] в середине слова в формах типа *московский:* моско́ [ск'] ий (телефон), Дани́ло [ск'] ий — *Даниловский (монастырь),* до Кие́ [ск] ой — *до Киевской,* на Кремле́ [ск] ую — *на Кремлевскую* (название улицы), на Ки́ро [ск] ой — *на Кировской,* Ми́хне [ск'] ие — *Михневские,* на Схо́дне [ск] ой — *на "Сходненской"* (название станции метро). Подобное произношение категорически отрицается литературной нормой и считается особенностью просторечия[60].

3) Группа *ств* перед гласными.

В просторечии, как и в РР, на месте этого сочетания может произноситься [ст] ([с'т']) или [св] ([с'в'])[61]: *удовольствие* — [удово́л'с'т'иıъ], *путешествовала* — [пут'ишэ́стъвл], *отсутствует* — [ацсу́стуьт]; *впоследствии* — [фпас'л'э́с'в'ии], *правительство* — [правиıцсвъ], *на Рождестве* — [нъ ръжд'ис'в'э́], *на производстве* — [нъпръизво́с'в'и]. В нашем материале встретились случаи и более сильного упрощения этой группы, когда выпадают два согласных [т] и [в] и сохраняется лишь [с] (или [с']):

---

[58] « ...Слоговое свойство согласного может выделиться в "паразитический" — гласный звук, положение которого относительно бывшего уже тогда слогового согласного может быть как постпозитивным, так и препозитивным, ср. в литературном языке рифму Врубель — в рубль (И. Северянин) и диалектно-просторечное рубле двадцать и т.п.» (*Реформатский А.А.* Указ. соч., с. 208).

[59] *Аванесов Р.И.* Указ. соч. с. 149, 151 и сл.

[60] "Просторечное и диалектное произношение моско́ [ск'] ий, сара́то [ск'] ий, во́л [ск'] ий и др. не принято в литературном языке и должно считаться неправильным" (*Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 152).

[61] Русская разговорная речь, 1973, с. 90.

с удовольствием — [судавóс'ьм], *в государство (идет)* — [вгъсудáрсъ], *в государстве* — [вгъсудáр'с'ь], *по существу* — [пасуш'сý], *(при первом) знакомстве* — [знакóм'с'ь], *без лекарства* — [л'икáрсъ].

Если за группой *ств* следует суффикс *-енн,* то в результате редукции гласного может образоваться новое консонантное сочетание *ствн,* которое упрощается до [с'н] ([с'н']) [62]: *родственники* — [рóс'н'ик'и], *торжественная (служба)* — [таржэ́с'нъь], *естественное (явление)* — [иэ̄с'э́с'нъь], *вещественное (доказательство)* — [в'иш'э́с'нъь], *государственная* — [гъсудáрснъиъ], *хозяйственный* — [хаз'áйснъи].

Отмеченные сочетания определяются исследователями РР как наиболее частотные[63]. Другие группы согласных в РР упрощаются лишь изредка. По нашим наблюдениям, в просторечии распространено упрощение и других типов тройных сочетаний.

4) Сочетания типа "взрывной + фрикативный + взрывной" упрощаются путем утраты одного из взрывных[64]: *так что* — [тáк шъ], [тáштъ]; *кстати* — [кса́т'и], *представляешь* — [пр'иставл'áиш], *на экскурсии* — [нъискý́р'с'ии]. Но возможна также утрата обоих взрывных согласных: *так что* — [тáшъ], *представить (трудно)* — [пр'исáв'ит'].

5) Сочетание *стр.* В этом сочетании упрощение осуществляется за счет ослабления и утраты [т]: *строго* — [срóгъ], *страшно* — [срáшнъ], *(самое) страшное* — [срáшнъь], *сестра* — [с'исрá].

6) В сочетаниях типа "сонант + фрикативный + взрывной" нередко выпадает сонант как наименее контрастный предыдущему гласному. Данный тип упрощения является, по-видимому, сугубо просторечным. Во всяком случае в работах, посвященных литературной РР, подобные примеры не отмечаются. Ср. следующие случаи, типичные для просторечия: и[с'т']итýт, с тра́[сп]ортом, ше[с'т']яно́е (одеяло), и[с'т']и́нкт. Однако в нашем материале встретилось и другое произношение слова *институт* с ослаблением, а затем утратой взрывного [т]: ин[с'т̆']итут, и[н'с']итýт.

6. В произношении носителей просторечия встречаются и другие случаи упрощения тройных сочетаний согласных: *вдвоем* — [двайóм], *разветвление* — [ръз'в'ит̆'л'э́н'иь], *должна* — [дажнá].

4. Упрощение двойных консонантных групп широко распространено в литературной РР. В просторечии также сочетания двух согласных могут упрощаться путем ослабления или выпадения одного из согласных.

Один из согласных группы может ослабляться, т.е. утрачивать часть артикуляций. Например, возможно ослабление смычки у взрывных согласных: в[óй]щем, с[т̆]á́ла; нередко смычка полностью утрачивается и взрывной согласный может сливаться с соседним фрикативным в один долгий звук: в осóбенно [с̄'] и, [з̄'] é́шние.

Для РР более характерно ослабление одного из согласных двойного сочетания, чем его полная утрата: "В большинстве случаев ослабление одного из компонентов группы не ведет к полной его утрате. Имеет место просто ослабленная и недостаточно четкая артикуляция одного из рядом стоящих согласных"[65]. Однако в литературной РР имеется целый ряд форм, в которых согласный полностью утратился. Такие формы существуют уже как самостоятельные лексические разговорные варианты: *када, тока, стока, скока* и т.п.[66] В просторечии круг лексикализовавшихся форм, по-видимому, шире, чем в РР. Произношение какого-либо слова с упрощенной

---

[62] Там же, с. 90.
[63] Там же, с. 89–90.
[64] Там же, с. 89.
[65] Там же, с. 91.
[66] Там же, с. 91.

консонантной группой употребляется носителями просторечия постоянно, независимо от каких-либо условий. Такое произношение становится привычным, широко употребительным. Ср.: *в Моске, в Моску, чоринький, чику* (чайку), *кажый* (каждый) (день), *кажа* (как же) и др.

Рассмотрим теперь, какие согласные наиболее часто выпадают в двойных консонантных сочетаниях. На выпадение согласных в просторечии оказывают влияние те же факторы, что и в РР: "1) артикуляционная слабость или сила согласного; 2) акустическая и перцептивная его слабость или сила (слышимость); 3) его контрастность или слитность (артикуляционная и акустическая) с фонетическим окружением: а) соседним гласным (так как в двойных группах согласный всегда соседствует с гласным); б) со вторым членом консонантной группы... Выпадению легче подвергаются слабые согласные (т.е. выпадение идет через ослабление) и согласные наименее контрастные гласным"[67].

В просторечии, как и в РР, выпадению особенно часто подвергаются следующие согласные: [ф] и [в]: *вперед* — [п'ир'от], *второй* — [тарой], *вчера* — [ч'ира], *правда* — [прада], *освободилась* — [асъбад'илъс], *бывший* — [бышыи], *недавно* — [н'идана]; [г]: *где* — [д'э], *когда* — [када], *как же* — [кажъ], *(в двух) экземплярах* — [вдвухыз'имплʼаръх], *на вокзале* — [нъвазал'и]; сонорные [л] и [л']: *прошлый (год)* — [прошъ], *последнее (время)* — [пас'эд'н'], *после* — [пос'и], *в Сокольники* — [фсакон'ик'и], *кисленького* — [к'ис'ин'къвъ], *послала* — [пасалъ], *корабль* — [карап'], *рубль* — [руп'], *мотоцикл* — [мътацык]; [н] и [н']: *конечно* — [кан'эшъ], [кэшъ], *аспирантура* — [ас'п'иратура], *нынешний (год)* — [нын'ышъ], *инженер* — [ижын'эр], *рваненькую (подушечку)* — [рван'икуу]; [р] — *черного (хлеба)* — [ч'онъвъ]; [м] — *комсомолка* — [късамолка], *шампиньоны* — [шып'ин'оны]; [j]: *(со своей) дочерью* — [доч'ир'у], *в платьях* — [фплат'ьх], *объясните* — [аб'ис'н'ит'и], *польешь* — [пал'ош], *стульи* (прост. форма от *стулья*) — [стул'и], *(не было) печенья* — [п'ич'эн'а], *копейки (не дам)* — [кап'эк'и]; [д] и [д']: *каждый (день)* — [кажый], *на рождение* — [нъражэн'ъ], *съездит* — [с'jэз'ит], *ездили* — [jэз'ил'и], *на свадьбе* — [насваб'ь], *в последнем (письме)* — [фпас'л'эн'ьм], *восемьдесят* — [вос'ьм'ьс'т], *джем* — [жэм].

Наиболее устойчивы артикуляционно и акустически глухие фрикативные и взрывные согласные, поэтому они выпадают гораздо реже, чем другие звуки[68]. Однако выпадение глухих взрывных согласных (главным образом [т]) нередко встречается в нашем материале. Причины выпадения [т] в каждом конкретном случае объясняются целым рядом факторов. Так, особенно часто [т], [т'] выпадает в соседстве с согласным [с] ([с']). Это можно объяснить тем, что согласные в группе [ст], [с't'] артикуляционно и акустически близки друг другу. Ср. следующие примеры: *стали* — [сал'и], *ступай* — [супаи], *невеста* — [н'ив'эса], *вместе* — [м'эс'ь], *не отпустит* — [н'иатпус'ит], *(меньше) жидкости* — [жыткъс'и], *то есть* — [тос'], *присесть* — [пр'ис'эс'], *кость* — [кос'], *радость* — [радъс'].

Тенденция к упрощению группы [с't'] наблюдается и в РР. Особенно часто здесь встречается выпадение [т'] на конце слова. Что касается позиций начала и середины слова, то, как отмечают исследователи РР, в этих случаях

---

[67] Там же, с. 92.

[68] "Наиболее устойчивыми с точки зрения артикуляции являются звуки с сильной артикуляцией смычки (глухие взрывные) или щели (глухие сильные фрикативные [с, ш, ш']); с точки зрения акустической устойчивы звуки наиболее хорошо слышимые и хорошо различимые в потоке речи, т.е. рядом с гласными это будут те же [с, ш, ш'] и глухие взрывные" (Там же, с. 92).

"упрощение группы наблюдается редко и лишь в отдельных словах"[69]. В просторечии упрощение группы [ст] ([с'т']) встречается чаще и не ограничивается позицией только конца слова.

Глухой взрывной [т] ([т']) выпадает также в соседстве с другими согласными, особенно часто рядом с [ш] ([ш'']): *почти* — [паш'и́], *чтоб* — [шоп], *(пятнадцать) штук (яиц)* — [шук], *потому что* — [пътаму́шъ].

Другие примеры выпадения [т]: *смотрит* — [смо́р'ит], *смотри* — [смар'и́], *проспект* — [прас'п'э́к], *инфаркт* — [инфа́рк].

В просторечии встречаются случаи выпадения и других согласных: *Алексей* — [ал'ис'э́й], *в аптеку* — [в ат'э́ку].

К сугубо просторечному типу упрощения, не встречающемуся в литературной РР, следует отнести также упрощение сочетания *дм*. Обычно это сочетание образует единый согласный [дм] с фаукальной смычкой в начале произнесения. Для просторечия характерна утрата фаукальной смычки, что приводит к образованию следующих форм: *Дмитрий* — [м'и́тр'ий], *(четверть) седьмого* — [с'имо́въ], *администратор* — [ам'ин'истра́тър] или [м'ин'истра́тър] (с утратой начального гласного), *адмирал* — [ам'ира́л]. Некоторые из этих форм превратились в лексические просторечные варианты: *семой* (седьмой), *Митрий* (Дмитрий).

5. Консонантные сочетания могут образовываться в результате полной редукции гласных. Получившиеся группы согласных также обнаруживают тенденцию к упрощению: пиш (е) т → [п'ишт] → [п'иш], *обслуж (и) в (ае) т* → → [апслу́жвт] → [апслу́жт]; *в Ломонос (о) вский (институт)* → [лъмано́свскъй] → [лъмано́скъй]; *ножн (и) цы* → [но́жн'цы] → [но́жцы]; *пр (е) длагал* → [пр'длага́л] → [пр'лага́л]; *в драп (о) вом (пальто)* → [в дра́пвъм] → → [в дра́пъм]; *письм (е) нный (стол)* → [п'и́с'м'ный] → [п'и́с'ный]; *на Баум (а) нской* → [нъба́умнскъй] → [нъба́умскъй]; *на Дубин (и) нской* → [нъдуб'ин'нскъй] → [нъдуб'и́н'скъй].

Произношение некоторых слов с упрощением консонантных сочетаний стало обычным в просторечии. В результате образовались лексикализованные формы. Например: *серебр (я) ный* → [с'ир'э́б'р'ный] → [с'ир'э́б'ный]; *нав (о) л (о) чки* → [на́влч'к'и] → [на́лч'к'и]; *все-ж-т (а) ки* → [фс'о́штк'и] → → [фс'о́шк'и].

6. Итак, тенденция к упрощению групп согласных, наблюдающаяся и в РР, и в просторечии, особенно ярко проявляется в просторечии. Упрощение групп согласных может осуществляться двумя путями: 1) путем вставки гласного в консонантное сочетание и 2) путем ослабления или выпадения согласных в сочетании. В просторечии, в отличие от литературной РР, широко распространены оба способа упрощения. Многие формы с упрощением консонантных групп лексикализовались и образовали просторечные лексические дублеты.

СИЛЬНАЯ РЕДУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ И УЧАСТКОВ ТЕКСТА

Явление деформации и выпадения нескольких звуков, слогов, слов широко распространено не только в литературной РР, но также и в современном просторечии. Как и в РР, наибольшей деформации подвергаются обычно особенно частотные слова и сочетания слов. Сюда относятся следующие случаи: *говорит* — [гр'ът], *говорю* — [гр'у], *будет* — [бут], *чего* — [ч'о], *где-нибудь* — [гд'эн'т'], *то есть* — [тос'], *значит* — [нъш'], *может быть* — [мобът'], [мот']; имена-отчества: *Александра Андреевна* — [л'са́нандр'э́в-

[69] Там же, с. 98.

нъ], *Антонина Григорьевна* — [антáн'гр'игóр'нъ], *Мария Григорьевна* — [мар'игóн], *Клавдия Георгиевна* — [клаг'óрнъ].

Кроме того, в просторечии, как и в литературной РР, сильной фонетической деформации могут подвергаться слова, не являющиеся особо частотными. Однако условия, при которых возможна деформация таких слов, в РР и в просторечии не всегда совпадают. В РР сильная редукция отдельных форм и участков текста происходит при следующих условиях: 1) при наличии "участка текста (в частности, слова) с большой предсказуемостью"; 2) в "слабой фразовой (ритмико-интонационной) позиции"; 3) в слабой фонетической позиции, т.е. когда "звуки или сочетания их слабы артикуляторно, акустически и перцептивно"[70]. Фразовые (ритмико-интонационные) условия, оказывающие влияние на фонетическую деформацию слов в РР, еще недостаточно хорошо изучены. Однако сейчас можно отметить следующее: 1) степень редукции слов зависит от степени их ударности в синтагме. Слова, находящиеся под синтагматическим ударением, как правило, хорошо сохраняют свой фонетический облик; обычно мало деформируются также слова, на которые приходится полное словесное ударение; наибольшей редукции подвергаются слова слабоударные и безударные; 2) степень деформации слова зависит от того, где оно расположено — в начале или в конце синтагмы. Обычно слова, находящиеся в начале синтагмы, меньше подвержены различным фонетическим изменениям. К концу синтагмы возможность сильной фонетической деформации слова возрастает; 3) третье условие — изменение скорости произнесения слов во фразе. Ускорение темпа увеличивает возможность фонетического эллипсиса в РР[71]. Таким образом, в РР имеется целый ряд ограничений (информационных, фразовых, физиолого-акустических), при которых сильная редукция слов и участков текста невозможна. Меньше всего деформируются слова информативно значимые, находящиеся под синтагматическим ударением, произнесенные в умеренном темпе. В современном просторечии, в отличие от РР, действие перечисленных ограничений ослаблено. Сильная редукция может наблюдаться и при наличии условий, ограничивающих ее распространение в литературном языке. В качестве иллюстрации приведем несколько просторечных фраз, в которых деформации подвергаются слова информативно весомые, находящиеся в сильной фразовой позиции (обычно под синтагматическим ударением): Шýр/ ну что они тебя все говорит *ругáют*? — [шýр/ нушóн'и т'б'а с'óгът ргаýт?]; Лучше б меня бы *родители* отправили в *Филарéтовское* училище// — [лýшъбм'инáба рад'ит'л' атпрáв'д' ф'илар'эщк уш'ил'иш']; А мне *до Бескýдниковской* ехать// — [амн'э дъб'искýн'скъи jэ́хьт'].

Различные виды фонетических деформаций можно наблюдать также в отдельных диалогических репликах — ответах на вопрос. При этом слово находится в абсолютно сильной фразовой позиции, оно образует фонетическую фразу, на него приходится фразовое ударение, оно выделено ритмически и интонационно. И тем не менее даже в таких словах можно наблюдать редукцию отдельных звуков, сочетаний звуков, слогов: А. Вы к какому врачу ходите? Б. *К Тихомировой* — [к т'хам'и́рвъи]. Отметим, что в данной речевой ситуации собеседник (А), задающий вопрос, впервые слышит эту фамилию, и отвечающему это известно; А. Ну а вы урожденная-то как фамилия была ваша? Б. *Медведева* [м'ид'в'э́д'въ]; А. Это у нее одна дочь?

---

[70] Русская разговорная речь, 1973, с. 124—125.

[71] См. об этом подробнее: Русская разговорная речь, 1983 (раздел "Суперсегментная фонетика"); см. также: *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., Наука, 1983.

Б. *Единственная//* — [јид'и́н'с'нъь]; А. У вас есть еще родственники? Б. *Сестра// Двоюродная//* — [стра́// двају́рнъь].

Очевидно, в просторечии наличие—отсутствие фонетической деформации для некоторых слов в меньшей степени зависит от фразовой позиции. Так, в нашем материале встретились случаи произношения слов с редукцией звуков и слогов в разных фразовых условиях, т.е. фразовая позиция слов различна, а деформация всегда одна и та же: Мне нужен *пододе́яльник* [пъд'ијáл'н'ик]//; А [пъд'ијáл'н'ик]/ я не могу́ вам достать//; [пъд'ијáл'н'икъф] теперь не доста́нешь//; То́гда не́ было [пъд'ијáл'н'икъф]//. (О подарках к свадьбе) А. Ну а чего же вам-то дарили? Б. Ло́жки *серебряные* [с'ир'э́б'нъи]/ дюжину ло́жек/ кто дю́жину/ кто полдю́жины/ кто чего́//... Кто ча́йник/ *серебряный* [с'ир'э́б'нъи]// Одним словом серебро́ все дарили//. (Рассказывает о сыне) А потом уже после поступил *в институ́т* [вын'с'ито́т]/ *в Ломоно́совский* [влъмано́скъи]//; Он на Тверско́ую/ в *Ломоносовский* [влъмано́скаи] *институ́т* [ин'с'ито́т]/ бего́м бегал//. А. Вы где сходили? — Б. *На Бау́манской* [наба́умскъи]; Меня направили в го́спиталь *в Бауманский* [в ба́умскъи]// Там в этом *Бауманском* [ба́умскъм] го́спитале/ меня лечил профе́ссор//; А я была в новом пальто́/ *в дра́повом* [вдра́пъм]//; У меня зеленое *дра́повое* [дра́пъи] пальто́//; Надо перелицевать мое пальто́ *драповое* [дра́пъи]//.

Отсутствие вариативности в произношении одного и того же слова, находящегося в разных фразовых условиях, употребляемого в разных контекстах и различных речевых ситуациях, говорит о том, что в подобных случаях деформацию слова нельзя считать позиционно обусловленной. Такое произношение стало речевой "нормой" для данного носителя просторечия: *в Ломоносовский (институт)* — [влъмано́скаи]; *Бауманский* — [ба́умскъи]. Причем нередко эта норма имеет не индивидуальный, а массовый характер. Например, в просторечии очень частотно употребление в любых условиях следующих слов: *чёринький, чику* (чайку), *серебьный, подияльник, налочки, драпое пальто* (драповое) и т.п.

ТЕНДЕНЦИЯ К ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ, ПЕРВОНАЧАЛЬНО ЧИСТО ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ПРОСТОРЕЧИИ

1. Исследователи литературной РР отмечали, что некоторые разговорные формы, образовавшиеся в результате различных фонетических изменений и широко употребительные в РР, существуют уже как самостоятельные разговорные лексические варианты. К таким лексическим дублетам можно отнести слова: *буит, хоит, виит, тока, скока, када* и др.[72]

В просторечии явление лексикализации форм, получившихся в результате различных фонетических деформаций, распространено гораздо шире, чем в РР. Можно выделить целый ряд общеупотребительных просторечных лексических дублетов, в основе образования которых лежали чисто фонетические явления: *пенцылин, набержная, подияльник* (выпадение гласных и последующая ассимиляция согласных по твердости—мягкости); *какава, радива, тиятр, шпиён* и др. (вставка согласного, чтобы избежать зияний); *милицынер* или *милицанер, прибрести* (стяжение гласных); *рубли* (прояснение слоговости у конечного сонанта); *искурсия, истиутут, чоринький, чику, кажый, в Моске, семой, Митрий* (упрощение групп согласных); *корапь, рупь* (упрощение конечного консонантного сочетания *бль* путем выпадения со-

[72] Русская разговорная речь, 1973, с. 91.

нанта и оглушение [б] на конце слова); *серебьный, налчка* (наволочка), *всёжки* (выпадение гласного и упрощение образовавшегося консонантного сочетания) и др.

2. Помимо общеупотребительных лексических дублетов в речи наших информантов можно обнаружить индивидуальные лексические варианты, характерные именно для данного носителя просторечия. Эти варианты появились также в результате различных фонетических деформаций. Ср. следующие примеры: *раунатин—рунатин, яички—йички, яйц—йиц, туалет—талет* (стяжение гласных); *олитетрин—олитрин* (выпадение гласного и слияние согласных); *сестра—стра* (выпадение гласного и ассимиляция согласных); *шерстяной—шестяной, транспорт—траспорт, маршрутка—маршутка* (упрощение групп согласных).

3. В основе некоторых просторечных грамматических явлений также лежат фонетические причины. Процессу грамматикализации способствует то, что какое-то фонетическое изменение может охватывать лишь определенную группу слов со сходными грамматическими признаками. Одно из таких явлений — образование и синтаксические функции просторечных местоимений *ктой-то, чтой-то* — описывал Р.И.Аванесов[73].

Видимо, первоначально фонетическими причинами было обусловлено также употребление просторечной приставки *пер-* (вместо лит. *пере-*). В основе этого явления, на наш взгляд, лежат такие фонетические изменения, как: полная редукция гласного между согласными и ассимиляция согласных по твердости. Можно выделить следующие ступени развития этого процесса:

1) Выпадение конечного гласного приставки *пере-* в позиции 2-го предударного слога в тех случаях, когда корень начинался мягким согласным. (Между мягкими согласными выпадение гласного происходит легче): пер(е)писать — [п'ьр'п'иса́т'], пер(е)нести — [п'ьр'н'ис'т'и́], пер(е)везти — [п'ьр'в'ис'т'и́]. Аналогичные формы встречаются и в литературной РР.

2) Выпадение гласного приставки перед твердым согласным корня: пер(е)давать — [п'ьр'дава́т'], пер(е)сыпать — [п'ьр'сыпа́т'], пер(е)носить — [п'ьр'нас'и́т']. Эти же формы можно обнаружить и в РР. Однако здесь процесс этим и ограничивается, а в просторечии происходит дальнейшее преобразование.

3) Ассимиляция по твердости конечного мягкого согласного приставки перед твердым согласным корня: [п'ьрдава́т'], [п'ьрсыпа́т'], [п'ьрнас'и́т'].

4) Затем новый, "твердый", вариант произнесения приставки (*пер-*) закрепляется в просторечии и употребляется в любых случаях, независимо от твердости—мягкости начального согласного корня и независимо от места приставки по отношению к ударному слогу: приставка *пер-* может оказаться и в 1-м предударном слоге, т.е. позиционные условия, первоначально игравшие важную роль, теряют свою силу. Становятся возможными такие сугубо просторечные формы, как *пернесла, перписали, перлицевала* (пальто), *перстирала, перписывать, персаживать* и т.п.

Широко употребительные в просторечии формы на *-сса* (*-сся*) (вместо литературных форм на *-шься*) также образовались в результате фонетического изменения — ассимиляции согласных по способу и месту образования: *смеесса (ся), боисса (ся), нрависса (ся)* и т.п.

Появлению просторечных форм на *-цкий* (*-цкай*) "способствовали" сле-

---

[73] *Аванесов Р.И.* Об одном фонетическом явлении, получившем синтаксическое значение в русском внелитературном просторечии и диалектах. — В кн.: Звуковой строй языка. М., Наука, 1979.

дующие фонетические деформации: выпадение гласного и упрощение образовавшегося консонантного сочетания путем ассимиляции согласных. Ср. следующие преобразования *купеч(е)ский → купецкий, химич(е)ский → → химицкий, диетич(е)ский → диетицкий* и т.п.

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ СОВРЕМЕННОГО МОСКОВСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

1. Как показывают наблюдения, московское просторечие имеет немало произносительных черт, отличных от современного литературного языка. В то же время большинство описанных в данной статье явлений нельзя считать сугубо просторечными, они свойственны в большей или меньшей степени также и литературному языку. Однако в просторечии многие фонетические процессы выражены значительно ярче, рельефнее, охватывают больший круг слов и грамматических форм. Так, процесс ассимилятивного смягчения в группах согласных распространен в просторечии шире, чем в литературной норме КЛЯ. По сравнению с литературной РР многие виды фонетических деформаций в просторечии возможны в позициях, недопустимых для РР. И тем не менее произношение, например, *верьх, молошная, по* [д'в']*ёл* и т.п. нельзя считать сугубо просторечным, оно может встречаться и в речи литературно говорящих (см. об этом выше, с. 45). То же самое можно сказать и о многих чертах просторечия, сходных с литературной РР, ведь большинство фонетических деформаций встречается в обеих речевых сферах. А это значит, что произношение, скажем, *пабедала, затра, када, буит* и пр. одинаково широко распространено как в речи носителей литературной РР, так и в речи носителей московского просторечия.

Таким образом, большинство описанных просторечных фонетических явлений нельзя считать такими показателями, по которым мы могли бы безошибочно определить, что данный говорящий является носителем просторечия. Эти явления становятся просторечными произносительными особенностями лишь при наличии в речи говорящего других, более бесспорных просторечных черт (обычно лексических и грамматических).

2. Однако и среди описанных в данной статье явлений можно выделить такие, которые представляют собой сугубо просторечные произносительные особенности. К ним относятся, на наш взгляд, те фонетические черты, которые вообще не свойственны современному литературному языку. Перечислим их.

1) Мягкое (или полумягкое) произношение губных согласных в сочетании "губной + мягкий зубной": [ф'с'] егда, в дере[в'н'] е, с гре[б'н'] ем.

2) Произношение твердого [р] в некоторых словах: *прынц, грыбы, прынцип.*

3) Наличие регрессивной диссимиляции в сочетаниях *кт, кк, кг, гг*: [х-к] ому́, ко́[хт'] и, [γ-г] остя́м, [х-к] орóве.

4) Устранение стечения гласных (зияния) путем вставки согласных ([j] или [в]): *пиянина, радиво, идиёт, Явуза*.

5) Прояснение слоговости конечного сонанта путем вставки гласного после сонанта: Крем [л'и], сентя́ [бр'ь].

6) Выпадение начального сонанта в группе "сонант + фрикативный + + взрывной": *траспорт, иститут, истинкт* (или *истинк*).

7) Упрощение сочетания *дм* путем утраты начальной фаукальной смычки: *аминистратор, амирал*.

3. Особенно яркими признаками просторечия являются, конечно, лексикализовавшиеся и грамматикализовавшиеся формы. Однако, хотя в основе

образования этих форм лежат различные фонетические причины, их тем не менее уже нельзя относить к фонетическим особенностям современного просторечия. Эти формы представляют собой характерные черты просторечной грамматики и лексики.

* * *

Наблюдение над произношением коренных москвичей — носителей современного московского просторечия позволило обнаружить следующие его особенности.

Московское просторечие (или, как его называют, московский народный говор) в настоящее время приобрело ряд своеобразных черт, отличных от литературного языка. Его своеобразие основывается на двух противоположных особенностях.

С одной стороны, в просторечии сохраняются многие произносительные черты, ушедшие из литературной нормы. Те черты, которые утратили статус литературной нормы, в настоящее время характеризуют современное просторечие. К таким характерным особенностям просторечия следует отнести некоторые случаи ассимилятивного смягчения в группах согласных (дези[н'ф'] е́кция, о[т'в'] ёртка, о[т'п'] ива, па[р'н] ик, у останов[ф'к'] и, де[ф'ч'] о́нка и др.); устаревшее для современного литературного языка произношение отдельных групп согласных (ко[ӯд] а́, ни[хт] о́, [х-к] ому́ и др.); а также произношение отдельных слов и форм, сохранившееся теперь преимущественно в просторечии (*прынц, верьх*, [јим], [јих]).

С другой стороны, в современном московском просторечии можно обнаружить много фонетических черт, общих с литературной разговорной речью. Однако сравнение просторечия с РР позволяет отметить, что в просторечии ослаблено влияние многих условий, ограничивающих действие той или иной произносительной тенденции. Это ведет к тому, что некоторые фонетические закономерности в просторечии имеют более широкое распространение и действуют более последовательно, чем в РР (ср., например, явления редукции гласных, слияния гласных, упрощения групп согласных и т.п.).

Различные типы фонетических деформаций в просторечии, как и в РР, обусловлены рядом факторов. Одним из необходимых условий для некоторых видов сильной редукции в РР является слабая фразовая позиция слова. Для просторечия действие фразовых позиционных условий менее существенно. В просторечии слова могут деформироваться и в сильной фразовой позиции. Произношение некоторых слов с сильной слоговой редукцией закрепляется в речи носителей просторечия в виде индивидуальных или массовых лексических вариантов. Некоторые варианты, получив более широкое распространение, становятся просторечными лексическими дублетами.

Многие просторечные формы, образовавшиеся в результате различных фонетических деформаций и получившие затем широкое распространение, существуют теперь как самостоятельные сугубо просторечные лексические или грамматические варианты. Ср., например: *какава, чоринький, семой, чику, рупь*; *боисса, валисся, перстирала, химицкий, москоский* и т.п.

Е.А.ЗЕМСКАЯ, М.В.КИТАЙГОРОДСКАЯ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПРОСТОРЕЧНОЙ МОРФОЛОГИЕЙ

I

В современном языкознании принято различать два значения термина "просторечие": 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком[1]. В этой работе мы изучаем просторечие-2, т.е. речь городских жителей, не владеющих нормами литературного языка. Материалом для статьи послужили магнитофонные и ручные записи речи лиц разного возраста и разных профессий, произведенные в 60—80-е годы XX в. в Москве и Ленинграде.

На данном этапе работы мы уделяли основное внимание речи лиц пожилого возраста, малообразованных или совсем не образованных. И это вполне естественно, ибо не только молодежь, но и люди до 50—55 лет, живущие в городе, нередко имеют среднее образование, что оказывает заметное влияние на их речь. Всеобщее среднее образование, школа, радио, телевидение, кино, газеты влияют на речь горожан очень сильно и прежде всего на речь молодежи и лиц среднего возраста, активно участвующих в трудовой деятельности. Подчеркнем, однако, что в разной степени эти факторы оказывают влияние на речь людей любого возраста.

Отнесение того или иного явления к просторечию предполагает наличие у него таких признаков: 1) несоответствие нормам литературного языка, 2) широкая распространенность этого факта в речи лиц недостаточно образованных. (Отметим, что как реликты, т.е. отдельные единичные явления, некоторые из подобных фактов могут встречаться и в речи лиц вполне образованных); 3) свойственность этого явления речи горожан[2]. Мы разграничиваем эти признаки, ибо, с нашей точки зрения, не всякое несоответствие нормам литературного языка относится к просторечию. К фактам такого рода принадлежат, например, случаи неправильного ударения некоторых слов, неупотребительных в просторечии (типа *феноме́н* вм. нормативного *фено́мен*), или произношение заимствованных слов без смягчения согласных перед [э], свойственное некоторым старым интеллигентам (типа *шинэль, бэж*), произношение [ц'] в словах типа тенден [ц'] ия, Фран [ц'] ия[3]. Не все ненормативные ударения просторечны (например, *тефте́ли, гре́нки, ра́кушка* и под.).

Встает вопрос: что представляет собой просторечие как лингвистический объект? Можно ли его рассматривать как особую языковую систему?

Просторечие по своей природе явление неоднородное. Эта неоднородность обусловлена причинами как экстралингвистического, так и собственно лингвистического характера. Назовем их. Носители просторечия пред-

---

[1] См.: *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка — ВЯ, 1973, № 2, с. 7, См. также: *Петрищева Е.Ф.* Внелитературная лексика как категория стилистическая. — ВЯ, 1981, № 3.

[2] Аналогичным образом характеризует просторечие Л.И.Баранникова, считающая, что просторечие — это особый тип городской речи, "один из с о ц и а л ь н ы х (выделено нами,— *Е.З., М.К.*) компонентов в составе общенародного языка", противопоставленный литературному языку и территориальным диалектам (см.: *Баранникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка — В сб.: Язык и общество, вып. 3. Саратов, 1974).

[3] См.: *Поливанов Е.Д.* Фонетика интеллигентского языка. — В кн.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968; *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка, ч. I. 2-е изд. СПб., 1910—11 гг., с. 118; *Ганиев Ж.В.* О моде в произношении. — В кн.: Язык и общество, вып. 4. Саратов, 1977.

ставляют более резкие различия с точки зрения тех факторов, которые формируют язык[4], чем носители литературного языка и диалектов. В речи лиц, которые по экстралингвистическим признакам являются носителями просторечия, наблюдается неодинаковое соотношение явлений просторечия и литературного языка, а иногда черт диалектов; их речь нередко представляет собой неоднородную смесь разных явлений. Большую роль играет при этом такой фактор, как образование. Люди, получающие образование, приобщаются к литературному языку обществом – в школе, техникуме, вузе и т.п., их учат говорить и писать литературно, искореняя из их речи черты просторечия. У лиц, не имеющих образования, овладение нормами литературного языка идет индивидуально, в известной мере стихийно; оно зависит от личных качеств человека (чуткость к языку, наблюдательность, самокритичность) и условий его жизни. Поэтому среди лиц, которые по экстралингвистическим признакам должны были бы быть носителями просторечия, имеются такие, которые вполне овладели литературным языком, усвоив его благодаря начальному образованию, массовой коммуникации, книгам, общению с носителями литературного языка. Таким образом, между употреблением просторечия и определенными экстралингвистическими чертами нет обязательной связи, хотя типическая связь имеется.

Может возникнуть возражение: конечно, речь лиц, родившихся в разных местах, имеющих разное образование, разные профессии и т.п., неоднородна, но речь коренных жителей одного города, не имеющих образования, должна отличаться единством. Мы думаем, что это возражение неосновательно, ибо условия городской жизни, особенно жизни больших городов (таких, как Москва и Ленинград) оказывают р а з н о е в л и я н и е даже на лиц одного возраста, места рождения и одинакового образования. Так, наши информанты – две старушки 75 лет с трехклассным образованием, родившиеся в одном городе, говорят совершенно по-разному, так как одна из них много читает ("Дело Артамоновых", например), любит смотреть телевизор, часто разговаривает с внуками, а вторая читает мало и живет одиноко.

Кроме того, приняв это возражение, следовало бы изменить определение просторечия и сохранить этот термин для называния речи только коренных жителей того или иного города (они сами и их родители родились в городе). В таком случае термином просторечие стали бы называть речь не всех горожан, не владеющих нормами литературного языка, но только речь очень узкого круга лиц.

Между тем наши наблюдения показывают, что среди коренного населения городов носителей просторечия немного. Жизнь в городе (особенно большом) способствует овладению литературным языком. Основная масса людей, родившихся и выросших в городе, получила среднее или неполное среднее образование и перешла (или переходит) в разряд носителей литературного языка. Лишь немногие лица старшего возраста (70 лет и старше), преимущественно женщины, получившие начальное образование (3–4 класса), сохраняют просторечие. Но и они подверглись сильному влиянию литературного языка, особенно если они любят чтение, кино, телевизор и живут среди лиц младших поколений, которые говорят вполне литературно.

---

[4] К числу таких факторов относятся: место рождения и место, где прошло детство и отрочество, когда у человека создаются основные речевые навыки, характер речи родителей и окружения; уровень образования (2–3 класса, 4 класса, 7 классов и т.д.); профессия; образ жизни (смена профессий, переезды из одного города в другой), личные черты (любовь к чтению, кино, телевизору, чуткость и внимательность к языку или полное к нему равнодушие), общение с людьми литературно говорящими, с детьми и молодежью и т.п.

Таким образом, носители просторечия — коренные жители больших городов в настоящее время представляют собой малочисленную группу лиц.

Повторим, что и в самой этой группе нет единства. Эти люди живут в разном языковом окружении, вследствие чего их речь размывается в разной степени влиянием литературного языка и в какой-то степени влиянием диалекта (имеем в виду общение их с лицами, недавно приехавшими из деревни, поездки на лето в деревню и т.п.).

Следовательно, основную массу лиц, не владеющих литературным языком, составляют люди, не являющиеся горожанами по рождению, но которые долгое время (30, 40, 50, а иногда и больше лет, т.е. основную часть жизни) прожили в городе. В речи таких лиц могут содержаться реликты диалекта, но диалект этот уже разрушен и в значительной степени ими утрачен. Речь этих лиц отличается от речи лиц, которые недолго прожили в городе и которые сохраняют диалект или полудиалект. Люди, которые приехали из деревни, долгое время прожили в городе и отошли от диалекта, но не перешли еще в состав носителей литературного языка, и составляют наиболее многочисленный массив лиц, не владеющих нормами литературного языка. Эти лица противостоят небольшой группе г о р о ж а н п о р о ж д е н и ю, не имеющих образования и не овладевших литературным языком (т.е. "чистых просторечников"). С нашей точки зрения, рационально речь и тех, и других называть термином просторечие, понимая, что таким образом этот термин будет относиться к явлениям лингвистически не вполне однородным.

Следовательно, по причинам экстралингвистическим просторечие принадлежит к числу неоднородных лингвистических объектов.

Просторечие является неоднородным и по причинам лингвистическим.

1. Просторечие не имеет своих норм. Просторечие представляет собой в принципе ненормированную языковую сферу, в которой функционально не нагруженная вариативность языковых единиц очень велика[5]. В нем можно говорить и *оттеда*, и *оттедова*, и *оттуда*; и *там*, и *тама*; и *энтот*, и *эфтот*, и *этот* и т.п., и никакой разницы в значении или стилистической окраске языковых единиц это не вызовет.

Просторечие не только допускает разнообразие фактов, объясняемое тем, что разные люди говорят по-разному, но для него характерен разнобой в употреблении одного лица. Так, например, один и тот же человек говорит то *у ей*, то *у ней*; то *ихний*, то *их*; то *ляг*, то *ляж*; то *хочите*, то *хотите*; то *сколько кин* (р.мн.), то *сколько кино*.

Вот эта принципиальная неустойчивость и ненормированность и делает просторечие специфическим лингвистическим феноменом, отличным и от литературного языка, и от диалектов.

2. Просторечие не престижно. Поэтому носители просторечия, так сказать, "не держатся за него", а стремятся использовать литературные слова и формы (см. публикуемые в этом же сборнике статьи А.Ф.Журавлева и Т.С.Морозовой).

3. Можно думать, что носители просторечия не сознают особенностей своей речи, в отличие от носителей диалекта, нередко четко осознающих особенности своего говора ("у нас так говорят"), и носителей литературного языка. В тех случаях, когда носители просторечия осознают особенности своей речи и понимают, что их речь не соответствует литературным нормам, они стремятся избавиться от неправильностей.

---

[5] Для того, чтобы представить более наглядно, какого рода сплав (или: смесь) разных явлений может содержать просторечие, мы даем ниже характеристику речи ряда информантов, см. с. 93 и сл.

4. Просторечие никто не опекает, не кодифицирует, не защищает от чужеродных влияний. Наоборот, в том явлении, которое составляет язык современного города, просторечие со всех сторон окружено чуждой стихией — литературным языком, который влияет на него и в процессе непосредственного общения с людьми литературно говорящими, и через средства массовой коммуникации.

Нуждается в изучении вопрос о сферах функционирования просторечия. Принято считать, что просторечие имеет узкую сферу функционирования — связано только с потребностями обиходно-бытового общения. С нашей точки зрения, это не вполне верно. Носитель просторечия, не владея всем разнообразием регистров русского языка и не сознавая неправильности своей речи, им пользуется и в быту, и в официальной обстановке — на собрании, митинге, в суде и т.п. Просторечие существует преимущественно в устной форме, но может обнаруживаться и в письменной форме (частные письма, записки, объявления).

Как отмечают исследователи, "исходной базой просторечия, по-видимому, служили, с одной стороны, территориальные диалекты, а с другой, — городские койне, возникавшие еще в донациональный период. ...в основе второго источника просторечия, городских койне, также лежат территориальные диалекты, но уже утратившие некоторые специфические особенности, усвоившие новые черты, пришедшие из других диалектов, и, может быть, развившие новые"[6].

Просторечие следует отграничивать от разговорной речи[7]. Эти языковые феномены различаются и по составу носителей, и по собственно языковым особенностям, и по отношению к литературному языку[8]. Разговорная речь входит в литературный язык, просторечие стоит з а п р е д е л а м и литературного языка.

С нашей точки зрения, исследование просторечия целесообразно вести по нескольким направлениям:

1) Изучение речи коренных горожан, не владеющих литературным языком, ряда больших и малых русских городов. Сопоставив полученные данные, можно будет выявить я д р о о б щ е р у с с к о г о п р о с т о р е ч и я, содержащее междиалектные черты. Сравнение этого ядра с данными диалектов и литературного языка представит значительный интерес для истории русского языка и для характеристики типических особенностей ненормированных сфер речи. Это направление является основным для установления типических черт просторечия, а также для характеристики специфических территориальных разновидностей просторечия.

2) Изучение реальной речи горожанина, не владеющего литературным языком. Такое исследование даст материал для темы "язык современного города". Оно важно как для практических рекомендаций в области культуры речи, так и для проблем теории (взаимодействие литературного языка и нелитературных форм речи, устойчивое сохранение в литературном языке отдельных элементов просторечия; пути и способы освоения просторечно говорящими явлений разного уровня литературного языка).

3) Наблюдение за непринужденной и официальной речью носителей литературного языка с целью выявления отдельных черт просторечия. Этот аспект анализа позволит установить наиболее живучие (стойкие) черты просторечия, что необходимо как для практической работы в области культуры

---

[6] *Баранникова Л.И.* Указ. соч., с. 8.

[7] О понятии "разговорная речь" см. в кн.: Русская разговорная речь, М., Наука, 1973.

[8] О различии просторечия и литературной разговорной речи см. подробнее в ст. Л.А.Капанадзе, с. 10—11.

речи, так и для теоретических проблем языкознания (причины стойкости тех или иных элементов могут объясняться особенностями строения литературного языка — наличием лакун в системе, соответствием просторечных элементов тенденциям развития литературного языка, их высокой экспрессивностью, удобством как номинативных средств и т.п.).

4) Представляет интерес и изучение речи просторечно говорящих в официальной обстановке — публичные выступления, интервью. Такое изучение покажет функциональный диапазон просторечия, а также поможет выявить, как именно происходит освоение просторечно говорящими тех литературных слов, форм и конструкций, которые составляют необходимый элемент официальной речи.

II

Рассмотрим наиболее типические явления морфологии, которые характеризуют просторечие Москвы и Ленинграда. Больших различий между этими городами в отношении морфологии просторечия нами не обнаружено, поэтому мы будем давать общее описание, указывая различия лишь там, где они имеются. В наше описание включены только те факты, которые отличают просторечие от литературного языка, т.е. оно имеет дифференциальный характер.

Подчеркнем еще раз. Рассматриваемые далее факты записаны в речи разных лиц. Следовательно: 1) не все отмеченные факты могут быть свойственны одному говорящему; 2) в речи разных лиц наблюдается разное соотношение просторечных и литературных явлений; 3) нередка вариативность в употреблении одного и того же факта как в речи одного говорящего, так и в речи разных лиц.

Особенности просторечной морфологии находят отражение в толковых словарях русского литературного языка (обычно они снабжены пометой *прост.* или *неправ.*, или *не*), а также в справочных изданиях разного рода, посвященных проблемам правильности и культуры речи и вариативности норм современного русского языка[9].

Вопрос о границе между просторечием и литературной РР многие исследователи решают по-разному. Так, почти все факты, которые мы относим к просторечию, некоторые исследователи считают локальной разновидностью РР. Особенно это характерно для явлений морфологии[10]. По мнению Т.И.Ерофеевой, даже стяженные формы глаголов (типа *знашь, понимашь,* и т.п.) — факт литературной речи. С нашей точки зрения, такое решение неправомерно, ибо включение в литературный язык фактов резкого нарушения нормы подтачивает само понятие "литературный язык".

Вопрос о разграничении разговорных и просторечных грамматических форм рассматривается в статье Л.К.Граудиной[11]. Объектом исследования являются два типа вариантных форм: 1) варианты, находящиеся на грани литературной нормы (эти формы признаются разговорными и изучаются на материале бытовых диалогов филологов); 2) варианты, выходящие за

---

[9] Назовем некоторые из этих книг: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Л., Наука, 1973; Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., Наука, 1976. — Обращение к изданиям этого рода служило нам для проверки наших наблюдений.

[10] См.: *Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

[11] *Граудина Л.К.* Разговорные и просторечные формы в грамматике. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

пределы литературной нормы (эти факты признаются просторечными и изучаются на материале языка художественной литературы).

Как те, так и другие явления оцениваются в работе с двойственных позиций (первые могут быть нейтральны в устной речи и обладают ярко выраженной стилистической окраской в письменных стилях литературного языка; вторые на правах нейтральных единиц не допустимы ни в письменных, ни в устных стилях литературной речи).

К числу разговорных вариантов в работе относятся не только факты собственно грамматические (морфологические), но также и фонетические, словообразовательные, синтаксические, лексические, "словоупотребительные", многие из которых при этом не имеют соответствующего нейтрального общелитературного варианта.

В качестве разговорных отмечается целый ряд явлений, которые, как представляется, вряд ли допустимы в литературной РР (например, нелитературные формы рода, "редуцированные" формы повелительного наклонения типа *собирайсь, хватайсь,* местоимение *ихний*).

Совокупность просторечных форм (в сферу рассмотрения попадает только морфология существительного и глагола) устанавливается по фактам отражения просторечия (а нередко и диалекта) в языке художественной литературы. При этом делается верное наблюдение, что стилистический эффект просторечия возможен только на фоне устойчивой общелитературной нормы, при отсутствии вариативности в пределах самого литературного языка. (Такая же закономерность характерна и для явлений языковой игры в РР)[12].

Итак, повторим, что в работе Л.К. Граудиной отличительные особенности грамматических норм в устных формах литературного языка (разговорные формы) выявлялись на материале естественной спонтанной речи носителей литературного языка, т. е. исследовались в функциональном аспекте; просторечные же формы (используемые в языке художественной литературы) анализировались в стилистическом аспекте. Мы считаем, что правомернее было бы сравнивать спонтанную речь носителей РР и носителей просторечия. Кроме того, совокупности разговорных и просторечных форм разнородны и по характеру сопоставляемых фактов (в первом случае — это явления фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические; во втором — морфологические).

По мнению автора, «"кайма" просторечия охватывает те грамматические категории и формы, которые не испытывают неустойчивости или колебаний в общелитературных нормах»[13]. По-видимому, такая "кайма" позволяет отграничить только явления "стилистического просторечия", для которого необходим устойчивый (невариативный) общелитературный фон. При этом она скорее может охватить не категорию как таковую, а некоторый набор лексем, для которых характерна "просторечная реализация" данной категории (например, мн. число имен существительных типа *очередя́*).

Целый ряд явлений в сфере просторечия, которые отвечают общим тенденциям в развитии языка, делает сомнительным утверждение о том, что различие между разговорными и просторечными формами в "перспективности" первых: разговорные варианты, по мнению автора, составляют продукт живых грамматических отношений, а просторечные формы, "пред-

---

[12] См.: Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест (М., Наука, 1983).

[13] Там же, с. 109.

ставляя собой осколки непродуктивных, диалектных или устаревших грамматических явлений, ретроспективны; они обращены в прошлое. И занять место нормативного варианта в грамматической системе литературного языка никогда не смогут"[14].

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория рода

В просторечии, как и в литературном языке, имеются существительные трех родов — мужского, женского и среднего, однако отнесенность многих существительных к тому или иному роду отличает просторечие от литературного языка. Это касается существительных всех трех родов, и исконных, и заимствованных, и бытовой лексики, и книжной. Наиболее разрушительное действие оказывает просторечие на существительные сред. р.

Ряд существительных ср. р., с ударением на основе употребляется в формах им.-вин. пад. как существительные ж. рода (*лето, мясо*): *Та мясо жирная/ а эта постная//; Какая густая повидла//; Лето дождливая была//*[15]. Естественно, что показателем формы рода является в большей части таких случаев согласуемые в роде формы глаголов, прилагательных и местоимений с ударной флексией или с флексией *-у*: *В эту лету* жара была// (см. примеры выше).

Употребление подобных существительных в форме ж. р. в иных падежах не встречается. По нашим наблюдениям, исключение составляет лишь слово *повидло,* которое имеет форму тв. п. — *повидлой.* Например: А. С чем пирожки? Б. *С повидлой//* И с мясом// (не "с мясой").

Подчеркнем, что изменение форм рода у слов с ударением на флексии (типа *окно́*) в наших материалах отмечено лишь в отдельных редких случаях. Так, в ж. р. используется иногда существительное ср. р. с ударением на флексии *бельё*: Вот *какая бельё*!

Слова *полотенце, яблоко* широко употребительны в формах м. р.: Дай мне *полотенец//*; Какой вкусный *яблок//*; Этот *яблок* кислый//

Подобное употребление стоит вне пределов литературного языка, хотя, например, употребление слова *яблоко* в м. р. встретилось нам в речи некоторых лиц, вполне владеющих литературным языком.

В просторечии употребительна склоняемая форма *кофей* — м. р. Формы косвенных падежей вариативны. Они образуются и от основы м. р. *кофе́j-*, и от основы *коф(е)*, которая в просторечии обычно относится к ср. р.: род. п. налей *кофею*; *кофю*; тв. п. *с кофием, с кофем*; предл. п. *о кофии, о кофе.* Например: *Кофею* попить хочешь?; Пирожок *с кофеем* будешь?

Существительное *какао* функционирует в форме с вставным *в* — *какава* в ж. роде: Налей мне *какавы//*; *Какавы* хочешь?

---

[14] Там же, с. 110—111; ср. противоположное мнение: "При прочих равных условиях, последовательно доведенные до конца современные тенденции в будущем превратят современное просторечие в норму, но осознать этот факт можно будет лишь ретроспективно, с точки зрения тогдашней нормы, тогдашнего стандарта" (*Колесов В.В.* Фонетические особенности современного просторечия в границах национального языка. — В кн.: Язык и общество, вып. 4. Саратов, 1977, с. 97). Ср. также: «В любом столкновении нормы ... и ненормы ... не всегда побеждает норма, но и не все рекомендации "простой речи" с течением времени становятся фактом стандарта» (Там же, с. 82—83).

[15] При передаче на письме просторечных форм с безударной флексией возможна известная доля условности. Как писать: Какая *мясо* или *мяса*, мы *хочем* или *хочим*? и т. д.

Некоторые существительные ср. р. приобретают в просторечии суффикс *-к-* и переходят в ж. р.: *одеялка.* Такого рода переходы характерны для слов с суффиксами субъективной оценки: А ты полей *ведерочкой*//

Случаи, когда слово, в литературном языке относящееся к женскому роду, в просторечии функционирует как слово ср. р., единичны. Таково существительное ж. р. *фамилия,* широко употребительное в форме ср. р. лицами разного возраста, в том числе молодежью: Он взял *фамилие* матери//; (молодой человек) Он не сказал *свое фамилие*//

Как существительное м у ж с к о г о р о д а в просторечии функционирует слово *расцветок* (вм. литературного *расцветка*): *Этот расцветок* к ней не пойдет//

Из существительных одушевленных слово *мышь* (в литературном языке — ж. р.) в просторечии употребляется как слово м. р.: *мыш,* р. п. ед. ч. *мыша,* тв. п. ед. ч. *мышом*; (о коте) Он этого *мыша* домой и принес//; В доме теперь ни одного *мыша*//

Отмечаются колебания в роде у заимствованных слов[16]: *Этот курага кисловатый*//; Прошлый год она *в санаторию* ездила//

Ряд существительных мужского рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. в просторечии функционирует как слова ж. р.: *толь, тюль, картофель, овощ, рояль:* А эта *лосось какая*?; *Тюль такую красивую* продавали!

Слово м. р. *путь* функционирует как слово ж. р. (*эта путь, с этой путя*) и как слово м. р. (*этот путь, с того путя*).

Приведем еще несколько типичных для просторечия несоответствий в роде литературному языку. Как слова м. р. употребляются существительные: *тапок, галош, манжет, туфель,* встречается и *туфля́* — ж. р. (ср. литературное *ту́фли* — чаще во мн. числе; им. ед. ж. р. — *ту́фля*).

Существительное ж. р. *ста́туя* нередко употребляется в просторечии в форме *стату́й* (как слово м. р.).

Как слова ж. р. употребляются в просторечии существительные *помидора* (*две помидоры*; дай мне *помидору*), чаще *помидорка.*

Некоторые существительные имеют ту же родовую принадлежность, но иное оформление в им. п. ед. ч.: *просты́нь* — ж. р. (Я *просты́нь* повесила на веревку//, ср. лит. *простыня́*), *мысля́* (Это правильная *мысля́*//, ср. лит. *мысль*), *броша́* (Какая у тебя *броша́-то* красивая!, ср. лит. *брошь*), *посте́ля* (ср. лит. *посте́ль*) или иной тип склонения (*це́рква* — ж. р., ср. лит. *це́рковь*; *свекро́вка* — ср. лит. *свекро́вь*).

Склонение

Просторечие имеет ту же систему падежей, что и литературный язык. В склонении существительных в просторечии употребительны те же флексии, что и в литературном языке. Отличие просторечия состоит: в ином распределении отдельных лексем по типам склонения; в более широком употреблении некоторых флексий. Случаи, когда тот или иной падеж получает флексию, не употребительную в литературном языке, немногочисленны и характеризуют речь лиц, сохраняющих диалектные черты.

Единственное число

Флексия *-у* в род. и предл. падежах употребляется шире, чем в литературном языке.

В предл. п. шире, чем в литературном языке, распространены словоформы с флексией *-у* типа *на газу́, на складу́, в хору́, на пляжу́.* Например:

[16] См. об этом подробнее в статье А.Ф. Журавлева, публикуемой в наст. сборнике.

На газу́ подержи/ он согреется//; Они *на складу́* были//; Это на первом *этажу́*//; Пела *в хору́*//; (в химчистке) Метку пришей *на подолу́*//; И меня рано перевели в первый класс (из подготовительного) / *на полгоду́*//

В род. п. флексия *-у* в просторечии употребительна шире, чем в РР, например: Нет *дождю́*//; Ну/ насмотрелись *телевизору*//; Он уже вернулся *из отпуску*//; *До году́* пятидесятого это было//

Для московского просторечия характерно также употребление мягких основ в формах род. п. слов *мама, папа* и некоторых других: *у мами, у папи*; у тети *Клави*; Я *у Шури* была//; Я *до мами* добралась//; *От Тамари* пришла// *У Люби* такой же материал//. Как кажется, эта форма встречается только в конструкциях с предлогами.

В просторечии некоторые разряды существительных склоняются по типу имен прилагательных. Сюда относятся названия городов и поселков на *-ск* (типа *Загорск*) и отчества ж. р. (типа *Тимофеевна*). Несколько примеров: Она в *Загорском* живет//; Купи Анфисе *Тимофеевной*//; А. А если спросят/ кому? Б. Скажите/ Клавдии *Даниловной*//; Это для Елены *Андреевной*//; Я передам Веры *Васильевной*//

В московском просторечии отмечаются отдельные особенности склонения, более резко контрастирующие с литературным языком, представляющие собой реликты диалектной морфологии: флексия *-е* в форме род. п. и флексия *-ы* в форме дат. п. существительных ж. р. и отчествах ж. р., по-видимому, только в конструкциях с предлогами: *у сестре, у снохе*; пойду *к Зины*//; Бежи к *Марь Палны*//; Погоди/ я *Татьяны Васильевны* скажу//. Такое употребление отмечено у лиц, сохраняющих в речи диалектные черты, и не является распространенным.

Таким образом, флексии, функционально нагруженные иначе, чем в литературном языке (например, *-е* как показатель род. п. или *-ы* как показатель дат. п.), в просторечии редки; кроме того, они выступают лишь при поддержке предлога, однозначно определяющего падеж и устраняющего возможную омонимию.

Множественное число

Многочисленные отличия от литературного языка наблюдаются в формах именительного и родительного падежей.

В **им. п. мн. ч.** большую активность проявляют флексии *-а́* (в том числе после основ на *-j-*) и *-ы*.

Флексия *-а*. Эта флексия охватывает существительные всех трех родов.

М. р.: *шофера́, инженера́, слесаря́, токаря́, волоса́, торта́, спеца́, запаха́*. Несколько примеров: (у железнодорожных касс) *Кассира́* сидят там//; Посмотрите/ на витрине же *кекса́*//; (в поликлинике о больных диабетом) *Сахара́* идут тучей//; Все положите *портфеля́* на парту и быстро в актовый зал//; (шофер автобуса) Там *термоса́* сзади поставили// Я за них не отвечаю//

Ж. р. — существительные с основой на мягкий согласный: *матеря́, очереда́, площадя́, кровя́*; отмечено даже *комнатя́* (при им. п. ед. ч. *комната*). Например: Мы не ссорились// *Матеря́* наши ссорились//; Теперь эти *комнатя́* белить надо//

У существительных м. р. с основой на *-j-*: *глазья́, волосья́, стаканья́*; ср. также *братья́* (при литературном *бра́тья*). Например: У него *глазья́* заплыли//; Катькины *братья́* завтра приедут//; Причеши *волосья́-то*!

Флексия *-ы*. В словах м. р. отмечается ударная флексия *-ы* (в соответствии с литературными формами с ударением на основе): *стаканы́, склады́*: Опять *стаканы́* не убрали//; У нас рядом *склады́*//; *Пледы́* такие зеленые с белым/ веселенькие//

www.ruslang.ru

Флексия *-ы* наблюдается также у ряда существительных м. р. и ср. р. в соответствии с литературными формами на *-а*: *ребя́ты, о́кны, сте́клы, ве́дры, я́йцы, ко́льцы, блю́дцы, блю́ды, реше́ты, си́ты, одея́лы, пи́сьмы*; а также у существительных pluralia tantum: *воро́ты.*

Род. п. мн. ч. Наиболее характерна для просторечия флексия *-ое*. Она употребляется у существительных м. р. и ср. р., которые в литературном языке имеют нулевую флексию (*разо́в, сапого́в, солда́тов, пого́нов, дело́в, мест**о́**в, зеркало́в*) или флексию *-ей* (*соседей, рублей*): У тебя *дело́в-то* много?; В зале *мест**о́** в* свободных много//; Сколько *разо́в* тебе говорить?; Встречаемся *у зеркало́в*//; У меня нет *пого́нов*//; Вот жаль/ *сапого́в* не достала//; Повылазили все *из о́кнов*//

А. Откуда звоните? Б. *От сосе́дев*//; Сорок *рубле́в* отдала//; Дети умнее *роди́телев*//

Флексия *-ов* отмечается и у существительных pluralia tantum: А потом должно быть вступление *литавров*//

В ряде случаев просторечные словоформы отличаются от литературных ударением на флексии *-о́в* (в соответствии с безударным *-ов* в литературном языке): Двое *шофе́ро́в*//; *Стака́но́в* нет//; Мы будем *тарака́но́в* морить//

Флексию *-ов* имеют также отдельные существительные на *-а* (*-я*) (*дядев, тетев, папов, мамов* и т. п.): Сколько ж ты *таблетков* проглотила!; Ты чужих *дядев* не трожь//

У ряда существительных м. р., ж. р. и pluralia tantum с основой на мягкий согласный в род. п. мн. ч. может быть и нулевая флексия (в соответствии с флексией *-ей* в литературном языке): *дядь, теть, ясель* (ср. лит. *дя́дей, тете́й, я́слей*).

Слово *день* имеет в просторечии форму род. мн.: *дён* (пять *дён*, сколько *дён* прошло).

Тв. п. мн. ч. В московском просторечии не редки словоформы тв. п. мн. ч. с флексией *-ими* от существительных с основой на заднеязычные: Ты хочешь, чтоб я ногу сломала с твоими *одуванчикими*//; Она за ее *девкими* глядит//; Этими *веревкими* не завяжешь//; Лампы были с *сеткими*//; Лошади с *бубенчикими*//; Я не буду с *дворникими* учиться//; Сапоги были с *обмоткими*//

Существительное *люди* в просторечии имеет такие падежные формы в дат., тв. и предл. падежах: *людя́м* (лит. *лю́дям*), *людя́ми* (лит. *людьми́*), *о людя́х* (лит. *лю́дях*): В глаза *людя́м* стыдно смотреть//; *О людя́х* не думает//

Если говорить о функциях падежных форм, то для просторечия характерно более широкое, чем в РР, употребление единственного генерализирующего типа: У нее *волос* густой/ пышный//; (в автобусе, извиняясь) Я ваш *волос* задела/ извините//; (из воспоминаний о войне) *Немец* отступил//; *Ягода* нынче дорогая//; *Огурец* в рост пошел//; (в магазине) Не мешайте/ я *яйцо* считаю//; (на елочном базаре) *Елка* в этом году хорошая//; (на овощной базе) *Груша*/пришла машина//

Отметим еще некоторые черты, характеризующие склонение существительных.

1) Несклоняемые существительные в просторечии могут изменяться по падежам. Это явление распространяется прежде всего на слова, называющие реалии, широко употребительные в городском быту (типа *пальто, кино, метро*). По нашим материалам, эти существительные не дают полную парадигму склонения, но прежде всего: род., тв., предл. ед. ч.; им., род., предл. мн. ч.

В просторечии существительное *пальто* функционирует как слово,

имеющее безударную фонему < о > в первом слоге, которая в формах мн. числа чередуется с *о* ударным: [пал'то́] – [по́л'ъ], [по́л'тъм'ь], в [по́л'тъх].

В "Москве" *по́льта* хорошие дают//; Почему *в по́льтах* идете?; Ты *без пальта́*?; *В пальте́* жарко//; *По́льта* куда вешать?; Сымайте *по́льта*!; Вы *у метра́* сходите?; Уж я *до метра́* доберусь//; Как доехать *до метра́*?; *На метре́* поедем?; Поедем *метро́м*/ ладно?; Сколько *кин* построили!; Ты *из кина́*?; Да вот/ купил *два кила* рыбки//; Это матч с тбилисским *"Динамом"*//. Ср. также: У нас *в Сочи́* уже в мае на пляжу загорать можно//

Реже встречается род. мн. с флексией *-ов*: *Пиани́нов* навалом//

2) Как противоположное явление можно отметить несклонение тех существительных (преимущественно существительных. ср. р. на *-о*), которые в литературном языке склоняются. Это относится к словам редко употребительным, плохо известным говорящему (типа *руно*). Указанные явления подтверждают закономерность, отмеченную А.А. Зализняком в докладе "Внешнее выражение фамильярности человека со словом" (чтения, посвященные памяти А.А. Реформатского, 1980 г.), – осторожное отношение к словам чужим, не освоенным, свойское отношение к словам, хорошо известным, привычным, часто употребляемым.

3) Аналогическое выравнивание основ, устранение некоторых нерегулярных чередований, например, чередования "беглый гласный/нуль". Так, существительное *рот*, имеющее в литературном языке словоформы *рта, рту, ртом* и т. п., в просторечии имеет формы: р. п. *ро́та* (Вынь *из ро́та*), дат. п. *ро́ту*, предл. п. *в роте* и *в роту́* (Не держи *в роту́*!; Ну что ты все скребешь *в роту́*?).

С другой стороны, некоторые существительные, которые в литературном языке не содержат чередования гласных с нулем, в просторечии имеют это чередование (*вале́т, вальта́, вальто́м*; *вальты́, вальто́в, вальта́ми*; *бюллете́нь – бюллетня́, бюллетне́м*).

4) Аналогическое выравнивание наблюдается и по отношению к основам с так называемым наращением. Это касается склонения слов типа *время, имя*, которые в просторечии обычно имеют словоформы без наращения *-ен-*: Нет *время*//; Мало *время*//; Сколько *время*? и даже: *С времем* плохо//; Как тебя *по имю*?; А. Как внучку-то назвали? Б. Еще никак/ А. *Без имя* плохо//

Подчеркнем, что конструкция типа *сколько время*? *нет время* широко распространены в речи многих литературно говорящих. Их можно считать принадлежностью литературной разговорной речи.

Примером существительного, подвергшегося аналогическому выравниванию, может быть также слово *дитё* (не *дитя*!). Существительное *дитё* имеет в просторечии словоформы:

Им.	*дитё*	В.	*дитё*
Род.	*без дитя́*	Тв.	*с дитём, с дитя́ми*
Дат.	*дитю́*	П.	*о дите́, о дитя́х*

Пропустите *с дитём*//; Ты что *дитю* суешь?; *О дите* подумай!; *С дитя́ми* всегда без очереди//. Таким образом, в этом случае происходит подравнивание лексемы под тип существительных ср. р. на *-о*; устраняется супплетивизм *дитя – дети*, а также наращение *-ят* (ср. лит. *дитя*, род. п. *дитяти* и т. п.). Просторечные словоформы *с дитя́ми, о дитя́х*, по-видимому, могут интерпретироваться и как члены акцентологически выровненной в формах косвенных падежей мн. числа парадигмы слова *дети* (*дете́й, детя́м, с детя́ми, о детя́х*).

5) Часто употребительные словосочетания, несущие единую номинатив-

ную функцию, в просторечии подвергаются процессу универбации и выступают как единый совместно склоняемый комплекс. Таково сочетание *дом отдыха,* которое в просторечии может функционировать как имя существительное м. р. *домотдых*: Приехал *из домотдыха*//; Еду на две недели *в домотдых*//; *В домотдыхе* хорошо!; Я считаю/ что́ работа/ что́ *домотдых*// Всё по часам//

Аналогичным образом ведет себя сочетание *день рождения,* которое при этом часто выступает как существительное ср. р.: А. *Чье* у вас *деньрожденье*? Б. Мое//; Завтра *Сашино деньрожденье*//; Я на *свое деньрожденье* никого не звала//; У его матушки *деньрожденье* было//. Ср. также: Это где-то на *парккультуры и отдыха*//

Подвергаться универбации могут также сочетания с числительными, в частности, указания адресного характера типа *дом восемь,* несклоняемые, но употребляемые как номенклатурный ярлык: Это *в домсемь*// Там много молодых//: Он живет *домвосемь*//; *Из домвосемь* сказали// На собрание завтра//; Пришли *из домтринадцать*//

Отметим, что явление универбации свойственно (но в более слабой степени) и литературной разговорной речи, где распространено слитное склонение составных имен, включающих имя и отчество или иностранное имя и фамилию, типа: Читал *Жюль Верна, с Ромен Ролланом, к Николай Иванычу, от Михал Петровича.*

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В сфере прилагательных просторечие имеет меньше отличий от литературного языка, чем в сфере других частей речи.

1. Наиболее резко отличается просторечие в способах образования форм с р а в н и т е л ь н о й степени. Как и в литературном языке, в просторечии формы сравн. степени являются неизменяемыми и формально совпадают у прилагательных и наречий. Они образуются с помощью тех же формантов, что и в литературном языке: *-ее, -е, -ше,* однако распределение основ по этим формантам в просторечии иное, чем в литературном языке.

В просторечии обнаруживает бо́льшую продуктивность, чем в литературном языке, суффикс сравнительной степени *-ше*: *ширше, красивше, длиньше, тяжельше, здоровше,* ср. лит. формы *шире, красивее, длиннее, тяжелее, здоровее.* Таким образом, суффикс *-ше* функционирует в сфере действия литературных образований с суффиксами *-е* и *-ее.* В немногих случаях форма сравн. степени получает формант *-же* (*слабже, глыбже*), возникший, видимо, по аналогии с словоформами типа *реже, глаже* (где *ж* — результат чередования). В литературном языке имеется лишь одна форма с аналогическим *-же*: *глубже.*

С другой стороны, в ряде случаев в параллель с литературными формами на *-е* в просторечии употребительны формы на *-ее*: *хужéе* (ср. *хуже*), *крепчéе* (ср. *крепче*). Подобные образования характерны преимущественно для лиц пожилого и среднего возраста. Несколько примеров: Нет/ эта юбка *длиньше*//; Эта сумка *тяжельше*//; Та еще *хужéе*//; Твоя кофточка *красивше*//; Так *крепчéе*//; (о ящиках на почте) По 38 они *подлиньше*?

Кроме того, в просторечии функционирует аналитическая форма сравн. степени, образуемая словом *более* + сравн. степень (*более хуже, более умнее*). Подобные контаминированные конструкции свойственны лицам, приобщающимся к литературному языку, но не полностью им овладевшим. Они встречаются в речи людей среднего и молодого возраста, в том числе школьников: Так мне не нравится// Это *более хуже*//; Он *более глупее*//; Наш футбол все *более лучше и лучше* становится//; Этот станок гораздо

более продуктивней//; Это *более приемлемей*//; "Спартак" играл *более проще*//

В просторечии отмечаются и аналитические формы превосходной степени: Это *наиболее лучший* вариант//; *Наиболее чаще* они в том магазине бывают//; *Наиболее лучше* вам это платье идет//

Как кажется, старому просторечию такие конструкции не свойственны.

В конструкциях с прилагательными (а также наречиями) сравн. степени в просторечии нередко функционирует союз *как*, а не литературный *чем*: Этот стол *длиньше как* у нас//; Он работал *больше как* они//; На кровати (лежать) *лучше как* на топчане//

2. В склонении прилагательных укажем такую специфическую для просторечия черту: образование форм предл. п. ед. ч. от основ на заднеязычные с помощью флексии *-им* (*в высоким* доме, *в крепким* чае). Подобные флексии свойственны также местоименным прилагательным *такой, какой* (с основами на заднеязычные) и *этот* (см. об этом ниже). Отметим, что в склонении местоименных прилагательных подобные формы употребительнее, чем в склонении прилагательных неместоименных, где словоформы предл. п. на *-им* сравнительно редки.

3. Характерную черту московского просторечия составляет употребление твердых заднеязычных перед флексиями прилагательных (высок[ъ]й, низк[ъ]й, Киевск[ъ]й вокзал и т. п.). Эта особенность, свойственная старой норме литературного языка, в нем утрачивается и сохраняется в просторечии преимущественно в речи лиц немолодых: Потолок был *высок*[ъ]*й*//; (таксист 50 лет — пассажирам) *Ленинск*[ъ] *й* проспект//

4. Для просторечия типично употребление полных прилагательных и причастий в предикативной функции (в тех случаях, когда по нормам литературного языка следует употреблять краткие формы)[17]: Магазин сегодня *закрытый*//; У нее еще отец *живой*// (т. е. жив); Я перед ним *виноватая*//; Из виду-то я знаю ее/ а так мы *незнакомые*//; Она осталась *довольная*//[18]

5. Некоторые аналитические несклоняемые прилагательные литературного языка осмысляются в просторечии как существительные и склоняются соответствующим образом: В час *пика* там не пройти//, ср. также: Петрушка *по нетту* идет (ср. лит. *вес нетто*).

МЕСТОИМЕНИЕ

В сфере местоимений просторечие имеет существенные отличия от литературного языка.

Просторечие и литературный язык по-разному используют местоимения *ты* и *вы* (вежливое). Для литературно говорящего обращение на *ты* — знак близости (так говорят родственникам, друзьям, старым знакомым). Разговор на *ты* с незнакомыми воспринимается как грубость и невоспитанность (ср. такие реакции: Почему вы мне тыкаете? Мы с вами брудершафт не пили. Кто вам дал право обращаться ко мне на ты? и под.).

В просторечии *ты* нейтрально. Старому и в значительной мере современному просторечию не свойственно употребление "вы вежливости". Обращаясь к незнакомому лицу, просторечно говорящий, как правило, исполь-

---

[17] См. об этом: *Собинникова В.И.* Наблюдения над городским просторечием (по записям разговорной речи населения г. Воронежа). — Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та. Кафедра русского языка, 1962, т. XXI, вып. 6; см. также статью Т.С. Морозовой, публикуемую в этом сборнике.

[18] Ср. отражение этого явления в языке художественной литературы: — Так ты поговори с ней... — Да уж говорил. Она *согласная* (И. Меттер, Мой друг Антон. — Новый мир, 1981, № 4, с. 28).

зует *ты* и формы глагола ед. ч.: *Ты папаша* закурить *не найдешь*?; (К пожилой женщине) *Ты* что *мать/* под трамвай угодить *хочешь*?; (к молодому человеку) Метро *не скажешь* где? Так обращаются и к ровесникам (*ты парень, шеф, старик, друг*), и к лицам старшим (*отец, мамаша, мать, бабка,* и под.): *Мамаша/* чемодан тебе не поднести?; Садись *тетка*//; *Ты бабка* отойди с прохода//; Иди *папаша/* место свободное есть//

Таким образом, широкая сфера разговоров осуществляется просторечно говорящими на *ты* (например, разговор на улице, в магазине, в городском транспорте, с водителем такси, на вокзале, в больнице). Отметим, однако, что некоторые просторечно говорящие обращаются на *ты* лишь к лицам своего круга или возраста, используя *вы* при наличии ощутимой возрастной, социальной или психологической дистанции. Возможны и такие случаи, когда человек, вступая в коммуникацию с литературно говорящим, обращающимся к нему на *вы*, и сам переходит на *вы*: (водопроводчик) Ну что *у тебя* хозяйка случилось? — Не могли бы *вы* кран сменить? Течет// — Ладно/ я *вас* уважу//

При овладении "вы вежливости" просторечно говорящий встречает трудности в употреблении форм согласования. Наблюдаются такие отступления от норм литературного языка:

а) (Наиболее распространенное) Свойственное преимущественно старому просторечию употребление при "вы вежливости" полного прилагательного во мн. числе: *Вы такие умные/ такие образованные*//; *Вы храбрые/* а я всего боюся//; (ср. лит. *вы умный*).

Аналогично по функции такое явление, как употребление местоимения *они* по отношению к одному лицу: (указывая на собеседника) Вот *они* говорят/ что Катя замуж собралася//; Я *их* (об одном человеке) просила/ а *они* не хочут//

б) (Редкий случай) Употребление при "вы вежливости" глагола в ед. ч. (согласование по смыслу): *Вы ездила* в отпуск?; (в очереди) Я тут с самого начала стою/ а *вы* тут *не была*//; Что удивляться/ *вы* же *обещала придти*//

в) (Редкий случай) Употребление при "вы вежливости" краткого прилагательного в ед. числе: *Вы* всегда *права/* кто ж спорит//; (ср. лит. *Вы правы*); И винить некого/ *вы* сама *виновата*// (ср. лит. *Вы* сами *виноваты*).

Малая частотность подобного употребления объясняется в значительной мере тем, что краткие прилагательные — книжные формы, не характерные для просторечно говорящих. В тех случаях, однако, когда они стремятся к вежливости, почтительности, возникает подобное согласование.

Другое важное отличие просторечия от литературного языка, связанное с употреблением местоимений, относится к области построения текста. Оно касается употребления местоимения 3 л. в замещающей функции. Просторечно говорящий нередко использует местоимения (*он, она, оно, они*) вне точного соотнесения с каким-либо существительным: ...все боялися/ ну кто ж *ей* будет зарплату платить такую же/ как я получаю/ *она* шесть часов работает/ а я восемь часов работаю// (местоимение *она* в данном контексте указывает в принципе на любую работницу фабрики).

Речь может быть начата прямо с местоимения и лишь впоследствии, как бы спохватившись, говорящий поясняет, что он имел в виду: *Они* старались в первую очередь увольнять тех/ кто живут на вольных квартирах// *Это хозяева-то*//

Подобное внешне явление мы отмечали по отношению к литературной РР[19], где оно объясняется общностью апперцепционной базы и конситуа-

---

[19] См.: *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 208.

цией, которые проясняют содержание, устраняя возможность непонимания. Различие между РР и просторечием состоит в том, что просторечно говорящий использует местоимение без антецедента и не имея опоры на конситуацию: Знаете/ как бывает// То на работу не вышел/то *он* вышел с головной болью//

Для морфологии местоимений в просторечии, так же как и для морфологии существительных, характерны явления аналогического выравнивания.

1) В соответствии с притяжательными местоимениями 3 л. *его, ее, их*, употребительными в литературном языке, в просторечии функционируют склоняемые формы притяжательных местоимений 3 л. *евоный, ейный, ихний* (и *ихный*), а также (реже) бессуффиксальная форма *их, иха, ихо, ихи*. Особенность этих форм состоит в том, что они не противостоят резко (подобно литературным формам *его, ее, их*) склоняемым притяжательным местоимениям *мой, твой, наш, ваш*. Особенно широко распространена форма *ихний*. Она встречается у лиц разного возраста, в том числе в речи лиц, владеющих или овладевающих литературным языком: Это *ихняя* девочка//; Возьми *ихнюю* сумку//; (студентка 23 л.) Я была на *ихнем* вечере//; (молодая женщина) Я не знаю *ихнюю* квартиру//; (молодой мужчина) Она из *ихней* команды//; (молодая девушка) Какое мне дело до *ихней* воды//; (женщина 50 лет) Это *ихняя* машина//; (мужчина 70 лет) *Ихняя* девчушка уже большая стала//

Формы *евоный, ейный*, а также *их* (*-а, -о, -и*) менее распространены и свидетельствуют о полном невладении литературным языком: (Женщина 40 лет, родом из Подмосковья) Вчерась *ейнова* мужика у магазина видела//; (женщина 55 лет) Они у *ейной* матери живут//; (женщина 45 лет) Мальчик *ейный* десятый класс кончает//; (женщина 40 лет) Дочка *евонная* в институт поступила/ он ей и звонит//; А. Чей это? Б. Вон/ *евона*//

Кроме того, в просторечии функционируют производные от *наш* и *ваш* образования *нашенский* и *вашенский*: А. Чьи это санки-то? Б. Дак *нашенские*// Мой-то купил мальчонке/ а мал еще//; А. Где *вашенские-то*? Б. К снохе пошли//

В просторечии наблюдается бóльшая активность местоимений как производящих основ, чем в литературном языке. Кроме выше отмеченных, назовем еще: *таковский, каковский, по-каковски*? ('на каком языке'?), например: Это он *по-каковски*?; *По-каковски* написано?).

В склонении личных местоимений отмечаются такие отличия от литературного языка:

а) Местоимение 1 л. ед. ч. имеет в род., дат. и вин. п. форму *менé*: *У мене* три сына//; Возьми *для мене* селедочки//; Он *мене* видел//; Дай *мене*//; Принеси *мене*//; *Мене* это легко сделать//; Приходи *к мене*//; Они *мене* уговаривали//; Ноги *у мене* вечером болят//

б) Местоимение 3 л. ж. р. имеет форму род., вин. п. *ей* или *ней*: *У ней* было двое детей//; Ты *для ней* купи//; *Ей* дома нет//; А. Позовите Катю// Б. А *ей* нет//; *У ней* внучка большая//

Отметим, что форма *ней* с предлогом имеет более широкое распространение, чем форма род. п. *ей*; она свойственна лицам разного возраста, а конструкция *у ней* может, на наш взгляд, рассматриваться как принадлежащая литературной разговорной речи.

в) Местоимение *он, она, оно* образует формы косвенных падежей с предлогами без начального *н-*, т. е. аналогично формам, употребляемым без предлога; Нельзя так/ всё *для их*/ всё *для их*//; Ты *к ей* поедешь?; *Для ей* приготовил//; Да/ *у их* всегда так//; А ты сам позаботился *об ей*?; Ты *с им* говорил?

г) В Ленинграде встречается форма местоимения 3 л. мн. ч. ч. *оне́*. Как кажется, эта форма не относится к просторечию, а характеризует речь старого Ленинграда. Ср. также *одне*: *Одне* машины стоят//

д) Местоимения *этот, какой, такой* имеют форму пред. п. ед. ч. с мягким конечным согласным основы: (*в*) *этим*, (*в*) *каким*, (*в*) *таким*. Например: *В этим* доме Маня живет//; Ты *в каким* платье пойдешь?; *На этим* кончаю//; *В таким* разе я с тобой разговарить не буду//; *В каким* месте?; *В каким* году он приезжал?

е) У притяжательных местоимений *мой, твой, свой* употребительны формы род. и дат. п. со стяжением гласных: *маво́, тваво́, свово́, маму́, твому́, свому́*[20]. Например: *Сваво* не упустят//; *Сваво* дела не знаешь?; Не трожь *маво* внука//; Я *тваво* не беру/ и ты *маво* не касайся//

Укажем еще некоторые особенности просторечия в сфере местоимений.

Формальные особенности

Местоимение *этот* нередко употребляется с начальным *j*. Такое произношение встречается и в Москве, и в Ленинграде, преимущественно у пожилых людей: Кто [jэ] *та* девочка?; На [jэ] *тим* поедим? [jэ] *то* кто звонил?; [jэ] *того* я не знаю//; После [jэ] *того* стал захаживать//; Он и стал [jэ] *тим* заниматься//

Кроме того, это местоимение в просторечии употребляется в форме *энтот, энта, энто*: *Энтот* опять приходил//; *Энта* мене не нравится//; А *энтот* в армии еще//

Местоимения *кто, что*, а также местоименные наречия *где, когда* с частицей *-то* нередко имеют *j* перед частицей — *чтой-то, ктой-то, гдей-то, когдай-то*: Она *чтой-то* писала//; *Ктой-то* это приходил?[21]

Местоимения *кто* и *никто* в соответствии со старомосковской нормой, поддерживаемой еще Д.Н. Ушаковым, иногда произносятся с звуком *х — хто, нихто*: *Нихто* не заходил//; *Хто* это?

Местоимения с начальным *и* (*их, им, ими*) нередко произносятся лицами старшего поколения с *j* в начале: [j]*ими*, [j]*их*, [j]*им*, что также отвечает старомосковскому литературному произношению.

Отметим еще одно отличие, имеющее не только формальный характер. При вопросе о многих неизвестных лицах в просторечии используется конструкция *кто да кто*?

А. У нас гости были// Б. *Кто да кто*?; *Кто да кто* приезжал?

Таким образом, если в литературном языке местоимение *кто* употребляется по отношению и к одному, и к нескольким лицам, то в просторечии имеется возможность разграничения этих двух видов вопроса. Следовательно, конструкция *кто да кто*? может рассматриваться как просторечная форма мн. ч. местоимения *кто*? Ср. использование в литературном языке выражения *кто именно*? при желании получить более точный ответ, чем тот, который возможен на вопрос *кто*?

---

[20] Стяжения иного типа (например, *Кака* у них любовь?) должны, на наш взгляд, рассматриваться как черты диалектного произношения, а не как факты просторечия.

[21] См.: *Аванесов Р.И.* Об одном фонетическом явлении, получившем синтаксическое значение в русском внелитературном просторечии и диалектах. — В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979.

ГЛАГОЛ

В области глагольной морфологии просторечие имеет много отличий от литературного языка, касающихся как образования отдельных словоформ, так и функционирования тех или иных членов парадигмы глагола.

Чередования в основе

В просторечии нередко при спряжении выступает чередование к/к', г/г' на месте чередования заднеязычных с шипящими, свойственного литературному языку. Так спрягаются глаголы *печь, течь, беречь, волочить, стеречь* и нек. др.

пеку	*теку*	*волоку*	*берегу*
пекешь	*текешь*	*волокешь*	*берегешь*
пекет	*текет*	*волокет*	*берегет*
пекем...	*текем...*	*волокем...*	*берегем...*

Как кажется, чередование г/г' менее распространено, чем чередование к/к'. "На слух" оно представляется более резким отличием от литературного языка. Лишь в спряжении глагола *жечь* формы *жгешь, жгет* (ср. лит. *жжешь, жжет*) распространены довольно широко и свойственны некоторым лицам, владеющим литературным языком.

Представляет интерес глагол *лечь*, который имеет в просторечии форму 1 л. ед. ч. и с *г*, и с *ж*: *ля́гу* и *ля́жу*. Приведем другие формы: *ля́гу, ля́гешь, ля́гет; ля́гем, ля́гете, ля́гут; ля́жу, ля́жешь, ля́жет.* В повелительном наклонении употребительны формы *ляжь, ляжьте* (ср. лит. *ляг, лягте*).

Несколько примеров: Вы дорогу *пересекете*?; Он долго свет *жгет*//; *Бежи* скорее//; *Ляжь*/ отдохни//; Бывает как *лягет*/ так и уснет//; Закрой кран// Вся вода *вытекет*//; (о мусоре на полу) Вот *натолкете*/ а потом сами поскользнетесь//; Он электричества много *жгет*//; Не трогай/ а то руку *пожгешь*//; Когда ж ты спать-то *лягешь*?; (рассказ о доме отдыха) Все по часам// Не успеешь позавтракать/ *бежи* на обед// Галопом//

В просторечии некоторые глаголы сохраняют фонемный состав, свойственный старомосковскому произношению (фонему < о > в корне), но постепенно утрачиваемый современным литературным языком, в результате чего наблюдается чередование *а/о* в глаголах типа *платить* (*пло́тим, пло́тишь, уплочено, заплочено*), *катить* (*ко́тишь, ко́тим*), *дарить* (*до́ришь, до́рим*).

Например: За лето 150 рублей *пло́тим*//; Это им *подо́рим*//; Пусть он его за стол *посо́дит*//; Я до них не *дотро́г* [вълсъ] //

Аналогическое выравнивание

Для спряжения глагола в просторечии характерно — под воздействием аналогического выравнивания — устранение разного рода чередований. Так, например, разноспрягаемый в литературном языке глагол *хотеть* в просторечии имеет два вида спряжения:

(с выравниванием по формам ед. числа)		(с выравниванием по формам мн. ч.)	
хочу́	*хо́чим*	*хочу́*	*хоти́м*
хо́чешь	*хо́чете*	*хоти́шь*	*хоти́те*
хо́чет (ь)	*хо́чут (ь)*	*хоти́т*	*хотя́т*

Я тебе этих манжетов куплю сколько *хоти́шь*//; Вы не *хо́чете* звонить?

Интересно отметить, что словоформы того и другого спряжения могут быть представлены в речи одного лица.

Глагол *гнуть* (с разными приставками) имеет в литературном языке форму несов. в. *нагибать, сгибать* и др. Для просторечия характерно устранение синхронно немотивированного чередования и образование словоформ типа *сгинать, нагинать, нагинаюсь, нагинаешься, нагинался* и др.

Глагол *одеть (ся)* и родственные имеет формы: *одею́ (ся), одеёшь (ся), одеёт (ся); одеём (ся), одеёте (сь), одею́т (ся).*

Глагол *девать (ся), издеваться* имеет формы: *деюсь, издею́сь, издеёшься, издеёмся, издеётесь, издею́тся.*

Например: Что это он *одеёт*?; *Издеёшьси*? Я тебе задам!; (в раздевалке) Обедать/ я не *раздею́*//

Глаголы *лазить, ездить* спрягаются так (литературные формы 1 л. ед. ч. с чередованием *езжу, лажу* устраняются):

ла́зию	*ла́зиим*	*е́здию*	*е́здиим*
ла́зиишь	*ла́зите* и *ла́зиите*	*е́здиишь*	*е́здите* и *е́здиите*
ла́зиит	*ла́зиют*	*е́здиит*	*е́здиют*

Например: Он ко мне в гардероб *лазиит*//; Я к им не *ездию*//; Она каждый год туда *ездиит*//; Я *слазию*//

Некоторые глаголы на *-овать* в просторечии имеют формы настоящего времени, "выровненные" по основе инфинитива (т.е. изменяются по I продуктивному классу с устранением чередования *-ов-/-у-*): Я тебе не *жаловаюсь*//; Он к себе внимания *требовает*//

Формы вида

В соответствии с литературными супплетивными формами вида *положить —класть* в просторечии широко употребительны глаголы *ложить* (как пара к *положить*) и *покласть* (как пара к *класть*). Например: Куда ты *ло́жишь?; Ложи́* на место!; *Поло́жь*! Не хватай руками!; Не могу найтить/ где он это *покла́л*//; *Ло́жьте* портфели в парты//; Может Дусенька на целлофан *ло́жить* будем?

Формы несов. вида на *-а-* (в соответствии с литературными формами с суфф. *-ыва-*)

В соответствии с литературными формами несов. вида с суфф. *-ыва-* в просторечии широко употребляются формы с суфф. *-а-: отряхать* (ср. лит. *отряхивать*), *расстега́ть (ся)* (ср. лит. *расстегивать, -ся*), *затопля́ть* (ср. лит. *затапливать*), *накоплять* (ср. лит. *накапливать*) и др., а также пара *накла́сть — накладать* (ср. лит. *наложить — накладывать*): Не *накладай* больше! Тяжело будет//; Он себе *наклал* цельную миску//; Куды *накладаешь*?; На нас большие задания *накладают*//; //; Мне тогда свои десять копеек *выкладать* придется//; Я *вкладаю* деньги в сберкассу//; *Застегаться* нужно?; *Не застегайся*! Жара//; *Затоплять* пора/ холодно//

Формы 3 л. мн.ч. на *-ут*

В просторечии г. Москвы широко распространена флексия *-ут* в форме 3 л. мн. ч. глаголов второго спряжения, составлявшая старомосковскую норму литературного языка: *курют, просют, смотрют, носют, ходют, хоронют, попросют, набедокурют, кормют, портют, любют, привозют* и мн. др.

Формы 3 л. ед. и мн. ч. на *-т'*

В московском просторечии довольно широко употребительны формы 3 л. с мягким т', пришедшие из южнорусских говоров и сохранившиеся в речи многих горожан, выходцев из соответствующих диалектных мест: Он тебе *принесеть*//; Они *пришлють* письмо//; Эти цветы *цветуть* долго//; (о цветах) И они всё *висять*/ и *цветуть* и *висять*//; (шофер такси, более 30 лет живет в Москве) Трамвай *пойдеть*// Троллейбус *пойдеть*/ потому у них маршрут/ автомобиль не *пойдеть*//; (о комнате) Она *сдаеть*//

Формы инфинитива и прошедшего времени

Аналогическому выравниванию подвергается образование форм инфинитива. Так, ряд глаголов, имеющих в литературном языке инфинитив на *-сти*, в просторечии образует инфинитив на *-сть: принесть, отнесть, привезть, отвезть, гресть, полозть* (и *ползть*) — в сочетании с разными приставками: Куды *гресть*?; Не могла *принесть* домой что ли?; Помоги мне *отнесть*//; Мне эту посылку к поезду *везть* придется//

Глагол *идти* (без приставки и в сочетании с разными приставками) имеет в просторечии инфинитив *идить* и *итить*, с приставками: *уйтить* и *уйдить, притить* и *прийдить* и т.п.: Я не могу *уйдить*!; Придется тебе ко мне *зайтить*//

В соответствии с литературным глаголом *бежать* в просторечии употребителен инфинитив *бечь* (в сочетании с разными приставками: *убечь, прибечь* и др.), а также формы прош. времени типа: *убёг, убегла, убегли; прибёг, прибегла, прибегли.*

Формы повелительного наклонения

При образовании форм повелительного наклонения сказывается тенденция к выравниванию основ. В ряде случаев, когда в литературном языке повелительное наклонение образуется от иной основы, в просторечии используется основа инфинитива. Так, например, в соответствии с литературными формами *поезжай, -те* от глагола *ехать* в просторечии функционируют формы *ехай, -те* и *едь, -те* (от основы наст. вр.: *еду*) и более близкая литературному языку форма: *езжай, -те:* Вы *ехайте* на десятом//; Ты ко мне сегодня обязательно *приехай*//; Ты завтра к маме *езжай*/ она звонила//

Просторечные глаголы на *-а́(ть)*, соотносительные с литературными глаголами на *-ыва(ть)*, имеют соответствующие формы повелительного наклонения: *отряха́ть—отряха́й, накопля́ть—накопля́й, расстега́ть—расстега́й* (ср. лит. *отря́хивать—отря́хивай, нака́пливать—нака́пливай, расте́гивать—расте́гивай*): *Отряхай* снег-то!; Не *расстегайся* на морозе!; *Накопляй* силы-то/ *накопляй!*

Шире, чем в литературном языке, в просторечии функционирует нулевая флексия повелительного наклонения: *поло́жь* (ср. лит. *положи́*), но обычно *ложи́; погоди́!, не трожь!* (ср. лит. не *трогай*), *останови́!* (ср. лит. *останови́*), *выдь! вылазь!:* Ты эту коробку сюда *положь*//; *Погодь*/ Саня отстала//; *Вылазь*/ я тебя вижу//

В соответствии с литературным глаголом *ста́вить* (*поставить; ставь, поставь*) в просторечии функционирует глагол *станови́ть* (*постановить*) с формами повелительного наклонения:

(чаще)	(реже)
стано́вь	*станови́*
постано́вь	*постанови́*

Туды не *станóвь//;* Квас на окно *постанóвь//*

Кроме того, в некоторых формах повелительного наклонения глаголов отсутствуют чередования, свойственные литературному языку: Иди домой/ *ляжь* себе на диван// (ср. лит. *ляг*); Давай-ка *бежи* на автобус// (ср. лит. *беги*) в соответствии с глаголами *лежать, бежать.*

Глаголы на *-ся*

Для просторечия характерны такие особенности произношения глаголов на *-ся:*

а) в формах 1 л. ед. ч. наст. времени, в формах жен.р. и мн.ч. прош. времени, а также в формах повелительного наклонения произносится *-ся* (в соответствии с литературным *-сь*): Я от волненья *заикаюся//;* Я хорошо *училася//; Я старалася//;* Она *напугалася//;* Что же вы тут *расселися//;* К ней многие *сваталися//; Садися/* милая//

б) в формах 2 л. ед.ч. наст. времени произносится *-ци* или *-ця* (в соответствии с лит. *-ся*): Кого *боисси?;* Куды *несесси?;* Я вижу/ ты *стараисся//;* Кать/ ты *моисся?*

В просторечии нередко функционируют глаголы без *-ся,* эквивалентные глаголам на *-ся* литературного языка. Таков, например, глагол *дождать—дожидать* (ср. лит. *дождаться—дожидаться*): Я не *дождала* его//; Петя его два часа *дожидал//*

Отмечены также следующие глаголы без *-ся:* Внучка *наберет* всяких слов там// (ср. *наберется*); А вот они спать *улягут/* а я пойду стирать// (ср. *улягутся*); Это ящик такой *попал//* (ср. *попался*); Температура *держит//* (ср. *держится*).

Шире, чем глаголы без *-ся,* в просторечии употребляются причастия без *-ся,* в том числе адъективированные: *трудящие* (лит. *трудящиеся*), *купающие* (лит. *купающиеся*), *возвращающие* (лит. *возвращающиеся*), *воздержавшие* (ср. *воздержавшиеся*) и т.п., а также некоторые формы на *-вши, -мши: разувши* (ср. *разувшись*), *раздевши* (ср. *раздевшись*): Это хорошо/ что она у вас такая *интересующая//;* У него волосы *вьющие//;* Эти стаканы *бьющие//;* Это конечно *выдающее* достижение//; Мы используем все *имеющие* возможности//; Это там/ у *загоревшего* дома//

Отметим противоположное явление: функционирование в просторечии возвратных глаголов в соответствии с невозвратными в литературном языке: Кончила *подметаться?* (ср. *подметать*); Счас *уберусь* и пойдем// (глагол *убираться* встречается и в речи носителей литературного языка); У него работа хорошая// Ни перед кем *не заискивается//*

Глагол *играться* (в значении 'играть') широко употребителен в речи некоторых лиц. Однако этот факт не относится к московскому и ленинградскому просторечию; он составляет типичную черту речи людей, связанных с Украиной и югом России.

Функционирование форм на *-вши (-мши)*

Деепричастия как особая наречно-глагольная форма в просторечии отсутствует. Однако в просторечии употребительны формы на *-вши, -мши.* Некоторые из подобных единиц подверглись лексикализации и встречаются довольно широко в речи многих лиц. К лексикализованным единицам относятся: *выпивши, выпимши* — наиболее частотная ('пьяный'), *неевши* ('голодный'), *некушамши, неспавши, раскрывши* ('без шапки или платка', 'с непокрытой головой'), *обувши, обумши* ('обутый'), *разумши* ('босиком'), *раздевши* ('без пальто'), *одевши* ('в пальто'): Ты что *раскрымши?*

Холодно!; Я весь день не *евши//;* Не видишь/ он *выпивши//;* Не ходи *раздевши!; Разумши* колко//

Подобные образования по семантике близки именам прилагательным. Их глагольность стерта. Они обозначают непроцессуальный признак[22] и функционируют аналогично именам прилагательным, т.е. выполняют сказуемостную, полупредикативную или атрибутивную функцию.

Кроме того, в просторечии наблюдается как более редкое явление, свойственное далеко не всем носителям просторечия, употребление форм на *-вши, -мши* в функции сказуемого личных предложений. По нашим наблюдениям, оно чаще встречается в Ленинграде, чем в Москве: У нее дочка *оставши* Верочка/ а *погибши* Лена//; Муж ленинградец/ тоже здесь *родивши//;* Он *оголодавши* был//; Потом уж я в 17 лет одна *оставши*/ отвоевалась//; Каждый *пожениви*/было тесновато//

Функционирование полных страдательных причастий прошедшего времени

Полные страдательные причастия прошедшего времени употребляются в функции сказуемого, а не в составе причастных оборотов, как в литературном языке; У ней дочки *выданные* замуж//; (о ребенке) Он у меня две недели не *купанный*//[23]

В просторечии шире, чем в литературном языке, употребительны причастия на *-тый* (*порва́тый, слома́тый, убра́тый* и под., ср. лит. *по́рванный, у́бранный*) : Восемь часов/ а у тебя постель не *убра́тая//;* (шутливый диалог у пункта "Прием посуды") А. Ты/ бабка/ все пьешь? Б. Ага// А. Вот и будешь за пьянство *забра́тая//*

Кроме того, в просторечии встречаются формы типа *да́дены, взя́дены.*

Для страдательных причастий на *-ный* характерно ударение на суффиксе (типа запряжёна, положёна, наложёна и под.) : Там клеенка *постелёна//*

НАРЕЧИЕ

В морфологии наречий отличий от литературного языка просторечие не имеет, за исключением некоторых форм сравнительной степени (см. об этом в разделе "Прилагательное"), а также "склоняемой" формы наречия *завтра — к завтрему.*

В просторечии специфичны формы многих наречий, а также сам набор наречий. Специфические формы имеют многие самые частотные наречия. Ср. такие соотношения: *здеся* (лит. *здесь*), *тама* (лит. *там*), *тута* (лит. *тут*) ; *теперича* и *таперича* (лит. *теперь*), *давеча, ноне, ныне, нынче, нонче* и *нонеча; оттедова, оттеда, оттудова* (лит. *оттуда*), *оттеле, оттелева, отсюдова, отседа, отседова* (лит. *отсюда*), *туды, куды,* реже *когды* (ср. лит. *туда, куда, когда*).

Просторечие неоднородно с точки зрения его отстояния от литературного языка. Одни явления не противостоят резко литературному языку, некоторые носители литературного языка употребляют их без всяких стилистических заданий. К таким относятся, например, наречия *боязно* — 'страшно' (Л.В. Щерба характеризует его как *простореч.;* Сл. Д.Н. Ушакова дает помету — *простореч.*); *днями* ('на днях'), *пуще;* ср. резко простореч-

---

[22] Употребляя формы *разумши, раздевши* и под. говорящий не хочет сказать, что кто-то разулся, разделся и т.п., он просто констатирует определенный признак: *босиком, без пальто.*

[23] См. об этом подробней в статье Т.С.Морозовой.

но окрашенные *таперича, оттолева, надысь, вчерась* и под. Приведем список еще некоторых употребительных в просторечии наречий.

Локальные: *взад* 'назад', *взад-назад* 'туда и обратно', *взади* 'сзади', *далёко* 'далеко', *середь* 'посредине'.

Темпоральные: *вперед* 'сначала', *спе́рва, пе́рва,* 'сначала', *даве, давеча,* 'недавно', *намедни* 'недавно', *надысь* 'на днях', 'недавно', *днями* 'на днях', *вчерась* 'вчера', *после́, опосля́* 'после', *до сиё время* 'до сих пор', *в сиём часу* 'сейчас, немедленно', *покуда* 'в данный момент, все еще', *покамесь* и *покаместь* 'в данный момент', 'до сего времени'.

Причинно-целевые: *пошто* 'почему, зачем, с какой стати', *накой* 'зачем'.

Определительные: *маленько, маненько* 'немного', *мало-маленько* 'немного', *чуток, чудок* 'немного', *больно* 'очень', *шибко* 'очень', 'быстро', *ходко* 'быстро', *обра́тно* 'снова', 'опять', *завсегда* 'всегда', *аккурат* 'точно', *те́пло* 'тепло', *тесно́* 'тесно', *холодно́* 'хо́лодно', *слобо́дно* и *слободно́* 'свободно, просторно'; 'легко, непринужденно', *силком* 'насильно', *смехом* 'легко, шутя, не прилагая больших усилий', *торчмя* 'торчком', *стойко́м* 'стоймя'.

Приведем примеры: (на почте, приемщица отправителю, глядя на иностранную бандероль) Это *откудова*? – Из Праги//; *Теперича* она поняла//; *Таперича* пора домой//; Обожди *чуток*//; Подремать бы *чудок*//; *Куды* бечь-то?; Она *таперича* дома//; Ты *шибко* не спеши/ а то упадешь//; Мы пойдем *ходко*//; Я *ужо* ему говорила//; Мы *после́* зайдем//; Он *ноне* меня избил//; *Нонче* я пораньше уйду//; *Спе́рва* мимо пройти боялись//; *Мало-маленько* купила мясца//; Продуло *наскрозь*//; Подвинься *взад*//; Не стойте здесь/ проходите *взад*//; Лук *здеся* брали?; *Пошто́* так говоришь?; *Кудай-то* он пошел?; Принеси-ка *сюды*//; Я вздремлю *маленько*//; Наша соседка *обратно* девочку ро́дила//; Он *обратно* за свое взялся//; Куда ж она распределилась *вперед*?; Это ты *даве* говорила/ куличи давали//; Которая *взади́* меня стояла/ уже *тама*//; Не пиши *покуда*//; *Далёко* ты собралась?; Эта гостиница *аккурат* против кина//; Она там *по сиё время* работает//; Ты же мне обещал/ а *заместо* того еще хуже делаешь//; Сколько время пройдет *покамись* вы кончите?; Я *днями* ее видел//; *Больно* много ты понимаешь!; Она *спе́рва* в ясли ходила//; *Накой* тебе это надо?; Не упала бы *середь* дороги//; Надо же/ встал *середь* дороги//

Для просторечия характерно широкое функционирование беспредложных наречных словосочетаний с временны́м значением, типа *нынешний год, тот раз* (ср. лит. *в нынешнем году, в тот раз*): *Прошлый год* смородины мало было//; И она раза два тонула/ *третий раз* (на третий раз) все-таки поплыла//

В просторечии отмечается бо́льшая активность наречий как производящих основ по сравнению с литературным языком. Например: *тутошний, тамошний, всегдашний, давешний, когдатошний, оттолешний* и под.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Для морфологии числительных в просторечии характерна несклоняемость тех числительных, которые в литературном языке склоняются[24] (это прежде всего числительное *сто, девяносто, двести, четыреста,* числительные на *-сот,* а также составные числительные): У меня *девять лет* э-э *девять лет* был мальчик//; После *семнадцать лет* до двадцати я была на фронте//; Они сто́ят *от сто* двадцати *до триста*//; Это сорок восемь национальностей

[24] Ср. мнение писателя, высказанное устами одного из его героев: "Сейчас вообще мало кто говорит правильно; среди молодежи это особенно редко. Например, манера склонять числительные почти утрачена" (И. Грекова, Кафедра).

из *сто* тридцати шести//; Ему еще *пятьдесят пять* лет нет//; Это дает *пять* и *одна десятая* миллиона кубометров древесины//

В соответствии с числительным *оба,* имеющим в литературном языке различия по роду (*оба* — муж. и ср. р.; *обе* —жен. р.), в просторечии функционирует числительное *обои,* в котором категория рода не выражена: *Обо́и* мальчики ваши?; *Обо́и* стороны вроде бы с этим согласны//

Некоторые просторечно говорящие, стремясь говорить литературно, употребляют дифференцированные по роду формы косвенных падежей числительного *оба—обе,* однако часто это приводит к смешению форм *обоих* (м.р.) — *обеих* (ж.р.), а иногда к гиперкорректному употреблению форм ж.р. по отношению к мужчинам: Она *с обеими братьями* гуляла//; Я *с обеими* знаком// (о мужчинах).

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Предлоги

В просторечии предлог *супроти́в* (реже: *су́против*) употребляется в значении 'против' и в значении 'по сравнению с': *Супротив их* осмелились//; Ты чего *супротив матери* идешь?; Он *супротив ей* щенок//; Где Ваньке *супротив него*//

Ср. известную цитату из "Каштанки" Чехова: "Ты, Каштанка, *супротив* человека все равно что плотник *супротив* столяра".

Предлог *против* в значении 'по сравнению с': Он *против Саши* совсем мальчик//; Она *против Лены* плохо катается//; *Против нас* это плохо//

Предлог *промеж, промежду* — в значении 'между': *Промежду прочим* хочу тебе сказать//; *Промеж нас* кошка пробежала//; Становь *промежду окон*//

Предлог *заместо* — в значении 'вместо': *Заместо ружей* были палки//; *Заместо этого* я тебе свой платок подарю//; Она ему *заместо* матери//

Предлог *опосля, после́* (ср. лит. *после*) : *Опосля обеда* гулять пойдем//

В просторечии некоторые предлоги используются с иными значениями, чем в литературном языке.

Через — в значении 'из-за', 'по причине': Я *через него* опоздал//; *Через эти деньги* все и вышло//; Она *через него* заболела//

Предлог *по* используется в конструкциях с временным значением в сочетании с существительными ед.ч., что отвечает старым нормам литературного языка: *по осени, по весне, по зиме* в соответствии с современным *осенью, весной, летом*[25]. Например: (разговор двух старушек) А. Она когда замуж вышла? Б. Нет еще года-то// *По осени*//; ср. пословицу: Цыплят *по осени* считают.

Конструкции с предлогом *по* в сочетании с вин.п., обозначающие цель действия, также сохраняются в современном просторечии[26] (*по воду, по грибы, по ягоды* и т.п.); в прошлом они употреблялись и в литературном языке. Например, в "Воспоминаниях" С. Аксакова: "Вместе ходили они по грибы и по ягоды".

Предлог *в* в просторечии шире используется с временным значением, чем в литературном языке. Он выступает при существительных событийной семантики (синонимично лит. выражениям *во время*) : *В революцию* я

---

[25] БАС характеризует такое употребление как *устарелое* и *просторечное* (см. т. 10, с. 9). Конструкции, включающие предлог *по* + существительное мн.ч. (типа *по праздникам, по четвергам*), отвечают нормам литературного языка.

[26] Сл. Д.Н. Ушакова и БАС дают помету *простореч.*

еще маленькая была//; А *в войну* я еще в школу ходил//; Он *в войну* в Куйбышеве был//

Предлог *на* употребляется иначе, чем в литературном языке: Приходит *на квартиру* к нам врач//. Ср. современное литературное *на кухне* и *в кухне.*

Предлоги *благодаря* и *согласно* в просторечии обычно употребляется с род. п. (*благодаря папы, благодаря школы; согласно программы* и т.п.):

Ну я спутала *благодаря своего зрения//;* А я *благодаря этого матроса* спаслась//; *Благодаря тебя* она заболела//; Он и на работу устроился *благодаря этого друга//;* (продавец) Я третий раз перемеряю *благодаря вашего крика//*

На месте литературного предлога *из* в просторечии нередко используется предлог *с:* Она *со школы//;* Он *с армии* пришел//; Откуда она? — *С Харькова//;* Я только что *с кино//;* Еще брат придет *с армии//;* Отец *с Тверской губернии//;* Все умерли вот в блокаду в основном/ остался я один *с нашей большой семьи//*

В таком употреблении можно видеть явное влияние южнорусских говоров, которое довольно широко распространено в московском просторечии.

Предлог *об* используется и в тех позициях, в которых в литературном языке действует *о: об себе, об тебе, об чем, об ней, об школе, об доме* и т.п.

Для просторечия характерно повторение предлогов в конструкциях "прилагательное + существительное" типа: Дак он бежит *по линии по транвайной//; На паратном на нашем* сколько раз валялись//

В просторечии нередко функционируют беспредложные словосочетания в соответствии с предложными в литературном языке: Я была *рабочей семьи//;* Она *нашего двора//;* ... возили (в) *Метрополь//; "Красный выборжец"* он работал//

Частицы

В просторечии класс частиц широко употребителен и разнообразен. По своему составу он несколько отличается от литературного. К числу специфических для просторечия частиц относятся:

дак — синонимично литературным *ведь, вот;* высокочастотна;

пущай — в значении 'пускай', 'ладно';

эвон, эвона, эвоно — указательная частица, употребляемая со значением 'вон';

э́вося! э́вось! — частица, выражающая изумление;

чай — в значении 'наверно';

авось, небось — для выражения предположения;

токмо — ср. лит. *только;*

ну — в значении нейтральной реакции на слова собеседника;

не́што — 'разве', 'неужели';

аиньки? — вопросительная частица; используется как приветливый отклик на обращение;

ужо, ужотко — 'вот'; употребительна при выражении "угрозы";

то — выделительная частица, употребляется значительно чаще, чем в литературном языке.

Несколько примеров: *Небось* у тебя дома нету такого телевизора?; Да *нешто* я что-нибудь говорю?; Где твой дом? — *Эвона//* (показывает рукой); *Чай* боисси отца-то?; *Дак* он врет//; *Пущай* приходит//; А. Анастасия Егоровна! Б. *Аиньки!* А. Скоко время/ не скажете?

Итак, просторечие можно охарактеризовать как совокупность разнородных отклонений от литературной нормы, бытующих в речи горожан. По своей природе эти отклонения разнородны. Они представляют собой диахронически:

1) сохранение некоторых диалектных черт[27];

2) сохранение некоторых особенностей русского языка прошлых эпох (которые, однако, синхронно тоже представляются диалектными — "провинциализмы"), не вошедших в литературную норму, сближающих отдельные черты просторечия с фактами старыми;

3) возникновение некоторых новых явлений, соответствующих тенденциям развития языка, но не узаконенных литературной нормой и идущих нередко из профессиональных жаргонов (например, формы им.п. мн.ч. на *-а́* типа *бугеля́*, род.мн. на *-о́в* типа *шоферо́в, складо́в*);

4) неосвоенность некоторых явлений литературного языка (например, произношение *колидор, лаболатория* — см. об этом подробнее в публикуемой в настоящем сборнике статье А.Ф. Журавлева; употребление предлога *благодаря* с род. пад.; употребление слова *фамилия* в ср.р. и т.п.);

5) и, наконец, значительный пласт современного просторечия составляет сохранение некоторых особенностей старой литературной нормы (старомосковских черт), которые уходят из новых норм литературного языка. Эти черты характеризуют преимущественно речь лиц старших и средних поколений. Следует подчеркнуть следующее: многие особенности старомосковского произношения[28] не являются приметой просторечия, ибо они свойственны не только просторечно говорящим, но и представителям старой интеллигенции, а также лицам, сознательно усвоившим старомосковское произношение (актеры, дикторы, филологи). Таким образом, одни и те же явления могут получать разную значимость в системе, в которой они функционируют (т.е. в зависимости от своих "языковых соседей"). В речи лица, безупречно владеющего нормами литературной грамматики и словоупотребления, произношение *высо* [къ] *й, подтал* [къ] *вать, копеешный, грыбы, четве* [р'] *г, це* [р'] *ковь, тря* [п'к'] *и, вере* [ф'к'] *и* и под. не окрашены просторечно, "низко", и, следовательно, не есть неправильность.

Предложенное описание типических особенностей просторечной морфологии Москвы и Ленинграда носит предварительный характер. Тем не менее мы стремились представить по возможности полно те черты морфологии, которые отличают просторечие от литературного языка. Среди этих черт есть такие, которые резко противостоят литературному языку, тяготея к диалектам, и такие, которые сближаются с литературной разговорной речью и отличаются от литературного языка очень слабо. Эти явления "не коробят" носителей литературного языка и могут использоваться ими без всякой функциональной нагрузки, тогда как резкие отличия просторечия могут проникать в речь литературно говорящих лишь как средство языковой игры. См., например, разграничения в данном выше списке наречий (резко просторечные *тама, тута, таперича* и, с другой стороны, *боязно, днями* и под.), а также характеристику некоторых других явлений.

---

[27] Исследователи не раз отмечали, что в просторечии сохраняются лишь те диалектные черты, которые не имеют узкого характера. Ср. мнение Л.И. Баранниковой: "... по нашему мнению, просторечие не вырабатывает своей особой грамматической системы, а использует диалектные системы, соответствующим образом перерабатывая их. Эта переработка в основном сводится к освобождению от узкодиалектных элементов" (*Баранникова Л.И.* Просторечие и литературная разговорная речь — В кн.: Язык и общество, вып. 4. Саратов, 1977, с. 66). См. также: *Колесов В.В.* Фонетические особенности современного просторечия в границах национального языка. — Язык и общество, вып. 4; Bělič J. Eine Ergebnisse der Erforschung der Stadtsprache im tschechischen Sprachbereich. — Wiener slavistisches Jahrbuch, 1975, Bd. 21.

[28] См. подробнее в статье Н.Н. Розановой, публикуемой в этом же сборнике.

Если посмотреть на просторечие глазами носителя литературного языка, то в нем прежде всего обращает на себя внимание почти полное отсутствие морфологических показателей, не представленных в литературном языке (к последним относится флексия *-е* в род.п. ед.ч.: *у сестре́* и флексия *-ы* в дат.п. ед.ч.: *к Зины*). Для просторечия характерно иное лексическое наполнение тех же грамматических категорий, которые есть в литературном языке (например, распределение существительных по трем родам), иные связи флексий, общих для литературного языка и просторечия, со словами тех или иных частей речи. Так, например, показатель сравнительной степени *-ше* функционирует и в литературном языке, и в просторечии. Но в литературном языке он представлен в словах *тоньше, дальше, старше, больше, дольше, меньше,* а в просторечии к тому же в словах *длиньше, ширше, красивше.* Усвоение литературного языка идет в два этапа: 1) усвоение строевых единиц литературного языка, 2) усвоение точных законов их распределения — лексической закрепленности. Носителей просторечия, как правило, характеризует овладение первым этапом[29].

В просторечии нет или почти нет форм, чуждых по своей структуре литературному языку (типа диалектных форм сравнительной степени *строжайе, крепчайе;* форм числительных *двох, трюх, трюм;* глагольных форм типа *ушотчи* или *ушетци, выпилши* или *пропалши* и т.п.), а также грамматических категорий, отсутствующих в литературном языке. По нашим наблюдениям, основная часть морфологических особенностей просторечия относится к плану выражения. Отличий, касающихся функционирования тех или иных форм, меньше (сказуемостное употребление деепричастий и полных форм страдательных причастий, формы ед.ч. существительных с генерализующим значением, употребление местоимений *ты* и *вы* и нек. др.).

Морфологию просторечия отличают явления аналогического выравнивания. Они обнаруживаются:

а) в замене чередований разных фонем чередованием фонем, парных по твердости—мягкости в спряжении глагола (*лягу—лягит,* ср. лит. *лягу—ляжет; волоку—волокет, пеку—пекет,* ср. лит. *волоку—волочет, пеку—печет*);

б) в образовании форм инфинитива по аналогии: *бегу—бечь,* ср. лит. *пеку—печь;* в замене форм инфинитива на *-ти, -сти,* — формой на *-ть: уйдить, итить, несть, везть, гресть* и под.;

в) в образовании форм сравн. степени на *-ше: ширше, красивше, длиньше* по аналогии с *старше, больше, меньше;*

с) в склонении существительных типа *время, имя, дитя* без наращения.

Устранение супплетивизма при функционировании глагольных форм вида (ср. просторечные пары *ложить—положить, класть—покласть* и лит. *класть—положить*) и форм склонения существительных (просторечное *пять годов* — как *два, три года; сколько годов?; сколько* она *годов* училась? ср. лит. *два года, три года,* но *пять лет, сколько лет*) также отражает тенденцию к выравниванию, к устранению "непоследовательностей" в системе литературного языка.

Таким образом, можно сказать, что в некоторых отношениях просторечие "математичнее" литературного языка. Ему свойственны: 1) образования по аналогии, 2) наличие разграничений, отсутствующих в литературном языке. Особенность просторечия, однако, состоит в том, что выравнивание в нем часто идет по разным направлениям, вследствие чего последовательности в системе не возникает. Так, например, замена чередований разных

[29] *Панов М.В.* Русская фонетика. М., Просвещение, 1967.

фонем чередованием фонем, парных по твердости/мягкости, отвечает общим тенденциям развития русского языка[30], хотя в литературном языке эта тенденция продвинута слабее, чем в просторечии. Однако в просторечии эта тенденция обнаруживается непоследовательно. Ср. формы императива *ляжь, бежи* (при литературных *ляг, беги*), противостоящие формам спряжения *лягу, лягешь, лягет* и т.п.

С известной долей условности все современное просторечие можно разделить на два слоя — старый и новый. Старый слой связан с диалектными особенностями, прошедшими длительную обработку в процессе городской жизни и "перемолотыми" под влиянием литературного языка. Новый слой формируют те типические явления, которые возникают при усвоении литературного языка недостаточно образованными жителями города или лицами, вышедшими из деревни (ср. явления типа *более хуже; трудящие* и т.п.).

Мы обращали бóльшее внимание на типические черты старого просторечия, ибо это явление умирающее на наших глазах и именно оно требует в первую очередь фиксации и изучения.

Необходимо подчеркнуть, что новый слой в морфологии представлен значительно менее, чем в лексике и синтаксисе. В лексике — это неполное овладение книжной и заимствованной лексикой, в синтаксисе — неполное овладение сложными синтаксическими конструкциями, сложными союзами и т.п. (см. об этом в статьях Л.А. Капанадзе, А.Ф. Журавлева, Т.С. Морозовой, публикуемых в настоящем сборнике).

В целом, сравнивая просторечную морфологию с просторечной лексикой и синтаксисом, можно сказать, что основной ее костяк составляют явления старые, базирующиеся на каких-либо сглаженных диалектных чертах. В просторечии мало новых морфологических явлений, подобных тем, какие есть в лексике и синтаксисе. К последним относятся, в частности, активизация формы им. пад. ед. ч. на *-а́*. Как пишут исследователи, "очагом распространения флексии *-а́ (я́)* являются сферы распространения профессионального языка и просторечия[31]. Кроме того, в морфологии к явлениям новым и развивающимся, связанным с профессиональной речью и диалектами, относится ударение на флексии при склонении имен существительных. А.А. Зализняк считает, что перенос ударения на флексию можно рассматривать как показатель освоенности книжной лексики. Лица разных профессий, не владеющие полностью литературным языком, лексику для них обычную (в том числе книжную, заимствованную и т.п.) часто произносят с ударением на флексии. Это касается форм разных падежей (не только им. и род. мн.): (в больнице — о враче) Она *на вызова́х//;* Ты пиши *вызова́/* а я прием//; Сестра за *шприца́ми* пошла//; Спросите у *шофе́ро́в*//; (продавщица) Я *кекса́ми* не торгую//; (в магазине) *За торта́ми* не стойте//; (спортсмен-футболист рассказывает о семье шведов) Он был *на форде́/* жена *на форде́* и дети *на форда́х//;* Граждане пассажиры/ не курите *в тамбура́х//*

Этот факт свидетельствует о близком знакомстве говорящего с данной лексикой (А.А. Зализняк, 1977).

В старом просторечии сохраняются некоторые черты старомосковской нормы, которые в литературном языке подвергаются вытеснению (например, произношение прилагательных с твердыми заднеязычными перед

---

[30] См. об этом: Русский язык и советское общество. Словообразование. М., 1968, с. 26 и сл.

[31] Грамматическая правильность русской речи. М., 1976, с. 116.

флексиями — типа *высок* [ъ]*й, далек* [ъ]*й;* наличие фонемы ⟨о⟩ в глаголах — типа *заплóтим, заплóчено, подóрим;* ударение на флексии в глаголах — типа *склеéил;* произношение мягких сонорных в словах *четве* [р']*г, пе* [р']*вый, цер* [р']*ковь* и нек. др.; безударная флексия *-ут* в 3 л. глаголов второго спряжения — *просют, видют, носют, выходют, курют;* произношение местоимений *хто, нихто* и т.п.).

Бóльшая часть рассмотренных выше факторов характеризует речь старых и пожилых людей. В речи молодежи встречаются сравнительно немногие из подобных явлений. К ним относится употребление формы *ихний* (реже: *ихный*); ослабление склонения составных числительных; неправильная родовая принадлежность ряда существительных (*яблок, тапок, полотенец*); формы *заплóтим, уплóтим;* лексикализованные формы сказуемостных деепричастий (целый день *не евши* (*не емши*) //.

Предложенное нами дифференцированное описание явлений просторечной морфологии страдает атомарностью. Оно не дает сведений о том, какие из выявленных фактов могут объединяться друг с другом в речи одного лица. Вопрос о совместимости тех или иных особенностей в речи одного лица требует специального дальнейшего изучения. Мы не можем решить его отчасти из-за недостаточности материала, но главным образом по той причине, о которой мы писали в начале статьи: современное просторечие представляет собой неоднородный сплав разных черт, вследствие чего в речи разных лиц может быть представлен разный набор просторечных черт.

Наше описание можно сравнить с детской игрой "конструктор", которая содержит набор различных строительных деталей. Каждый ребенок может построить из нее то, что он захочет и сможет. Подобно этому и говорящие на просторечии строят и объединяют разные словоформы и конструкции. Это обусловлено особенностями их происхождения, их вкусами, всей их жизнью. Приведем такую иллюстрацию: (из речи женщины средних лет). Для "Волги" дадут гараж больше/*длиннее и ширше*// А для "Москвича" меньше дают//. В этой фразе несколько форм сравнительной степени, из них одна — просторечная, хотя по морфологическим показателям могло бы быть две аналогичным образом произведенные формы: *ширше* и *длиньше.*

III

Чтобы дать представление о том, сплав каких черт может содержать речь человека, пользующегося просторечием, поместим "речевые портреты" нескольких из наших информантов, подкрепив их отдельными фрагментами магнитофонных записей.

Ленинградцы

I. Женщина 78 лет. Родилась и выросла в Ленинграде. Домашняя хозяйка. В молодости несколько лет работала на военном заводе "Арсенал". Работала также во время войны и в первые послевоенные годы (в основном в пригородном колхозе). Из Ленинграда выезжала ненадолго только во время эвакуации. Отец родом из Тверской губернии. В Ленинграде работал на заводе. Муж работал на "Арсенале". Имеет двух дочерей. Одна дочь живет в Ленинграде, работает в магазине (кассиром, в последнее время — заведующей). Вторая дочь живет на Украине. Проживает в коммунальной квартире с семьей дочери. Общительна, любит читать (предпочитает "переживательные" книги), что находит отражение в отдельных фактах словоупотребления (Ой/ я *упиваюсь*/ я ложусь с книжкой//). Запись 1980 г.

В речи много просторечных черт на разных языковых уровнях.

Среди морфолого-фонетических явлений можно отметить "редуцированное" произношение приставки *пере-* (*перходить*), просторечную "фонети-

ческую форму" некоторых слов (*шкап;* А. Вот та́к жизнь/ как моя жизнь прошла// Б. Ну неплохо...// А. Неплохо? *Подходяче// пондравится*).

Явления просторечной морфологии в ее речи достаточно разнообразны. Некоторые слова (*церковь, свекровка*) имеют иной, по сравнению с литературным языком, тип склонения: ... может вам не пондравится/ но я *в церкву* с раннего детства не хожу//; Меня посылали *в церкву*/ родители/ верующие//. В словоформе *детя́м* употребляет просторечный вариант ударения: Задают уроки/ на дом *детя́м*//

В ее речи устойчиво функционируют склоняемые формы притяжательных местоимений 3 лица: Вот с такой бородкой дедушка *евоный*//; Мать меня не хотела *евоная*//; В комсомол мне надо было вступать/ а родители не позволяли (выходить замуж без венчания)/ ни *евоные*/ ни мои//. Литературный вариант *его* (Уже *его* дедушка/ вот/ с такой бородой уже/ приезжал//) в нашей записи встретился только один раз.

Употребляет просторечную форму среднего рода местоимения *сей—сиё* в наречном словосочетании *до сиё время, по сиё время* (в значении 'до сих пор').

В формах возвратных глаголов прошедшего времени (ж.р. и мн. ч.) произносит *-ся* (в соответствии с литературным *-сь*): Все-таки она там *осталася*//; *Сваталися.*

Отмечается употребление глаголов без *-ся,* эквивалентных возвратным глаголам литературного языка: А мачехи у меня хорошие *попадали*/ но все умирали//; А вот они (дети) спать *улягут*/ а я пойду стирать//

Широко употребляет в функции сказуемого формы деепричастий на *-вши;* (о семье мужа) И было тро... три этих парня/ вот я четвертая// Мать пятая// Отца не было// Каждый *пожени́вши*/ было тесновато/ а потом стали все разъезжаться/ со своими семьями//; Он *оголодавши* был//; ... я с детских лет *насмотревши* на этих священников//; Ужасно/ что я *наглядевши* была вот в это... вот в это царское время//

Для некоторых глаголов отмечается специфическая для просторечия сочетаемость с префиксами: Второй раз *поженился*// (префиксальный глагол сов. вида в соответствии с двувидовым беспрефиксным в литературном языке); А теперь *состарела*// (ср. лит. *постарела* и *состарилась*).

Употребляет несклоняемые формы числительных: А приезжали к нам из деревни уже по *сто пять* лет (старики)//.

Отмечены просторечные наречия *вскорости* ('в скором времени'); *спе́рва* ('сначала').

На месте литературного предлога *из* использует предлог *с* (*с Колпина*), а также предлог *в* в соответствии с литературным *на* в словосочетании *работать в заводе;* на месте литературного предложного сочетания используется характерное для просторечия беспредложное: Я была *рабочей семьи*//

Употребляет просторечный вариант побудительной частицы *дай-ка — дайкось.*

Наблюдаются факты нарушения форм управления: Я *про всё интересуюсь*//; нелитературные синтаксические конструкции: Он *кончил армию*//; Свадьба *делалась в ресторане*//

Лексику книжного происхождения осваивает в индивидуально преобразованной просторечной форме: (о венчании) С завода прибежали// Ну как же// Фату держать надо// Это-э кругом *алоя (аналоя)* водили//; ... когда нас *вакуировали*... (*эвакуировали*).

При употреблении общелитературного слова *божественный* наблюдается узуальный для просторечия семантический сдвиг. Оно имеет значение 'верующий в бога': Она *божественная* была/ в церкву ходила//

Для словоупотребления характерно гипертрофированное использование форм субъективной оценки: Были деревянные *домики/* с *палисадничками//* На каждом *уголке* была *часовенка//* Заходили люди/ ставили *свечечку//*

II. Пожилой ленинградец, родился в Ленинграде в 1903 г., образование — 7 кл. Шофер. Дети имеют высшее образование. Запись 1980 г.

Любит читать книги, особенно исторические. Овладел в значительной степени употреблением лексики, фразеологии и грамматики литературного языка. Однако во всех ярусах языка у него заметны следы просторечия.

Ударение многих заимствованных слов нелитературное: *цéментный* завод, *инструмéнт, шофéром,* двое *шоферóв.*

Отчетливы, хотя немногочисленны, просторечные черты в морфологии: Это дело *ихо* (притяжат. местоимение 3 л. мн. ч. функционирует как склоняемое прилагательное), *плóтишь.* Употребляет просторечный предлог *замéсто* (*Замéсто* ружей были палки//), наречие *маленько,* предлог *с* вместо *из* (остался я один *с нашей большой семьи*). Часто употребляет частицу *дак.* В страдательных причастиях пр. вр. ударение на суффиксе (*запряжёна*). Местоимение *это, этот* произносит иногда с йотацией: *éто, éтом.*

Имеются случаи просторечного управления: *ругáться на нас* (ср. лит. *ругáть нас*): (об отце) Строгий был? — Строгий// А *ругáться* он *на нас* не ругался// И не бил никогда//. Ср. также: *Норма нам* была двести штук в день// (лит. *норма у нас* или *норма для нас*).

В качестве номинаций учреждений, заводов и т.п. употребляет род. пад., составляющий определительную часть полной кодифицированной номинации: Работал/ где вот/ в *Ленкульторга* работал (и тут же далее использует другую конструкцию) ... а потом в *Пищеторге* работал//

Чуток к языку. Новые для себя слова произносит осторожно, старательно и обычно правильно: (рассказывает о воспоминаниях Л. Успенского) ...как он их (*неуверенно*) *параллелипипед* что ли называет их// А здесь их называли просто кабаны//

Свободно употребляет профессионализмы, например, *диабáз* — 'горная порода, употребляемая для мощения улицы' (Уш.), *бýгель* и др., но обычно с нелитературным окончанием и ударением на флексии: ... *бугеля́* так же как у тролебуса роликовые; *склады́* Капельмана.

Владеет приемами устного литературного рассказа, в котором, однако, не редки черты просторечия. Так, рассказывая о "Воспоминаниях старого петербуржца" Л. Успенского — о том, как возили лед с Невы, говорит: Только он пишет что лошадка была *запряжёна/* (иронически) я одно время хотел к нему с поправочками придти что неверно это//

III. Племянница информанта-II. Ленинградка, 56 лет. До войны кончила 8 кл. средней школы. Много лет работает киномехаником. Сын — хирург. Запись 1980 г.

Любит читать. Говорит хорошо, чутко реагирует на обстановку и запись, стараясь держаться официально. Допускает конструкции художественного рассказа типа: *Война/* отец с матерью погибают//

Можно было бы предположить, что ее речь будет более свободна от просторечных черт, чем речь дяди. Однако в ее речи существует такое явление, как употребление деепричастий в функции сказуемого, не отмеченное в речи дяди: ...шкафами *перегородивши*; Я с 17 лет одна *оставши//*

Других просторечных черт немного: Я уже там *учúлася//* (встречается и *учúлась*); Он *оттýдова* привез ее//; Все равно *по евоному* бывает//.

Иногда не склоняет числительные: После *семнадцать лет* до двадцати лет я была на фронте; употребляет сочетание *на полгоду* в значении 'в середине года': И меня рано перевели в первый класс/ *на полгоду*// (из подготовительного класса;.

В словоупотреблении можно отметить такие явления: *А математика-то моя была плохая*// (ср. лит. *с математикой у меня было плохо*); *положишь* собаке *похлебку*/ (сама поправляется) *нальешь*/; глагол *уважать* в просторечном значении (Собаки ведь *уважают* больше с кем гуляют//). Некоторые литературные слова употребляет в нелитературных синтаксических конструкциях: (о сыне) Копия меня/ профиль папаша//; Смотрелось как на театралку очень плохо//

Привержена к излишнему употреблению уменьшительных образований: Вот *больших собачек* он трепака дает// Если *большая собачка*...

Вместе с тем правильно употребляет многие книжные слова, в том числе терминологического характера, в частности связанные с профессией сына (*ординатура, терапевт, хирург, хирургия* и др.).

IV. Женщина 65 лет. Родилась в Колпине (под Ленинградом). В Ленинграде живет с 12 лет. Воспитывалась в деревне у дяди в Новгородской области в 150 км от Ленинграда. Кончила 5 классов. Работала кочегаром, уборщицей. Последние 20 лет работает уборщицей в столовой научно-исследовательского института. Запись 1980 г.

К усвоению языка не чутка. Овладела некоторыми клише, но в речи очень много просторечных черт, сохраняются реликты диалекта: Папа *на войны* погиб//; Мальчик был *в Москвы*//. Нередко употребляет деепричастия в функции сказуемого: Да/ мама/ она/ в деревне *родивши*/ но жила в Ленинграде//; Эти все были *остановивши*//; И муж тоже ленинградец/ тоже здесь *родивши*//

В морфологии много просторечных элементов: инфинитив *итить*; *та́я* (*та*) овдовела; книги *евоны*; *мене* вызвали; *мене* везде уважали; мама приехала/ забрала *мене*//

Очень высокая вариативность: сколько *кин* — сколько *кино*. В ее речи нам встретилось 3 варианта употребления одного и того же сочетания *дом отдыха*: литературная конструкция *в доме отдыха* и два вида нелитературных — стяжение (*в дом отдых*); склонение каждого члена (*в доме отдыхе*, по типу *в вагоне-ресторане*).

Употребляет полные страдательные причастия в функции сказуемого: Мальчик сейчас *отправленный* в Крым (скорее = 'мальчика отправили в Крым', чем 'мальчик был отправлен'); Смотрите город *не убранный* так чисто/ Б. Да// А. Это уж говорить нечего// (т.е. *не убран*).

Встречаются и краткие формы страд. причастий прош. времени: Родители у меня ... мама ... она у ... умерла/ да лет пять *похоронена*/ а папа на войны погиб//; Видите счас много-много *перестроено*// Очень много *перестроено*//

В ряде случаев эти формы имеют ударение на суффиксе: ...вот Пушкин/ Детское село/ как раньше было/ Б. Угу// А. тоже/ тоже *соединёно* с Ленинградом//; Счас я вам скажу как-то еще *загрязнёно*//

Употребляет при сравнении союз *как* (вместо лит. *чем*): совсем было народу мало/ *как сейчас*//

В лексике много просторечных черт: *вчерась* кино смотрела; *вчерась* мы получили письмо; *оттудова*.

Плохо усваивает литературную лексику, некоторую в типично просторечной форме (*транвай, карасинка, патреты*), некоторую — в индивидуально преобразованной. Например, внука-спортсмена называет "портивник" (т.е. производное от *спорт* — *спортивный*, с утратой начального *с*).

Употребляет много раз сочетание *Парка Победы* (может быть, по аналогии с *Арка Победы*?) как единое слово: Вот считай *Парка Победы* так сейчас выстроили памятник/ очень хороший//; В. Ну а у вас какие любимые места в Ленинграде-то есть? А. Любимые места вот *Парка Победы* я всегда интересуюсь посмотреть//. Возможно, восприняла это сочетание как единое слово в такой форме потому, что оно постоянно слышно в метро (*у Парка Победы* сходите?) и на улице.

Отдельные фрагменты речи вполне литературны: Потом началась война ... пришлось мне эвакуироваться//; Рекомендовали меня сюда//

Овладела некоторыми приемами рассказа: Да// Что вам такое рассказать//; Я вам что скажу...; Но сейчас-то еще знаете как ни говори...

Приведем характерный отрывок записи, который отражает и стремление к литературности, и невладение литературными нормами, и сохранение старых черт: Сейчас ведь м-м считайте сколько кин поставили/ сколько школ поставили/ это все считай большое развитие// (через несколько минут) Ну сколько этих построили кино// Тогда было что вот/ до войны совсем мало было кино// Б. Мало? А. А теперь сколько кино?

Очевидно, что 10—12 лет детства, которые эта женщина прожила в деревне, оставили в ее речи очень значительный след, отличающий ее речь от речи ленинградцев по рождению, прежде всего в формах склонения существительных. Отметим, что деепричастия в функции сказуемого встречаются и у ленинградцев по рождению (см. об этом выше).

Москвичи

V. Женщина 86 лет. Родилась в Москве в семье купца 1-й гильдии (родня — "все здешние, московские". Мать родом из Тверской губ., в Москву переехала жить в раннем детстве). Окончила частный купеческий пансион ("Купчинской Софьи Ивановны, на Серпуховке"). Училась 5 лет. Жила в основном в Замоскворечье. Из Москвы выезжала только на дачу. Домашняя хозяйка. Имела 11 детей. Многие дети и внуки получили высшее образование. Живет в семье дочери. Запись С.С. Высотского, 1959 г.

Перед микрофоном чувствует себя достаточно раскованно, охотно вспоминает молодые годы. Хорошо помнит "географию" старой Москвы, естественно употребляя прежние номинации, например: А. (о дочери) Училась в училище по стипендии/ по купеческой// Б. А где помещалось? А. *На Мещанской у Калужских ворот*//; Вот сейчас где *Хитров рынок* (был)/ там все дома громадные построены//; *На Тверской* торговали/ где счас кино/ где Пушкина памятник/ *у Страстного монастыря*// и мн. др.

В молодости часто посещала театры (Большой, Ф.И. Корша), особенно любила Малый театр.

Малознакомые для себя слова употребляет осторожно: (о сыне) А. Получил какую-то бумажку что ли я не знаю как называется/ *аттестат*// Б. Диплом// А. Диплом// да//. Хорошо освоенные "нечастотные" слова (прежде всего лексика, связанная с торговлей) употребляет свободно, например: *Юхотники*/ это кожей торговали//; Да вот тут какой хороший дом был/ сад какой хороший был/ Попова *москательщика*// Иван Петровича//; ср. также: Два раза снимали (мне) *катаракту*//

В ее речи последовательно проявляется целый ряд черт, характерных для старомосковского произношения. Так, в формах прилагательных ед. ч. функционирует вариант произношения с твердым заднеязычным, типа *хруп* [*къц*]; Монастырь близко *Даниловс* [*къц*]; *Стро* [*гъц*] отец был//

Некоторые из особенностей старомосковского произношения в результате "стилистической переоценки" сейчас воспринимаются как простореч-

ные. Сюда относится последовательно соблюдаемый в речи нашего информанта "мягкий" вариант произношения словоформы творит. падежа мн. числа от основ на заднеязычные: Всю обложат *подýшкими*/ чтоб я сидела мягко//; ...во двор въезжала тройка/ с *бубенчикими*; Потом говорит/ что́ ты меня отдала с *дворникими* учиться?; Я помню когда я росла/ не было электричества/ а были такие какие-то вот лампы с *сеткими*//; Шляпки знаете такими *булавкими* прикалывали...

В качестве фонетической приметы просторечия в ее речи может быть указано "редуцированное" произношение приставки *пере-*: *перворот* когда сделался...; ...Шля[п']ки знаете такими булавкими прикалывали /так сорвали/ шапка меховая была/ и булавку *перломили* и волосы вырвали//. Отмечено также просторечное произношение отдельных слов (*паратное, чумоданчик*).

Назовем также особенности, характерные для ряда просторечных морфологических форм. Это формы 3 л. глаголов 2-го спряжения с флексией *-ут*: (о наведении порчи) Но потом меня мамаша не стала пускать// Потому что в деревне *портют* людей/ когда свадьба бывает/ или какой праздник/ *портют*//; Забудут/ уйдут куда-нибудь/ дети останутся одне/ и счас что-нибудь *набедокурют*//. В форме возвратного глагола ед. числа отмечено произношение *-с'а*: Мы так пить захотели/ что приезжаем домой/ что нам ставили самовар/ дак мы сразу в две чашки наливали/ чтоб напиться/ а *не напьёсся*//

К числу явлений просторечной морфологии может быть отнесена: склоняемая форма слова *кофей* (Учительница придет бывало/ чаем мы ее поили/ *кофеем* там/ все/ гостинцев ей/ всегда//); производная форма местоимения — *ихний*: Фабрика купила этот дом/ *ихний*; в словах *они, одни* зафиксировано произношение *оне*; *одне*.

Отмечены нелитературные синтаксические конструкции: Он *учился первым учеником*//; И там *кончил на инженера*/ конструктора//

При "лексическом дефиците" использует описательную конструкцию с союзом *как*: Частный пансион был очень такой... *не как казенный*/ какой-нибудь//; И вообще *не как мужчина* стал// А вообще какой-то расслабленный//

В сфере словоупотребления наблюдается очень широкое (сверх принятой в литературном языке нормы) использование форм субъективной оценки: Барышня *молоденькая*/ *хорошенькая*// И в шелковом ... *платочке под булавочкой*//; И всегда с собой мамаша брала *чумоданчик*/ а там *бутылочку* с водкой брала/ и *пирожков* напечет//; ... и столики были накрыты *салфеточкими*//

Отмечены отдельные просторечные факты в лексике: *Одёжу* ему дали казенную...; наречие *сперва*, синонимичное литературному *сначала*, частица *дак*.

Некоторые явления, по-видимому, могут быть интерпретированы как характерные для мещанско-купеческой среды: *мамаша, папаша* (о родителях). Возможные варианты *мать, мама, отец, папа* в тексте не встретились ни разу; в функции обращения прилагательное *миленький*: Б. А вы не помните/ конка ходила здесь? А. Ходила/ *миленький*; словосочетание *сами большие* (о родителях, о старших в семье): Днем ... утром приедет (тройка) / и все... дети поедут кататься/ а вечером *сами большие* поедут/ мамаша/ папаша/ уже большие поедут кататься// Ср. в словаре под ред. Д.Н. Ушакова: *сам* — Хозяин, глава (семьи, предприятия и т.п., простореч. устарев.). *Сам* приехал! А. Островский. — Что это вы... мужа-то "сам" называете? Как его ни называй: муж, хозяин, сам — все он большой в доме (А. Островский).

VI. Женщина 75 лет. Родилась и выросла в Москве. Потомственная ткачиха. С 12 лет начала работать на ткацкой фабрике, на базе которой после революции был создан комбинат "Красная Роза". Много занималась общественной работой. Имеет опыт публичных выступлений. Перед аудиторией держится раскованно. Запись 1979 г.

Черты просторечия проявляются на разных уровнях. В качестве морфолого-фонетических просторечных фактов можно отметить: редуцированное произношение приставки *пере-* (Наполовину он (потолок) так *перегораживался*//); характерные для московского просторечия словоформы твор. п. мн. ч. с флексией *-ими* от существительных на заднеязычные (...и вот с этими понимаете *ложкими* в кармане/ вот так и работали//).

Употребляет ряд просторечных словоформ: *братья* (в соответствии с литературными формами с ударением на основе) — Хозяев между прочим этих всех трех *братьёв*/ посадили/ в Петербурге//; *воро́ты* (ср. лит. *воро́та*) — *...в вороты*/ с ребенком даже с грудным/ на руках/ покормить его/ не пропустят//

В формах возвратных глаголов прошедшего времени ж. р. и мн. ч. достаточно последовательно произносит *-ся* в соответствии с литературным *-сь*: Первые дни Советской власти фабрика наша *остановилася*/ не работала//; Но конечно когда пришла Советская власть/ как же мы все *обрадовалися*//; Вобщем они (хозяева фабрики) там две недели отсидели/ потом *вернулися*/ собрали значит свои чемоданчики/ своих жен/ и уехали во Францию//

В функционировании местоимений отмечены следующие особенности: употребление личных местоимений в обобщенно-личном (генерализирующем) значении (...ну кто же *ей* (=работнице) будет зарплату платить такую же/ как я получаю/ *она* шесть часов работает/ а я восемь часов работаю//

Согласование местоимения *кто* с глаголом во мн. числе: И в первую очередь/ не брали конечно только тех/ *кто жили* на вольных квартирах//; Поэтому они старались в первую очередь увольнять тех *кто живут* на вольных квартирах//

Отдельные лексемы употребляет в характерной просторечной форме: *Колидор*/ по обоим стенам/ по обоим сторонам значит вот эти камороч ки//; Но самое-то главное что/ *кажную паску*/ *перед паской* делался расчет//; ... как только *народился ребенок*/ его отправляли в деревню/ к дедушке к бабушке//

В семантике некоторых общелитературных слов отмечено смещение: А самое-то главное/ что вот народился у них ребенок// И уже/ когда жена в родильный дом пошла/ он уже *мечтает* (='думает', 'ломает голову')/ что сделать/ куда деваться//

Черты просторечия проявляются в неосвоенности ряда литературных синтаксических конструкций и функционировании официально-книжной лексики: А мы старались-то/ больше всего/ оставаться на казенной квартире/ н... на его (хозяина)/ фабричной/ *с тем расчетом чтоб меньше возможностей быть уволенным*//; Вот видите/ *как была сначала психология людей*/ *так построена*/ что все боялися/; *А самое что тяжелое было*/ *это для матерей и отцов*//

VII. Женщина 58 лет. Родилась в Щелкове Московской обл. Работала весовщицей, потом 17 лет помощником мастера по наладке ткацких станков; окончив вечерний текстильный техникум, работала сменным мастером на комбинате "Красная Роза". В цехе проработала всего 39 лет. В настоящее время — мастер-наставник. Запись 1979 г.

В значительной мере овладела грамматикой литературного языка, однако отдельные черты просторечия сохраняются на всех уровнях.

Среди морфологических явлений просторечия отмечаются следующие. Устойчива форма предл. п. ед. ч. на *-у — в цеху́* (ср. лит. *в це́хе*): Я так привыкла *в цеху́...*; показательно, что это форма встречается и в составе книжной конструкции, включающей деепричастный оборот: *...отработав в цеху́ 39 лет...*

Употребляет полные страдательные причастия в функции сказуемого. Так, о девушках, которые окончили ПТУ, говорит *выпущенные* (т.е. употребляет книжный оборот в просторечной морфологической форме): ...паскоку она уже *выпущенная* была/ я их не теряю из вида...; ...редко которые у меня *выпущенные*/ живут у меня... в общежитии//

В той же функции употребительны, однако, и краткие формы причастий: Хоть она и *выпущена* (т.е. кончила учиться) / стараюсь ее поддержать//. Это причастие имеет и смещенную семантику — соответствует литературным существительным *выпускник — выпускница.*

В склонении местоимения *этот* функционирует просторечная словоформа с мягким [т'] в основе (*на этим*, ср. лит. *на этом*) в книжной конструкции: Всё/ *на этим* вопрос исчерпан//

Не склоняет числительные типа *50*: Я тоже *с пийсят лет* на пенсии// Широко употребляет формы 3 л. глаголов 2 спряжения с флексией *-ут*: У меня в общежитии вот я держу под контролем/ *курют* пять девочек/ пять! А их сто сорок!; ...Они наверно... может *бросют*/ но пока еще...; И нас опять *привозют*//; Вот такие семьи конечно/ очень-очень *портют* детей/ *портют*//

Употребляет глаголы без *-ся*, эквивалентные литературным глаголам на *-ся*: ...а инспектор *попала*/ знаете какая (ср. *попалась*).

При предлоге *согласно* употребляет род.п.: *Согласно этой программы*//. Использует предлог *с* там, где в литературном языке — *из*: А здесь девочки приезжают/ откуда? — *Со всех областей*//

Употребляет некоторые нелитературные синтаксические конструкции, например: *Повышли замуж да за хороших ребят*//; *Есть*/ *допускают* у нас прогулы/ но очень мало/ но есть// (ср. лит.: *Есть такие, которые...* или *Есть люди, которые...*); ...Но *есть не воспитывают* детей//; ...Молодежь пришла ... гораздо лучше/ *чем прошлый год*// (ср. лит. *чем в прошлом году*).

Отмечен инфинитив (*не*) *видать*, синонимичный литературному (*не*) *видно*: Пока я вам хочу сказать/ пока еще этого (*повышает голос*) *еще не видать*!

Не вполне владеет нормами управления и согласования:... не подумайте что *к вам касается...*; употреблением сложных союзов: *Несмотря* что мы год помучились с ним (ср. лит. *несмотря на то, что...*); подлежащее, выраженное сочетанием с *много*, согласует со сказуемым во мн. ч.: И *много* у нас *девочек* замуж *вышли*//

Использует профессиональные выражения: ...мы *не работали спецзаказов*/ мы *работали натуральный шелк*//

Большое число просторечных черт имеется в сфере словоупотребления (ср. *гардеропик* — с глухим согласным в конце основы, *рублика* — с диссимиляцией сонорных: *рубрика*). Наряду с использованием отдельных просторечных лексем (например, *похаять* — 'ругать': Не могу ее *похаять*//; Я ее *похаять ничем* не могу; *гулять* — с нелитературным значением) стремится широко употреблять официально-книжные слова и обороты, помещая их иногда в несвойственное стилистическое окружение или в не вполне литературную синтаксическую конструкцию. Пристрастна к союзу *поскольку* и некоторым книжным синтаксическим построениям. Вот несколько примеров: (рассказывает, как ее перевели в наставники

ПТУ) Сперва-то я *неудачи терпела*/ все было производственное/ а вдруг/ *перейти в такую сферу*/ понимаете?; (об учениках) ... я *с ними* все время *вращаюсь*...; вся война прошла в работе/ по двенадцати часов// Двенадцать часов// Када было трудно/ мы ходили на заготовку// Не было току/ топлива/ нас посылали// Это сейчас мы их *лелеем*/ (поясняет) дети/ а мы ходили в лес// У нас рядом *паскоку* вы уже представляете где/ рубили и пилили дрова/ для того чтобы пустить фабрику работать//; ...сейчас они себя показывают с хорошей стороны; ... исполняла обязанности начальника цеха...; ... *воспитываю* молодежь/ учу/ *веду* значит *работу* мастера//; ...*веду предмет*//; Мы все время *оказываем помощь*//; *Держу под контролем*//

Широко без надобности образует формы субъективной оценки: (рассказывает, как девушки живут в общежитии) Мне нравится/ я считаю что у нас/ *в комнатке* живут три-четыре/ два-три// Вот хорошо// И *холодильничек* у нас/ и *кроватки деревянненькие*/ все// И *тумбочки*/ и *гардеропик*// Все у ней прям... как *хозяйички*//; (о ребенке) ...вот мальчику у нас четыре *годочка*/; ... всех лучше это *чувашечки*//

Ср. другие примеры немотивированного употребления уменьшительных: Есть вон у меня мальчики/ были вернее// Причем/ прекрасных взяла/ после армии/ семь мальчиков/ чудо а не ребята/ чудо! Работают/ все поженились/ и уже комнаты им дали// Работают поммастерами/ ведут уже *бригадки*!; ... вот уже пятый *годок* там//

В отдельных случаях отмечаются сдвиги в семантике общелитературных слов. Ср. противопоставление *наши фабричные* (т.е. из общежития) и *в квартирах*: (рассказывает, за кого девушки-ткачихи выходят замуж) Кто за *наших фабричных*/ кто *в квартиры* вышел/ кто за наших/ но выходют замуж все//. Ср. также употребление глагола *кидать* — 'делать замечания, указания': ...а инспектор попала/ знаете какая/ *кидала*/ *кидала*/ нам/ *кидала*/; ...проверка должна быть... и проверить и научить// Но нельзя же так *кидать*/ как она нам все/ пошла/ это ... Валентина Семеновна плачет...

Как видно из речевых портретов, каждый информант имеет свой набор просторечных черт[32] в смеси с различной долей литературных явлений. Общим для всех горожан, не вполне овладевших литературным языком, является "однонаправленное, стилистически не нагруженное вовлечение элементов официально-делового стиля и книжной лексики в бытовую речь"[33]. Поэтому типической особенностью речи лиц, не вполне овладевших литературным языком, является стремление говорить книжно и супервежливо. Отсюда неумеренное употребление уменьшительных производных и использование слов типа *кушать* (по отношению к себе), *супруг, супруга* (по отношению к своей жене), *посетить* (выставку, музей, город — о себе) и т.п. Менее ярко эта гипертрофия самоуважения выступает в применении по отношению к себе глагола *прогуливаться*

[32] Наши наблюдения показывают одну интересную особенность, связанную с проникновением в литературный язык нелитературных элементов. В речи многих литературно говорящих, в том числе лиц, безупречно владеющих литературным языком, могут встречаться единичные нелитературные слова, которые усвоены этими лицами в детстве и просторечный характер которых может ими даже не ощущаться. Назовем несколько таких слов, записанных от высоко интеллигентных коренных москвичей: *квач* ('кусок', 'шматок' — *квач ваты, квач пакли*); *перебуровить* ('перерыть'; Все в комнате *перебуровили*); *знойко* (о погоде — 'промозгло'). Толковые словари русского языка не дают этих слов. В словаре Даля дано: *квач*, юж. 'помазок'; *перебуровить* — 'перерыть'; слово *знойко* в указанном значении отсутствует.

[33] *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., Наука, 1977.

(именно в форме несов. в.): (разговор в поезде: москвич 40 лет, со средним образованием, глядя в окно) Мы здесь *прогуливались*// (ср. обычное гуляли); (Б. входит в купе) А. В ресторан ходили? Б. Нет/ я *прогуливался*//

Многие явления, зафиксированные в просторечии Москвы и Ленинграда, свойственны просторечию других городов — Воронежа (по данным В.И. Собинниковой[34]), Перми (по данным Т.И. Ерофеевой[35]), Калуги, Элисты[36] и других городов. Это позволяет сделать вывод о наличии общерусского ядра, отличающего просторечие от узкой локальной ограниченности диалектов. Выявление этого ядра, а также местных особенностей просторечия — одна из насущных задач в изучении языка современного города.

А.Ф. ЖУРАВЛЕВ

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ПРОСТОРЕЧИИ
(фонетика, морфология, лексическая семантика)

Всех этих слов на русском нет...

"Евгений Онегин", I, XXVI.

А потому говорящий на *незнакомом* языке молись о даре истолкования.

Перв. посл. к коринф., 14. 13.

Задачи настоящей работы ограничиваются выяснением характера, направленности и отчасти причин специфических преобразований, которым подвергается фонетическая, морфологическая и семантическая структура слов иноязычного происхождения в современном русском просторечии.

Под просторечием в данной статье понимаются не стилистические средства сниженной экспрессии, допускаемые в литературной речи, а имманентно нейтральные в стилистическом отношении и не имеющие территориальной (диалектной) закрепленности отличительные особенности речи лиц, недостаточно владеющих нормами литературного языка. Определение этой языковой сферы, на наш взгляд, может опираться лишь на негативные моменты, поскольку внелитературное просторечие не представляет собою самостоятельной лингвистической формации в рамках данного национального (русского) языка с собственными признаками системной организации, не включается в иерархию языковых подсистем, обладающих тем или иным относительно автономным набором фонетических, морфологических и синтаксических показателей (подобно письменно-литературной форме языка, разговорной литературной речи и местным диалектам) и является по существу только совокупностью хотя и многочисленных, но "факультативных" о т с т у п л е н и й от норм кодифицированной речи.

Не преодолев (и, по всей видимости, не будучи в состоянии преодолеть и в перспективе) порог "системности", внелитературное просторечие

---

[34] См.: *Собинникова В.И.* Указ. соч.

[35] См.: *Ерофеева Т.И.* Указ. соч.

[36] См. статьи О.П. Ермаковой и З.С. Санджи-Гаряевой, публикуемые в этом же сборнике.

вместе с тем может рассматриваться как кривое зеркало системы, выпячивающее одни ее стороны и тенденции и редуцирующее, если не устраняющее совсем, другие, как своеобразное отражение и преломление центральных типологических характеристик русского языка в целом. Многие просторечные отклонения от нормы носят если не закономерный ("систематический"), то по крайней мере "тенденциозный" характер.

Литературный русский язык — ярко выраженное полисистемное или, точнее, политипологичное[1] образование, в котором помимо черт, составляющих центр, базовый набор элементов языкового строя, явно выделяются и нетипичные, периферийные звенья[2]. Это, например, широко известные "неканонические" явления в фонетике[3], целый ряд особенностей в произношении слов, относящихся к терминологии, ономастике, эмоциональной лексике, идеофонам, аббревиатурам, заимствованиям и др. По мнению М.Я. Гловинской, состав согласных фонем подсистемы заимствованных слов включает по сравнению с составом базовой фонетической системы еще 22 (!) фонемы[4]. В грамматике русского языка к периферийным аномалиям относятся, например, отсутствие склонения у довольно мощного пласта заимствованных существительных, а в последнее время и у собственно русских топонимов на *-о*, несклоняемость т.н. аналитических прилагательных[5], наличие у небольшой группы обстоятельственных наречий категории числа[6], наличие послелога (*ради*) и мн. др.

Литературный язык проявляет большую терпимость к явлениям, не согласующимся с основными закономерностями его фонетического и грамматического строя, допускает в своей структуре сосуществование разносистемных феноменов. Просторечие же, в отличие от литературных (кодифицированной и некодифицированной) форм языка, гораздо более консервативно, базисные закономерности русской фонетики и грамматики проводятся в нем с большей последовательностью. Стремясь исключить или свести к минимуму нехарактерные, периферийные явления, оно обнаруживает качество, которое можно определить как т е н д е н ц и ю к м о н о т и п и з м у[7].

Особенно отчетливое выражение тенденция внелитературных разновидностей языка к сжатию (или, вернее, к нерасширению) лингвотипологических характеристик находит в процессах освоения просторечием иноязычных заимствований.

---

[1] "Каждый язык в той или иной мере политипологичен..." (Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., Наука, 1972, с. 519).

[2] См.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий. — ВЯ, 1973, № 5, с. 24—35.

[3] См.: *Реформатский А.А.* Неканоничная фонетика. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., Наука, 1966, с. 96—109.

[4] См.: *Гловинская М.Я.* Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., Наука, 1971, с. 62; *Она же.* Фонологическая подсистема редких слов в современном русском литературном языке (на материале заимствований). Автореф. канд. дисс. М., 1967, с. 7.

[5] См.: *Панов М.В.* Об аналитических прилагательных. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., Наука, 1971, с. 240—253.

[6] См.: *Журавлев А.Ф.* Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., Наука, 1980, с. 226—235.

[7] Эта тенденция, как нам представляется, в еще большей мере присуща народным говорам (территориальным диалектам). По степени выраженности противопоставления "центр — периферия" в структуре различных лингвистических формаций в пределах национального русского языка, по восприимчивости к иносистемным явлениям их можно выстроить в последовательность "кодифицированный литературный язык — разговорная литературная речь — просторечие — территориальные диалекты".

При переходе из одного языка в другой заимствованное слово подвергается обязательной фонетической адаптации и включению в систему грамматических категорий и классов заимствующего языка. Анализируя пути фонетического и грамматического освоения иноязычных слов в просторечии, следует, однако, учитывать то немаловажное обстоятельство, что в просторечие такие слова попадают не прямо из другого языка, а обычно из нормированных сфер своего же языка, т.е. уже пройдя "предварительную" адаптацию, как правило, в литературном языке и "обкатку" литературной нормой. Фактически иноязычная по происхождению лексика в просторечии — это заимствование из литературного языка[8]. Речь должна идти, таким образом, о толерантной непоследовательности литературной нормы в освоении иноязычных элементов и о способах "преодоления" этой непоследовательности при дальнейшем перемещении заимствований в непрестижные некодифицированные речевые сферы. Поэтому в предлагаемой статье упор делается на сравнение просторечного материала с нормативными формами, функционирующими в русском литературном языке, а не непосредственно с их иноязычными оригиналами.

Некоторые из приводимых в данной работе конкретных фактов (главным образом из области фонетики), рассматриваемые здесь как просторечные, встречаются и в речи лиц, вполне владеющих нормами литературного языка и, несомненно, допустимы в нем на правах "аллегровых" альтернатив. Таковы, в частности, отдельные случаи стяжения соседних гласных, выпадение [j] и, возможно, другие явления (см. ниже). Для носителей литературного языка произношение типа [къп'иэрат'и́ф] *кооператив*, [эрадро́м] *аэродром* или [л'иэт'иэна́нт] *лейтенант*, [шыфан'э́р] *шифоньер* является одним из возможных артикуляционных вариантов. Расцениваться в качестве просторечных подобные факты должны, очевидно, лишь в тех случаях, когда такой произносительный вариант является для какого-либо лица единственно возможным.

Материал для наблюдений над трансформациями иноязычных слов в просторечии был собран при помощи фрагментарных блокнотных записей речи лиц, явно обнаруживающих недостаточное владение нормами литературного языка. (Использование для записи магнитофона могло быть полезным для более точного анализа просторечной фонетики, но являлось заведомо неэффективным для фиксации именно заимствований, а тем более их ненормативных форм и вариантов, из-за относительной редкости и непредсказуемости их появления в речевом потоке). Материал собирался по преимуществу в Москве (в магазинах, поликлиниках, пивных, на вокзалах, на лавочках у подъездов жилых домов и т.п.). К исследованию привлечены как факты, характеризующиеся значительной распространенностью, так и явления единичные, свойственные идиолектам отдельных носителей просторечия (последние в данной работе специально не выделялись и особыми пометами не снабжались).

Ряд приводимых в статье примеров сообщен автору его коллегами по сектору современного русского языка Института русского языка АН СССР.

---

[8] Вопрос о возможном проникновении иноязычной лексики в просторечие непосредственно из языка-источника или же через диалекты оставляется нами в стороне, так как в нашем распоряжении почти нет материала для специального рассмотрения этих проблем (представляющихся, кроме того, не слишком существенными для целей настоящей работы).

ФОНЕТИКА

Перенос ударения

Анализ тенденций собственно просторечных отклонений от нормы в области акцентуации иноязычных по происхождению слов затруднен тем, что, во-первых, акцентологические нормы в самом литературном языке отличаются заметной неустойчивостью и, хотя и с оговорками, допускают различные варианты и, во-вторых, ударению заимствований в русском языке, по-видимому, вообще в довольно незначительной степени свойственна ориентация на акцентуацию их прототипов в языке-источнике[9] (если не считать заимствований из языков со стабилизированным акцентом[10]).

Различные отклонения от нормативного ударения в заимствованных словах, имеющих массовый (не идиолектный) характер и в работах по культуре речи однозначно квалифицируемые как просторечные, трудно свести к каким-либо определенным закономерностям. Обращает на себя внимание, пожалуй, лишь оттяжка акцента с конечного слога на неконечный у многочисленной группы имен существительных мужского рода (оканчивающихся на согласный): *а́гент, а́рест, а́сбест, а́тлет* (также в гибридном образовании *легкоа́тлет*), *диспа́шер, доку́мент, до́цент, инстру́мент, кило́метр, ко́клюш, магази́н, медикаме́нт, па́ртер, плане́р* (ср. новый топоним *Плане́рское* в Крыму — бывш. Коктебель[11]), *по́ртфель, про́цент, псевдо́ним, ро́ман, санти́метр, цеме́нт, шо́фер, э́ксперт, экско́рт* 'эскорт' и мн. др. (некоторые случаи передвижки ударения с конечного слова на неконечный относятся к профессионализмам: *ка́учук, астро́ном, а́лкоголь, пара́лич* и др., — или же расцениваются как стоящие "на пороге" принятия их в качестве альтернативного варианта нормы: *ката́лог* и др.).

Можно думать, что перенос акцента в словах этого типа отчасти объясняется тем, что русское ударение, будучи свободным и разноместным, все же тяготеет в целом к середине слова, и многосложные слова с акцентом на последнем слоге в русском языке менее часты, чем слова с ненаконечным ударением[12].

---

[9] Ср., например: *Суперанская А.В.* Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., Наука, 1968.

[10] Впрочем, и в этих случаях связь с ударением в языке-источнике не директивна: ср. *а́дрес, гли́ссер, гра́вий, дебаркаде́р, департа́мент, жандарме́рия, и́грек, па́ндус, прери́я, прожектор, ре́тушь, та́мбур, феерия* — из французского, *во́йлок, каракуль* и др. — из тюркских, в которых ударение падает на последний слог; *краковя́к, крахмал, рыдва́н, темля́к, фигля́р* и др. — из польского, стабилизировавшего акцент на предконечном слоге; *сала́ка, невя́га* и т.д. — из прибалтийско-финских, *гайду́к, гуса́р, пала́ш* и др. — из венгерского, характеризующихся фиксированным ударением на первом слоге; *грубия́н* — из западнославянских: польского или, по другому мнению, чешского (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I. М., Прогресс, 1964, с. 462; *Трубачев О.Н.* Этимологические мелочи. — В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. М., Наука, 1965, с. 134) и др.

[11] В "Словаре ударений для работников радио и телевидения" Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвы (М., Советская энциклопедия, 1967, с. 420) рекомендуется произношение *Плане́рское*, однако этот вариант реально не существует даже в речи большинства литературно говорящих.

[12] По нашим дополнительным подсчетам, сделанным на базе данных "Обратного словаря русского языка" (М., Советская энциклопедия, 1974), ударение в исходных (словарных) формах русских слов распределяется следующим образом (из подсчетов, естественно, исключены односложные слова и словоподобные элементы, не несущие ударения): ударение на начальном слоге — 15507 слов (или 13,0%), ударение на одном из срединных слогов (в словах с количеством слогов не менее трех) — 77507 слов (65,1%), ударение на конечном слоге — 26094 слова (21,9%). Специальный подсчет слов с консонантной финалью дает такое распределение ударения: ударение на конечном слоге — 24011 слов (32,9%), ударение на неконечном слоге — 48914 слов (67,1%).

Нетрудно заметить, далее, что в большинстве приведенных примеров осуществлен перенос акцента со слога, содержащего гласный переднего образования, на слог с непередним гласным. Т.М. Николаева объясняет это явление тем, что "*а, о, у* — гласные, более длительные по абсолютной продолжительности звучания, чем *и, е*. Между тем доказано, что именно длительность является ведущим фактором русского ударения. Возможно, что произношение *шо́фер, по́ртфель* вызывается инстинктивным желанием "опереться" на более длительный гласный"[13].

Кроме того, некоторые формы с ненаконечным ударением могут объясняться сохранением старых норм, ориентированных на акцентуацию прототипа (*алфа́вит*, ср. греч. αλφάβητος, и др.), или отражать акцентологические нормы посредствовавшего в передаче западноевропейских заимствований польского языка (*а́гент, доку́мент* и др.).

Устранение зияний

Одной из существенных фонетических особенностей, характеризующих русские слова исконнославянского происхождения, является отсутствие зияний (стечения гласных) внутри морфемы. Зияния не чужды фонетической организации русского слова, но в исконной лексике они существуют только на стыке морфем: *переулок, заиграть, выучить, необязательный, деревообработка* и т.п. Там, где стыка морфем нет с современной точки зрения, он вскрывается этимологическим анализом (ср. *паук, таинственный* и др.).

В заимствованных словах зияния, напротив, нередки: *поэт, театр, океан, виадук, зоология, соус, боа* и т.д.

Произношению многих просторечных лиц свойственно стремление устранить малохарактерные для русского языка сочетания гласных внутри морфемы (в языке-источнике эти сочетания также могут представлять собою морфемный стык, но при заимствовании обычным является процесс структурного опрощения). Ликвидация зияний достигается либо путем консонантных вставок между гласными, либо посредством элиминации одного из них.

В функции консонантного элемента, устраняющего зияние, выступают согласные [j] и [в]: *проект* [праэ́кт] → [прајэ́кт], *шпион* → *шпиён, фиалка* → *фиялка* (*Фиялочки/фиялочки*/мужчина обратите внимание/свежие *фиялочки*!); *радио* → *радиво* [ра́д'ивъ], *какао* → *какаво* ср.р., *какава* жен.р. (ср. в косвенных падежах: *по радиву передавали, пить какаву, облился какавой*), *клоун* → *кловун* (Ну чё ты *кловуна* корчишь?!), *хаос* → *хавос́, киоск* → *кивоск*.

Упрощение зияния путем элиминации одного из гласных в том случае, когда на один из гласных, составляющих стык, падает ударение, достигается опущением безударного звука: *шлагба́ум* → **шлагба́м* (Ждать придется/*шлагба́мом* дорогу закрыли//), *коэффицие́нт* → *коэффице́нт*; если оба гласных безударны, то опускаться может любой из них — и первый: *аэро-* → → *эро-* (в том числе и с *ы*-образной редукцией гласного [э]: [э]*родро́м* здесь близко//; Где касса [ы^{э}]*рофло́та*?; К "[ы]*попо́рту*" надо пересесть на "Проспекте Маркса"//), *гауптва́хта* → *гупва́хта, гупфа́кт, рационализа́тор* → *рац* [ъ]*нализа́тор, эксплуати́ровать, эксплуата́тор* → *экспл* [а]*ти́ровать, экспл* [а]*та́тор, милиционе́р* → *милиц* [а]*не́р*, иногда даже с утратой мягкос-

[13] *Николаева Т.М.* Место ударения и фонетический состав слова (расстановка ударения в неизвестных словах иностранного происхождения). — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского, с. 68.

ти предшествующим согласным: *пенсионе́р* → *пен* [са] *не́р* (Так Лемешко ж уже *пен* [са] *не́рка*!), *кардиогра́мма* → *кар* [да] *гра́мма*, *гомеопат* → *ге* [ма]-*па́т* (К *гемопату* не ходила//), — и второй: *коэффицие́нт* → *коффицие́нт*, *библиоте́ка* → *библите́ка*, *индустриализа́ция* → *индустрилиза́ция*, *социалисти́ческий* → *социлисти́ческий*; в стечениях одинаковых гласных: *индиви́дуум* → *индиви́дум*, *ва́куум* → *ва́кум*, *фотоаппара́т* → *фот* [ъ] *пара́т*, *кооперати́в* → *к* [ъ] *перати́в*.

В некоторых малознакомых носителю просторечия иноязычных словах (в частности, именах собственных) гетеровокалические зияния оказываются предпочтительнее тавтовокалических: *"Гурджаани"* (название вина) → → *"Гуарджани"*.

Устранение зияний на конце слова иногда сопровождается его перемещением в другой морфологический класс: *кака́о* → *кака́ва*, *ало́э* ср.р. нескл. → *ало́й* муж. р. (в косвенных падежах: От *алоя* листик отрежешь/он сам будет расти//; Я *ало́ем* всю зиму лечилась//), ср. переход несклоняемого *буржуа́* в склоняемое *буржу́й* (с переносом ударения).

Следует отметить и противоположное явление.

Просторечию в большей степени, чем литературной разновидности языка, свойственны явления аналогического выравнивания и гиперкоррекции. Они приводят к образованию зияний там, где их не должно быть. В речи одной просторечной женщины нам встретились слова *персионал* 'персонал' (Нет/ну там [в платной поликлинике] очень культурный *персионал*/не то что у нас!, ср. *профессионал*, *интернационал*) и [раио́н], [ръио́н], вместо [райо́н] *район* (ср. старое произношение [маио́р], вызванное псевдокорректным чтением орфограммы *маіоръ*).

Ассимиляция гласных

Ассимилятивно-диссимилятивные процессы занимают заметное место в просторечных преобразованиях иноязычных по происхождению слов.

Ассимиляции подвергаются любые по тембру гласные, необязательно с ориентацией на гласный ударного слога (при этом, если дело касается гласных переднего ряда, превокалические согласные испытывают смягчение или отвердение): *мармелад* → *мармалад*, *сардинелла* → *сарданела* [-нэ-], *керосин* → *карасин*, *табуретка* → *табаретка*, *санитарка* → *санатарка*, *экономист* → → *аканамист*; *телевизор* → *телевизер* [-з'и^{э}р, -з'ир] (У меня еще и *телевизер* имеется//; Совсем по *телевизиру* смотреть нечего//), *радикулит* → *ридикулит*, *пирамидон* → *пиримидон*, *рекомендация* → *рикимендация*, *розетка* → *резетка* [р'и^{э}-] (Телевизор что ли сломался? — Так ты ж его из *резетки* выключил утюг включал!), *санитарка* → *синитарка* (Дуся померла *синитаркой* в больнице работала//); *хулиган* → *фулюган*, *макулатура* → *мукулатура* (ср. *мускулатура*), *седуксен* → *судуксен*, *музыканты* → *музуканты*, *документ* → *дукумент*, *костюм* → *кустюм* (И *кустюмчик* на нем весь в чем-то извалянный//), *статуэтка* → *стутуэтка* (и даже *стютюэтка*, по-видимому, того же происхождения, что и *стюдень*, *стюдент*) и т.п.

Диссимиляция гласных

Несколько реже отмечаются случаи расподобления соседних гласных: *инженер* → *анженер*, *интересный* → *антиресный*, *скипидар* → *скапидар*, *кибернетика* → *кабернетика*, *экземпляр* → *акзенпляр*, *купюра* → *капюра* (в сберкассе: Нет/дайте мне такие же *капюры*//), *педераст* → *пидорас*, употребляемое в качестве ругательства, ср. также усеченное *пидор* (— *Пидор*, гад, — хрипел Спирька, — што ты делаешь? ... (В. Шукшин, "Сураз")).

Метатеза гласных

Перестановка гласных в соседних слогах отмечается в немногих примерах: *табуретка → тубаретка, мармелад → мермалад* (взаимная мена безударных — предударных — гласных), *молдовеняска → молдованеска* (один из переставляемых гласных — ударный). Иногда метатеза гласных сопряжена с другими фонетическими процессами, характерными для просторечия, — стяжением и синкопированием гласных, см. в соответствующих рубриках примеры типа *гомеопат → гемопат, мирабель → марбель* и под.

В ряде случаев перестановка гласных может вызываться ложноэтимологическими сближениями заимствованных слов с другими словами: *пулóвер → полувéр* (ср. префикс *полу-*), *кримплен → кремплин* (ср. названия тканей *поплин*, с одной стороны, и просторечн. *кремдешин, кремжоржет*, с другой).

Лабиализация нелабиализованных гласных

Большинство заимствованных слов отмечено для носителя просторечия непрозрачностью своего строения и отсутствием у них ощутимых этимологических связей. Это часто приводит к различного рода фонемным заменам в составе конкретных лексем.

Одним из распространенных фонемных сдвигов является замена нелабиализованной гласной фонемы фонемой ⟨у⟩. Такие случаи чаще отмечаются в предударных слогах: *браслет → бруслет* (*Бруслеточка* у тебя какая красивая!), *брильянт → брульянт, бордовый → бурдовый* (Вы за кем? — Вон та вот женщина в *бурдовом* пальто//), *серьезный → сурьезный, компания → кумпания, чемодан → чумадан, фольга → фульга, миллион (мильон) → мульён* (Вас здесь таких *мульён* ходит!), *алебастр → алюбастр* 'строительный гипс': Надо *алюбастром* подмазать//), *тефтéли → тюхтéли*, ср. также приведенные выше примеры на ассимиляцию гласных, типа *судуксен, стутуэтка*.

Появление ⟨у⟩ на месте другой фонемы в заударном слоге в имеющихся у нас примерах может быть объяснено влиянием аналогии: *термос → термус* (*Термус* с собой будешь брать?; У меня чай в *термусе* еще горячий/хочешь?), *"Лотос"* (стиральный порошок) → *"Лотус"* (*"Лотус"* где покупали?), ср. суффиксоподобный сегмент *-ус* во многих словах иноязычного происхождения[14]. Характерно, что в последнем примере правильному произношению названия (*"Лотос"*) не способствовала броская надпись на упаковке товара.

Делабиализация [у]

Замена [у] в безударных слогах нелабиализованным звуком ([ъ]) отмечается реже, чем лабиализация нелабиализованных гласных: в одном из предударных слогов — *туберкулёз → т*[ъ]*беркулёз* (Она в детстве *т*[ъ]*беркулёзом* болела//Вылечили//), *буржуазный → б*[ъ]*ржуазный*; в заударном слоге — *техникум → техник*[ъ]*м* (Андрюшка в *техник*[ъ]*м* поступил// — Кем? — В *техник*[ъ]*м* учиться//), *градус → *град*[ъ]*с* (Пять — семь *град*[ъ]*сов* завтра//).

Заслуживает обсуждения вопрос о том, имеется ли в данных примерах замена фонемы ⟨у⟩ другой фонемой или же рассматриваемое явление сле-

---

[14] Ср. также принятые в литературном языке *рейсмус* из нем. *Reißmaß, анчоус* из англ. (мн.ч.) *anchovies* [æn't ʃouviz], *капенармус* из франц. *capitaine d'armes* и др.

дует трактовать как особый случай просторечной редукции [у], т.е. как расширение набора аллофонов фонемы ⟨у⟩ в просторечии по сравнению с литературным языком. Мы склоняемся ко второму решению (ср. редукцию [у] в разговорной речи[15]).

Переход [э] в [о]

Переход [э] в [о] перед твердым согласным в ударной позиции (с сохранением мягкости предшествующего согласного), имеющий истоки в закономерностях исторического развития русской фонетики и несколько эмансипировавшийся в просторечии (ср. *современный, одновременно, хребет, рубеж* и др.), распространяется некоторыми носителями просторечия и на заимствования: *афера → афёра, атлет → атлёт, "Геркулес"* (диетическая овсяная крупа) → *"Геркулёс"*. Встретившееся нам произношение *миллиардёр* (Я же не *миллиардёр*/в самом-то деле!) вызвано, очевидно, аналогией с заимствованными именами лиц муж. р. на *-ёр* типа *шофёр, лифтёр, режиссёр*. Ср. также колебания огласовки ударного гласного в словах типа *гренадер, костюмер*, а также, с переносом ударения, *комбайнер → комбайнёр*, в языковых сферах, более респектабельных, чем просторечие.

Переход [и] в [э]

В некоторых заимствованных словах (или в ближайших производных от них), функционирующих в просторечии, в соответствии с ударным [и] по норме, наблюдается ненормативное [э] под ударением: *квартира → квартера, кватера, фатера, кирзовый → керзовый, кадриль → кадрель, командир → командер*. Замена ударного [и] на [э] часто отмечается в суффиксе иноязычного происхождения *-ij-*: *партийный → партейный, аварийный → → аварейный* (Наш дом уже давно считай в *аварейном* состоянии//), *гарантийный → гарантейный* (Так если гарантия еще не просроченная/ можно бесплатно отремонтировать//По *гарантейному* талону//), *гравейка* 'гравийная дорога'; в именах собственных: *Мария → Марея, Евдокия → Евдокея, Россия → Расея*.

Явление перехода [и] в [э] вызвано, очевидно, стремлением к облегчению произносительных усилий — ослаблению напряженности узкого, сильно продвинутого вперед гласного, находящегося к тому же под ударением (в форме *кватера*, вероятно, сказывается также влияние польск. *kwatera*, вопреки Фасмеру[16]). Кроме этого, в примерах с *-ij-/-ej-* обнаруживается влияние чередований гласных в словообразовательных парах типа *армия/армейский, гвардия/гвардейский, линия/линейный*[17] и под., а также наличие *е (ѣ)* в соответствии с *і* в канонических формах имен собственных: *Сергѣй, Алексѣй*, ср. *Сергій, Алексій*[18].

Изменения в группах согласных

Лексические заимствования из других языков (как и многочисленные собственно русские сложносокращенные образования послереволюционного времени) чрезвычайно расширили репертуар возможных сочетаний соглас-

---

[15] См.: Русская разговорная речь. М., Наука, 1973, с. 61–62.

[16] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., Прогресс, 1967, с. 217.

[17] Ср. нем. *Armee*, лат. *linea* и под.

[18] Подробнее см.: *Unbegaun B.O.* La langue russe au XVIe siècle (1500–1550), I. La flexion des noms. Paris, 1935; *Hübner P.* Zur Lautgestalt griechischer Heilignamen im Russischen seit dem 11. Jahrhundert. Bonn, 1966.

ных в русском языке. Однако просторечие, будучи консервативным по своей природе, оказывает известное сопротивление внедрению нехарактерных для системы русского языка консонантных последовательностей.

Устранение непривычных консонантных сочетаний осуществляется несколькими способами:

а) д и э р е з а: *портрет → потрет, портфель → по́рфе́ль, сюрприз → сюприз, суприз, симптом → симтом* (И выходит... это... *симтомы* разные нашли у меня//), *центнер → центер* (Двадцать один *центер* [цэ́н'т'ьр] собрали//), *джемпер* (*дж-* в начале слова в собственно русской лексике отсутствует) *→ жемпер, джинсы → жинсы, азербайджан (ский) → азербайжан (ский)* и др.; ср. старые формы *аглицкий, аглинский* с современным нормативным *английский*;

б) м е т а т е з а: *дуршлаг → друшлак*, ср. метатезу одновременно с диэрезой в старом *франкмасон → фармазон* и под.;

в) разрежение консонантных стечений путем в о к а л и ч е с к и х в с т а в о к: *ркацители → ракацители* [ръкъ-], *Цхалтубо → Цехалтубо* [цы^{э}-], *маршрутный → марширутный* (А от "Автозаводской" туда только на *марширутном* такси на двадцать восьмом можно доехать//; ср. *маршировать, марширую*), *чарльстон → чарлистон* (ср. образование *чирлистонки* 'тип курток' – "Новый мир", 1981, № 2), *пельмени → пелемени* и т.п. Разрежению путем явной вставки полноценного гласного подвергаются консонантные группы, содержащие плавный, в которых он в литературной устной речи произносится как слоговой: *джентльмен → (д)жентельмен, жентлемен* (Леди и *джентельмены* [джэ^{ы}нтэ^{ы}л'м'э́ны]! Прошу внимания!; о городских уборных, шутливо: "М" [мэ] – это для мадам/а "Ж" [жэ] – для *жентлеменов* [жэнтл'и^{э}м'э́нъф]//), *фтизиатр → фтизиатор* (Там Сергей Самойлович *фтизиатором* работал//), *психиатр → психиатор* (Я давно говорила/надо ее к *психиатору* сводить//), *мотоцикл → мотоцикол* (Ребята молодые на *мотоциколах* гоняют//), *бинокль → биноколь, фильтр → → фильтор, центр → центор, дубль →* доминошный термин *дупель* (с оглушением шумного) (Вить/дуплись! Ставь *дупель* говорю!).

Метатеза согласных

Перестановка согласных необязательно связана с устранением нехарактерных консонантных стечений, ср.: *шоссе → соше* [сашэ́], [сошэ́] (По Варшавскому *соше* [сошэ́] вам лучше ехать//), *поролон → полорон* (Я окно заткнула *полороном*//), *резиденция → редизенция* (пересказывая содержание фильма: А этот все думал как в его *редизенцию* попасть//), *фельдшер* (нормативно [-л'ш-]) *→ фершел* [ф'э́ршъл] (обращает на себя внимание отвердение [л] на месте [р] в конечной позиции), *карстовый → кастровый* (Там *кастровые* пещеры открыли//; метатеза, возможно, не без неосознанной ориентации на звучание фамилии *Кастро*), *аллергия → аллегри́я* (Раньше про эту *алегрию* и не слышали/а щас у всех есть//: ср. *аллегро* (?)).

Диссимиляция согласных

Носители русского просторечия в большей степени, по сравнению с лицами, владеющими литературным языком, испытывают неудобства в артикуляции слов, содержащих фонемные последовательности, включающие одинаковые или сходные по способу или месту образования согласные.

Диссимилятивные замены особенно часты в словах, содержащих несколько одинаковых плавных: *секретарь → секлетарь, регистратура → легистратура, ветеринар → ветелинар* (Вы ее [собаку] вот что – к *ветелинару*

надо сводить//), *коридор → колидор, пропорция → плепорция* и даже — без установки на каламбур! — *полпорция* (Ну и вот такая *полпорция* выходит значит/на литр добавляй грамм двести олифы/со стакан примерно//), *рубрика → рублика* (Вот иногда я гляжу по телевизору/ввели *рублику*... показывают как надо воспитывать//; на диссимилятивные преобразования в слове *рубрика*, несомненно, повлияло звучание высокочастотного существительного *рубль*), *лаборатория → лаболатория* (диссимиляция *р — р → → л — р* одновременно с ассимиляцией *л — р → л — л*) и т.п.; ср. индивидуальное *хирург → хируль* (с опущением конечного *-г* ([к])), т.е. вообще с заменой финального консонантного сочетания целиком).

Весьма часты в просторечии замены сонорного [м] в сочетаниях губных [мб], [мп], [мв], [мф] другим сонорным — [н]: *бомба, бомбить → бонба, бонбить* (Немцы здорово тогда нас *бонбили*//), *пломба → плонба* (А *плонбочка* эта у меня недели две всего держалась//), *комбинат → конбинат, комбайн → конбайн, компот → конпот* (Выпей *конпотику*//), *компания → → конпания* (ср.: Игорь он парень-то *конпанейский*/только развозит его сразу//), *симпатичный → синпатичный, ампула → анпула* (К ней сестра из санатория ходила/каждый день две *анпулы* колола//), *трамвай → транвай, камвольный → конвойный* (Три года на *конвойном* комбинате работала/потом замуж вышла//), *комфорт → конфорт* (Ты/с *конфортом* устроился/подвинься!), *экземпляр → акзенпляр, лимфатический → линфатический* и т.п.

Несколько реже диссимилятивные преобразования затрагивают последовательности с взрывными согласными: *нототения → накатения* (*Накатения* эта/дорогая рыба//), с заменой одного из взрывных фрикативным или сонорным: *характер → харахтер* (с одновременным уподоблением *х — к → → х — х*, ср. обратное *каракгер*), *доктор → дохтор, шлагбаум → шланбаум.*

Ассимиляция согласных

Имеющие обратную направленность ассимилятивные процессы, так же как и явление диссимиляции, касаются всех категорий согласных: *регулярный, регулировать, регулятор → легулярный, легулировать, легулятор, пульверизатор → пульвелизатор, револьвер → левольвер* (во всех этих примерах ассимиляция действует одновременно с диссимиляцией), *пелеринка → переринка* (с ориентацией на префикс *пере-*), *цистерна → цисцерна, шоссе → шоше* [шашэ́], *характер → карактер, котлеты → коклеты, бумага → гумага, декольте → деколде* [дыᵊкалдэ́], *педагог → бедагог, детектив → → дедектив* [дэдэ-], *картон → кардон* (с озвончением *-т-* под влиянием соседних сонорных) и мн. др.

Аналогическое оглушение согласных

Стандарты русской фонетики предписывают репрезентацию звонкой согласной фонемы в зависимости от позиции то звонким, то глухим аллофоном. В заимствованных словах, попадающих в просторечие, очень часто глухие аллофоны звонких фонем обобщаются под действием аналогии в глухие фонемы. Это явление широко распространено в заимствованных лексемах с ограниченным набором производных, которые могли бы поддержать наличие звонких аллофонов.

Чаще всего аналогическое оглушение наблюдается в конце основ имен существительных мужского рода на согласный: *диате⟨з⟩ → диате⟨с⟩* (Все лицо в *диатесе*//), *майоне⟨з⟩ → майоне⟨с⟩* (*Майонесу* купи баночки три//), *гипно⟨з⟩ → гипно⟨с⟩* (И *гипносом* и чем только не лечилась/ничего не помог-

ло//), *гардеро*⟨б⟩ → *гардеро*⟨п⟩ (И холодильничек у нас/и кроватки деревянненькие/всё//И тумбочки/и *гардеропик*//), *стрептоци*⟨д⟩ → *стрептоци*⟨т⟩ (Лечу кота *стрептоцитом*//), *лимона*⟨д⟩ → *лимона*⟨т⟩ (*Лимонатом* нахлестался/будет теперь бегать//), *ортопе*⟨д⟩ → *ортопе*⟨т⟩ (А вы *ортопету* девочку не показывали?), *комо*⟨д⟩ → *комо*⟨т⟩ (И эти деньги он за *комотом* прятал//), *ломбар*⟨д⟩ → *ломбар*⟨т⟩ (Из *ломбарта* барахло свое забрала//), *марина*⟨д⟩ → → *марина*⟨:⟩ (А вот ешьте рыбку под *маринатом*/Люся сама готовила//), *карби*⟨д⟩ → *карби*⟨т⟩ (Мы пацанами баловались/*карбита* в бутылку насыпешь/чуть-чуть водички добавишь/ пробкой забьешь посильней/и в лужу бросали/а сами тикать//А она как рванет!), *бутербро*⟨д⟩ → *бутербро*⟨т⟩ (На одних *бутербротах* сидит целыми днями/хоть бы в столовую сходил!), *дуршла*⟨г⟩ → *друшла*⟨к⟩; ср. также в именах собственных: *Балчу*⟨г⟩ → *Балчу*⟨к⟩ (Я дошла до *Балчука*//)[19].

Реже подобные замены звонких фонем глухими обнаруживаются в составе корневых морфем имен существительных женского рода в уменьшительных формах на *-очка: ю*⟨б⟩*ка* → *ю* [п] *ка* → *ю*⟨п⟩*очка, блу*⟨з⟩*ка* → *блу* [с] - *ка* → *блу*⟨с⟩*очка, фура*⟨ж⟩*ка* → *фура* [ш] *ка* → *фура*⟨ш⟩*ечка, про*⟨б⟩*ка* → *про* [п] - *ка* → *про*⟨п⟩*очка*. Ср. старое *бу* [т] *ка* → *бу*⟨т⟩*ошник*.

В ряде случаев наблюдается обратное явление - гиперкорректные замены глухих фонем звонкими: *сервела*⟨т⟩ → *сервела*⟨д⟩ (Нина прислала *сервеладу* килограмм//, ср. *шоколаду, мармеладу* и под.), *асфаль*⟨т⟩ → *асваль*⟨д⟩ (До Рогачёва спокойно доедете/*асвальдовая* дорога//), *дихлофо*⟨с⟩ → *дихлофо*⟨з⟩ (Вы знаете/я у вас тут *дихлофозом* полила//), *автосерви*⟨с⟩ → *автосерви*⟨з⟩ ('предприятие автосервиса': Где гостиница "Солнечная"? Это за *автосе́рвизом?*; в последнем примере несомненно влияние слова *серви́з*).

Гиперкорректные консонантные эпентезы

Неточные представления о нормальной консонантной структуре иноязычных по происхождению лексем, свойственные носителям просторечия, побуждают их для вящей "культурности" прибегать к различным этимологически не оправдываемым вставкам согласных в заимствованные корни и слова: *эскалатор* → *экскалатор* (ср. *экскаватор*), *эскорт* → *э́кско́рт* (ср. *экскурсия, экскременты*), *"мессершмитт"* (немецкий самолет-истребитель) → *"местершмит"* (под влиянием слова *мистер*?), *электричество* → → *элекстричество* (ср. сочетание [кстр] в заимствованиях *экстра, фокстрот* и под.), *бадминтон* → *бадмингтон* [-нкт-], *проблема* → *промблема* (ср. *эмблема*), *купол* → *кумпол* (только (?) в значении 'голова, череп', экспрессивное), *агломерационный* → *англомерационный* (Валентин работает уже/на фабрику пошел/там у них *англомерационная* фабрика//, ср. *Англия, англо-* (американский) и под.).

---

[19] Ср. использование вариантов иноязычных топонимов с "оглушенным" исходом основы в стихотворных текстах в составе рифмующихся пар:

Полночь. Улицы *Мадри*⟨т⟩*а*
И безлюдны и темны.
Не звучат шаги о плиты,
И балконы не облиты
Светом палевым луны
(А.Н. Плещеев, "Гидальго");

Пусть калиф живет в *Багда*⟨т⟩*е,*
Городишко неплохой.
Наше счастье — в Благодати,
В белой даче над рекой
(А.В. Терновский, "Пусть калиф...").

Особенно "повезло" в просторечии эпентетическому [н] в позиции перед зубными взрывными: *инцидент → инциндент, прецедент → пренцедент, прецендент*[20], *компрометировать → компроментировать, констатировать → → константировать* (ср. *константа, Константин*), *бадминтон → бандминтон, дерматин → дермантин, желатин → желантин, вегетарианец → вегентарианец, цитрамон → центромон* (Мне *центромон* не помогает/я аналгин пью//, ср. *центр*) и т.д.

Частотна паразитическая надставка [т] в конце слова после [н]: *план → → плант, кран → крант* (также *крантик* уменьш., жаргонное *кранты* 'конец, "хана"), *резон → резонт, экзамен → экзамент, рекордсмен → рекордсмент, пурген → пургент* (*Пургентом* для смеху его накормили//) и проч., реже после [с]: *адрес → адрест* (Как же ты без *адреста* искать ⟨будешь⟩?), *абсцесс → абцест* (Ну и до *абцеста* дело дошло//) и др.

Гиперкорректная аффрикатизация [с]

В позиции после сонорных согласных [н] ([н']) и [л'] спирант [с] в иноязычных заимствованиях часто подвергается в просторечном произношении аффрикатизации, превращаясь в [ц]: *вакансия → ваканция* (ср. *станция, квитанция, дистанция*), *финансы → финанцы, консервы → концервы, концерва* жен. р. (ср. *концерт, концерн, концентрический, канцелярия*), *кальсоны → кальцоны* (ср., впрочем, итал. *calzoni*). Думается, что "суффикс" *-ец* в просторечных образованиях *шанец* (из *шанс*), *аванец* (из *аванс*), *баланец* (из *баланс*), *романец* (из *романс*)(ср. также старое *дилижанец* 'дилижанс', с дальнейшей трансформацией в *нележанец*) обязан своим появлением промежуточной ступени с аффрикатизацией [с][21].

Преобразования [ф]

В словах исконнославянского происхождения фонемы ⟨ф⟩ в русском языке, как известно, нет. "Ненормальность" этой фонемы до сих пор ощущается носителями просторечия и диалектов. [ф] подвергается заменам. Обычно его суррогатом выступает фрикативный согласный [х]: *штрафовать → штраховать* (ср. *страховать*) (Меня *оштраховали* на рубль//), *кофта → кохта, туфли → тухли* (Какие у тебя *тухли* красивые!), *фуражка → → хуражка, футбол → хутбол* (Опять *хутболисты* эти собрались!), ср. также упомянутое выше *тюхтéли* 'тефтели', — или (в диалектно окрашенном просторечии) сочетание [хв]: *фартук → хвартук, кофе → кохвэ, целлофан → → салохван*. Реже встречаются [в] (*асфальт → асвальт, шалфей → шалвей: Шалвеем* полоскать надо//; *сфера → свера*) и [к] (просторечное *куфайка* 'ватник, телогрейка' в соответствие литературному *фуфайка*).

Нередки в просторечии обратные замены [х] на [ф], имеющие в качестве причины гиперкоррекцию: *хулиган → фулиган, хутор → футор, панихида → панафида* (с дальнейшим *панахвида*), *хурма → фурма, хлорка → флорка* (ср. греческое мифологическое имя *Хлор* и христианское каноническое *Флор* (→ *Фрол*)), *хоккей → фокея* (ср.: "У нас была няня, которая не выговаривала *"хоккей"* и произносила *"фокея"*". — В. Токарева, Самый счастливый день. — "Новый мир", 1980, № 2); ср. также *квартира → фатера*.

---

[20] Ср.: «*Прецендент* вместо *прецедент* находится даже в "Словаре советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов", составленном под редакцией П.Х. Спасского. Н. Новгород, 1924)» (*Селищев А.М.* Революция и язык. — В кн.: *Селищев А.М.* Избр. труды. М., Просвещение, 1968, с. 144.

[21] Так же, как и "суффикс" *ицa (ы)* в существительном *устрица*, восходящий к показателю множественного числа *-s* после вибранта в голландском оригинале *oesters* (ср. старые формы *устерс, устерса*).

Изменения в сочетаниях "согласный + гласный", связанные с корреляцией по твердости/мягкости

От большинства языков, поставляющих нам материал для заимствования, русский язык отличается наличием в его фонетической системе оппозиции "твердость—мягкость согласных". Некоторые сочетания твердых или мягких согласных с теми или иными последующими гласными, потенциально возможные в системе, в словах исконнославянского происхождения не реализуются. Заимствования в терпимом к иносистемным явлениям литературном языке нарушают устойчивость этих исторически обусловленных зависимостей. В консервативном же просторечии фонетика подобных сочетаний стремится оставаться прежней, хотя этот консерватизм находится в жестоком противоречии с другой мощной тенденцией — гиперкоррекцией, и последняя часто побеждает.

Сочетания многих мягких согласных с последующим [у] являются в русской фонетике периферийными и малочастотными. *Кювет → кувет, ридикюль → радикуль, радикул* (ср. *радикулит*), *бюстгальтер → бузгалтер* (ср. *бухгалтер*), и т.п. — отвердение [к'], [б'] в позиции перед [у], поскольку сочетания *кю, бю* в собственно русской лексике отсутствуют (исключение — *голубю* — на стыке морфем[22]). К редким в русской фонетической системе относится сочетание *сю*[23], оно заменяется сочетанием с твердым согласным: *капсюль → капсуль, сюрприз → сурприз, суприз*. В ряде случаев противоречащее исконной фонетике сочетание "мягкий согласный + гласный" разрешается путем замены гласного: *капюшон → капишон, пюре → пире* [п'ир (') э], *бюллетень → билетень* (ср. *билет*).

"Запрещенные" в лексике исконного фонда сочетания "твердый согласный + э" широко представлены, однако, в заимствованных словах в литературном языке. В просторечии эти сочетания "исправляются" также двояким образом — либо путем смягчения согласного: *шоссе* [шосэ], [шасэ́] → → [шас'э́], *портмоне* [пъртманэ́] → [пъртман'э́], *шимпанзе* [шымпанзэ́] → → [шымпан'з'э́], [шампан'з'э́] и т.п., — либо путем изменения качества гласного *лотерея → лоторея* [лътар'эjь], *бандероль → бандароль* [бъндаро́л'], *свитер → свитор* [с (') в'и́тър], мн.ч. *свитора* [с (') в'итара], фортепьяно → *→фортопьяно* [фъртап'jа́нъ].

Гиперкорректные формы с твердым согласным перед [э]: *пионэр, фанэра, шинэль, кофэ, тэрмин, бюллетэнь* (Я [б'ул'и[3]тэ́н'] получила//) и мн. др.

Неустойчивость [j] ([и̯])

"Слабоартикулируемые звуки, по-видимому, во всех языках мира обнаруживают тенденцию к исчезновению. В области гласных к слабоартикулируемым относятся прежде всего редуцированные гласные. Из области согласных звуков наиболее слабо артикулируемыми являются u̯, i̯, h̯"[24].

Исчезновение [j] и [и̯] не составляет, разумеется, привилегию просторечия. В небрежном произносительном стиле разговорной речи ⟨j⟩ выпадает и

---

[22] См.: *Панов М.В.* Русская фонетика. М., Просвещение, 1967, с. 80.

[23] Если не считать заимствований и форм дательного падежа четырех "зоологических" имен (*гусю, карасю, лососю, лосю*), сочетание *сю* отмечается лишь в словах явно периферийных классов — шифтерах (*всю, сюда* — местоимение, местоименное наречие), именах собственных (*Ксюша, Васюта, Васюган, Фросю*), ономатопеях (*сюсюка́ть, пасюк* — из междометия, по Фасмеру и Трубачеву), словах "детской речи" (*сисю*) (ср.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Указ. соч.).

[24] *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., Наука, 1974, с. 92.

в интервокальной позиции, и в соседстве с другими согласными: после согласного ([аб'ис'н'и́т'] *объяснить*) и перед согласным — в последнем случае как перед мягким ([л'и^{э}т'и^{э}на́нт] *лейтенант*), так и перед твердым ([н'ьтра́л'ныи̯] *нейтральный*)[25].

Однако если в разговорной (литературной) речи ⟨j⟩ при более тщательном произношении "восстанавливается", то в просторечии возможны случаи его отсутствия даже при известных артикуляционных "стараниях" говорящего, что заставляет предположить, что для некоторых идиолектов ⟨j⟩ (как фонема) вообще не представлен в фонемном составе тех или иных слов, где он должен быть этимологически.

Заимствованиям в этом отношении принадлежит особое место, так как ограниченность их словообразовательных ("этимологических") связей в заимствующем языке закрепляет редуцированность их фонемного состава в идиолектах просторечных лиц по сравнению с их соответствиями в литературном языке. Ср.: *шифоньер → шифонер, шифонерка, премьер-(министр) → пример, фельетон → фелетон, пеньюар → пенюар, материальный* [-р'ja-] *→ матеряльный* и под.; *лейтенант → летенант, лейкопластырь → ликопластырь, рейтузы → ретузы, нейлон → нелон, коктейль → коктель, троллейбус → тролебус, волейбол → волебол* (в замене *волейбол → волетбол* [-дб-] имеет место, очевидно, не выпадение [j] по причине его слабой артикулируемости, а выравнивание "по аналогии" с другими названиями спортивных игр — *баскетбол, футбол*). Некоторые из этих форм возможны в "аллегровом" произношении и в разговорной речи (ср. замечание на стр. 104).

"Слабый" [j] ([и̯]) иногда в конце слога (слова) "усиливается" превращением в [л']: *гравий → гравель* (ср.: "Вот дядя Паша. Почему-то он всегда говорит *гравель*, а не гравий". — В. Белов, "Воспитание по доктору Споку"), ср., однако, приведенный выше пример на обратную замену *камвольный → конвойный*.

Сокращение числа слогов в слове

Многосложные слова, словообразовательно не мотивированные для носителя просторечия, имеют тенденцию сокращаться по числу слогов. Отчасти эта тенденция была затронута выше, в параграфе, посвященном способам устранения зияний.

Чаще всего элиминируется н а ч а л ь н ы й с л о г: *инструме́нт → → струме́нт, алюминий → люминий, люминь, алюминиевый → люминевый, акушерка → кушерка, американский → мериканский, эмалированный → → малированный, мулированный* (Лида/принеси с ванны *мулированный* тазик//), *эвакуировать (ся) → вакуировать (ся)* (Она в войну *вакуировалась* со скотом/с совхозом/от немцев гоняли//), *изолировать → золировать* (Надо *золировать* пьяницу такую (мужчину! — *А.Ж.*) от общества//), *электрич- → лектрич-* (Когда *лектричка* будет?), *элемент → лемент, иллюминация → люминация, акклиматизироваться → климатизироваться* (соверш. вид.: *Климатизировался* уже!), *университет → ниверситет* (Ты свой *ниверситет* когда кончил?), *амуниция → муниция*[26] (Пришла со всей своей *муницией*/два чемодана барахла притащила//). Следует заметить, что в начале слова обычно исчезает слог, составляемый одним лишь гласным, без пред-

[25] Русская разговорная речь, с. 99.

[26] "Восстановление" в данном примере "этимологического" лат. *munitio* (ср. польск. *amunicja*, служившее непосредственным источником русского слова), разумеется, не более чем курьёз.

шествующего согласного. Не исключено, что лицами, в речи которых отмечаются такие начальные усечения, те же слова, произносимые другими лицами нормально, воспринимаются как имеющие перед собою пазвук, факультативную вокалическую протезу. Реже отмечается отпадение начального слога со структурой "согласный + гласный": *туберкулез → беркулез, велосипед → лисопед* (с метатезой гласных в последующих слогах).

Характерно, что элиминируемый начальный слог не находится в непосредственной близости от ударного слога, между ними обычна дистанция в 1–2 слога.

Несколько реже встречается выпадение одного из с р е д и н н ы х с л о г о в: *мотоциклет → моциклет, регистратура → рестратура, индивидуальный → индидуальный.* Акцентологические условия падения слога в середине слова – такие же, как и в случаях с исчезновением начального: предшествование ударному слогу и дистантность по отношению к нему в 1–2 слога.

Механизм падения срединного слога, имеющего обычно структуру "согласный + гласный", состоит, по-видимому, в ослаблении артикуляции согласного между двумя безударными гласными до полного его исчезновения с последующим стяжением этих гласных (для слов типа *индидуальный* и *рестратура*) или в сильной редукции одного из безударных гласных с последующей ассимиляцией окружающих его согласных (для *моциклет*).

Сюда же следует включить случаи фонетического синкопирования типа *комбинезон → комбинзон* (Нам тогда новые *комбинзоны* выдавали//; Такие хорошенькие *комбинзончики* детские видела/денег не было купить хотела Ленкиной Анюте//, ср. *Робинзон*?), *стерилизовать, стерилизованный → стерлизовать, стерлизованный, мирабель → марбель* (Слива такая/ *марбель* называется//, с переносом гласной и отвердением предшествующего согласного).

Метатеза слогов

В ряде заимствованных слов наблюдается в произношении просторечных лиц взаимная перестановка слогов: *валидол → ливадол, метеорология → → метероология* [-ръалó-], *метереология* [-р'ьалó-]. Ср.: – Ветродуй какой-то. Как их там называют... *ме-те-ри-олог*, что ли?... – *Метеоролог*? – догадался я. – Ну да! Натощак и не выговоришь (Н. Волков, "Не дрогнет рука"). Это явление оказывается возможным в силу словообразовательной немотивированности заимствованной лексической единицы с точки зрения заимствовавшего языка, а тем более в языковом сознании носителя просторечия.

Беглые гласные в заимствованиях

В просторечии заимствованной лексике могут приписываться и некоторые особенности р у с с к о й м о р ф о н о л о г и и, как правило, не затрагивающие иноязычных слов в литературном языке. Речь идет прежде всего о незакономерном появлении в заимствованиях характерного для исконнорусских слов чередования гласных [е], [о] с нулем звука: *бюллетень*, но в косвенных падежах *бюллетня, бюллетню*, и т.д., мн.ч. *бюллетни, бюллетней* и т.д. (Вторую неделю сижу на *бюллетне*//); *валет*, но *вальта, вальтом*, мн.ч. *вальты* (У меня два *вальта*//; Крой *вальтом*//; *Вальты* еще не все вышли//); *шифер*, но *шифра* и т.д. (Сестра просила ей *шифру* достать//Сарай хочет перекрывать/дранка уже прогнила//).

Заимствованные слова, обладающие со словообразовательной точки зрения простой структурой, переходя из литературного языка в просторечие, могут словообразовательно усложняться. Принадлежащий корню сегмент

-ок в слове *брелок* осмысляется просторечно говорящими как суффикс и включается в систему чередований *о/* "нуль": род.п. *брелка*, дат.п. *брелку* и т.д. В отличие от этого случая, где происходит отталкивание от формы именительного падежа, в слове *бланк* ложносуффиксальный элемент находит опору в формах косвенных падежей: *бланка, бланку* → им.п. *бланок*, с дальнейшими уменьшительными *бланочек* муж.р., *бланочка* жен.р.

МОРФОЛОГИЯ

Заметные различия между литературным языком и просторечием в способах и результатах морфологического освоения иноязычных заимствований обнаруживаются по преимуществу в сфере грамматических категорий имени существительного. Это обстоятельство находит объяснение в том, что, во-первых, заимствование вызывается прежде всего потребностями номинации и основную долю заимствований составляет, являясь наиболее "номинативной" частью речи[27], как раз имя существительное. Во-вторых, морфологический уровень русского языка проницаем для иносистемных явлений (с которыми "борется" просторечие) в первую очередь в зоне субстантива. Просторечные отступления от нормы в области морфологии глагола и имени прилагательного не имеют прямого отношения к проблеме "заимствования в русском просторечии": глагол и прилагательное в русском языке как морфологические единицы всегда представляют собой в сущности собственно русские образования, поскольку в большинстве случаев в заимствованном глаголе или прилагательном заимствованием является только его корень, т.е. "неморфологическая" часть.

Категория рода

Некоторые просторечные отступления от норм, связанные с категорией рода, определяются "слабостью" одного из участков морфологической системы русского языка, которая выражается в совпадении формальных показателей рода у части имен существительных мужского и женского рода (оканчивающихся на мягкую или шипящую согласную) в именительном падеже. Заимствованные существительные, оканчивающиеся на мягкий согласный и в литературном языке относящиеся к мужскому роду, в просторечии могут изменять род и, соответственно, тип парадигмы склонения, на женский. Это почти исключительно имена с финалью *-ль*, передающей "среднеевропейское l": *рояль* (И на полу книги/ и под *роялью*/ везде//), *толь* (Крышу *толью* покрыли//), *тюль* (Пошила из *тюли* занавески//), *госпиталь* (Ну/ из *госпитали* вышел/ на фронт уже не попал//), *миндаль* (Вот эта *миндаль* розовым цветет//); в топонимах: *Симферополь* (Был тут один / приехал увез ее/ теперь за *Симферополью* гдей-то живут//), и под. Ср., однако, мужской род существительных *сандаль* (род.п. *сандаля*, мн. ч. *сандали*) из усеченного нормативного *сандалия* жен. р. (Это не твой *сандаль*?) и *туфель*.

Мена рода в направлении от мужского к женскому в приведенных примерах вызвана, по всей видимости, значительным преобладанием имен жен-

---

[27] Ср.: *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М., Наука, 1978, с. 45–46, 85–86; *Kuchař J.* К общей характеристике номинации. — Travaux linguistique de Prague, III, 1968, p. 96; Языковая номинация (Общие вопросы). М., Наука, 1977, с. 58.

ского рода среди существительных с шипящей и мягкой консонантной финалью[28].

Весьма часто в просторечии в имена среднего рода переходит существительное женского рода *фамилия* (→ *фамилие*: Как *твóе фамилие*?), во-первых, отождествляясь грамматически с существительными типа *изобилие, сухожилие,* и, во-вторых, по-видимому, под влиянием среднего рода существительных *имя* и *отчество,* с которыми оно часто бывает связано синтагматически.

Мена рода в других случаях связывается с семантизацией родовых различий: *стáтýя* жен. р. → *статýй* муж. р. 'идол, истукан' (по отношению к мужчине – с интенцией неодобрения): Стоит ровно *статýй*//; Ну что стал/ *статýй* чертов! (ср. с аналогичной семантикой существительные мужского рода *истукан, идол, болван*); *тигр* → *тигра* жен. р. (о женщине, в бранном употреблении): Она как *тигра* какая на меня бросилась//

Категория падежа

Наиболее ярко различия между литературным языком и просторечием в способах морфологической адаптации заимствованных слов проявляются в приобретении частью имен существительных, по нормам литературного языка лишенных форм словоизменения, способности склоняться: *пальто* (Не бегай без *пальта*/ простудишься//, Ты чё в *пальте* дома сидишь?), *кино* (Из *кина* поздно вернулись//), *метро* (Это щас быстро на *метрé* можно доехать/ а раньше токо автобусом/ целый час ехать//), *пианино* (Девка у них и на *пианине* играет и вообще//; Пылищи под *пианином*!), *бюро* (всем *бюром*), *дéпо* (в *депе* [д'и^{э}п'э́]), *ситро* (*Ситра* на дорогу что ли купили бы!), *харчо* (в столовой: Два *харчá*/ так/ и ... Ты что еще будешь?), *радио* (по *радиву*; Сидим без света и без *радива*//).

Приобретение склоняемости в ряде случаев бывает сопряжено с изменением рода: *алоэ* ср. р. → *алой* муж. р., *какао* ср. р. → *какава* жен. р. (примеры см. в параграфе об устранении зияний), *гестапо* ср. р. → *гестапа* жен. р. (С *гестапой* сотрудничал...).

Обращает на себя внимание непоследовательность процесса морфологической адаптации: в речи многих просторечных лиц одни и те же несклоняемые в норме имена существительные могут образовывать не все возможные падежные формы; ср. из записей речи одного лица: *под пианином* (твор. п.), но *играть на пианино* (предл. п.) вместо "закономерного" *на пианине*; у другого информанта: *два пальта,* но *(ходить) в пальто,* и под.

Категория числа

С наличием у имен существительных категории падежа теснейшим образом связано и наличие категории числа.

Появление в просторечии форм косвенных падежей в единственном числе у несклоняемых по норме имен существительных автоматически реализует возможность образования у них и форм множественного числа как в именительном, так и в косвенных падежах: *кино* ед. ч. → *кúна* мн. ч., род. п. *кин*, дат. п. *кúнам* (Ни черта не хочет делать/только знает по *кúнам* шляться//) и т.д.; *пальто* ед. ч. → *пóльта* мн. ч., род. п. *польт* (ср.: "Это,

---

[28] По данным "Обратного словаря русского языка", соотношение их таково: существительные м у ж с к о г о р о д а, оканчивающиеся буквами *ь* и *ж, ч, ш, щ* – 1901 слово, ж е н с к о г о р о д а с конечной буквой *ь* – 5144 слова (процентное соотношение – 27% : 73%).

говорит, каждый гражданин настрижет веревок — *польт* не напасешься'' — М. Зощенко, Баня) и т.д.

Другую группу несклоняемых в норме имен, приобретающих в просторечии способность склоняться во множественном числе, образуют заимствованные существительные, оканчивающиеся на *-и*, которое осмысляется как формальный показатель именительного падежа множественного числа: *бигуди* нескл. → *бигуди* мн. ч., род. п. *бигудей* и т.д. (Чуть прямо в *бигудях* на работу не побежала//), *иваси* нескл. → *иваси* мн.ч., род. п. *ивасей* и т.д. (Баночку *ивасей* что ли открыть?); *такси* (На *такси́х* раскатывают/ господа// Это ж никаких денег не хватит//), *ви́ски* (А мне *эти ви́ски* не нравятся/ водка лучше//; у Зощенко: "... понимал он даже, может, по-французскому и *виски иностранные* пил..." — "Великосветская история") и т.п. (ср. у Козьмы Пруткова: "Аглицкие девки, по обычаям той страны *ледя́ми* называемые...").

В ряде случаев имена существительные, употребляемые в литературном языке только в формах множественного числа (pluralia tantum), в просторечии переключаются в парадигму единственного числа: *нерв* 'нервы, нервная система' (Это у меня от *нерва*// Как понервничаю/ начинаются сразу боли/ спать не могу//), *алимент* 'алименты' (Лиза его нашла/ через суд *алимент* вытребовала// Четыре года платил как миленький//).

"Категория" собирательности

В разделе, посвящённом морфологической адаптации заимствованных слов в русском просторечии, целесообразно коснуться и случаев образования собирательных существительных, поскольку образование этих имен связано с таким переоформлением заимствований, которое затрагивает морфологические категории рода и числа.

Имеются в виду просторечные имена существительные женского рода на *-а* с собирательным значением, соотносительные в морфолого-словообразовательном отношении с нормативными существительными мужского рода или pluralia tantum: *консервы* → *консерва* (*Всякую консерву* накупили на зиму/ горошека (sic. — *А.Ж.*) там/ фасоль в банках/ еще чего-то//), *продукт, продукты* → *продукта* (У них *вся продукта* в доме из столовой/ в магазин почитай и не ходят/ только хлеб да молоко//), *фрукт, фрукты* → *фрукта* 'фрукты' (собират.) (ср. *овощь* жен. р. собират.: *всякая овощь*), *кадры* 'постоянный состав работников' → *кадра* (*Кадру* никудашную подобрали/ работать некому//); ср. также встречающиеся в разговорной речи лиц, владеющих литературным языком, *пики* 'пиковые карты' → *пика* (Идет *одна пика* / что ты будешь делать!), *трефы* → *трефа* (*Трефа* козырь//)[29].

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Размывание семантической структуры слова

Семантическое освоение иноязычных по происхождению слов часто представляет для носителя просторечия значительную трудность. Преимущественно аудиальные каналы получения информации, недостаточная определенность контекста, в котором впервые воспринято незнакомое слово, слабая осведомленность в обсуждаемой проблематике, зачастую также не-

[29] Существительные *пика* и *трефа*, помимо собирательной семантики, употребительны и в значении 'отдельная пиковая (resp. трефовая) карта'; Бей *пикой*//; Куда ж ты *трефой* пошел! (ср. аналогичные просторечные *че́рва, вина, бу́ба*).

достаточно развитое языковое чутье и ряд других обстоятельств служат причиной того, что в идиолектах просторечных лиц многие заимствования выступают в крайне неопределенном значении, с размытой и нечеткой семантической структурой, когда говорящему бывает ясна лишь самая общая семантическая отнесенность слова. В особенности это характерно для слов с отвлеченной семантикой, а также для слов, функционирование которых связано с развитием современной техники и научных исследований.

Ср., например, такие словоупотребления.

— Тоже без конца эти с *атомом* носятся! ('атомное оружие'? 'атомная энергия'? 'ядерные исследования'? 'угрозы применения ядерного оружия'?);

— (Пытаясь объяснить причины жаркого лета 1972 г.) Это все *космос*! ('влияние процессов, протекающих в космическом пространстве'? 'космические исследования и испытания'? 'полеты космических аппаратов'?); ср.: "— ... Откуда планеты, звезды и луна, если бога нет? Сын-то ничего такого не говорил — откуда, дескать, все сие окружающее? Не *химия* ли это? Припомни — не говорил он об этом? Дескать, все это *химия*, а? — Не говорил, — сказала Фекла, моргая глазами. — А может, и *химия*, — задумчиво сказал поп. — Может, матка, конечно, и бога нету — *химия* все..." (М. Зощенко, Исповедь);

— Ему говоришь-говоришь/ никакого *регламента*// ('результат'? 'внимание'? 'понимание'? 'смысл, прок'?);

— У вас там (в новой квартире. — *А.Ж.*) уже не будет такого *шедевра* чтобы книги разложить/ разместить// ('удобство'? 'простор, место'? 'благоприятные возможности'?);

— Я/ не собираюсь мешаться в их дела! Ты же знаешь что это для меня *непопулярно*// ('нехарактерно, несвойственно'? 'неинтересно'?);

— Люди высшего воспитания/ такие обходительные/ культурные/ и дети у них — высшая *цивилизация*//;

— У меня тоже свои требования// А если меня не устраивает то это уже не *романтично*// (?) и т.п.; ср.: "А хозяин держится *индифферентно* — перед рожей кулаками крутит" (М. Зощенко, Аристократка) ...

Следует подчеркнуть, что факты подобного рода не являются свидетельством и отражением каких-либо особых языковых семантических процессов, происходящих в просторечии, а демонстрируют лишь индивидуальные (идиолектные) особенности освоения книжной лексики носителями просторечия.

Редукция семантической структуры слова

При заимствовании многозначного слова из одного языка в другой обычно наблюдается сокращение его семантического объема. Актуальной для воспринимающего языка является в момент заимствования лишь часть значений, присущих слову в языке-источнике. Заимствованная лексическая единица, таким образом, существенно отличается по семантической структуре от своего иноязычного оригинала.

Этой хорошо известной закономерности вполне соответствуют и случаи перехода лексики (книжной и заимствованной) из кодифицированных языковых формаций в просторечие. Знакомые с иноязычным по происхождению словом преимущественно лишь из устного источника, многие носители просторечия усваивают только некоторые из его значений, обычно более конкретные, соотносимые с обиходно-бытовыми референтами. С утратой более общего значения место основного значения занимают вторичные и происходит значительная перестройка всей семантической структуры слова. Сужению семантического объема и перераспределению элементов смыс-

ловой структуры заимствованного слова способствует и его, как правило, словообразовательная изолированность, немотивированность с точки зрения русского языка.

Так, например, по нашим наблюдениям, в идиолектных семантических "системах" многих носителей просторечия отсутствуют значения 'категория, разряд, рубрика', 'степень, уровень чего-л.', а иногда и 'социальный стратум', у слова *класс* при сохранении более конкретных значений 'группа учеников одного года обучения', 'комната для занятий в школе' и т.п.; значения 'метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон и составных элементов', 'всесторонний разбор' у слова *анализ* при актуализации значения 'медико-химическое исследование выделений и продуктов секреторной деятельности организма' (*анализ мочи, сдать анализы* и под.); значения 'причина, повод к чему-л.', 'аргумент, довод в пользу чего-л.', 'простейший элемент сюжета' у слова *мотив* при сохранении значения 'мелодия, напев' и т.п. Ср. также отсутствие в идиолектах многих просторечных лиц существенных значений заимствованных слов типа *аппарат* ('совокупность органов, выполняющих некую функцию в организме', 'совокупность учреждений в какой-л. отрасли', 'совокупность сотрудников учреждения'), *дисциплина* ('учебный предмет'), *партия* ('составная часть партитуры, голос', 'одна игра (в шахматы и проч.)', определенное количество товара'), *синтетический* ('основанный на синтезе, совокупный, комплексный') и мн. др.

Невладение просторечным лицом некоторыми значениями многозначного заимствованного слова иногда приводит к курьезному непониманию собеседника: А. Нет/ у них там [на факультете экономической кибернетики. — *А.Ж.*] особые *дисциплины*// — Б. Ну это вот хорошо// Порядок должен быть/ а то вы молодые...

Русская беллетристика изобилует подобными примерами. Ср.:

— ... Худющая , как весенний грач.

— У меня *конституция* такая.

— *Конституция*? ... Вон у Бричкиной такая же *конституция*, как у нас у всех, а — в теле. Есть на что приятно поглядеть... (Б. Васильев, А зори здесь тихие...).

Семантические сдвиги

В просторечии нередки различного рода сдвиги в значениях иноязычных заимствований. Возникают они, как правило, в результате неверного понимания впервые встретившегося слова, неправильной оценки его семантики, причиной чему в свою очередь также могут быть, по-видимому, неоднозначность контекста, в котором встретилось или обратило на себя внимание данное слово, и нехватка у носителя просторечия рефлектирующего "металингвистического" чутья, для того чтобы скорректировать семантику нового для него слова при дальнейших столкновениях с ним.

Вот наиболее типические случаи: *квадратный* 'прямоугольный' (А. ... на столе лежит// — Б. Где/ на круглом? — А. Да нет/ на *квадратном*/ на кухне//,— явно имелся в виду удлиненной формы прямоугольный стол), *стих* 'стихотворение' (*Стих* учить задали//), *куплет* 'стихотворная строфа' (Стих учить задали// Длинный/ четыре *куплета*//), *автобиография* 'биография' (Расскажите вашу *автобиографию*//), *инициалы* 'имя и отчество' (*Инициалы* можете писать сокращенно//), *педагог* 'преподаватель' (... *педагог* по физкультуре...; в литературном языке прежде всего — 'воспитатель'). Ср. также: *персонально* 'самостоятельно, независимо от других, сам по себе' (А у них каждый *персонально*/ никто ни за кого не хочет

отвечать//), *лифт* 'эскалатор' (в толпе перед эскалатором: Пустили бы второй *лифт* наверх!; записано в Киеве), *юмор* 'шутка, острота' (Это *юмор*/ не обижайся//), *юморист* 'человек с ярко выраженным чувством юмора, записной весельчак' (Ну *юморист*! Как начнет загибать/ все подыхают//), *рифма* 'вдохновение, поэтическое настроение, "стих" ' (Нашло на него это... *рифма*//, ср. *стих нашел на кого-л.*), *капиталист* 'богач, крез, человек с большими материальными возможностями' (Что я тебе/ *капиталистка*/ каждый месяц ботинки новые покупать!), *диатез* 'сыпь, аллергическое покраснение кожи' (Все лицо в *диатезе*//), *кордебалет* 'беспорядок, бедлам' (Это чтой-то за *кордебалет* вы здесь устроили/ все вверх ногами//), *шансы* 'деньги, средства, "финансы" ' (без установки на игру, "метафору": Теперь будет ремонтировать его (трактор. — *А.Ж.*) за свой счет// Рублей триста выложит// Кабину достать можно/ были бы *шансы*//, с характерным жестом: потирание большим пальцем сложенных вместе указательного и среднего — "деньги"), *акробат* 'спортсмен-гимнаст' (глядя на экран телевизора, где показывают соревнования по спортивной гимнастике: Это чей же этот *акробат*? Китаец что ли?), *литература* 'начитанность, образованность' (А вот иногда письма она такие деловые напишет/ и-и *литературу* там проявит//) и т.п. Ср.: "... на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем то есть не разрешу постороннему чужому *персоналу* этими ежиками воспользоваться" (М. Зощенко, Нервные люди).

Многие подобные сдвиги носят метонимический характер: *нейтрон* 'нейтронная бомба' (Американцы бросят *нейтрон*/ люди помрут а дома останутся// А вот деревья/ трава там/ тоже останутся?), *абстракция* 'абстракционистская картина' (Это ты чего нарисовал? *Абстракцию какую-то*//), *консервация* 'консервы' (У них вся *консервация* там/ в подвале/ и томаты/ и огурцы/ и картошку держат//), *рахит* 'рахитик' (в бранном употреблении: Вот *рахит* чертов!), *анализы* 'то, что приготовлено для лабораторного анализа' (В поликлинике была/ *анализы* носила//) и мн. др.

Образование новых лексико-семантических (микро)парадигм

Испытывая внутрисловную семантическую перестройку, т.е. утрачивая одни значения и приобретая новые, заимствования в просторечии претерпевают и реорганизацию своих внешних связей, включаются в иные по сравнению с литературным языком семантико-парадигматические отношения с другими словами, иногда образуя устойчивые парадигматические пары и ряды (могущие, разумеется, включать помимо заимствованной и исконно русскую лексику), не отмеченные в кодифицированных языковых сферах.

Ср., например, довольно часто встречающиеся в просторечии лексико-семантические противопоставления: *календарь* 'табель-календарь': *численник* 'отрывной календарь' (Спрашивала в магазине/ *численников* нету// *Календарь* некрасивый//); *радио* 'однопрограммный радиорепродуктор': *приемник* 'сетевой радиоприемник или радиола' (*Радио* не работает/ а в *приемнике* я не понимаю/ там крутить надо//), *бокал* 'стеклянная (пивная) кружка': *кружка* 'алюминиевая или эмалированная кружка' (Почему вы называете *кружку бокалом*? — Ну! Это не *кружка*// *Кружка* железная/ а это *бокал*// Все говорят/ "пива *бокал*"// Это *бокал*!) и под.[30]

[30] Ср. противопоставления *сахар* 'кусковой рафинад': *песок*; *булка* 'белый хлеб': *хлеб* 'черный хлеб' и под., имеющие региональный характер (Ленинград и др.); *таз* 'оцинкованный таз': *чашка* 'эмалированный таз' в одних идиолектах просторечных лиц по сравнению с противопоставлением *таз* 'эмалированный таз': *шайка* 'оцинкованный таз' в других.

Ложноэтимологические сближения и преобразования

Заимствованные лексемы в просторечии очень часто подвергаются различным формальным преобразованиям, в основе которых лежит явление ложной ("народной") этимологии.

Рассмотрение приводимого ниже лексического материала в разделе, посвященном семантическим изменениям иноязычной лексики в просторечии, в большой степени условно, поскольку далеко не все примеры представляют собою образцы именно семантических трансформаций и переключений. Ложная семантическая ремотивация обнаруживается в сравнительно немногочисленных случаях формальной перестройки заимствованных лексем, ср. классические примеры *бульвар* → *гульвар* (по ассоциации с *гулять*), *пиджак* → *спинжак* (ср. *спина*; вероятно, через промежуточную ступень *пинжак*), *кооператив* → *куператив, купиратив* (ср. *купить*), *поликлиника* → *полуклиника,* осмысляемое как 'нестационарная (т.е. в каком-то отношении неполноценная, *полу-*) клиника' и т.п. Ср. из наших материалов: *аэрозоль* → *газороль* (ср. *газ*), *ото(рино)ларинголог* → *ухоляринголог* (ср. *ухо-горло-нос* 'врач- оториноларинголог').

В большинстве же случаев семантические сближения в явлениях ложной этимологизации не столь важны и явно уступают определяющую роль отождествлениям чисто формального свойства. Для говорящего (просторечного лица) часто несущественна семантика "мотивирующего" слова или морфемы, он лишь неосознанно относит формально преобразуемое слово к уже знакомой, "удобной" звуковой цепочке. В ложноэтимологических подстановках значение "не имеет значения", вполне достаточно оказывается лишь фонетического сходства. Бессознательно избавляясь от незнакомых фонетических последовательностей, говорящий своеобразно применяет принцип "бритвы Оккама" ("избегай умножения сущностей"), не расширяя своего морфемного и лексемного репертуара и достигая тем самым сокращения "кода" не в ущерб "тексту". В явлениях ложной этимологии, следовательно, несколько необычным образом проявляется "принцип экономии в языковых изменениях".

В ложноэтимологических преобразованиях иноязычных по происхождению слов можно выделить несколько самостоятельных рубрик, в зависимости от уровневого статуса лингвистической единицы, подвергающейся трансформации.

а) Ц е л ь н о л е к с е м н ы е з а м е н ы, основанные на "паронимическом" смещении созвучных самостоятельных слов: *алименты* → *элементы* (*Элементы* с него получаю//), *элемент* → *алимент* (Товарищи милиционеры/ вы найдете управу на этого уголовного *алимента*?!), *диетический* → *диабетический* (Суповой набор дают в *диабетическом* магазине//), *иллюминация* → *иллюстрация* (На Октябрьскую на зеленом доме лампочки повесили/ *иллюстрацию* устроили//), *амбулатория* → *лаборатория* (Ты с зубами своими не сиди/ пошел бы уже давно в *лаболаторию*//), *шампиньон* → *шпион* (*шпиён*)[31], *шафер* → *шофёр* (А *шофёром* ('свидетелем при регистрации брака'. — *А.Ж.*) у них Витя Домогацкий был//), *плафон* → *флакон* (В подвале свет сделали/ а там все *флаконы* ребята перебили/ опять темно//), *патиссон* → *патефон* (*Патефоны* в баночках продавали//"; возможно, что

---

[31] Замена, часто отмечаемая диалектными словарями, см.: *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей, т. I. Введение и словарь. Ярославль, 1961, с. 219; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, Наука, 1979, с. 599; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (дополнение), ч. II. Томск, 1975, с. 281.

данная номинация воспринимается информантом как метафорическая, ср. использование лексемы *граммофон* для метафорического обозначения цветков ряда растений), *менструация → демонстрация* (в последнем случае не исключены эвфемистические мотивы замены).

К рассматриваемому типу цельнолексемных замен, очевидно, не следует относить возникающие в попытках освоения специальной и книжной лексики явления случайного совпадения результатов просторечного преобразования иноязычных слов с реально существующими лексемами (хотя бы потому, что они вряд ли известны нашим информантам): *гемолитический* (из *гемолиз*) → *гомилетический* (ср. *гомилетика*), *стерилиз(ир)ованный → стилиз(ир)ованный* (А. А такого/ *стилизированного* бинтика у вас нету? — Б. *Стерильного* нет//) и под.

б) "А ф ф и к с а л ь н ы е" (л о ж н о а ф ф и к с а л ь н ы е) з а м е н ы, состоящие в субституции произвольно вычленяемого сегмента, находящегося в "пре-" или "пост"позиции к "корню", русским аффиксом или аффиксоподобным элементом: *постамент → подстамент* (ср. *подставка* и под.), *перипетия → перепития* (без шутливой установки: Из-за всех этих *перепи́тий* с билетами я последние дни на пляж и не ходила//), *перламутр → преламу́тр* (А я *преламутровый* лак достала//), *перспектива → переспектива, преспектива, пертурбация → перетурбация, пулóвер → полувéр, пропорция → поллорция* (пример см. в параграфе о диссимиляции согласных), *логопед → логопевт* (ср. *терапевт*) и др.

в) "К о р н е в ы е" з а м е н ы, имеющие дело с подстановкой на место корня или произвольного сегмента в малознакомом слове корневой морфемы, более привычной для информанта: *плексиглас → пластиглас* (ср. *пластмасса, пластик, пластилин*), *гарнизон → организон* (В *организоне* служит//, ср. *организация*), *вентилятор → вертилятор* (ср. *вертеть(ся)*, *вертолет*), *стипендия → стипенсия, стипензия* (*Стипензию* получаешь?, ср. *пенсия, пензия*), *автострада → автоэстрада* (Представьте/ едут две машины по *автоэстраде...*), *брудершафт → брудершарф* (Выпили на *брудершарф*/ Федор Маркович аж расплакался//, ср. *шарф*), *цитрамон → центромон* (ср. *центр*), *мушмула → худбола* (вспоминая с трудом: Ну как это... такая желтая/ с косточкой? *Худбола*!, ср. *футбол*), *гауптвахта → гупфакт* (На *гупфакте* отсидел//, ср. *факт*), *фолликулярный → фуникулярный* (*фуникулярная ангина*, ср. *фуникулёр*; пример найден в авторском (!) тексте в сочинении Юлиана Семенова "Семнадцать мгновений весны"; забавен он тем, что может быть буквально истолкован как 'ангина семенных канатиков"), *шербет → щербет* (ср. *щербатый*), *постамент → пустамент* (ср. *пустой*), *деликатесы → великатесы* (ср. *великий, великан*), *фрикадельки → крокодельки* (ср. *крокодил*), *крепдешин, креп-жоржет → кремдешин, кремжоржет* (ср. *крем, кремовый*), *шезлонг → жезлонка* (ср. *жезл*; одновременно осуществлен перевод существительного в женский род), *глобус → бомбус* (по свидетельству Н.Е. Ильиной, "в семье легендарного футболиста 30—40-х гг. Пеки Дементьева глобус на полном серьезе называли *бóмбусом*", ср. *бомба*), *псориаз → психориаз, ротвейлер → роквеллер* (*Роквеллеры...* — Как? — *Рóк-вéллер*/ сейчас этими собаками милиция пользуется/ на войне они были//, ср. *Рокфеллер*) и мн. др.

В особую группу выделяются случаи этимологически "правильных" замен малознакомого варианта корневой морфемы его более привычным этимологическим дублетом, заимствованным из иного языка: *нумерация → номерация* (Здесь откуда *номерация* идет?), *нафтизин → нефтизин, пансионат → пенсионат* (Вы в *пенсионате* или снимали?), *невропатолог → нервопатолог* (И к *нервопатологу* ходила/ *нервопатолог* на массаж послал//), *грейпфруты → грейфрукты, "Фрутолино" → фруктолин* и под.

Л.А. КАПАНАДЗЕ

СОВРЕМЕННАЯ ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА
(московское просторечие)

Современная просторечная лексика весьма неоднородна по своему составу. Прежде всего она несет на себе печать своего происхождения — еще в XIX в. просторечие было "языком городских масс, находившихся во взаимодействии с крестьянским языком"[1]. На самых нижних ступенях просторечной лексики находим такие лексемы, как *серчать, пущай, здря, черёд* (=очередь), *давеча, летось, хворать, пузо, хворый, акурат* (=точно), *дух* (= запах), *шибко, озябнуть, потрафить, маленько, одёжа, кажный, завтря, намедни, шитво́, справить* (пальто), *страсть* (=сильно, очень), *харчи, лапать, склизкий, серчать, хапать, рехнуться* и под.

Записи речи: 1. — Я маленько не поняла, гдей-то мы? 2. Мотри, ударисси. — А пущай. 3. Я прихожу, черёд стоит, в магазине опять ничё. 3. Что, сёдни Самсоны? Шесть недель дождь будет. 4. (о клюкве): В тот год не было, в запрошлый год не было... В прошлый год литровую банку набрала. 5. А то давеча говорю — совсем одубенели, ты озябла, нет? 6. Больно надо. 7. Как тебе эта шапка? — Не личит. 8 — Вертайся, аккурат и мужик твой явится. 9. Ох, и духовитый пирог мамка спекла!

Многие просторечные слова уже формой своей говорят о своем диалектном происхождении — *одеялко, назём, городьба* и под. Вот словоупотребление одной информантки, старой жительницы Москвы: — *всклянь* (налить чай всклянь = вровень с краями); картошка *"в шинелях"* (в мундире); *забельшить* (= засунуть), *вычемешивать* (= делать не тщательно). Все эти слова несут в себе южнорусскую окраску (и действительно, семья в начале века переселилась в Москву из южных областей России). Просторечие сохраняет архаические слова и обороты речи: ср. *числе́нник* (календарь), ср. характерные для носителей просторечия наименования разных монет и денежных купюр: *полтинник, пятиалтынный, гривенник, двухгривенный, красненькая, трешница, трешник, рублевка, сотняга, серебро, медь* и т.д.

Соответствие этому словоупотреблению в диалектах находим и в пристрастии просторечия к глагольным формам на *-ану*: *ломанул, грабанул, жиганул, чесанул, лизанул, маханул, свистанул* и т.д.

Просторечие часто сохраняет в семейном обиходе некоторые диалектные номинации: *выварка* (= бак для кипячения белья, южнорусское), *смородa, картоха, махра, туфель.*

Бесспорно, имеют в своей основе диалектное происхождение и характерные лексико-семантические просторечные варианты литературных слов. Например, употребление прилагательного *жирный* в значении 'сочный' и 'плодородный': — *Жирные* какие ромашки; *Жирные* листья; *Жирная* земля. Широко распространено слово "чашка" в значении 'миска': — Посуду в *чашке* помой.

Ср. также употребление слова *смирный* в значении 'скромный'; — Твой-то гуляет? — Не, он у меня *смирный.* Парень у меня *смирный,* ничего сам не просит.

Просторечная лексика иногда образует номинации, однородные со словообразовательной точки зрения (построенные по одному образцу) и не соотносительные с соответствующими лексемами литературного языка: — У меня есть мясо, есть и на *ва́рево,* и на *жа́рево* (ср. кодифицированное *суп, жаркое* ...). — Грибы-то набрали *на жа́рево* или *на ва́рево*?

---

[1] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Учпедгиз, М., с. 439.

Просторечная лексика дает широкую словообразовательную вариантность при недостаточной смысловой и стилистической дифференциации вариантов. И часто такой дифференциации нет вовсе[2].

Это явление хорошо иллюстрирует лексико-семантическая парадигма наименований грибов в языке кодифицированном и просторечии:

КЛЯ	Просторечие	КЛЯ	Просторечие
Подберезовик	*Березовый* *Березовик* *Подберезовый* *Обабок*	*Поддубовик*	*Дубовый* *Дубовик* *Дубовник* *Моховик* *Поддубник*
Подосиновик	*Осиновый* *Подосиновый* *Красненький* *Красный* *Красняк* *Красячок* *Красничок*	*Волнушка*	*Волвянка* *Волвёнка*
		Свинушка	*Дунька* *Брюзглик* *Шлюпик* *Свинуха*
		Белый гриб	*Боровой* *Боровик* *Беляк* *Белый*

Характерны в просторечии слова-обращения: — *мамаша, папаша, папаня, маманя, батя;* и такие обращения, распространившиеся в Москве в последние годы, как *женщина*! *мужчина*! Ср. также: *Митрич, Фомич, Сергеич, Пална, Петровна* в функции обращений.

Распространены в просторечии притяжательные прилагательные *мой, твой, ваша, наш* в значении 'муж', 'сестра', 'сын': — *Ваш-то* заболел? Не видать; — *Твой-то* не ходит?; — *Ваша-то* на работу вышла?

В современном просторечии широко распространены тавтологические словосочетания типа *в марте месяце, в феврале месяце, пять рублей денег, сто рублей денег* и под.

Говоря о лексико-семантических особенностях современного просторечия, нельзя не учитывать своеобразия просторечных клише, устойчивых стереотипов речи. Так, просторечно-говорящие не спросят — сколько ему лет?, но скажут: — *Он с какого года? Ты сам-то с какого года?*

Для просторечного словоупотребления характерно совмещение пространственно-временных отношений в слове: — *Где-то* в районе восьми часов; — *Что-то* семь рублей; *Что-нибудь* в конце декабря; *Что-нибудь* в начале недели и т.п.

Одна из ярких черт современного просторечия — соединение вульгарно-грубой речи с мещанski слащавой в пределах одного текста. С одной стороны, употребляются такие слова, как *рожа, морда, жрать, лопать, дрыхать*; с другой стороны — *маслице, курочка, ветчинка, колбаска, яички, рыбка, мучка, одеялко.* Гиперкоррекция речи — самая распространенная черта просторечного обихода. Ср. также деминутивы от единиц, которые объективно не должны бы терпеть уменьшительности: *неделька, часик* (*часок*), *десяточка*, — "так как по своей семантике они обозначают строго отмеренные количественные отрезки"[3].

---

[2] По отношению к фактам другой эпохи об этом см.: *Князькова Г.П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., Наука, 1974, с. 111.

[3] *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., "Международные отношения", 1979, с. 239.

Для русского просторечия характерно именно такое выражение вежливости: — У вас *двушечки* нет! Приготовьте *документики.* Можно взять *щеточку? Одеколончик? Височки* прямые?[4]

Некоторые гиперкорректические слова укореняются в просторечии. Таково слово "садик" вместо сад, детский сад. Гиперкорристические слова прихотливо чередуются с гробианизмами, вульгаризмами, пейоративами разного рода. Для современного просторечия характерно прямое называние всех физиологических отправлений, даже по отношению к ребенку (что запрещено этикетом в речи кодифицированной).

Одна из ветвей современного просторечия — мещанские эвфемизмы: *отдыхать* (= спать), *кушать* (= есть), *уважать* (= любить), *обожать* (=любить): — Ваш Петька-то *отдыхает* днем, нет?; Я ветчинку *обожаю*; — Нет, я *уважаю* больше мясо. Ср. также: *выражаться* (= ругаться), *закладывать* (= выпивать).

Нельзя не отметить того очевидного факта, что современное просторечие черпает слова также из книжной бюрократической речи, из номенклатурных обозначений. Ср. *подъехать, подсказать, жилплощадь, спортинвентарь, зона отдыха* и под.: — К пяти я *подъеду* к вам; Что ж вы ему *не подсказали,* как ему в баню-то повернуть?; — Это моя *жилплощадь,* я и ремонт в запрошлом годе провернула; — Мы в *зоне отдыха* были, и эта *зона отдыха* больно грязная; Я им *дал указание* мне взять папирос.

Ср. также *писáться* в значении 'записываться': — Что, здесь на заказы *пишутся*?

Одну из ступеней современной просторечной лексической "лестницы" составляет жаргонное словоупотребление, и прежде всего — молодежный жаргон. Ср. *выступать, попилить* (= пойти), *хилять, ловить кайф, балдеть, по-черному, подсуетиться,водило* (= водитель, в обращении) и т.п. "непластичные" новообразования. Жаргонизмы настолько стремительно обновляются, что "самоновейшие" из них, по справедливому замечанию Т.Г. Винокур, "остаются за пределами общего экспрессивного использования"[5].

Черпает современное просторечие и из профессиональных языков. Широко распространены *пошить, шитво, пошив.* Ср. также *антисанитария, тбц* и под.

Объединяя все, что говорилось здесь о просторечной лексике, мы выстроим лестницу, ступени которой займут лексические единицы, пришедшие из разных сфер языка, — здесь встретим диалектизмы, жаргонизмы, профессионализмы, "канцелярит" и даже номенклатурные обозначения. Современное просторечие — необычайно пестрое явление, в нем получают распространение самые неожиданные языковые аномалии, из самых неожиданных источников, и существование и одновременное сосуществование разнородных языковых явлений в пределах городского просторечия поддержано тем, что эта лексическая "общность" не является системой и не образует регулярных лексико-семантических рядов. Просторечие не поддается кодификаторской деятельности и живет своей обособленной и немного таинственной жизнью (об этой жизни, вероятно, много горького могут рассказать специалисты по культуре речи, которые тратят неимоверное количество сил на искоренение сакраментального "кто крайний?" или какого-нибудь магазинного "завесить").

Просторечные слова, генетически разнородные, составляют самый ниж-

---

[4] Примеры В.Д. Девкин. (Указ. соч., с. 239—240).

[5] *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., Наука, 1980, с. 27.

ний стилистический ярус языка. Введение этих слов в литературную речь требует каждый раз особой мотивировки[6].

Употребление просторечных слов осуществляется безотчетно человеком, незнакомым со стилистическими нормами языка, в других же случаях сниженность просторечия используется как средство особо сильного усиления признака (просторечные слова "возводят разговорность в квадрат"[7]), либо говорящий шутит, подражает кому-то, стилизует чужую речь и т.д.

Некоторые лексемы выступают в роли своеобразных лакмусовых бумажек речи, их употребление говорит о тяготении к просторечию: таковы *гардероб* вместо "шкаф", *салфетка* вместо "скатерть", *гулять* вместо "праздновать", *лучше* вместо "больше" и др. Вероятно, можно составить небольшой словарь, единицы которого могли бы выступать в качестве показателя того, что говорящий не владеет нормами литературного языка.

Просторечие часто развивает значение, не свойственное этому слову в литературном языке. Например, *правильный* в значении "имеющий силу закона": — Документ *правильный*? Справка у меня *правильная*. И ордер выдали *правильный*, все чин-чинарем. Ср. жаргонное *правильная деваха, правильный парень* с другим семантическим наполнением прилагательного.

В иных случаях просторечная лексика дает словообразовательные отличия от литературного языка. Примером могут служить слова с суффиксом *-ина* без указания на единичность предмета: *котлетина, помидорина, омлетина*. Ср.: Ну, морда малый! Икра с минтая, нет, орет. Чего надо? Кладу *котлетину*. Жрать захочешь, съешь.

Другим убедительным, как нам кажется, примером несоответствий просторечных и литературных норм могут служить имена существительные на *-ач*. В литературном языке эта экспрессивная модель непродуктивна, в просторечии же не только распространена, но и дает многочисленные неологизмы. Ср.: *носач, пузач, трепач, ловкач, целкач* (от целковый), а также *хохмач, трюкач, космач, портач, фирмач* (представитель фирмы). Модель эта, как указывает А.А. Реформатский, жива, и в современном языке появляется на поверхности именно в просторечии, профессиональных языках, жаргонах[8]. Для литературного языка речь идет о реальности модели, для просторечия — о его продуктивности. Но таких "чистых" параллелей в нашей картотеке немного. Чаще мы имеем дело с несимметричными словообразовательными отношениями.

При анализе просторечного словаря, по крайней мере в большей, чем в РР, степени, исследователь сталкивается с такими свойствами просторечной лексики, как пестрота словарного состава, сопротивление включению в упорядоченные отношения, противоречивость[9].

Если коллоквиальным единицам РР с суфф. *-ка, -ака, -ловка* свойственна определенная специализация значения, которая ведет к образованию определенных лексико-семантических парадигм, то в просторечии мы не находим такой специализации значений, лексемы образуются по разным словообразовательным моделям. Хорошим примером могут служить наз-

---

[6] См. об этом: *Панов М.В.* Русский язык. "Языки народов СССР", Том. 1, М., Наука", 1966, с. 109.

[7] *Панов М.В.* Указ. соч., с. 109.

[8] *Реформатский А.А.* Существительные на *-ач* в русском языке. — В кн.: Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии, М., Наука, 1979, с. 94—99.

[9] По отношению к лексическому составу РР об этом писал В.Д. Девкин ("Немецкая разговорная речь", "Международные отношения", М., 1979, с. 155 и далее).

вания орудий от глаголов конкретного физического действия, имеющих орудийную валентность: *отжималка, надувалка, резалка, стиралка* и под.[10]. В просторечии же здесь возможны варианты: *отжимало; резак — резун — резалка — резало* и т.д.

Разнородность словарного состава современного русского просторечия не дает возможности (по крайней мере, на данном этапе изучения) выявить какие-то характерные тематические серии или же дать единые параметры для тех или иных предметных объединений. Наиболее общие признаки просторечия — это малая часть отвлеченной лексики в просторечном словаре и большое количество экспрессивных слов и оценочных образований.

Приведем некоторые примеры: — Ну и *психанула* же я! Цельный день роют, я *психанула* и в ЖЭК, так и так; Девка у меня *чумовая*, с работы летит, ни поесть, ни прибраться...; До чего *оборзели*, в складе нет, в магазине нет. Бывало *облаят*, а мне что? — *Окрысились*! Ср. также характерную просторечную фразеологизацию: — *С лица* он ничего, красивый; *Время есть*, нет? Ты *в отпуску был, нет*?

Как говорилось выше (см. статью "Современное городское просторечие и литературный язык" в наст. сб.), современная просторечная лексика включает в себя единицы разноплановые — лексику "старшего" и "младшего" периода.

Словарь представителей старшего поколения москвичей отражает лексику городского просторечия в том объеме, в каком она была представлена к началу XX в. Ср. глагольные обозначения: *стращать, стрямить, пужать, скидать* (одежду, обувь), *пособить* (*пособлять*), *похужеть, владать, пущать*, а также возвратные *нагинаться, управиться, постираться, отпразноваться*.

В расшифровках магнитофонных записей:

— *Не стращали, не пужали*, сами *пособлять* ходили; все сами; Ты чё ее *стрямишь*? Погода *похужела*, я вчерась еще говорила; Чем *нагинаться* лишний раз, ты лучше бы ящик там подставила; Я жильцов тогда *пущала*, коечников; *скидавай* одежку-то, *разоболокайся*!

Лексика "младшего периода" представлена в современном просторечии такими единицами, как *поправиться* ('прибавить в весе'), *оформить* ('официально зарегистрировать брак'), *получка* (зарплата), *принять* (эвфемизм — о водке), *организовать* (организуй закуску), *сообразить* (сообрази нам пообедать) и т.п.

Отсутствие нормативных установок в просторечии ведет к тому, что в этой сфере речи не встает вопрос о возможности/ невозможности сочетать друг с другом языковые единицы, и поэтому слова, пришедшие в просторечие из разных языковых областей — диалектов, жаргонов, профессиональных арго, сосуществуют здесь естественно и закономерно. Этот вывод в первую очередь приходит на ум при анализе текстов современного городского просторечия.

В заключение хотелось бы сказать о том, что изучение современного просторечного словаря только начинается. Лингвисты всегда стремились дать оценку фактам нелитературного словоупотребления и не всегда были объективны в простой фиксации просторечных фактов. Но для языковеда не должно быть ничего "низкого" в языке, "тьма низких истин" — это для эстетов, а мы должны быть не только толкователями языковых явлений, но еще и просто собирателями языковых фактов, коллекционерами.

---

[10] См. об этом: *Морозова Т.С.* Разговорная речь как сфера реализации возможностей системы словообразования. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1978, 9 вып., с. 52.

О.П. ЕРМАКОВА

НОМИНАЦИИ В ПРОСТОРЕЧИИ

При изучении лексических номинаций[1] в просторечии определенную трудность представляет некоторая зыбкость границ между литературной и нелитературной лексикой. Неоднократно отмечалось, что любые границы в лексике гораздо менее тверды и определенны, чем на других уровнях языка[2].

Изучение лексических номинаций в просторечии осложняется и тем, что не всегда представляется возможным точно определить, имеем ли мы дело с явлением просторечия или проявлением плохого вкуса носителя литературного языка, поскольку именно в лексике обнаруживаются многие человеческие черты, которые могут быть свойственны всем носителям языка: вежливость — невежливость, грубость, бестактность, приторная любезность, сюсюканье, чопорность, развязность, сухость, эмоциональность, экстравагантность и т.д.

Просторечная лексика традиционно определялась как лексика сниженная, имеющая окраску грубоватости. В "Словаре-справочнике лингвистических терминов" Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой в качестве примеров просторечной лексики приводятся слова: *башка, дохлятина, забулдыга, образина, пузо; замызганный, каковский, муторный, толсторожий; втемяшиться, дрыхнуть, зашиться, облапошить, рехнуться, хапать; вовнутрь, давеча, завсегда, напополам, отродясь*[3].

Можно с уверенностью сказать, что за исключением наречий (но они-то как раз не имеют окраски грубоватости) все приведенные выше слова современный интеллигентный человек может употребить в разговорной речи и никем они при этом не воспринимаются как инородные внелитературные явления. В то же время приводимые в той же статье формы (*инженера́*) и ударения (*мо́лодежь, средства́, хозяева́*, ср. также *сто́ляр, мага́зин*) и др. грамотно говорящий человек не допускает и употребление таких форм и ударений вызывает у слушателя соответствующую реакцию.

Таким образом, к просторечным явлениям в области морфологии, с одной стороны, и в области лексики — с другой, современные лингвисты относят неравноценные факты и, очевидно, выделяют их на основе разных критериев: к морфологическим явлениям просторечия относят формообразование, не соответствующее нормам литературного языка, к лексическим — слова с окраской грубоватости, сниженности.

Морфологические явления — очень сильные сигналы владения или невладения нормами литературного языка. Употребление форм *хочут, побёг, красивше* без установки на шутку достаточно определенно свидетельствует, что говорящий не владеет нормами литературного языка или владеет ими лишь отчасти. Существуют ли такие показатели в области лексики?

На наш взгля́д, существуют, но противопоставление литературной и просторечной лексики осуществляется в настоящее время не по шкале грубости. Иначе говоря, употребление почти любого грубого слова или выражения с оценочным значением в современном языке не является показателем того, что перед нами носитель просторечия.

---

[1] Номинации, как известно, могут быть представлены и словосочетаниями и конструкциями, формально совпадающими с предложениями. В нашей статье, кроме лексических номинаций, будут рассмотрены также фразеологизмы.

[2] *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., Просвещение, 1977, с. 17.

[3] *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., Просвещение, 1976, с. 345.

Грубая лексика, выражающая отрицательную оценку, хотя и осознается как нелитературная, вполне может быть употреблена носителями литературного языка. В то же время собственно просторечные выражения положительной оценки, ласки — носителем литературного языка, как правило, не употребляются. Ср. *кровиночка моя, роднуля, дорогуша, сыночка, милок, милуша, сладкий мой*[4] и т.д. Ср. также слова *папка* и *мамка*, которые в интеллигентных семьях не употребляются.

Довольно определенно свидетельствуют о том, что говорящий — носитель просторечия, многие слова и выражения, имеющие чисто номинативный характер. Некоторые примеры.

Существительные: *скатерка, приступки* (порог, ступеньки), *хозяин, хозяйка* (в значении 'муж', 'жена': дети уехали, живем вдвоем с *хозяйкой*); *мужик* в значении 'муж' (а где ее *мужи́к* работает?); *цвет* в значении 'цветок' (на окне такой *цвет* красивый в банке); *дух* в значении 'запах' (устарелое); *мамка, папка* (про мать и отца в разговоре с ребенком: а где *мамка-то* твоя?); *борода* в значении 'подбородок'; больница — в значении 'поликлиника'; *получка* — 'зарплата', *квиток* — 'квитанция', *крести, ви́ни, бу́би* — масти в картах; *мужчина, женщина* в функции обращения и др.

Прилагательные: *раскрытый* — 'без шапки'; *склизкий, хворый; здоровый* ('большой'), *деловой* с отрицательным значением. Это слово в просторечии сейчас имеет неодобрительное значение, но не отчетливо ругательное. Например, в ответ на замечание, совет и т.п.: Ишь ты, *деловая* какая! Сама прошла бы (в троллейбусе). Или: Чего собаку дразнишь? *Деловой* какой нашелся; *культурный* в значении 'вежливый', *самостоятельный* в значении положительной оценки лица: Он тихий такой, *самостоятельный;* Он же *самостоятельный* у нее, не пьет, не курит.

Глаголы: *вертаться; прижить* (ребенка); *народилась* (дочка); *приболеть; помогнуть; оскользнуться, признать* ('узнать'), *схоронить* ('спрятать'); *блудить* (в значении 'блуждать'), *проблудить* (в лесу) 'проплутать'; *гулять с кем-н., от кого* ('изменять кому-то', а также 'праздновать' — за столом уже *гуляли*), *выглядывать* (она хорошо *выглядывает*), *уважать* (картошку, яблоки), *сильно обожать* (я эту песню *не сильно обожаю*).

Наречия: *издаля, загодя, с устатку, вскорости, задаром;* местоименные — *туды, куды, откудова* и др.

Предикативы: *А мне ни к чему* ('я не заметила'), *я без понятия, он без внимания, мне это без надобности.*

Конечно, не следует делать вывод, что употребление одного или даже нескольких из приведенных слов уже определяет речь говорящего как просторечную[5], кроме того, и среди них есть сигналы разной силы; например, слово *получка,* очевидно, менее "обличает" носителя просторечия, чем, скажем, обращение *мужчина* или глагол *уважать* в применении к пище. Но именно эту лексику можно поставить в один ряд с *хочут* и *побёг,* а не оценочные номинации типа *образина* и *забулдыга.*

Отметим, что определенная категория номинаций занимает промежуточное положение между литературной разговорной речью и просторечием. Она составляет разряд слов, одинаково употребительных и в просторечии, и в литературной разговорной речи.

---

[4] Выражение *сладкий мой* (*моя*) в применении к ребенку приходится иногда слышать и в речи весьма образованных людей, но это не убеждает в его литературности.

[5] Известно, что некоторые слова, оцениваемые как нелитературные, люди вынесли из детства под влиянием семьи, двора, школы и т.д.; хотя в целом речь этих людей соответствует литературным нормам, отдельные инородные слова они могут не замечать или, даже замечая и правильно оценивая, все-таки употреблять.

Это прежде всего производные слова-конденсаты типа *бетонка, попутка, продленка, мусорка* (мусорная машина или какая-то емкость для мусора — ящик, бак и т.д.).

Признавая, что современное просторечие в целом не образует особую языковую систему, а просторечная лексика соответственно не образует подсистему, попытаемся охарактеризовать некоторые общие особенности номинаций в просторечии. Отметим, что эти особенности проявляются как непоследовательные и часто противоречивые тенденции. Выражаются они в склонности к определенным явлениям или в отсутствии тех или иных черт, характерных для лексики и фразеологии литературного языка. Некоторые тенденции в просторечии будут общими с тенденциями в разговорной речи, но охватывают другой круг лексических единиц:

1. Устранение ограничений в сочетаемости по денотату. Это выражается в основном в расширении сочетаемости переходных глаголов с названиями объектов: *уважать* не только *кого,* но и *что* — яблоки, щи, картошку, предмет, изучаемый в школе (он математику не сильно *уважает*); *крошить* не только то, что крошится, но и лук, помидоры и т.п.: *покроши* луку в салат[6]. Ср. также *положить масла* (в еду) применительно к жидкому растительному маслу.

Для просторечия характерно иное, чем в литературном языке, разграничение предметов еды и питья, что ведет к неполному различению глаголов *есть* и *пить* (а также соответствующих им грубых и других синонимов). Ср.: Он целый день водку *жрет; Поешь* молочка; Я коту даю молоко *кушать,* а он не кушает[7].

2. Отсутствие фразеологически связанных значений.

3. Склонность к универсальным оценкам, определителям степени проявления действия, признака. В литературном языке этим определителям соответствуют сложные синонимические ряды с различными ограничениями в сочетаемости, жанровом употреблении и т.д. Универсальность выражается в снятии ограничений в сфере лексической сочетаемости. В современном просторечии активизируется глагольный определитель *крепко.* В литературном языке это слово сочетается с некоторыми глаголами (*спать, целовать* и др.). В просторечии оно употребляется при глаголах самых разных семантических групп: *Стукнулся* он *крепко;* За эти годы он *крепко* поседел; *Выпил* он *крепко;* Тут я *крепко не уверен;* Ему *крепко не везет;* Да, *продуло его крепко*[8].

В качестве универсального оценочного выражения в современном просторечии широко употребляется также фразеологизм *будь здоров.* В отличие от *крепко* оно характеризуется и грамматической универсальностью. Фразеологическое выражение *будь здоров* в просторечии не имеет четкой грамматической характеристики. Оно может употребляться как определитель степени при глаголе: Он свое дело знает *будь здоров;* Врать любит — *будь здоров* и т.д. Но не менее часто употребляется как предикат при

---

[6] Ср.: Алла как раз заканчивала *крошить* огурцы для холодного борща (Нева, 1981, 5).

[7] При этом, естественно, не бывает употребления глагола *пить* по отношению к нежидкой пище. Широкое употребление в просторечии глагола *покушать* может быть обусловлено также особым, свойственным ему за пределами литературного языка значением 'попробовать': У меня такое вино получилось из кружовника! Ты вот *покушай, покушай.*

[8] У Достоевского, как известно, наблюдается расширение сочетаемости определителя *очень.* Нередки примеры типа: Мы *очень* поцеловались (Подросток), но это не значит, что наречие *очень* вытесняет в его речи все другие определители, их очень много и при других глаголах, и при глаголе *поцеловаться.*

В просторечии, как и в жаргонах, в отличие от литературного языка существует склонность к сокращению синонимического ряда.

существительном: Он малый гулящий, но девка тоже *будь здоров;* встречается также в сочетании *будь здоров какой* (*хитрый, наглый* и т.д.): Он *будь здоров какой деловой* или (чаще): Он знаешь *какой деловой — будь здоров.*

Ср. также употребление этого выражения с количественным значением: Да, соли там *будь здоров.*

Ограничения в лексической сочетаемости этого выражения наблюдаются только по отношению к прилагательным. Не говорят: Она добрая (красивая, умная) — *будь здоров.* Обычно выражение *будь здоров* присоединяется к прилагательным, называющим не столь положительные свойства.

Не вполне однозначно определяется в разных синтаксических позициях и лексическое значение этого фразеологизма. В положении определителя признакового слова (глагола, прилагательного) оно имеет обобщенное значение степени. В позиции сказуемого (девка тоже *будь здоров*) это выражение включает значение признака, названного в контексте, и одновременно указывает на его высокую степень.

В сочетании с глаголом в форме инфинитива выражение *будь здоров* синонимично сочетанию модального глагола с определителем степени: Врать он *будь здоров*! (=умеет хорошо).

Слова *симпатичный, шикарный, исключительный, оригинальный* используются как выражение положительной оценки в применении к любым предметам: Похороны были *шикарные;* Мясо на витрине такое *симпатичное,* а вы продаете не знамо что; У нее тогда один летчик был. *Исключительный!;* У нее фигура такая *оригинальная:* ничего лишнего; Портниха о платье: Очень *оригинальное* платьице. Я много таких сшила, на всех хорошо сидят, и на полных и на худых[9].

Как правило, в речи одного лица используется преимущественно одно из приведенных слов. Один из наших информантов использовал только слово *исключительный,* другой — *шикарный.* И в просторечии, и в литературной разговорной речи сейчас широко используется прилагательное *нормальный* и производное от него наречие *нормально* для выражения сдержанной положительной оценки.

Л.А. Капанадзе отмечает, что в разговорной литературной речи слово *нормальный* имеет обобщенное значение и выступает как немаркированный член противопоставления. Она пишет: «Во всех этих примерах слово *нормальный* выступает не в привычном значении "обычный, соответствующий норме", а в несколько смещенном, и выявить в точности это значение можно, лишь противопоставляя ему маркированный член оппозиции:

нормальный — с башнями и колоннами,
нормальный — непричесанный,
нормальный — низкий и т.д.»[10].

Примеры, на наш взгляд, свидетельствуют, что при всей разности значения основу его составляет положительная оценка.

В просторечии слова *нормальный* и *нормально* употребляются шире,

[9] Ср. употребление этого слова в XIX в.: Она очень *оригинальна,* — промолвил Владимир Сергеевич сквозь зубы. — А что это в ваших устах, в устах положительных людей, похвала? — Не думаю... (И.С. Тургенев, Затишье). Пример взят из книги: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980, с. 68.

[10] Ср. ее примеры: Ну конечно/ это же старые дома/ там потолки *нормальные;* Прическу мне надо сделать// Но ты же *нормальная*// Да? Я *нормальная?//;* И там с этими башнями и колоннами рядом/ во втором ряду/ *нормальные* дома стоят приятно смотреть//; Какая книга бестолковая! Да? А мне показалось *нормальная*// (Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973 с. 455—456).

чем: в РР, отличия в значении и контекстах здесь довольно тонкие[11]. Вот некоторые примеры: Суп вкусный? *Нормальный;* Ну, как они тебя встретили? Обрадовались? *Нормально;* Выпил он, видать, *нормально:* еле стоит; Врезал он ему *нормально,* ну и за дело.

В последних двух случаях слово *нормально* употребляется со значением высокой степени проявления действия, что совсем не свойственно литературному языку.

Довольно широко распространено в современном просторечии употребление слова *аккуратно* в значениях 'осторожно' и 'умеренно' в приложении к разным действиям: Вы бы уж *поаккуратней* ездили (на мотоцикле); Ты там смотри, *аккуратнее* будь, ни с кем не связывайся; Пейте-то *аккуратнее,* напиваться не надо.

В просторечии существует и универсальное сравнение, не имеющее конкретного содержания, но выражающее отчетливо отрицательную оценку. Это довольно новое, но уже очень распространенное употребление оборота *как этот* (*эта, это, эти*) без существительного при местоимении. Вот записи речи с этим условным сравнением. В троллейбусе: Ну, что, бабка, выходишь, нет? Колготишься, *как все равно это*; Пройдите вперед! Стала, *как эта* (или *это*); Я ей говорю: выйди, погуляй. Нет, сидит целый день, как *эта* (*это?*) (из рассказа информанта 60 л., образование 8 кл.).

4. Отсутствие "пустых клеток" в функциональных наименованиях, в обращениях к незнакомым.

Неоднократно отмечалось, что в русском литературном языке нет нейтральных обращений к незнакомым людям[12]. Это создает определенное напряжение в условиях, вынуждающих обратиться к незнакомым. В просторечии это напряжение преодолевается использованием обращений, не принятых в литературном языке. Наиболее распространены сейчас два обращения, всего несколько лет функционирующие в городском просторечии — *женщина* и (более позднее) *мужчина*[13]. Остановимся на некоторых особенностях просторечных обращений.

Женщина! Так обращаются на улице, в магазине, в автобусе (троллейбусе и т.д.) к лицам, возраст которых, по мнению говорящего, не соответствует обращению *девушка.* Обращаются так и женщины и мужчины, до недавнего времени чаще такое обращение было свойственно женщинам. Некоторое время (может быть, отчасти и сейчас) оно имело социальные ограничения: продавщицы, парикмахерши обращались к покупательницам, клиенткам с учетом возраста словом *женщина,* а продавщиц вне зависимости от возраста называли *девушками.* Сейчас эти различия менее заметны: словом *женщина* называют и клиентку, и обслуживающую, хотя обращение *девушка* не исключается.

Обращение *мужчина* до сих пор в основном свойственно женщинам, мужчина к мужчине обращается словами *друг, парень, мужик, дед, отец, папаша, шеф, начальник.* Последнее имеет несколько жаргонную окраску, но наблюдается при шутливом и фамильярном обращении мужчины к мужчине. Лишь раза два нам приходилось слышать обращение *мужчина* и из уст мужчины, т.е. пока это явление нетипично.

---

[11] Ср. стилизацию в песне В. Высоцкого: "Живи себе нормальненько, есть повод веселиться: ведь, может быть, в начальника душа твоя вселится" (Песня о переселении душ). См. также примеры стилистического использования слов *нормальный* и *нормально* в кн.: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц, с. 61—62.

[12] *Гольдин В.Е.* Этикет и речь. Саратов 1978; *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979 и др.

[13] Первоначально эти обращения появились на юге России и в небольших городах.

Употребление в качестве обращений к незнакомым терминов родства в просторечии носит избирательный характер. Представителями старшего поколения употребляются по отношению к лицам моложе их обращения *дочка, сынок.* Мужчины могут употреблять по отношению к лицу примерно того же возраста обращение *брат* или *браток,* но никогда — *сестра* или *сестрица.* По отношению к людям старше себя используют слова *отец, папаша, дед, дедуля, мать, мамаша, бабка, бабушка, бабуля.* Слово *бабка* употребляется и по отношению к лицу, близкому по возрасту к говорящему. Женщины также не употребляют обращений *сестра, сестрица,* но они не используют и обращения *брат*[14].

Реакция на разные виды просторечных обращений, как правило, не стандартна. Неоднократно нам приходилось наблюдать взаимное непонимание общающихся: реакция обиды со стороны того, к кому обращаются, отнюдь не предполагается тем, кто обращается, поскольку для него обращение нейтрально или даже исполнено доброжелательности.

Вот пример разговора в магазине. К женщине средних лет обращается женщина помоложе: *"Бабуля,* вы за кем стоите?" Та быстро и резко отвечает: "За дедулей" (никакого "дедули" в очереди нет вообще). Первая с недоумением: "Я же вас серьезно спрашиваю. Что, ответить трудно?" Нередко обращение вызывает откровенное возмущение: "Какая я вам *мамаша?".*

Особый вид обращений, не принятых в литературном языке и встречающихся не очень часто в языке города, составляют обращения к женщине *гражданочка* и *дамочка.* Последнее употребляют некоторые мужчины — продавцы или отдельные торгующие на рынке мужчины и женщины. Это обращение — некий рецидив мещанского жаргона 30-х годов.

Обращение *гражданочка* встречается сейчас не очень часто в речи разных лиц и, очевидно, воспринимается носителями просторечия просто как менее официальное по сравнению с *гражданка.* Ср.: Если человек лежит, я никогда мимо не пройду. Обязательно подойду, посмотрю. Если мужчина — скажу: Эй, друг, если женщина — *гражданочка,* что с вами? (Из рассказа одного жителя г. Баку).

Отсутствие "пустых клеток" в просторечии можно проиллюстрировать и другим примером. В просторечии, как правило, не обходятся без наименования предмета. Там, где определенного обозначения в литературном языке нет, в просторечии предмет обозначают словом, закрепленным за другим предметом, в чем-то сходным с "безымянным". Так рождается употребление *батон* или *палка колбасы* (о вареной колбасе). Слово *круг* применительно к тонкой колбасе в современном просторечии ряда городов не употребляется, оно заменилось словом *коляска.*

Таким образом, очевидно, что для современного просторечия "пустые клетки" не характерны не только в формообразовании, но и в других сферах языка. "Пустоты", напряженность — все это явления, тесно связанные с понятием нормы и потому свойственные только литературному языку.

5. Бóльшая, чем в литературном языке, склонность выражения отношения к человеку через отношение к предметам, с ним связанным, к его

---

[14] Употребление типа *ты, брат, не трусь,* возможное в разговоре с мальчиком, взрослым и даже женщиной, совсем иного характера: это не обращение с целью привлечь внимание незнакомого человека, а выражение дружеского отношения в процессе продолжения разговора. Ср. рассказ о русской учительнице, работавшей в таджикском селе: Старшие называли ее "дочкой", молодые "сестрой", дети — "учительницей". А все жители кишлака были в ее устах "отец", "брат", "сестра", "сын мой", "дочь моя" (Правда, 24 июля 1981 г.).

вещам. Это проявляется: 1) в характере вторичных оценочных значений, в направлении переносов, 2) в функции уменьшительных слов.

1) В связи с рассматриваемой тенденцией остановимся кратко на общей характеристике многозначности в просторечии.

В просторечии очень много метафор. Очень много именных, среди них подавляющее большинство — существительные.

В отличие от литературного языка в просторечии довольно много вторичных образных обозначений частей человеческого тела. Все это — отрицательные характеристики, которыми часто заменяются соответствующие составные номинации "оценочное прилагательное + существительное". Некоторые примеры:

кумпол *котелок* *балда* *черепок* *тыква*	голова	*костыли* *ходули* *шасси*	ноги; что *ходули* расставил? (в троллейбусе)
		колеса *фары*	
будка *вывеска*	лицо	*прожектора* *шары*	глаза
пасть *хлеборезка*	рот	*паяльник* *руль* *рубильник*	нос
крюки *рычаги* *грабли*	руки[15]	*штукатурка* *шпаклевка*	краска, косметика на лице женщины

Очень распространены в речи горожанина образные пренебрежительные наименования машин и мотоциклов (*драндулет, железяка, таратайка, тарахтелка, телега, колымага, корыто, гроб* и др.). Они являются общими для носителей просторечия и людей, владеющих литературным языком. То же относится к образным наименованиям дорожных знаков — *кирпич* и др.

Номинации типа *драндулет* нередко используются в просторечии для выражения неприязненного отношения к владельцу машины или мотоцикла: Тут люди с детями купаются, а ты свою *телегу* моешь; Убери из-под окна свою *таратайку.* Это говорится о весьма респектабельных машинах "Жигули". Иное употребление: владелец новой машины называет свою старую *колымагой* или *телегой* для выражения отношения непосредственно к машине: Ту *колымагу* я, бывало, пока раскочегарю, а это враз заводится. Здесь нет переадресованности отношения, оценки.

Как показывает материал, источник метафор в речи носителя просторечия — названия механизмов или их частей в первую очередь. Образное использование названий из области животного и растительного мира (по общеязыковой, а не просторечной модели) ограничено уже известными словами (*змея, корова, жук, свинья, лопух, репей* и т.д.). Новых номинаций по этой модели просторечие не поставляет.

В просторечии действует семантическая модель, которой совсем нет в литературном языке: метафорическое использование названий болезней для характеристик лица (резко отрицательных и грубых): *холера, чума,*

---

[15] Ср. использование этого просторечного употребления в языке художественной литературы: Посмотри на мои *грабли*... Он посмотрел и говорит: "Не тоскуй. Ведь сильные, значит, красивые". Иногда смеется: "Ну-ка, покажи, проверим твои руки на грубость" (Звезда, 1967, 6).

проказа, язва (даже *чесотка*) и неконкретизированное *зараза*. Отмечены также *нарыв, прыщ, чирий*[16]. Ср.: Во *нарыв-то, чистый нарыв:* и тянет, и дергает (говорится о человеке в поезде).

В литературной разговорной речи нам приходилось встречать шутливое, фамильярное употребление названий болезней для обозначения лиц. Например (приятельнице по телефону): Ну ты */ангина/* как живешь?; Ну что там *дистония-то/* спит?; Где опять этот *склероз?*

Эти обозначения носят метонимический характер. Перенос наименования происходит по одному семантическому типу: 'болезнь' → 'тот, кто ею болен'. Семантика каждого такого названия отчетливо конкретна, индивидуальна[17].

Приведенные выше просторечные метафоры не обладают отчетливой семантикой, в них есть общее для всех неконкретизированное значение — резко отрицательной и неприязненной оценки лица.

Заметим, что законы синтаксического функционирования слов в связи с их значениями едины для всех сфер языка: *холера* и *чума* в оценочных значениях так же синтаксически ограничены в просторечии, как и *хитрец* в литературном языке.

В просторечии широко распространено образное обозначение вин и водки. Среди таких обозначений есть метафоры, полученные путем чистого переноса, и производные слова, возникшие на основе метафорической мотивации. Ср. *самосвал, блондинка* ('водка'); *червивка, бормотуха* — 'дешевое красное вино', *сушняк, сухарь* — 'сухое вино'. Не обычен для литературного языка один вид функционального переноса, встречающегося в просторечии: употребление слов *банка, мензурка* в значении 'стакан', *пузырек* — в значении 'бутылка вина или водки'. Не обычно для функциональных переносов сохранение при этом исходной понятийной категории: емкость называется именем другой емкости. Как правило, при функциональных переносах семантическая группа изменяется: ср. *дворник, полотер* (лицо — механизм), *перо* (у птицы — у ручки), *крыло* (птицы — самолета) и т.д.

Очень характерно для современного просторечия расширение значения у слов, называющих и другие функционально близкие предметы. Так, *сумкой* может быть названо все, в чем переносят или перевозят вещи, продукты, в том числе рюкзак и чемодан: Да вы поставьте *сумки-то* на пол, чего держать (в поезде, о чемоданах); Мы вечно с *сумками,* я уж с етой так и привыкла (говорит женщина, у которой самодельный рюкзак). *Сеткой* называют любую сумку из ткани. Слово *селедка* нередко используется для обозначения разной другой соленой рыбы — скумбрии, ставриды, сардинеллы, мойвы, салаки. Сплошь и рядом в магазине можно услышать: *Дочка, свешай мне одну вот такую селедочку* (указывая на одну из названных рыб).

Объясняется это явление социальными причинами: некоторые виды рыб появились в магазинах сравнительно недавно, названия их, не всегда отчетливо написанные, для старых малограмотных людей новы и не запоминаются, традиционное же представление, что соленая

---

[16] Ср. в языке художественной литературы: Вон отсюда, *болесть злая!* Тут Иванушка, рыдая, поплелся на сеновал, где конек его лежал (Ершов, Конек-горбунок); Уберите от меня эту *чесотку,* а то я его пришибу (*Чивилихин,* Елки-моталки).

[17] Эти метонимические номинации соперничают с другими фамильярными названиями лиц по свойственной им или приписываемой болезни — с производными суффиксальными существительными типа *склеротик, шизик* (шизофреник), *тубик* (туберкулезник) и др.

рыба — это прежде всего селедка, обусловливает заменительную номинацию[18].

С этим вполне уживается другая тенденция.

У некоторой части малообразованного населения замечается стремление к употреблению в обычной речи номенклатурных наименований промышленных товаров, главным образом, предметов быта, мебели, одежды, обуви, украшений: *блузон, перстень* (не кольцо), потому что в номенклатуре ювелирных магазинов точно различаются кольца и перстни (кольца с камнями), хотя в литературной речи слово *кольцо* было издавна более широким названием и перстень мог также называться этим словом. Ср. также *пуло́вер,* который превращается в *полувёр, светильник, стенка, полусофа, сушуары, субпродукты.* Надо заметить, что среди носителей просторечия это не свойственно, как правило, старшему поколению, но характерно для городских жителей среднего и молодого возраста, не вполне усвоивших нормы литературного языка.

В русском языке существует модель включения словом со значением емкости значения определенного содержимого в соответствующем объеме. Ср. устарелое *шкалик* со значением 'стаканчик водки в объеме 1/100 ведра'. Аналогично употребляются слова *четвертинка, поллитра.* Без указания на содержимое эти слова значили и значат только: 'бутылка водки емкостью в четверть литра', 'бутылка водки емкостью в поллитра'. В настоящее время наиболее распространено в просторечии аналогичное употребление слова *бутылка* со значением 'поллитра водки': послать (сходить) за *бутылкой,* он пришел с *бутылкой*[19].

В современном просторечии можно отметить лишь некоторые явления из области синекдохи: употребление слов *лоб — морда* для обозначения людей (стоят там *пять лбов,* а толку чуть), а также — *плешь, лысина* в значении 'голова': *Он мне всю плешь проел* (*прогрыз*) может говорить человек с густой шевелюрой.

2) Функции уменьшительных имен.

В различных пособиях по культуре речи неоднократно отмечалось, что неоправданное употребление существительных с суффиксами уменьшительности — одна из форм порчи литературного языка[20]. С этим нельзя не согласиться. В то же время не так легко установить, когда немотивированное употребление уменьшительных форм существительных — черта просторечия, а когда — проявление плохого вкуса или даже свойства характера (сюсюканье возможно в разных формах)[21].

Естественно, что в случаях типа *стишок* (*расскажи стишок*) простореч-

---

[18] Надо сказать, что именно в этой области гастрономии у многих людей нет отчетливого различения названия рыбы и способа ее приготовления. Что такое *сардины* — вид рыбы или название способа ее изготовления? *Шпроты* — рыба или способ изготовления? Неясность поддерживается тем, что некоторые номенклатурные названия могут повергнуть в недоумение любого человека. Что, например, должно обозначать название "С а р д и н ы из с е л ь д и иваси", которое напечатано на этикетках консервных банок?

О заменительных номинациях в разговорной речи см.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 456.

[19] Слово *бутылка* определенно не значит 'четверть литра водки', но не совсем ясно, применяется ли это слово к водке или вину в объеме 0,75 л.

[20] См., например: *Тимофеев Б.Н.* Правильно ли мы говорим? Л., 1963, с. 41—42.

[21] Мне не раз приходилось встречаться с людьми, которые от излишней любезности используют такие слова в изобилии. Один из них — учитель, другой — инженер, третий — врач. В речи первого без конца можно слышать — *пиджачок надел; палец* (порезанный) *сначала одеколончиком,* потой *йодиком* помазал; *огурчики* посадил; *билетики* купил (на поезд, в кино) и т.д.

ную окраску имеет не столько уменьшительная форма, сколько значение слова, не свойственное ему в литературном языке.

Есть и собственно просторечные образования — *пальтушка, полотенчик, скатерка, одеялка, помидорка, браток, мандаринка, дорогуша, роднуля* и др. Но в общем таких образований немного.

В то же время есть уменьшительные образования, которые почти любой носитель литературного языка определит как просторечные именно из-за их уменьшительности. Ср. высказывания: Он небольшого *ростику* (или *росточка*); *Со свиданьицем!; Пивка* бы выпить!; Папе *на работку* надо; Пустите женщину *с ребеночком!* Вчера я видел, как "Москвич" в самосвал врезался. Мы *с дружком* стояли как раз на углу. *Слущок* это пустили, или правда, что тебе квартиру дают?[22]

До последних лет было лишь принадлежностью просторечия употребление *детский садик* (или просто *садик* в этом значении) и *ясельки*[23]. Однако в последнее время употребление этих слов встречается и в речи образованных людей.

Возникает вопрос: устанавливается ли принадлежность к просторечию у тех или иных уменьшительных форм списком или ее как-то можно мотивировать. Отчасти, видимо, можно на основе некоторых языковых и внеязыковых признаков.

В современном русском языке можно выделить несколько групп слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами по их функциям в речи.

1) Слова, называющие предметы, никак не вызывающие соответствующих эмоций, в разговоре с незнакомым человеком. Это употребление в сфере обслуживания для выражения уважения к клиенту или продавцу. Ср.: *Височки* побрить? *Одеколончиком* опрыскать? *Коньячок* заказываете? *Гарнирчик* какой будем?

2) Слова, употребляемые в разговоре с ребенком или о ребенке, но называющие то, что находится вне его: Ему три *годика;* Она еще *в ясельки* ходит, в старшую группу; Возьми его *на ручки. У* мамы *ножки* болят; Папе надо *на работку* идти. Он нам *денежки* принесет, Мы Виталику *конфеточку* купим[24].

В разговоре с ребенком части его тела, одежду называют уменьшительными словами очень многие образованные люди. Даже те, кто теоретически против злоупотребления такими словами, начинают говорить *головка, ручки, носик, сапожки* и т.д. Однако носители литературного языка, как правило, не выражают чувство нежности к ребенку употреблением уменьшительных существительных по отношению к себе или другим взрослым.

3) Слова, называющие органы тела человека, а также болезни — в речи врача, медсестры и др. Для выражения сочувствия, участия к больному: Покажите *язычок* (*горлышко* и т.д). Что, *сердечко* пошаливает? Это вы *гриппок* подхватили. В таких контекстах нередко принимают уменьшительную форму и названия других предметов: *на сквознячке* посидели; *баноч-*

---

[22] Ср. у В. Высоцкого: Сегодня в нашей комплексной бригаде прошел *слушок* о бале-маскараде; Иду *с дружком,* они стоят...

[23] Теперь так иногда уже и пишут: Меняют место в детском *садике-яслях* в Ильгюжемсе на место *в садике* в районе станции Брама или Межпарке (Рекламное приложение к вечерней газете "Ригас балсс", 27 авг. 1981 г). Ср., однако: Меняю место в детском саду на ул. Терешковас на место в детском саду на ул. Внестура, Лашу, в Саркандаугаве (Та же газета, 20 авг. 1981 г).

[24] Подробно явление переключения сем в деминутивах рассматривается в кн.: *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979, с. 238–243.

ки вам поставим; *таблеточки* принимайте регулярно[25]. Отмеченные тенденции не всегда одинаково проявляются у носителей просторечия в зависимости от пола и возраста.

Дифференциация по полу в использовании номинации, по нашим наблюдениям, проявляется главным образом у представителей среднего поколения. Наиболее определенно половая дифференциация у носителей просторечия наблюдается в сфере обращений. Как уже отмечалось, современное нелитературное обращение *Мужчина!* — пока встречается почти исключительно у женщин, да и обращение *Женщина!* наблюдается преимущественно в речи женщин. Для женщин не характерны обращения *шеф, мужик, браток* и некоторые другие. Обращения *мамаша, папаша, мать* более характерны для молодых мужчин. Преимущественно "мужским" является фразеологическое выражение *дать прикурить,* употребление слова *дружок* в значении "приятель мужчины".

Возрастная дифференциация проявляется в просторечии на всех уровнях. Довольно ярко обнаруживается она и в области номинаций.

С некоторой долей приблизительности можно выделить среди носителей просторечия две возрастные группы, различающиеся по употреблению отдельных номинаций: до 60 и после. В речи старшей возрастной группы встречаются некоторые слова, характерные для так называемого старого просторечия: *туды, отсюдова, охальник, хворый, кликать, дух* (в значении 'запах'), *барышня* в значениях 'молодая девушка', 'девушка, за которой кто-то ухаживает (его барышня)', 'незамужняя женщина' (Марья-то у нас *барышня*), обращение *гражданочка* и употребление этого слова в номинативных функциях (*Я* вон за той *гражданочкой* стояла). В речи людей этого возраста нами не встречено обращение *мужчина.*

Эта категория людей, как правило, не употребляет современную просторечную фразеологию, очень характерную для речи молодежи и людей среднего поколения[26].

Речь более молодых носителей просторечия сближается с современным молодежным жаргоном и не всегда отличается в употреблении некоторых фразеологизмов от речи носителей литературного языка: *рога обломать, выпасть в осадок, вешать кому-то лапшу на уши* ('обманывать кого-то'), *пудрить* (или *компостировать*) *мозги* ('водить за нос'), *раздавить бутылку, уговорить бутылку* ('выпить'), *налить шары* ('напиться'), *разинуть варежку* ('кричать', 'ругаться'), вариант менее употребительный — *разинуть хлеборезку,* соотносительное с этими выражениями — *закрой варежку* (преимущественно в форме повелительного наклонения), *дать прикурить* ('задать кому-то'), *раскатать нос* ('нацелиться на что-то'), *забивать козла* ('играть в домино'), *во дает,* выражение *будь здоров* со значением 'здорово', распространившееся в нелитературной городской речи приблизительно в 40-е годы XX в. (не раньше, а возможно и позже)[27].

---

[25] Как типичную особенность речи некоторых врачей такое употребление уменьшительных существительных не раз отмечали писатели. Ср., например: Ну, что? Мы захворали немножко? Посмотрим, сейчас посмотрим. Ну-с, покажите наш *язычок. Язычок* нехорош. *Желудочек-то* у нас, должно быть, не в порядке? А мы его возьмем да и очистим, этот самый *желудочек,* чтобы он не шалил. *Микстурку* ему пропишем сладенькую (Куприн, Доктор). Примеры такого употребления из современной литературной разговорной речи см. в кн.: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь, лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979, с. 124.

[26] По нашим наблюдениям, в современном просторечии полностью отсутствуют фразеологизмы, отмеченные в толковых словарях как разговорные, просторечные или разговорно-просторечные: *бить баклуши, дать тягу, дать стрекача, подыря гонять, лазаря петь, кричать во всю ивановскую* и т.д.

[27] В повести П. Нилина "Жестокость" герой говорит: Он тайгу знает *будь здоров.* Думаю, что это анахронизм: в 20-х годах так не говорили.

Т.С. МОРОЗОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРОСТОРЕЧИИ

В нашей статье внимание будет сосредоточено на тех синтаксических особенностях, которые отличают просторечие как от кодифицированного литературного языка (далее сокращенно: КЛЯ[1]), так и от литературной разговорной речи (далее: РР), т. е. на тех явлениях, которые составляют специфику просторечия. Исследуется синтаксическая структура предикативных конструкций и словосочетаний. Основная задача: 1) определить, отличается ли просторечие от литературного языка набором единиц — синтаксических конструкций; 2) проследить, как функционируют в просторечии конструкции, представленные и в литературном языке. Специальный аспект наших наблюдений касается "освоения книжности", использования КЛЯ носителями просторечия.

I

СПЕЦИФИЧЕСКИ ПРОСТОРЕЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

В просторечии существует целый ряд синтаксических конструкций, не представленных в литературном языке.

I. Предикатное употребление полных страдательных причастий со значением перфекта. Возможны два случая: причастие употребляется с нулевой связкой (*обед приготовленный уже*) и со связкой *быть* в форме прошедшего времени (А краска для пола/ заранее *была припасенная* / зимой еще купила//). Однако, по нашим материалам, первый случай имеет более широкое распространение.

1) А. А как с билетами? Б. Билеты *купленные* уже/ на 19-е//; Поехали на рынок а он *закрытый* уже//; У тебя уже окна *вымытые*?//; Пол *вымытый*/ ужин *сготовленный*//; Он ведь по лимиту *прописанный*/ как же он говорит/ на другую работу?//; Опять у тебя цветы *неполитые*//; Холодильник/ што/ *отключенный*?//; Штой-то у тебя шкафы все *открытые*/ проветриваешь штоль?//; Ну вот потолок *побеленный*/ теперь только стены оклеить//; У нас пол *покрашенный*/ у тети Лизы мы пока ('живем, находимся') //

2) Материальчик-то давно был *купленный*/ еще тетя Валя//; Билеты/ билеты заранее *заказанные были*//; Молоко вчера *было купленное*/ не скисло?/ попробуй//; Книги по почте ему *были присланные*/ "книга почтой"/ знаете наверно//; Дверь *была закрытая* /а я ну никак не могу ключ найти/ ну что будешь делать!//

Конструкции с полными страдательными причастиями прошедшего времени в роли сказуемого не свойственны ни КЛЯ, ни РР[2]. Носителями литературного языка они воспринимаются как грубая неправильность. В литературном языке этим конструкциям соответствуют конструкции с к р а т к и м причастием или глаголом в форме прошедшего времени, ср.: *билеты куплены; билеты купили уже.*

Рассмотренная синтаксическая особенность характерна не только для городского просторечия, но и для диалектной речи, однако территориальной

---

[1] О понятиях КЛЯ и РР и их соотношении см.: Русская разговорная речь. М., Наука, 1973; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., Наука, 1981.

[2] Аналогичные конструкции с полными прилагательными употребительны в РР, подробнее см. об этом ниже.

локализации это явление не имеет[3] и поэтому не может быть охарактеризовано как черта специфически диалектная.

2. Предикативное употребление деепричастных форм. В просторечии имеется особый класс деепричастных форм, не свойственных литературному языку: это формы на *-мши, -вши*[4]. Наиболее часто встречаются такие: *выпимши* ('немного пьян'), *не емши* ('голодный'), *не спамши, обумши, разумши* ('босиком'), *раздемши* ('без верхней одежды'), *одемши* ('в пальто'), *раскрымши* ('с непокрытой головой, без шапки или платка'), *не сказамши, не спросимши, не мывши* (*я не мывши вторую неделю*), *не выспамши*. Все эти образования употребляются и с суффиксом *-вши*. Деепричастия от возвратных глаголов в просторечии употребляются обычно без *-ся*. Многие из приведенных единиц имеют фразеологическую семантику[5] (по сравнению с семантикой исходных глаголов); в большинстве случаев наблюдается включение объекта в значение деепричастной формы. Так, например, в словах *раскрымши* — имеется в виду голова, а не руки или плечи; *выпимши* — вино, водка, но не чай; *раздемши* — без верхней одежды (без пальто, куртки, плаща), а не без одежды вообще:

Тут приехал *выпимши*//; Заспешила-заспешила/ ушла *не емши*//; Прохладно ведь/ а Оленька *раскрымши* побежала//; А ты давай *разумши*/ песочек теплый//; Что ж убежала *не сказамши*?; Зачем взяла *не спросимши*? Кто разрешил?; Так *не спамши* и поехала/ как она там?

Если в КЛЯ деепричастие как грамматическая категория призвана передавать в предложении то или иное отношение обозначаемого действия ко времени действия, обозначенного главным предикатом (предшествование, одновременность, следование), то в просторечии эта функция деепричастных форм в значительной степени ослаблена; они выполняют скорее качественно-характеризующую функцию. В этом отношении просторечие сближается с РР. В РР также не наблюдается временных отношений между деепричастными формами и предикатом[6]. Е.В. Красильникова показывает, что деепричастие как глагольная форма, специализировавшаяся на синтаксической функции обозначения зависимой предикации, отсутствует в системе русской разговорной речи. Деепричастные формы, употребляющиеся в РР, интерпретируются как наречия деепричастного вида в функции обстоятельства образа действия[7].

В современном русском литературном языке (как в КЛЯ, так и в РР) деепричастия не выступают в роли сказуемого[8], для просторечия же типично предикативное употребление деепричастных форм.

Наиболее распространен случай, когда деепричастные формы в роли предиката семантически аналогичны краткому прилагательному: Сегодня дети

---

[3] См.: Русская диалектология. М., Высшая школа, 1972, с. 217—218.

[4] Просторечный характер этих форм отмечался многими исследователями. См. об этом, например: *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи. Изд. 2, Пг., 1915, с. 339; *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, с. 260; Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис. М., 1954, с. 489; Русская разговорная речь, с. 173—174. — Анализ конструкций с деепричастными формами см. также: *Земская Е.А., Китайгородская М.В.* Наблюдения над просторечной морфологией. — Наст. сб., с. 85—86.

[5] Это может свидетельствовать о том, что рассматриваемые единицы представляют собой явление словообразования, а не формообразования. См., об этом также: *Земская Е.А., Китайгородская М.В.* Указ. соч.

[6] См.: Русская разговорная речь, гл. Морфология (автор *Е.В. Красильникова*), с. 168—177.

[7] Там же, с. 174—175.

[8] См. об этом, например: Грамматика русского языка, 1954, т. II, Синтаксис. с. 467; Русская грамматика, т. II, Синтаксис. М., Наука, 1980, с. 459; Русская разговорная речь, с. 174.

не емши не спамши/ весь день кувырком//; Две ночи *не спамши*/ устал//; Я *раскрымши*/ тепло!//; Они *пообедамши*/ мам/ пусть гуляют//; Ты что *разумши*?//; Да он *выпимши*/ не видишь что ли?//; А я давай скорей ванну готовить/ три недели ребятки *не мывши*//; Ты что же/ *раздевши*?/ ой/ девка простудишься/ тока болела//; Ты же *не умывши*/ куда садишься (за стол)?; Квартира-то *освободивши*/ можете въезжать//

Реже встречаются случаи, когда деепричастная форма в роли предиката имеет значение п е р ф е к т а, например: Валя-то ночью *приехавши*// ('ночью приехала'); Да он токо *пришедши*/ минуточку как ('только что пришел')//; А. А Лена где/ спит еще?// Б. *Проснувши* тока-тока// ('проснулась только что'); (смотрят новое платье) А. Руки помой/ а то маркое// Б. Да я токо *помывши*/ чистые//; А. В отпуск-то пойдете/ Мария Васильевна?// Б. Да я токо *отдохнумши*/ в домотдыхе была десять дней/да вот к сыну ездила//

Таким образом, единицы, выступающие в литературном языке в функции вторичной предикации, в полупредикации (полные причастия и деепричастия), в просторечии выступают в функции основной предикации.

3. Инфинитив в препозиции или постпозиции к корреляту-местоимению *оно*. В системе РР широко распространены конструкции с существительным в именительном падеже в препозиции к корреляту (местоимению или существительному, лексически тождественному субстантиву в им. п.) типа: *Оля/ она в лагере до первого*//; *Картошка/ картошки у нас нет*//[9]

Для просторечия характерен особый тип расчлененности темы высказывания — в препозиции к корреляту выступает и н ф и н и т и в, в качестве коррелята употребляется местоимение среднего рода *оно*: А *работать/ оно* идти надо было//; *Жениться/ оно* рановато ему/ успеет/ правда ведь?; *Учиться/ оно* дело хорошее/ пусть учится//; А я говорю/ *отдыхать/ оно* и дома можно/ а то все ездиет-ездиет кудай-то/ деньги сорит//; *Лечиться/ оно* тоже время требует/ с ее работой-то не очень-то//

Конструкции с местоимением *оно* употребляются и с распространителем при инфинитиве: *Ребенка нянчить/ оно* уж трудновато мне/ руки болят/ говорю/ "сами там уж исправляйтесь/ не могу/ руки болят"//; *На музыку ездить/ оно* ведь провожать надо/ а кто у нас будет? Встречаются высказывания с эллипсисом в препозиции к корреляту *оно*: *Без детей/ оно* не привычно как-то/ думаю скорей бы уж приезжали// ('б ы т ь без детей'); *На даче-то/ оно* хорошо в такую жару// ('б ы т ь, ж и т ь на даче').

Инфинитив может занимать и постпозицию к корреляту *оно*, однако такие случаи менее распространены: *Оно любить надо/ с детьми-то работать*//; *Оно выгоднее получается/ на рынке покупать на зиму* (картошку) / меньше гниет//; *Оно делов-то скоко наверно/ собаку-то иметь*//. По нашим материалам, встречается только д и с т а н т н а я постпозиция инфинитива. Эти построения семантически аналогичны конструкциям с именительным падежом в постпозиции к корреляту, свойственным РР (типа *Она пачкается/ эта ручка*); они характеризуются как конструкции с так называемым "обещающим местоимением" (Л.А. Булаховский), которое уточняется постпозитивным интонационно отдаленным именительным падежом[10].

4. Связанная подчинительная конструкция, включающая модальную частицу *никогда* и союз *чтобы* (*чтоб*): *Он никогда/ чтоб кого-то обидеть/* такой мальчик хороший//

Субъект главного высказывания может совпадать с субъектом зависимого, и тогда в последнем обычно употребляется глагол в форме инфинитива,

---

[9] Анализ таких конструкций см.: Русская разговорная речь, с. 242—245.

[10] Там же, с. 244—245.

реже — в спрягаемой форме: А *она никогда/ чтоб работу не выполнить/* ночь просидит а сделает//; А отец-то/ *он никогда/ чтоб с детьми погулять/* все у телевизора//; А *я никогда/ чтоб денег ходить занимать у кого/* поскромнее/ да на свои денежки живу//; *Продавщица там новая приятная/ никогда/ чтобы/ нагрубила кому//*; *А у моей муж/ никогда чтоб с зарплаты пропить там скоко-то/* все домой несет//

Субъект главного высказывания не совпадает с субъектом зависимого: А *я никогда/ чтоб мне кто-нибудь давал тарелку супу/* я и есть не буду/ я лучше сама себе водичку приготовлю//; А наша *Оля никогда/ чтоб ей помогал кто уроки делать/* с первого класса все сама//; Шурочка такая старательная/ *она никогда/ чтоб ее работой кто был недоволен/* и все к ней/ все к ней печатать несут/ понимаете//; А *мои никогда/ чтоб два раза им повторяли/* так воспитала//

В литературном языке рассмотренным конструкциям соответствуют конструкции двух типов: 1) *Никто никогда не писал об этом*; 2) *Чтоб мне не дали/ такого* (*этого*) *не бывает никогда* и без местоимения-"скрепы": *Чтоб мне не дали/ не бывает никогда.* Конструкции второго типа употребительны преимущественно в РР.

5. Конструкции с местоимением *никто.* В просторечии местоимение *никто* выступает в конструкции: существительное (субстантивированное прилагательное, причастие) или личное местоимение употребляется в форме именительного падежа (находятся в постпозиции), глагол согласуется по числу не с местоимением *никто*, а с существительным или его функциональным заместителем — употребляется в форме множественного числа: *Никто они меня не гонят* в этом отношении ('не торопят') //; В вашем цеху/*никто женщины/* в колхоз *не поехали*?; На праздники *никто родные не приезжали*?; *Никто вы не нужны ему*//. Ср. конструкции РР с существительным в препозиции к *никто*: *Девочки никто/ про меня не спрашивали*?; *Гости никто* еще не *приехали*//. В кодифицированном литературном языке местоимение *никто* управляет существительным (прилагательным, причастием в роли существительного) или личным местоимением в форме р о д и т е л ь н о г о п а д е ж а с предлогом *из,* при этом глагол в высказывании употребляется в форме е д и н с т в е н н о г о ч и с л а, т. е. согласуется с местоимением *никто*: *Никто из соседей не пришел* навестить ее.

Если словосочетание с местоимением *никто* в просторечном высказывании играет роль объектного распространителя, то существительное (или его функциональный заместитель) употребляется без предлога в форме такого падежа (так же, как и местоимение *никто*), какого требует глагол: А я так и сказала/ я *никому им не доверю* этого дела//; Ты *никого их не видала* сегодня?//; Я ж сказала/ *никому вам* все равно сегодня *не сделаю* (в паспортном столе) / зря ждете//; Так ведь она *никого ж вас не звала/* чё же вы говорите//. Ср. литературное: *никого из них, никому из них* и т. п.

6. Конструкции с некоторыми числительными.

К о н с т р у к ц и и с ч и с л и т е л ь н ы м *оба.* В литературном языке падежная форма существительного при числительном *оба* определяется тем, в какой синтаксической позиции это существительное находится. Если словосочетание *оба + существительное* выступает как единая номинация и занимает позицию подлежащего в высказывании, то существительное употребляется в форме р о д и т е л ь н о г о падежа; если же в позиции подлежащего только числительное *оба,* а существительное — в предикате, то это существительное употребляется в и м е н и т е л ь н о м п а д е ж е.

Ср.: *Оба брата были дома* и: *Они оба — студенты.* В просторечном употреблении такого разграничения не наблюдается: и в том, и другом случае существительное употребляется в форме родительного падежа: А у меня ангиной/ *оба сына* переболели/ друг за дружкой//; К ней сестра приезжала третьего дня/ а у нее два мальчугана/ *оба блондина*/ белобрысые/ наливные//; А. Младший-то у Вас тоже в школу ходит?// Б. Да/ теперь *оба ученика*//; Какие парни-то у нее растут/ *оба красавца*!

В просторечии распространены также конструкции, в которых числительное *оба* имеет форму *обое* или *обоя* (по аналогии с собирательными числительными), а существительное при нем употребляется в форме множественного числа в именительном или родительном падеже; при этом выбор падежа, по нашим наблюдениям, не обусловлен ни грамматически, ни семантически: *Обоя братья* женатые//; *Обоя братьев* приезжали/ не видала разве?//

Конструкции с собирательными числительными нередко строятся аналогично конструкциям с соответствующими порядковыми числительными: *двое мальчугана* у нее (по типу: *два мальчугана*), *трое подружки* (ср. *три подружки*); у них щас там *двое врача* (ср. *два врача*); их ведь *четверо брата* (ср. *четверо братьев*).

Конструкции с числительными возраста и даты. В просторечии распространены такие случаи: 1) несклоняемость числительного в косвенном падеже с предлогом, например: Брат у меня тоже *с двенадцать лет* пошел работать//; *С двадцать лет* семьей обзавелась/ какое ж ей теперь ученье/ некогда теперь уж//; 2) употребление словосочетания с числительным в форме именительного падежа, тогда как по норме словосочетание с числительным должно быть в форме косвенного падежа с предлогом, например: *Шестьдесят седьмой год* в эту квартиру въехали/ бабушка жива еще была//; *Сорок девятый год* мама у меня умерла//; 36 лет отработала там/ шестьдесят восьмой год было 36 лет//; Я осталась *одиннадцать лет* сиротой//

7. Конструкция с существительным в форме творительного падежа без предлога со значением причины: *Умер воспалением легких*//; *Ослеп катарактой*//; *Сестра в войну голодом умерла*//. Этот способ выражения причины в просторечии лексикализован, беспредложный творительный в этом значении отмечен нами только при глаголах *умереть, ослепнуть.* Возможно, такое употребление вызвано аналогией с конструкцией *болеть, заболеть чем* (*ангиной, гриппом* и т. п.).

В литературном языке обстоятельство причины также может быть выражено существительным в творительном падеже, однако форма творительного падежа используется с предлогом (*за*)[11] и обозначает причину как препятствие, помеху: *Не читал за недосугом*; *За отсутствием доктора принимал фельдшер.* Такое употребление свойственно книжному языку и существенно отличается от просторечного употребления творительного падежа со значением причины.

Таким образом, в просторечии обнаруживается своеобразие (по сравнению с литературным языком) употребления словоформы в творительном падеже без предлога: в отличие от литературного языка в просторечии эта словоформа служит для выражения обстоятельства причины, тогда как функционирование в составе предиката при глагольной связке (типичное для литературного языка) ей не свойственно (см. об этом ниже).

[11] Употребление творительного беспредложного со значением причины в Русской грамматике (1980, т. II, Синтаксис, с. 482) иллюстрируется единственным примером: *сказать ошибкой.*

8. Именительный предикативный прилагательных при связке в форме будущего времени со значением настоящего времени. А. А муж у вас тоже коренной москвич? Б. Тоже *московский будет*//; Вы *приезжий*/ говорю/ наверно *будете*?; (держит в руках сапоги, смотрит) Это *будут осенние* что ли/ или зимние такие стали?; Вы не *курящий будете* случайно? Спичек у Вас не найдется?

9. Конструкции с местоимениями в дательном падеже при словах, требующих словоформу в родительном падеже: Что *тебе болит*?//; *Мне нет время*/ давай скорей/ сколько ждать//; Я полежу два дня/ *мне боль и пройдет*//; *Мне ноги* второй день ломить//; А *мне душа* радуется/ ребятки в люди выходят//; *Мне сегодня неприятность*//; *Мне гости вчера были*/ Сергей Иваныч с Любочкой приезжали//; *А мне Лялька отчудила тут*//. В литературном языке в подобных случаях употребляется словоформа в родительном падеже с предлогом *у* (*у меня, у тебя*).

Я *никому этого не скрываю*// (*ни от кого*); *Признание к тебе* (*признание кого*)/ вещь очень приятная//; А это *ей характерно*/ я заметила/ такое поведение// (*характерно для кого*); Я не ввязываюсь в это/ *мне* и совсем *это не касается*// (*меня это совсем не касается*).

Встречается и обратное явление — употребление родительного падежа вместо полагающегося по норме дательного, однако это гораздо реже: Это ведь *для всех относится*/ правда?// (ср. в литературном языке: Это ведь *ко всем относится*).

10. Для просторечия типична лексикализованная конструкция *учиться* (*выучиться*) *на кого*: *На кого* он *учится-то* у тебя/ Валь ? — На инженера//; *Выучилась на врача*/ послали ее по распределению...

11. Лексикализованные синтаксические конструкции, представляющие собой контаминацию конструкций литературного языка. Употребительная конструкция *уделить внимание на кого-либо, что-либо*: Она уж особенно-то/ *на меня внимания не могла уделить*//; Основное *внимание уделяют на успеваемость*/ наверно//; (в магазине) *Уделите на меня внимание*//. Такое построение является результатом контаминации двух сходных по смыслу структур: *уделить внимание кому-либо, чему-либо* и *обратить внимание на кого-либо, что-либо.* Глагол используется из первой конструкции, из второй — падежная форма со значением объекта. Еще примеры: *Машина скользя на песку может быть выброшена из колеи*//. Глагол *скользить* может образовывать две структуры с существительным, обозначающим обстоятельство места: *скользить на песке* и *скользить по песку.* В просторечном высказывании, приведенном выше, наблюдается сведение этих двух структур в одну, при этом от первой берется предлог, от второй — падежная форма.

В высказывании: *Он никем не нуждается*/ *ни ребенком ни жены*// представлена контаминация трех синтаксических структур: 1) *нуждаться в ком-чем*; 2) *он никем не дорожит*: *ни ребенком, ни женой*; 3) *ему не нужно ни жены ни ребенка.* От первой конструкции берется управляющий глагол, от второй — падежная форма местоимения *никто* и существительного *ребенок* и от третьей — падежная форма существительного *жена*.

Тоже на одном месте-то не жили подолгу/ много нас очень/ ребятишек-то/ а *то матери не устраивало это*// — контаминация конструкций: *мать не устраивало это* и *матери не подходило это.*

(Рассказывается о войне) А эти понимаете/ которые эти/ как они называются/ эти/ воспитатели все/ *если б они были как моего характера*/ я бы продукты/ всем бы этим детям/ в наволочки/ всем понемножку бы рассы-

пала/ и дала поесть-то/ чтобы для еды//. В этом высказывании представлена контаминация сходных по смыслу структур: *если б они были как я* и *если б они были моего характера.* В соответствии с литературной нормой должна быть использована одна какая-либо из этих конструкций.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Ряд синтаксических конструкций, представленных как в литературном языке, так и в просторечии, функционирует в этих языковых сферах по-разному. Идентичными считаем синтаксические конструкции, организованные одними и теми же словоформами (с тождественным значением) в одних и тех же позициях, но различающиеся наличием/ отсутствием некоторых факультативных компонентов, с одной стороны, и с другой — лексическим наполнением[12]. Особенности функционирования синтаксической конструкции в просторечии проявляют себя в двух планах: 1) конструкция выполняет некоторые особые функции, не свойственные ей в литературном языке (см. анализ высказываний, включающих конструкцию с местоимением *который*); 2) конструкция имеет более широкое лексическое наполнение.

Рассмотрим, как функционирует в составе просторечного высказывания конструкция с местоимением *который.*

В литературном языке эта конструкция употребляется в составе сложного предложения как придаточное определительное и предполагает наличие антецедента, т. е. слова (существительного или же местоимения *тот, такой*), по отношению к которому местоимение *который* выступает как заместитель. Обязательное присутствие антецедента делает размещение конструкции с *который* в составе высказывания строго фиксированным: это всегда постположение; само сочетание "антецедент + заместитель" не терпят разрыва[13].

В просторечии эта конструкция функционирует в роли номинации (аналогично неоднословным номинациям РР[14]), как синтаксический эквивалент имени существительного, например: *Которые помоложе пошли пешком/* а мы уж остались автобус ждать//. Конструкция с *который* употребляется свободно, без антецедента, и размещение ее в составе высказывания не фиксировано. Ср.: *которые помоложе пошли пешком, пешком пошли которые помоложе.* Если в литературном языке конструкция с местоимением *который* занимает синтаксическую позицию при существительном или указательном местоимении *тот* (*такой*),

---

[12] Ср. понятия структурной схемы предложения и ее реализации в концепции Н.Ю. Шведовой. См.: Русская грамматика, 1980, т. II. с. 92—123.

[13] См об этом, в частности: *Кручинина И.Н.* Конструкция с местоимением *который* в современном русском языке. — ВЯ, 1968, № 2, с. 82—88; Русская грамматика, 1980, т. II, с. 521—524. — В названной статье И.Н. Кручининой представлены случаи нарушения литературной нормы при употреблении этой конструкции. Признавая верной синтаксическую интерпретацию рассматриваемых явлений, мы считаем не совсем точной отнесение этих явлений к тем или иным сферам речи. То, что автор квалифицирует как разговорное, скорее соответствует сфере просторечия и не свойственно литературной РР; факты, квалифицируемые И.Н. Кручининой как характерные для письменной речи, по нашему мнению, относятся к КЛЯ как в письменной, так и в устной его разновидности.

[14] См. об этом: Русская разговорная речь, с. 225—242 (Раздел "Наблюдения над синтагматикой разговорной речи" — автор Е.А. Земская), — В РР также имеются номинации с местоимением *который,* однако они принципиально отличны от просторечных; это случаи типа: *Спроси у женщины которая в музее//*; 1. *У нас полный Толстой есть?* 2. *Какой Толстой?* 1. Ну/ *который "Война и мир"//* (см. об этом там же, с. 235).

то в просторечии ее первичная синтаксическая позиция — п р и г л а г о л ь н а я, она выступает как самостоятельный распространитель глагола. Наиболее часто эта конструкция употребляется в роли подлежащего: Это за картошкой/ а *которые за арбузами/ вон там стоят*//; *Которые дачи имеют/ на юг не издиют*//; (в парикмахерской) *Которые по записям/ быстрее идут/* а я-так/ с час просидела//; *Которые приезжие/ помногу берут апельсин/* кил по пять-шесть//; *Которая с сапогами-то приходила/ теть Дусина сноха/* оказывается/ а я и не знала/ младшего-то сына//

В КЛЯ рассмотренным высказываниям соответствуют сложноподчиненные предложения с придаточным определительным (*те, кто за арбузами, вон там стоят*)[15], в РР — построения с неоднословными номинациями, включающими местоимение *кто*, или вообще без местоимения: *Кто за арбузами/ вон там стоят*// или: *за арбузами/ вон там стоят*//; *кто по записи/ быстрее идут*// или: по записи быстрее идут//; *приезжие помногу апельсинов берут*//; *Кто дачу имеет/ на юг не ездит*// или: *дачи имеют/ на юг не ездят/; С сапогами приходила/ тети Дусина сноха оказывается*//

В просторечии широко распространены построения, где конструкция с *который* занимает позицию именительного падежа множественного числа при бытийном глаголе *есть*: Я што хочу сказать/ *есть которые ребенка своего и туда и сюда*/ и на музыку и в плавание/ еще с учителем по иностранному/ и утомляется ребенок-то/ я што хочу сказать//; *А есть которые ковры на лето убирают* / пожарят почистят как следовать/ и свертывают на лето-т//; А *есть которые*/ *на три смены ребятишек в лагеря отправляют*/ тоже ведь есть*//; Есть которые каждый выходной за город ездиют*//; *Есть которые и зимой раскрымши ходят*//; *Есть которые с машиной*/ (со стиральной) *а все равно в прачечную отдают*//[16]

Рассмотренные конструкции употребляются и без местоимения *который*: *Есть/уже в туфлях ходят*//; А *есть*/ *на всех собраниях выступают*//. Однако такие построения не составляют специфически просторечную черту, их можно встретить также и в РР[17].

В КЛЯ этим конструкциям соответствуют сложноподчиненные предложения с относительным местоимением *такой* в главном предложении: *Есть такие, которые...*

В роли о б ъ е к т а конструкция с местоимением *который* употребляется значительно реже, чем в роли подлежащего. При этом она выступает преимущественно как эквивалент существительного в форме родительного, винительного и дательного падежей; при глаголах же, управляющих творительным падежом (например, *любоваться, гордиться*), эта конструкция нам не встречалась. В роли о б с т о я т е л ь с т в е н н ы х распространителей глагола конструкция с *который* не употребляется. *Которые без талончиков*/ примут после двух (тех, которые без талончиков) //; *Которые с ребенком*/ трудно снять квартиру// (тем, которые с ребенком); *Которые пожелали*/ я вчера записал/ а вы уже опоздали/ теперь в другой раз// (тех, которые пожелали; речь идет о записи на экскурсию); *Которые в техникуме учатся*/ отсрочку дают от армии/ а в ПТУ нет (тем, которые...); *Отобрала которые покрепче* (помидоры) / закрутить хочу баночки три//; *Выбери которые помягче*/ помой ей// (о персиках для ребенка).

В КЛЯ в подобных случаях употребляются придаточные определитель-

---

[15] См. об этом: *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* К типологии относительного предложения. — В кн. Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975.

[16] Конструкции такого типа отмечены в статье И.Н. Кручининой (указ. соч).

[17] См.: Русская разговорная речь, гл. "Синтаксис".

ные предложения, в РР — неоднословные номинации двух типов: если это наименование л и ц а — конструкция с местоимением *кто* (*кто без талончиков/ после двух примут*), если же это наименование п р е д м е т а — конструкции с местоимениями *какой* или *что*: *Отобрала какие покрепче/* закрутить хочу баночки три//; *Отобрала что покрепче...* В просторечии дифференциация п р е д м е т а/ л и ц а в таких случаях грамматически не выражена. Наименования п р е д м е т о в при помощи конструкции с местоимением *который* являются конситуативно обусловленными[18]: вне данной ситуации неясно, что именно имеется в виду; если же эта конструкция называет л и ц о, такого непонимания обычно не возникает.

Номинация с помощью конструкции с местоимением *который* может быть конкретизирована: *Которые огурцы поменьше/* давай засолим//; *Которые ребята лыжи с собой взяли/* с горы покатались//. Ср. в литературном языке: Огурцы/ которые поменьше/ давай засолим//; Ребята/ которые лыжи с собой взяли/ с горы покатались//. Слово, выступающее в литературном языке как антецедент, в просторечии таковым не является: оно включено в структуру конструкции и подчинено оформляющему ее местоимению *который* в роде, числе и падеже. Можно говорить именно о таком направлении зависимости, поскольку в данных высказываниях возможно устранение существительного, и высказывание при этом не разрушается; при устранении же местоимения *который* эти высказывания невозможны[19].

Свобода от лексических и узуальных ограничений в реализации синтаксических моделей — явление, отмечаемое как типическая особенность РР[20] — в просторечии проявляется еще более полно и последовательно.

Отличительной чертой просторечия является у п о т р е б л е н и е в ф у н к ц и и с к а з у е м о г о п о л н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х. Например: Снохой я *довольная*//; Я *согласная/* пусть делает как хотит//; (звонит по телефону) У Веры опять *занятый/* никак не дозвонюсь//; Сын у нее *женатый/* девочке три года/ квартиру тут получили//; А он в чем *одетый*? А она чем *больная*? Нормам литературного языка в таких случаях соответствуют краткие формы.

Как отмечают исследователи разговорной речи, РР также свойственно более широкое, чем КЛЯ, употребление полных прилагательных в предикате[21]. Так, в РР непродуктивны конструкции, обязательно требующие в КЛЯ краткой формы. Это случаи, когда 1) при подлежащем находится согласованное определение или определение, выраженное личным местоимением *его, ее, их*, а также несогласованное определение в родительном падеже (*лицо ее бледно*; *работа Петрова интересна*); 2) в подлежащем стоит существительное-синтаксический дериват + род. падеж другого существительного (в том числе местоимения *его, ее, их*), например: *проверка этого трудна*; *веселость его неприятна.* И вообще в РР краткие формы прилагательных менее употребительны, чем в КЛЯ, а полные представлены более широко. Вместе с тем, однако, в РР все же существуют определенные границы предикатного употребления полных прилагательных. Е.В. Красильникова, исследуя типы соотношений полных и кратких прилагательных в разговорной речи, выделяет класс прилагательных, которые в предикате

[18] О понятии конситуативно обусловленного высказывания и о таких высказываниях в РР см.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ. соч., с. 191—224 (автор — Е.Н. Ширяев).

[19] См. об этом: *Кручинина И.Н.* Указ. соч.

[20] См.: Русская разговорная речь, 1973; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ. соч.

[21] См. об этом, в частности: Русская разговорная речь, с. 210 (Раздел "Морфология. Имя прилагательное" — автор Е.В. Красильникова).

употребляются только в краткой форме. Это в основном прилагательные с модальным значением и значением сходства-тождества. К ним относятся такие слова, как: *бессилен* (перед + тв.), *благодарен* (+ дат.), *верен* (+ дат.), *виноват* (*в* + предл., *перед.* + тв.), *вынужден* (+ инф.) *готов* (на + вин., инф.), *доволен* (+ тв.), *знаком* (*с* + тв.), *неразлучен* (*с* + тв.), *рад* (+ инф., дат., *за* + вин.), *равнодушен* (*к* + дат.), *согласен* (*на* + вин., *с* + тв.), *способен* (*на* + вин.,инф.), *сыт* и т. п., всего в списке приводится 39 прилагательных (см. с. 200—201). Этот класс прилагательных характеризуется отсутствием в РР равнозначной полной формы, которая могла бы замещать краткую в предикате.

В просторечии, по нашим наблюдениям, это ограничение в значительной степени ослаблено. В нашем материале представлены случаи предикатного употребления полных форм примерно половины прилагательных, составляющих названный список: Я с ним *не знакомая*//; Я *сытая*/ Марусь/ не хочу//; Саш/ ты мне *нужный*/ поди-ка сюда//; Он с отцом *неразлучный*/ и футбол/ и на рыбалку/ все с отцом//; А я говорю/ "она совсем ведь еще девочка" говорю/ "она *бессильная* перед такими трудностями/ помочь надо ей"//; Она мне говорит/ Сима-то/ "мне/ тёть Шур/ теперь все равно/ я говорит *готовая* к этому"//; Славка-то у них на бабушку *похожий*/ ни на мать/ ни на отца//; Я уж так ему *благодарная*//; А. Где сам-то у тебя? В: Телевизор смотрит сидит// А. А ты што ж? В. А я к телевизору *равнодушная*/ я вот лучше/ на лавочке посижу/ с бабами потреплюсь//; Светочка у нас к музыке *способная*/ на пианине учится/ поет//; Мама еще тогда *живая* была//; Ну ты как/ *довольная* что съездила? См. также аналогичные примеры выше.

Полные прилагательные в предикате могут употребляться со связкой *быть* в форме прошедшего, реже — будущего времени: Я с ней *была* тогда *незнакомая*//; И из-за этого она *была вынужденная* уехать оттудова//; К десяти она *будет готовая*/ будет вас ждать//; Я *буду* вам очень *благодарная*//

Широкое распространение полных прилагательных в предикате также свойственно и диалектной речи. Как отмечают диалектологи, в русских говорах полные прилагательные являются господствующей формой, способной выступать во всех без исключения синтаксических построениях, в которых имя прилагательное входит в состав сказуемого. Круг кратких форм, употребительных в говорах, незначителен по своему составу. Многие из них свободно замещаются полными[22]. Однако это явление не выступает как различительное в русских говорах. Так, В.И. Трубинский пишет: "Территориальной локализации рассмотренного синтаксического диалектизма пока не обнаружено: ареал его практически совпадает с территорией распространения русского языка. Естественно поэтому, что данная особенность (кстати сказать, заметно прогрессировавшая в русском языке в последние столетия) воспринимается как п р о с т о р е ч н а я (выделено нами. — *Т.М.*). Таким образом, речь идет о чрезвычайно своеобразном синтаксическом явлении, которое, с одной стороны, представляет отклонение от норм литературного языка (в том числе и его разговорной разновидности, что особенно любопытно), с другой — черту территориально неограниченную, общераспространенную, характерную для просторечных сфер"[23].

Для просторечия характерна б о л е е ш и р о к а я, ч е м в л и т е р а т у р н о м я з ы к е, с ф е р а у п о т р е б л е н и я именительного

[22] См. об этом, например: *Мясников Г.Ф.* Предикативное использование полных и кратких прилагательных в современных говорах русского языка. — Уч. зап. Курганского пед. ин-та, 1959, вып. 2.

[23] См.: Русская диалектология, с. 236—237.

предикативного при глагольной связке. Как в литературном языке, так и в просторечии именительный предикативный при глагольной связке используется в таких случаях: 1) существительное в предикате обозначает постоянно присущий признак, не связанный в своем проявлении с определенным временным моментом (*У него жена была гречанка*//; *Учительница меня учила/ она была француженка*//; *Дом, мимо которого они пробегали, была школа*; 2) при глаголах называния, если существительное в предикате является именем собственным (*Деревня называется Свистуха*; *раньше эта станция называлась Подосинки*//; 3) при полузнаменательных глаголах *стать, сделаться* в сочетании со сравнительным союзом (*Он сделался совсем как ребенок*; *Ты снова стала как девочка*)[24].

В просторечии, кроме этого, именительный предикативный употребляется и в тех случаях, когда по нормам современного литературного языка обязателен творительный предикативный. Так, в современном литературном языке употребление творительного падежа обязательно, если существительные в предикате находятся при связке *был, будет* или при полузнаменательных глаголах (*казаться, считаться, делаться, становиться, приходиться, доводиться, оказываться*) и обозначают профессию, род деятельности, назначение; признак, свойство, состояние лица или предмета, проявление которого относится к определенному моменту или отрезку времени[25], типа *до войны он был председателем колхоза*; *в армии был танкистом.* Для просторечия типично использование в таких случаях именительного предикативного.

Связка *быть* в форме прошедшего времени: Отец у него *был учитель*/ теперь на пенсии//; У меня Митя *был начальник автоколонны*//; А в школе/ кто тогда *был директор*?; Там-то он *был* сперва *токарь-инструментальщик*/ потом *стал сварщик*/ а здесь обратно токарь/ пригодилось//; Старший-то работал уже/ а эти еще *мелюзга были*//. Отметим, что именительный предикативный в аналогичных случаях встречается (хотя не имеет широкого распространения) и в РР. Границы между просторечием и РР здесь не совсем определенны.

Связка *быть* в форме будущего времени: Ну закончишь свою учебу/ *будешь инженер* или *врач*?; А. Валя-то у вас где учится? В техникуме? Б: Нет/ в институте/ в педагогическом/ *будет учительница*//; А. Вася-то какой у вас большой/ Мария Ивановна! Б. Да/ семь вот уже/ лето пройдет/ *будет ученик*//; Учись говорю/ Вовочка/ учись/ *будешь инженер*/ работа чистая/ не на морозе говорю стоять//. Конструкции с именительным предикативным при связке *быть* в форме будущего времени воспринимаются как более резкое отклонение от нормы, что может объясняться следующим. Если при связке *быть* в прошедшем времени могут выступать существительные как со значением постоянного признака, так и со значением временного признака, и эта позиция в принципе открыта как для именительного падежа, так и для творительного (выбор падежа зависит от семантики существительного), то при связке *быть* в форме будущего времени, как правило, употребляются только существительные со значением не постоянно присущего (а приобретаемого) признака, и эта позиция в литературном языке открыта только для творительного падежа, тогда как именительный падеж вообще чужд данной позиции.

При связке в форме сослагательного наклонения: Ну красотища там! *Если б я был художник*/ думаю/ все б так это и зарисовал бы//; Ты что го-

---

[24] См. об этом, например: Грамматика русского языка, 1954, т. II, с. 423—427.

[25] Там же, с. 427—436.

ворю/хочешь/Нин/*чтоб у ней/муж был пьяница/* да?; Ну ладно/ *если б я была ее подруга/* а то ведь считай/ и не знакомые//; Ну зачем ты ее прогнала от себя/ она *была бы тебе помощница//*

Именительный предикативный употребляется и при связке в форме повелительного наклонения, однако конструкции с формой *будь*, по нашим материалам, довольно редки: *Будь умница*!; А ты *будь хозяйка экономная*//; Ну и *пусть будет шофер*/ что ж такого/ не хочет учиться/ что ж теперь//; Вот он/ пусть он *будет* у вас *староста*/ за главного значить//

Именительный предикативный при полузнаменательных глаголах, управляющих в литературном языке творительным падежом: На заводе-то он *считается передовик*//; Валин муж/ Клаве *доводится брат двоюродный*//; А Вася-то теперь/ *сделался начальник*/ *главный механик*//; *Станешь студент*/ вот тогда ездить везде будешь/ дорога дешевая/ в полцены//; Ничего/ говорю/ попривыкните к друг дружке/ через недельку/ глядишь *станете товарищи*//; Так ведь дружили они/ с Олей-то этой/ хорошо дружили/ а потом штой-то у них такое.../ рассорились/ прям *стали враги*//; План не выполнил/ говорю "это же *считается преступление*/ как это так чтоб план не выполнить"//; А Пушок-то наш/ Любань! *оказался кошка*/ трое котятышек! Подчеркнем, что в этом случае просторечная специфика проявляется наиболее ярко.

В просторечии именительный предикативный встречается и при полнозначных глаголах: В двенадцать лет *осталась сирота*//; Тот раз мне/ он *показался красавец*//. Однако такие случаи довольно редки.

Именительный предикативный в построениях типа: Он/ говорят/ и не *хотел быть директор*/ а уж так назначили//; Я/ говорит мамочка/ *хочу быть отличница*/ в школу пойду//; *Хочу быть врач*/ говорит//

Творительный предикативный употребляется в просторечии, если существительное, обозначающее профессию или род занятий, выступает с нулевой связкой: *Сын у нее шофером*/ *дочь медсестрой*//; *Дочка-то у них врачом*/ *терапевтом*//; Так у него же *мать учительницей*/ помогает небось/ а я что/четыре классы/ни помочь/ ничего//. Такие конструкции встречаются и в РР, однако более типичны для РР конструкции типа: *сын у нее шофер*/ *дочь медсестра//*

Таким образом, если в литературном языке существительные (определенной семантики) в предикате при глагольной связке выступают в творительном падеже, а при нулевой — в именительном, то в просторечии ситуация прямо противоположна: при глагольной связке существительные (той же самой семантики) выступают в именительном падеже, а при нулевой — в творительном.

Рассмотренные в этом разделе конструкции с именительным предикативным по происхождению представляют собой реликтовые явления старой нормы литературного языка[26]. Однако показательно, что в речи лиц старшего поколения, владеющих литературным языком, такие формы, как правило, не встречаются.

Конструкции с именительным предикативным, нарушающие нормы литературного языка, отмечаются и в диалектной речи, однако территориально они не ограничены[27]. Поскольку же сфера распространения этого явления не связана с возрастным и территориальным факторами, а лишь только с социальным (с уровнем образования носителя речи), то оно может быть квалифицировано как просторечное.

---

[26] См.об этом, например: Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. М., 1964 (автор Н.Ю.Шведова), с. 64—66.

[27] См.: Русская диалектология, с. 235.

Преобладание именительного предикативного в просторечии характерно и для прилагательных. По нашим наблюдениям, прилагательные в творительном падеже в функции предиката у носителей просторечия почти не встречаются. Именительный предикативный прилагательных употребляется и в тех случаях, когда по нормам литературного языка обязателен творительный падеж: Ну молодец/ *выглядишь такая молодая*!; Штой-то тот раз/он *показался мне молодой*//; (портниха о перелицовке пальто) Когда брала-то/ это дело *показалось* мне *простое*/ а щас смотрю/ делов-то тут/ уж не знаю как справлюсь//; А тетя-то *притворилась больная*/ и так каждый раз/ лежит/ "не могу/говорит/ Шурочка/ делай все сама/ готовь обед"// Эт я только потом догадалась/ уж взрослая/ што не больная-то/ эт она нарочно штоб меня приучить//; Вызывали ее на собрание/ нет/ *сказалась больная*/ не пришла передайте говорит пожалуйста што я заболела/ а сама и не пришла/ вот так/ вот как хочешь//; Не пойму штой-то/ они ей и так и так/ она сидит не реагирует/ не пойму/ вправду не слышит или *прикинулась глухая*//

В литературном языке глаголы *выглядеть, показаться, притвориться, прикинуться, сказаться* управляют прилагательными в форме творительного падежа.

В просторечном употреблении именительного предикативного существительных и прилагательных можно видеть проявление общей тенденции, свойственной разговорной речи, — тенденции к расширению функций именительного падежа: в РР фукции именительного падежа весьма широки[28], в просторечии они еще шире. Действием этой тенденции объясняется структура (и сам факт существования) ряда специфическ просторечных конструкций, уже рассмотренных нами выше. Это: конструкция типа *они никто меня не беспокоят* (ср.: *никто из них*), конструкции типа *с двадцать лет семьей обзавелась, семьдесят первый год в эту квартиру въехали* (ср.: *в семьдесят первом году*), конструкция типа *добежал до Старо-Арбатская, еду до Новослободская.*

Более широкое лексическое наполнение модели наблюдается также при выражении обстоятельств времени и места. Обстоятельство времени. В литературном языке употребление предлога *под* со значением предшествования широко распространено (например: *под вечер, под выходной, под праздник, под конец*), однако круг лексем, употребляющихся с этим предлогом в данном значении, имеет ограничения. В просторечии же часты случаи нарушения этого ограничения. Так, нами записано: *Под войну* они жили в Куйбышеве//; *Под отпуск-то* как раз и заболела//; Штой-то вы с Валей/ то ждали-ждали/ а в аккурат *под самое начало* (концерта самодеятельности) / ушли смотрю// (в литературном языке имеется *под конец*, но невозможно: *под начало*); А было это *под реформу* как раз денежную/ шеисятый год/ помню//; (продавец в магазине) Ну давайте што ли побыстрому/ а то закрываю/ пришли *под закрытие*/ да еще трепятся стоят//

Обстоятельство места, обозначающее исходный пункт движения, в литературном языке выражается существительным в родительном падеже как с предлогом *из*, так и с предлогом *с*, однако сферы этих предлогов строго дифференцированы, замещать друг друга они не могут. Для просторечия мало характерно употребление предлога *из* в этом значении, тогда как предлог *с* выступает и при тех лексемах, которые в литературном языке употребляются с предлогом *из*. Нами отмечено: пришел, вернулся *со школы, с магазина, с училища, с техникума, с института, с армии, с магази-*

[28] О функциях именительного падежа существительного в РР см.: Русская разговорная речь, с. 241—264.

на, с леса, с буфета (однако: *из столовой*), *с театра* приехал, *с санатория, с домотдыха, стрелять с автоматов.* Распространено также употребление предлога *с* вместо предлога *от* в соответствии с литературной нормой: Эту квартиру/ *с фабрики* мне дали//; *С работы* у нас есть и ясли и сад//; *С завода*-то вашего/ дают квартиры?

В просторечии встречается взаимозамена предлогов *в* и *на*, что в литературном языке недопустимо: Подруга поступила *на Ленинский педагогический*//; Хотела пойти *на медицинский институт*/ но мать ее не пустила//; Квартиру дали/ окна смотрят *в Москву-реку* (возможно, по аналогии с: *смотреть в сад*) //; И вот привезли нас в Ленинград/ в Ленинград привезли/ в свой город/ *в свою родину*//. Чаще всего это происходит в том случае, когда выбор предлога закреплен узуально, семантически не мотивирован (*в* — при глаголах, обозначающих действие, направленное в замкнутое пространство, *на* — при глаголах, обозначающих действие, направленное на поверхность чего-либо).

Свобода от лексических запретов в реализации синтаксических конструкций обнаруживается в сфере построения словосочетаний. Для просторечия характерно управление, не соответствующее нормам литературного языка. Рассмотрим наиболее типические случаи.

Словосочетания с глаголом в роли главного слова. В просторечии существует тенденция унифицировать управление глаголов речи, мысли, чувства: весьма частотно употребление словоформы в предложном падеже с предлогом *о* (*об*) при тех глаголах названных семантических групп, которые в литературном языке имеют иное управление.

Он мальчик начитанный/*об астрономии интересуется*/в кружок ходит/в планетарий/ второй год//; А мой *об политике не интересуется*/футбол токо смотрит//; Он *скрыл о своих намерениях*//; Я *об этом* совсем *не интересуюсь*//; Мы вот *продумали* с Валей *об этом*/ что это дает-то нам/ что?; Я говорит/теть Шур/ уже *продумала об этом*//; Как пошла сама работать/*убедилась об этом*//; Не уживется он там/я *чувствую об этом*//; Я так *переживала об этом*//; *Об учебе* сына он совсем *не интересуется*//; Я все время *об недостатках* им *указываю*/чё ж/"неудобно"/ учить-то их надо//; *Об этом* вам *советовать* не могу//; Я им говорю/"ну чё вы говорю меня боитесь/спрашивайте/если что не понятно/прям подойди/"Мария Ивановна *объясните об этом* пожалуйста"//; Там *указывается о том что произошло*//; Я *об этом не фиксировала ваше внимание*//. Аналогично в словосочетаниях с отглагольными существительными: *Интерес-то о химии* давно у него/да ведь говорят вредно/это очень//; А ведь это уже *показатель о болезни*/ правильно я говорю?//

Рассмотренное явление отмечается также З.Д. Поповой в речи жителей Воронежской области (по материалам писем читателей районных газет)[29]. По наблюдениям З.Д. Поповой, оно не связано с воздействием местных или соседних диалектов и относится к просторечию.

Мы согласны с той интерпретацией рассмотренного факта, которую предлагает З.Д. Попова: преобладание формы предложного падежа с предлогом *о* (*об*) при глаголах речи и мысли объясняется тем, что эта форма в литературном языке имеет четкое и единое значение делиберативного объекта[30].

---

[29] См. об этом: *З.Д. Попова.* Просторечное употребление падежных форм и литературная норма. — В кн.: Синтаксис и норма. М., Наука, 1974.

[30] См., например, об этом: Грамматика русского языка, т. I, 1952, с. 260; *Попова З.Д.* Указ. соч.

З.Д. Попова высказывает предположение: в некодифицированной речи употребляются преимущественно свободные падежные формы[31]. Наблюдения, содержащиеся в статье З.Д. Поповой, позволяют сделать вывод о том, что эта тенденция действует в двух направлениях: 1) свободные формы при употреблении в некодифицированной речи, как правило, не подвергаются искажению, т.е. используются в соответствии с литературной нормой; 2) словосочетания, включающие несвободные, связанные падежные формы, трансформируются по аналогии со словосочетаниями, включающими свободные формы, см., например, словосочетания с глаголами мысли и речи. З.Д. Попова пишет: "Если свободные формы характеризуются определенностью значения, то связанные формы со стороны значения не мотивированы и поддерживаются только традицией. Следование традиции требует хорошего знания образцов. В некодифицированной речи традиция легко разрушается, и возникают колебания[32].

В просторечии представлено предложное управление, тогда как по литературной норме предлог не нужен: *На* что он напоминает? (возможно, по аналогии с: *на что он похож*); Я не могла ни *к* чему предпочтение отдать //; Ну вот я разговаривала с твоим папой/ говорю "как мне написать заявление *к* этому Сорокину"?; Нам по четвертинке булки дает/а ей половинку *на* одной // (возможно, по аналогии с: *на одного, на двоих*); Внучка/поздний ребенок/*над* которым она дорожит// (возможно, по аналогии с: *трястись над кем*).

Словосочетания глагола с инфинитивом. Круг лексем, подчиняющих себе инфинитив, в просторечии более широк, чем в литературном языке. В литературном языке в сочетании с инфинитивом могут выступать лишь глаголы определенных семантических групп. Так, глаголы конкретного физического действия (за исключением глаголов движения), глаголы, обозначающие положение в пространстве и физиологические процессы, с инфинитивом не сочетаются[33]. В просторечии такого ограничения нет. Нами записано: (о внуке первокласснике) Помогать все ж таки надо// Я так всегда *сижу следить*/как он уроки делает//; А. Здравствуйте/ /Мария Ивановна//Гуляете? Б. Да вот *сижу* за Олечкой *посмотреть*/вон на качельках//; *Стою посмотреть* как новобрачные поедут//; Если я *доживу посмотреть* что из внучки получится//; Да уж *дождусь ехать* вместе//*Дождусь зайти* сюда/и поеду//

Расширение круга лексем, подчиняющих себе инфинитив, характерно также для РР и языка современной публицистики, однако в этих языковых сферах оно осуществляется в иных направлениях. В РР значительно шире, чем в КЛЯ, круг имен существительных, которые может распространять инфинитив. В него входят не только существительные со значением отвлеченного действия, лица (типа *желание уехать, мастер рассказывать, время уходить*), но и существительные, обозначающие конкретный предмет: *папе надо кресло сидеть*; *у нее нет стола заниматься* (примеры Е.А. Земской). Инфинитив в таких конструкциях называет назначение предмета[34]. В языке современной публицистики, по наблюдениям В.А. Ицковича, инфинитив выступает при глаголах, которые традиционно управляют не инфинитивом, а отглагольным существительным со значением действия (*от темпа их работы зависит сократить потери сырья*).

---

[31] См.: *Попова З.Д.* Указ. соч., с. 39.

[32] Там же, с. 40.

[33] См. об этом, например: Грамматика русского языка, 1954, т. II, с. 223–225. (Раздел "Глагольные словосочетания с инфинитивом" – автор Е.А. Земская).

[34] Анализ словосочетаний такого типа см.: Русская разговорная речь, с. 265–266.

Такое употребление часто обусловлено тем, что от данной глагольной основы нельзя образовать соответствующего существительного, например: А название "Суздаль" *потребует иметь* в "меню" такие блюда, которые выделят кафе из ряда других (примеры В.А. Ицковича) [35].

Словосочетания с предикативами *нужно, можно, нельзя, полезно.* В литературном языке эти предикативы управляют глаголом в форме инфинитива. Характерные для РР сочетания типа. *Мне нужно сапоги*; *А можно яблоко?* эллиптичны, они прочитываются как: Мне нужно купить (взять) сапоги; Можно взять (съесть) яблоко.

В просторечном употреблении предикативы *нужно, можно, нельзя, полезно* сочетаются ис отглагольными существительными со значением действия: Вот эта-то врач-то/которая выписывала ее у Савеловского вокзала/она прям Марии Григорьевне сказала/"Ей *нужно физический труд*/чтоб мысль свою отвлекала"//; Восьмой класс ведь/Вов/*нужно учеба хорошая*/а у тебя ерунда какая-то в голове/я прям не знаю//; А посерёд ('среди') недели там *нельзя посещения-то*/только в выходной//; Я вот читала/очень *полезно бег* утром/; Ведь она поболела/ /ей теперь *нужно сон*/больше/ а она все с книгой да с книгой/полночи сидит//; Ей *можно работа-то* по дому/или только лежать?//

В литературном языке в аналогичных случаях либо при предикативе употребляется не существительное, а глагол в форме инфинитива (*нужно трудиться физически, полезно бегать утром*), либо предикатив употребляется в склоняемой форме (ей *нужен физический труд*; *вам полезен бег*); последнее, однако, свойственно преимущественно книжной речи. В РР предикатив употребляется в сочетании с процессуальным существительным, однако при ином словопорядке и обязательной интонационной расчлененности компонентов (предикатив является ремой высказывания): *физический труд/это нужно//* или : *физический труд/нужно//*; *Посещения/нельзя//*

Словосочетания с существительными, обозначающими действия, в роли главного слова. В литературном языке при названиях действия в роли прямого дополнения употребляются существительные: *при входе учителя..., после ухода Толи...* В просторечии в этой позиции выступают личные местоимения: *После приезда тебя/ никакого покою не знаю//*; (мастер-наставник учащимся ПТУ) *При входе меня прошу встать//*; *После ухода тебя* (на пенсию) говорят/там все переменилось//; А тетя Вера давно там работает/ /еще *до поступления тебя* (в училище) //

Сложноподчиненные предложения со значением меры и степени в русском языке организуются с помощью компонентов: *такой... что..*; *так... что..., настолько... что.* В просторечии наречие *настолько* (в составе таких предложений) может выступать в позициях, не свойственных для него в литературном языке: оно употребляется там, где по норме должно быть наречие *так* или местоимение *такой.* В литературном языке круг глаголов, сочетающихся с наречием *настолько,* лексически ограничен (это, например: *устать, привыкнуть*), в просторечии это ограничение снимается: Он *настолько кашляет*/аж внутри все хрипит//; *Настолько волновалась* /не поела ничё/убежала//. Ср. литературное: *так кашляет..., так волновалась...*

Выступая в позиции местоимения *такой, настолько* сочетается с существительными, что в литературном языке принципиально невозможно: Я *настолько уважение* от ребят имела/что они всегда меня/до дома провожа-

---

[35] *Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. Конструкции с приглагольным инфинитивом. – В кн.: Синтаксис и норма. М., Наука, 1981, с. 44–60.

ли//; У меня уж *настолько доверие* к Валечке/что я никогда за ней не проверяю/не пересчитываю/знаете как некоторые//; А у моего *настолько* уж *отвращение* к этим к занятиям/прям слышать не может/никак этот год/ /ну никак//; (об учительнице) Но у нее уж зато *дисциплина настолько*/что не шелохнутся/шепнуть боятся//; Нет и нет/у меня уж настолько беспокойство/ничё не могу делать/что с ним?/что с ним?/куда теперь звонить-то?; А у нее уж *настолько волнение* перед экзаменом/что даже ничего не покушала/ничего не могу говорит/мам/не лезет ничё//; Да ведь больничный не берет/а у самого уж *настолько кашель*/аж внутри все хрипит//; Ну у ней уж *настолько жадность*/что она и внукам-то своим/Валя говорит/не купит/ /ничё/не дарит никогда//

Наречие *особенно* в просторечии также имеет более широкую лексическую сочетаемость. В литературном языке сочетаемость этого наречия с глаголами ограничена. При нем могут выступать лишь глаголы определенной семантики, преимущественно — это глаголы состояния, например: *особенно любит. . . , особенно нравится. . . , особенно привык. . . , особенно привязался* (к кому-либо), *особенно невзлюбил. . .* В просторечии такого ограничения нет: Даже стариками мы приходили на Трехгорку/ *особенно* мы *встречались* в музее комсомолии Трехгорки//; А. Рай/ а дети-то у ней бывают? Б. А как же/бывают/*особенно приезжает* Валя/живет поближе//; *Особенно* они *ездят* по Киевской/места-то там какие/да и вокзал поближе (о поездках за город) //; Миша приходил за Вами/ *особенно искал* тебя//; *Особенно* он *собирает* иностранные (марки) //. Первые три высказывания могут быть интерпретированы как эллиптичные. Можно предположить: "прочитываются" они так, что *особенно* относится не к глаголу, а к наречию, вербально не выраженному, но подразумеваемому: *особенно часто* мы встречались. . . , *особенно часто* они ездят. . . *особенно часто* приезжает. . . Однако и при такой интерпретации эти высказывания нельзя расценивать как нормативные, поскольку такой эллипсис в литературном языке невозможен.

Повтор предлогов. В КЛЯ предлог повторяется, как правило, только перед однородными членами. Повторение предлога перед определением свойственно как РР[36], так и просторечию, однако представлено оно в этих языковых сферах не одинаково. В РР распространено повторение предлога перед постпозитивным определением: Она там *с* дипломницей *со* своей; *за* картошкой *за* молодой очередь; *в* курточке *в* кожаной пришла. Повторение предлога перед определением в препозиции в РР встречается редко, и это преимущественно случаи, когда определение выражено не прилагательным, а местоимением[37] (типа *А я все с этой/со статьей*// Никак не закончу//). В просторечии повторение предлогов осуществляется более последовательно: предлог повторяется перед определением, выступающим как в постпозиции к определяющему существительному, так и в препозиции (и не только перед местоимением, но и перед прилагательным): Он был когда-то комендантом *над* дому *над* этим *над* нашим//; Она в доме *в* этом жила/*в* самом низку/там полуподвальное было у нее помещение//; Ездит она туда *с* подружками *со* школьными/;

---

[36] Повторение предлога перед определением как типическая черта РР описано в кн.: Никольский А.А. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Душанбе, 1984, с. 10—28. О других случаях повторения предлогов в РР см.: Русская разговорная речь, с. 373—374, 376—377.

[37] Это явление отмечено А.А. Никольским и объясняется оно тем, что препозитивное прилагательное образует более тесное грамматическое единство с определяемым существительным, чем препозитивное местоимение (указ соч., с. 18).

Но кучером он работал мало/поругался *с* хозяином там *со* своим//; Они в Коломне обменялись с Краснодаром/значит двое старичков приехали/ /*в* ее комнату *в* коммунальную//

Ну она пришла *с* такими *с* покупками...; *В* самую *в* блокаду *в* эту/ /*в* войну-то...; Скорей бежать *к* этому *ко* врачу//; Ну какой-то выход надо *из* этого *из* положения сделать//; *В* овощной *в* палаточке работает/ у метро/на углу/знаете...; Я там в детстве один раз была *с* двоюродной *с* сестрой... Отметим, что и в просторечии повторение предлога перед определением в постпозиции более частотно, чем перед определением в препозиции.

Итак, на уровне синтаксиса просторечие отличается как от КЛЯ, так и от РР. Литературный язык и просторечие различаются (1) набором единиц и (2) функционированием единиц. В просторечии существует ряд синтаксических конструкций, несвойственных литературному языку; некоторые синтаксические конструкции, представленные как в литературном языке, так и в просторечии, функционируют в этих языковых сферах неодинаково.

II

В речи малообразованных горожан—носителей просторечия наблюдаются также явления, которые можно охарактеризовать как "освоение книжности", использование КЛЯ при невладении литературной нормой.

Просторечие не престижно, говорящий "не держится" за него[38]. Значительную роль при этом играет языковая ситуация. У некоторых носителей просторечия в определенных ситуациях обнаруживается стремление использовать КЛЯ. Наиболее характерно это явление для официальной обстановки (жанр публичного выступления: на собрании, в суде и т.п.). Однако оно не редко и в неофициальной обстановке — когда "просторечник" разговаривает с человеком, образовательный или культурный уровень которого он оценивает выше своего (что нарушает непринужденность общения). У отдельных лиц—носителей просторечия черты книжности встречаются в ситуации непринужденного общения, элементы КЛЯ в этом случае используются непроизвольно.

Поскольку носители просторечия — люди, не владеющие литературным языком, то естественно, что при использовании ими конструкций, характерных для КЛЯ, обнаруживаются нарушения норм КЛЯ. Рассмотрим типические случаи таких нарушений.

Деепричастный оборот почти не используется, если оба собеседника — носители просторечия.[39] Однако в речи отдельных информантов деепричастный оборот употребляется довольно активно, если они говорят в официальной обстановке или в том случае, когда культурный уровень собеседника оценивают выше своего: происходит своеобразное "подтягивание" речи к определенному эталону правильности. При таком стремлении к норме обнаруживается невладение ею. В литературном языке субъект основного предиката совпадает с субъектом деепричастного оборота; для просторечия типично несовпадение субъектов: И вот *поступив в трамвайный парк/меня взяли в мастерские*//; Потом я училась/кончила техникум текстильный вечерний/и перешла уже работала сменным мастером/ исполняла обязанности начальника цеха/а потом уже *отработав в цеху 39 лет*/и

[38] Об этом см. также: *Земская Е.А., Китайгородская М.В.* Наблюдения над просторечной морфологией. — Наст. сб., с. 68.

[39] Напомним, что в РР деепричастный оборот не употребляется, см. Русская разговорная речь, с. 161, 174.

поскольку у нас организовался филиал ПТУ-107/*меня перевели в этот филиал работать*//; Дочка у меня табельщицей работала/а ей присоветовали в ПТУ идти/"иди/говорят Вера/в ПТУ/мы тебя направим"/при заводе же/и вот *закончив учебу/ей дали станок*/самостоятельно работает//

Построение полипредикативных высказываний. Если для РР характерно господство бессоюзных полипредикативных высказываний[40], то в просторечии употребляются и высказывания с книжными составными союзами, при этом использование союзов и союзных слов не соответствует норме. Подчеркнем, что для РР такие средства связи вообще не свойственны, рассматриваем преломление сугубо книжной речи.

1. Вместо определенного компонента, по норме необходимого в составе данного союза, употребляется какой-либо иной, не соответствующий норме.

Чаще всего наблюдается немотивированная взаимозамена союзов *что* и *чтобы*: *Мало того чтобы* неделю с Димкой сижу/и в выходной их нет/опять кудай-то уехали//; *Мало того чтоб* их одеваем/мебель купили/еще и на путевку давай//. Ср. полагающееся по норме: *мало того что ... еще и ...*

Она и пошла-то туда/ (работать уборщицей) *ради того/что* годочек дома еще подержать (ребенка не устраивать в ясли) уберется вечерком/весь день дома//; Отдают в ясли/*для того что* матери облегчить маленько/со здоровьем у ней неважно//. Ср. в литературном языке: *ради того, чтобы. . . , для того, чтобы.*

А я ей сказала/*в случае что* он не придет/деньги через Маню передай//; А ты адрес оставь/*на случай что кто* не успеет/сами доедут тогда//. В литературном языке: *в случае если. . . , на случай, если. . .*

Все давали карточки/за то что столько лет (проработала) / и вдруг/ /*в этот момент как* мне на пенсию выходить/отменили//. По норме: *в тот момент, как. . .*

2. Какой-либо компонент, необходимый по норме в составе данного союза, в просторечном употреблении отсутствует. Это явление можно охарактеризовать как "облегчение сцепления частей сложного предложения" (Н.Ю. Шведова)[41].

Наиболее распространен случай, когда опускается соотносительное слово: Институт кончила только *благодаря что* мать помогала/с ребенком сидела//; И выжили мы с сыном только *благодаря что* я день и ночь работала/день и ночь// (По норме положено: *благодаря тому, что*). *Несмотря что* Егоров работает у нас недавно/он завоевал авторитет от рабочих// (по норме: *несмотря на то, что*). А. А Витя разве был? Б. Да они уж *после как ты ушла* приехали/с женой//; А. Ну пришла/говорит пиши объяснительную//. Б. Ну и как же ты? А. Ну как/не вышла на работу/*по причине что* заболела мать/в больницу не ложут/оставить не с кем//; *На основании что* временно работает/ее и сократили в первую очередь//. Ср. в литературном языке: *после того, как ..., по той причине, что..., на основании того, что ...*.

В РР соотносительные слова в принципе также не являются обязательным компонентом связи[42], для РР типичны высказывания: *Ели что мама*

---

[40] См. об этом: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ.соч. (Раздел "Синтаксис" – автор Е.К. Ширяев).

[41] *Шведова Н.Ю.* О некоторых активных процессах в современном русском языке. – ВЯ, 1964, № 2, с. 13.

[42] См. об этом: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, с. 60–61; Русская разговорная речь, с. 230–231; *Кручинина И.Н.* Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (К изучению эквивалентных синтаксических рядов). – Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 14. Ср.: *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Соотносительное слово в изъяснительных сложноподчиненных предложениях в аспекте вариантности и нормы. – В кн.: Литературная норма и вариантность. М., Наука, 1981, с. 138–148.

привезла//; Пойдем где тень//. Однако эта особенность РР отмечается по отношению к высказываниям с простыми союзами. Высказывания с составными союзами в РР не употребительны.

Таким образом, используя книжную конструкцию, "просторечник" преобразует ее в соответствии с тенденцией, присущей спонтанной устной речи.

Аналогичное явление наблюдается и в сфере построения словосочетаний с инфинитивом. В просторечии зависимый инфинитив присоединяется к управляющему глаголу с помощью союза без относительного местоимения — по литературной норме инфинитив присоединяется либо без союза, либо с помощью союза и относительного местоимения (что свойственно преимущественно книжному языку): Да уж я совсем *отвыкла чтоб* кудай-то ездить/хлопотать//; Пока у меня жил/совсем *отвык чтобы курить//*; Коля у нас молодец/*стремится чтоб сдавать* все на пятерки//; Пока болела-то/у ней тетя Валя жила/все ей делала/так она совсем/представь Сонь/*отучилась совсем чтоб сготовить* себе что/постирать//; А он уж *привык чтоб* каждый выходной к бабушке *ездить//*. Аналогично строятся словосочетания с существительным в роли главного слова: Ну почему у тебя нет *привычки чтоб* по местам все *разложить?* придет/ /снимет/бросит//; А мой/у него нет *стремления чтоб учиться*/все б ему гулять/бегать//: Я *не любитель чтоб* у кассы (в автобусе) *сидеть//*; Я *не любитель чтоб* по кинам *ходить*/я лучше телевизор//. Ср. полагающееся в литературном языке: *отвыкла ездить, хлопотать* или: *отвык от того, чтобы ездить, хлопотать; отвык курить; стремится сдавать экзамены на пятерки, стремится к тому, чтобы сдавать экзамены на пятерки, привык ездить к бабушке, привык к тому, чтобы ездить к бабушке; стремление учиться, стремление к тому, чтобы учиться.*

Интересно, что "просторечник" избирает именно книжную конструкцию, однако преобразует ее по законам спонтанной устной речи: "облегчает сцепление" компонентов словосочетания.

Наряду с рассмотренным существует и противоположная тенденция — к усложнению сцепления компонентов высказывания.

Инфинитив присоединяется к управляющему глаголу с помощью союза, тогда как по нормам литературного языка союз в этом случае не нужен: *Уговорил* его *чтобы поступать* в техникум/попробовать/а то он в ПТУ хотел//; *Надоумил* ее *чтобы в новый цех перейти//*; *Вздумал чтобы завтра же ехать//*; Я теперь *зареклась чтобы ездить* к ним//; Я *постеснялась чтобы* домой *взять//*; А ты *поленилась/чтоб посидеть* да как следовать *доделать//*; А Вася-то *хотел/чтобы* к ним *приехать/пожить/* а они чтой-то не очень/ну он и не поехал/дома был//; И вот он *повадился чтобы обедать* к нам каждый день/ну а где ж я возьму-то/я и говорю ей/"Люб/говорю/где ж я возьму-то/ на пенсии ведь"//

В литературном языке рассмотренным построениям соответствуют конструкции с инфинитивом без союза: *уговорил поступать в техникум, надоумил перейти в новый цех, вздумал завтра же ехать, зареклась ездить к ним* и т.п. или же союзные подчинительные конструкции, в которых зависимый член выражен не инфинитивом, а спрягаемой формой глагола, при этом субъект главного глагола не должен совпадать с субъектом зависимого: *надоумил ее, чтобы она перешла в новый цех; хотел, чтобы дети провели лето в деревне.* Однако круг глаголов, способных выступать в роли главных членов союзных конструкций, лексически ограничен, так, например, в них не могут выступать глаголы: *вздумать, зарекаться, лениться.*

Усложнение сцепления частей полипредикативного высказывания: (мастер-наставник ПТУ о своих ученицах) : А в основном конечно/*если раз* приезжает девочка и воспитанная и чистоплотная/не могу ее похаять/понимаете/не могу//; Он брат не любил *что если* я с ним вместе куда иду//; Росли мы очень бедно/очень/впроголодь жили/*но тем более*/отец у меня/немножко любил выпить//; Аппарат она не может (достать) / но она шнур какой-то особый/говорит/"я шнур/приеду/сама говорит сделаю//Такой говорит шнур/*который чтоб* не было слышимости у других"// (в литературном языке: такой шнур, при котором не было бы слышимости. . . , или: такой шнур, чтобы не было слышимости...) .

В просторечии употребительны комплексы *как правило что, случай что, по случаю что*: *Как правило что* с года/детишек без матери не ложут (в больницу) //; К Кате в декабре месяце/приезжал зять старшей сестры Шуры/из Донбасса/и хотел ее взять к себе погостить/но/*как правило что*/ /в течение шести месяцев/они не выпускают из дома престарелых/это мне врач сказала//; *Как правило/что* за путевку уж деньги не вертают/а я уж прошу/"три дня всего говорю/что ж ребенок-то заболел/взяли ведь мы его/не вернется ведь"//

Если бы произошел *случай/что* водитель машины предположим крикнул/и он бы не успел остановиться/. . . ; На днях был *случай/что* ребенок один поехал в лифте/пять лет мальчик/ а лифт застрял//; А. А чтой-то почта-то не работает? Б. *По случаю что праздник*/все закрыто//. По норме: *по случаю праздника* . . .

В одном просторечном высказывании бывает представлено несколько типов нарушения употребления составных союзов. Вот, например, просторечная трансформация союза *несмотря на то что*: *Несмотря что* мы год помучились с ними/*но* сейчас они показывают себя с хорошей стороны// (мастер-наставник ПТУ о своих учениках) ; *Несмотря что* к нам в основном идут с ПТУ/*но* берем и таких (сразу после восьмилетки) /сами подучаем/на месте//. Употребительны в просторечии и построения, соответствующие высказываниям с союзом *вместо того, чтобы*. Этот союз в просторечии употребляется без относительного местоимения *того,* в роли первого компонента часто выступает *заместо,* в роли последнего — не *чтобы,* а *что*: *Вместо чтоб* кричать/взял бы сам да сделал//; *Заместо что* ругаться/разберись сначала//; *Вместо что* приехать помочь/токо пишут все "не утомляйся да не утомляйся"/надоело//

В просторечии наблюдается трансформация некоторых двухместных союзов, состоящих из позиционно разобщенных элементов. Употребляется лишь один союз, тогда как второй, необходимый по норме, отсутствует: Теперь мы значит это. . . ни звуку/сидим/вдруг прожектор/*не то* немец летит на разведку/а нас-то он не видит/по канаве мы все темные сидим//; Наверху всю ночь плясали/пели/*то ли* свадьба у кого/всю ночь не спала//; А зимой к ней приезжал ктой-то/навещал/*то ли* брат/я не знаю/представительный такой/лет так пятьдесят//. В литературном языке союзы *то ли . . . то ли*; *не то . . . не то* обязательно двукомпонентны. Еще пример: А. Расскажите что-нибудь про войну/как было/как помнится Вам//. Б. В каком смысле помнится? В смысле работы/*то* конечно мы работали//. Ср. полагающееся по норме: *если. . . то.*

Распространено и такое явление: говорящий ощущает двукомпонентность союза и старается сохранить структурно эту двукомпонентность, прибегая к местоимению *ничего*: у меня *ни дачи / ничего* не было//; Приехали на рыбалку/дождь пошел/а там *ни кустика/ничего*/куда прятаться? Вставай/я заболела/*ни завтрак не могу готовить/ничего*//. Подобные построения встречаются и у носителей РР.

По литературной норме перечислительный ряд в таких высказываниях содержит минимум два компонента, *ничего* выступает как обобщающее слово: у меня *ни дачи/ни машины/ничего* нет//

Мы рассмотрели ряд синтаксических особенностей, отличающих просторечие от литературного языка. Задача дальнейшего исследования — проследить, каково соотношение литературного и нелитературного в речи "просторечника". Представляется также важным установить: 1) какие типы конситуативных высказываний, отмечаемые в РР,[43] употребительны и в просторечии (а следовательно, вообще свойственны устной спонтанной речи), а какие — характерны только для РР; 2) имеются ли такие типы конситуативных высказываний, которые употребительны только в просторечии.

В РР, как показало исследование Е.Н. Ширяева[44], все смысловые отношения между предикативными конструкциями в полипредикативных высказываниях могут выражаться без союзов и соотносительных слов. Интересно проследить, отличается ли просторечие от РР в этом аспекте: существуют ли такие типы смысловых отношений, которые в просторечии бессоюзно не выражаются.

Т.Е. ПОМЫКАЛОВА, Т.Я. ШИШКИНА, Л.А. ШКАТОВА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД РЕЧЬЮ ЖИТЕЛЕЙ г. ЧЕЛЯБИНСКА
(к проблеме "язык города")

Интерес к языку города, вновь усилившийся за последние годы в разных странах[1], не случаен. Рост городского населения[2], повышение роли в жизни общества процессов урбанизации[3] вызывают острую необходимость комплексного изучения города.

Выросло целое поколение людей, для которых городской быт — почти

---

[43] Характеристика конситуативных высказываний, употребляемых в РР, дана в кн.: *Земская Е.А. Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ.соч., с. 191—224.

[44] Там же, с. 224—273.

[1] См., например: Вопросы социальной лингвистики. Л., Наука, 1969; *Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1979; Русская разговорная речь. Тексты. М., Наука, 1978; *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., Наука, 1976; *Лабов У.* Отражение социальных процессов в языковых структурах. — В кн.: Новое в лингвистике, вып.VII . Социолингвистика. М., Прогресс, 1975; *Brabcová R.* Městská mluva v Brandýse nad Labem. Praha, 1973; *Labov W.* The Social Stratification of English in New Jork City. Washington, 1966; Sprachliches Handeln-soziales Verhalten. München, 1976; Wybór tekstów języka mówionego mieszkańców Krakowa. Kraków, 1979.

[2] "Только за 20 лет (1950—1970 гг.) городское население земного шара выросло почти в два раза (с 706 до 1400 млн. чел.)" (см.: *Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация. Основные тенденции расселения. М., Статистика, 1976, с. 5).

[3] См., например: *Бердников Н.* Город в двух измерениях. Свердловск, 1979; *Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И.* Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М., Наука, 1975; *Грузинов А.С., Рюмин В.П.* Город: управление, проблемы. Л., 1977; Демография и экология крупного города. Л., Наука, 1980; Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования. М., Политиздат, 1980; *Посохин М.В.* Город для человека. М., 1973; *Перцик Е.Н.* Город в Сибири. Проблемы, опыт, поиск решений. М., Мысль, 1980; Социологические исследования города. М., 1969; *Труфанов И.П.* Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973; Урбанизация и рабочий класс в условиях НТР. М., 1970; Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972; *Хорев Б.С.* Проблемы городов (Урбанизация и единая система расселения в СССР), М., 1975.

единственная форма существования, а городское общение привычно и естественно.

В нашей стране актуальность изучения языка города определяется, помимо сказанного, движением за превращение городов в центры высокой культуры производства и быта. При этом, естественно, возрастает борьба за высокую культуру речи горожан, что диктует необходимость выявления и описания элементов просторечия, представляющего собой отклонения от норм литературного языка, т.е., по терминологии Ф.П. Филина, "внелитературного просторечия"[4]. Приобретает важное значение разработка методов исследования языка города.

На протяжении ряда лет филологи Челябинской обл. наряду с изучением говоров Южного Урала и Зауралья ведут записи устной речи горожан, организуя диалектологическую практику не только в сельской местности, но и в городах областного подчинения, в городских поселках, в самом Челябинске[5]. Лингвистическое изучение города — одна из задач созданной на базе Челябинского государственного университета Межвузовской лаборатории устной речи.

Большая советская энциклопедия определяет город как "крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры"[6]. В.И. Ленин писал: "... города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса"[7].

"Постепенно преодолевать существенные различия между городом и деревней" — одна из важнейших задач социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г.[8]

"Городской" в сознании людей обычно воспринимается как более культурный: разнообразие жизненных укладов, потребностей, вкусов, привычек, языковых навыков в условиях интенсивного общения нивелируется путем выработки стереотипов поведения, признаваемых в данном коллективе корректными, вежливыми.

Язык, или "языковой быт", города образуют исторически сложившиеся и социально закрепленные языковые средства, обеспечивающие свободное, незатрудненное общение в его пределах.

Объектом наших наблюдений является устная обиходно-бытовая речь городского населения, тот "внутренний код" города, по которому опознается местный житель.

В устном речевом общении горожан прежде всего "чужаками", приезжими отмечаются лексические элементы: критерий "у нас так не говорят", "в городе N. говорят так" прежде всего относится к слову. Очевидно, можно указать лексемы ограниченного употребления, как лакмусовая бумажка свидетельствующие о регионе или конкретном городе, в котором живет (или долго жил) говорящий. Даже поверхностное наблюдение выявляет такие слова, как обращение "дама" в речи жителей южных городов, как ленинградское "вставочка" для обозначения ручки, как челябинское "полуторка" для называния однокомнатной квартиры.

---

[4] *Филин Ф.П.* О просторечном и разговорном в русском литературном языке. — Филол. науки, 1979, № 2, с. 22.

[5] См.: *Житников В.Ф., Тимофеев В.П., Турбин Г.А., Глинкина Л.А., Шкатова Л.А.* Программа диалектологической практики. Челябинск, 1980, с. 26—35.

[6] БСЭ, Изд. 3. т. 7. М., Советская энциклопедия, 1972, с. 111.

[7] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.

[8] Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981, с. 137.

"Обширность и прерывность территории распространения языка затрудняют и даже исключают постоянные связи между всеми членами национально-языкового коллектива, обладающими различными навыками, — пишет Р.Р. Гельгардт. — В различных, часто отдаленных друг от друга районах распространения языка появляются те или иные черты своеобразия или местные "отступления" от общелитературной нормы"[9].

Можно указать на два основных источника своеобразия речи горожан: диалектные навыки и условия жизни. Изучение речи горожан Челябинской обл. со всей очевидностью доказывает, что статут города не дает нам основания говорить об отсутствии диалекта в данном населенном пункте. Однако большинство уральских городов не имеет единой диалектной базы, так как промышленное освоение Урала сопровождалось массовым переселением разнодиалектного населения. С другой стороны "тесная бытовая спайка" горожан способствовала созданию единого языка бытового общения, включающего диалектную лексику различного происхождения. Широкое распространение в уральском регионе получили такие диалектные слова, как: *взъём* — 'подъем на ноге', *водиться* — 'нянчиться', *вица* — 'прут', *голбец* — 'подпол', *галить* — 'вести игру в прятки', *навяливать* — 'навязывать что-либо', *шоркать* — 'тереть с целью вычистить, вымыть' и под.

Употребление этих и подобных им диалектных по происхождению слов в речи горожан-уральцев вполне естественно, так как обычно не затрудняет общения, не вызывает переспросов, недоумения. Они встречаются в речи различных социальных групп, в том числе лиц, владеющих литературным языком: Нынче кто не *водится*? Не с внуком так с племянником/а то и так//; Придешь мне спину *пошоркать*?; Кто это тебе опять *навялил*? Уработаешься!; С таким *взъемом* только югославские сапоги//; Да бабка раньше чуть что *вичкой-вичкой*//; Он бывало раз по пять *галил*//

Поскольку большинство записей сделано нами от руки в условиях непринужденного общения и они не имеют точной характеристики информантов, мы опросили экспертов-преподавателей и студентов пединститута и университета, которые подтвердили широкое распространение приведенных слов в устной речи челябинцев. Однако большинство опрошенных отметили, что употребляют эти слова лишь в неофициальной обстановке.

Т.И. Ерофеева, выделяя диалектные слова в речи пермской интеллигенции, называет их пермизмами, признавая возможность более широкой территории распространения подобных лексем, чем Пермская обл. Мы считаем возможным обозначить слова, имеющие широкое хождение в пределах региона, термином р е г и о н а л и з м ы.

Ядро регионализмов составляют слова, прошедшие путь от диалектных через полудиалект к городскому просторечию. Помимо приведенных, в речи жителей городов Челябинской обл. отмечены и другие регионализмы просторечного характера: *вехотка* — 'мочалка', *вехоть* — 'тряпка для рук, для стирания со стола', *гомонок* — 'кошелек', *заплот* — 'забор', *залавок* — 'кухонный стол', *катушка* — 'ледяная горка', *миска* — 'кастрюля', *пельменница* — 'шумовка', *скорлупки* — 'очистки, чаще от картошки', *стайка* 'сарай, кладовка', *шаньга* — 'лепешка, запеченная со сметаной'.

Для лиц, владеющих литературным языком, подобные регионализмы существуют как варианты: Товарищи! *Гомонок* кто потерял? *Кошелек* чей?; Там на площади *катушку/горку* сделали//

Для тех, кто не вполне овладел нормами, просторечные регионализмы могут быть единственным средством выражения. Так, в хозяйственных

---

[9] *Гельгардт Р.Р.* О литературном языке в географической проекции. — ВЯ, 1959, № 3, с. 95.

магазинах городов Златоуста и Сатки можно увидеть таблички у товаров: *"Залáвок,* Цена 54 р." *"Пельмéнница.* Цена 1 руб. 54 ком."; *"Миска,* Цена 2 руб." Во время экспедиций по городам горнозаводской зоны Урала мы часто встречали объявления: "Продается *залавок*..."; "Имеется в продаже *комодка*..."; "Поступили *численники*..."; *"Продается дом с низом"*...

Некоторые из этих регионализмов настолько широко распространены, что находят отражение в местной печати без пояснения и особого стилистического задания: К дежурному по Копейскому отделу внутренних дел майору милиции И.Г. Трояну обратился молодой человек: "У меня украли мотоцикл! Сломали *стайку* и угнали" (Челябинский рабочий, 31.VIII.80 г.).

С точки зрения челябинской интеллигенции эти слова не всегда расцениваются как просторечные: языковое сознание воспринимает их как инородные лишь при сопоставлении с нормативными явлениями, с отличным от данного словоупотреблением. Как правило, с жителем того же города беседа ведется на том внутреннем языковом коде, который понятен говорящим. Если в разговоре участвует приезжий, "чужой" для данной языковой среды, то носитель литературного языка, как правило, использует общелитературную лексику, поясняя регионализмы "у нас т а к говорят": Пойдемте *жарёху* есть/грибы жареные у нас так говорят//; *Груздя́нка*/она не обязательно из груздей//Это мы так называем *груздянка*//

Расцениваются как просторечные скорее те слова, которые несут печать вульгарности и не свойственны нейтральной речи образованного городского населения. Они воспринимаются как нарушение норм речевого поведения: *шара́га* — 'работа', *спецу́ха* — 'спецодежда', *вино, белое вино* — 'водка', *салфетка* — 'скатерть', *рассыпуха* — 'дешевое вино', обращения типа *ребя́*! — 'ребята!', *пáря*! — 'парень!'.

Наши наблюдения подтверждают мнение Т.И. Ерофеевой о том, что слова типа *синявки, красноголовик,* проникнув в разговорную речь жителей Перми, почти вытеснили литературные обозначения *сыроежки, подосиновик*[10].

Таким образом, судьба регионализмов, имеющих диалектное происхождение, различна: одни из них утвердились в разговорной речи местного городского населения, заменив литературные слова, другие используются как вариантные наряду с общепринятыми обозначениями, преобладая в коммуникативном акте, участники которого — жители одного региона, третьи маркируются как сниженные, просторечные и осуждаются носителями литературного языка.

К явлениям регионального характера относится и высокая степень частотности просторечных частиц *айда*!, *чо?*, *ну'*. Они вносят в речь местной интеллигенции просторечную окраску и осуждаются людьми, способными контролировать свою и чужую речь. Так, местный поэт Л.В. Чернышев пишет:

А теперь в ракетный век с аттестатом человек,
Как извозчик в старину, тянет почему-то "Ну-у!"
К рыбаку спешит рыбак. Разговор проходит так:
— Рыбка плавает по дну ... — Ну.
— А поймал ты хоть одну? — Ну.
Загорал ли ты на пляже? Есть ли валенки в продаже?
Посмотрел уже кино? Ждешь автобуса давно? —
Десять пальцев я загну, а в ответ все то же — "Ну-у!"

Вторая разновидность регионализмов — местные слова, порожденные

[10] *Ерофеева Т.И.* Указ. соч. с. 55—45.

особенностями быта данного города. Так, имеют ограниченное употребление номинации *единый* — "единый проездной билет для проезда всеми видами транспорта" преимущественно в городах, где есть метро; *карточка* — "месячный проездной билет" (записано в Ленинграде), *баллон* — "трехлитровая стеклянная банка"(записано в Краснодаре).

Социальная практика показывает, что регионализмы этого типа вызывают затруднение в общении людей, владеющих литературным языком, но приехавших из разных городов. Так, регионализм *полуторка,* широко распространенный в речи челябинцев со значением 'однокомнатная квартира', имеет иное значение в литературном языке и в городском просторечии других регионов: 'машина грузоподъемностью полторы тонны', 'полутораспальная кровать' и под. В связи с этим печатавшиеся в челябинских газетах объявления об обмене *полуторок* приводили к недоразумениям с жителями других городов, и их пришлось изменить, используя литературную номинацию "однокомнатная квартира".

Во время экспедиции по лингвистическому изучению г. Златоуста Челябинской обл. студентки из Челябинска не могли понять следующую просьбу пассажиров трамвая: — *На размен* и один билет//. Эти слова сопровождались протягиванием десятикопеечной монеты и означали, как затем выяснилось, что необходимо передать деньги водителю и, получив три талончика, на один из них купить трамвайный билет.

Многим знакомы ситуации, когда в общении с жителями других городов встречаешь номинации, затрудняющие общение: Дама! Вы опустили деньги в *копилку*? (Ростов-на-Дону); Мимо *метротра́ма* пройдете... (Волгоград).

Наименование кассы в средствах транспорта "копилкой", скоростного трамвая "метротрамом", вероятно, не вызовет препятствий в общении жителей указанных городов, но для приезжего они должны быть пояснены.

Рассмотренные регионализмы по своему характеру однородны в том отношении, что называют предметы и явления, известные городскому жителю большинства или всех городов. Изучение и сравнение их дало бы возможность более целенаправленно и активно вести работу по повышению культуры речи населения и выравниванию его в пределах всей страны.

Пятилетний опыт проведения диалектологической практики по языковому обследованию городов Челябинской обл. и три научные экспедиции, проведенные в городах Златоуст, Сатку, Юрюзань, явились основой для бесед по местному радио на тему: "Так ли мы говорим?". В ответ на радиобеседы пришло много писем от челябинцев, в которых подтверждалось бытование "местных" слов. Так, один из радиослушателей пишет: "Я приехал в Челябинск в 1943 г. (10.V.) — непосредственно из осажденного в ту пору Ленинграда, где я родился и закончил среднюю школу, и мне запомнились следующие обороты речи и слова *сели на улку* — это 'сели на скамейку на улице', *кто его напировал* — в смысле 'кто его напоил допьяна', *вихотка* — в Ленинграде это 'мочалка', *наруби чащу* — 'наруби хворост' (Г.Э. Паль, 5.XII.80).

Вот другое письмо, подписанное "Н.Г.": "Челябинск — мой родной город, и где бы я ни была, наша речь кажется мне самой правильной и благозвучной. Мы не "акаем", как москвичи, и не "окаем", как горьковчане. А слова: *полуторка* (однокомнатная квартира), *гомонок* (кошелек), *сарайка* (хоз. пристройка в основном раньше у бараков — для хранения продуктов, вещей и под.), *стайка* (пристрой в деревне у дома, в стайках содержится домашний скот) — действительно наши, и многие не знают даже, что они значат" (23.II.81).

Радиослушатели и челябинцы, слушавшие лекции о культуре речи, которые регулярно читаются членами Межвузовской лаборатории, приводили примеры, когда их "по речи", "по слову", "по говору" узнавали в других местностях. В качестве наших, местных слов приводились такие, как *би́рка* — 'номерок', *ку́льбики* — 'валуи', *оча́г* — 'печь', *мокроси́ть* — 'моросить', *настря́пать* — 'набедокурить', *ладом* — 'хорошо' и под.[11]

Эти примеры свидетельствуют о том, что языковое сознание говорящих выделяет региональные лексемы, что горожане не безразличны к своей и чужой речи.

Очевидно, необходимо продолжать изучение и сопоставление региональной лексики городов. Для описания "языкового городского говора" необходимы не только полевые наблюдения, включающие магнитофонные и ручные записи устной речи горожан любых профессий, но и социолингвистические исследования языка рабочих, представляющих собой большую часть населения промышленных городов.

З.С. САНДЖИ-ГАРЯЕВА

ПРОСТОРЕЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В УСТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ г. ЭЛИСТЫ

Лингвистическое описание речи города — задача многоплановая и сложная. Начатое в конце 20-х годов по призыву Б.А. Ларина изучение городской речи в наше время достигло заметных результатов в виде фундаментальных трудов по русской разговорной речи (см. работы О.А. Лаптевой, Е.А. Земской и коллектива сотрудников Института русского языка, О.Б. Сиротининой и др.). Разговорная речь включает в себя устную непринужденную речь лиц, владеющих нормами русского литературного языка, т.е. это преимущественно речь городской интеллигенции. Менее исследованы другие устные речевые сферы, в частности — городское просторечие. В термин "просторечие" в современном языкознании вкладывается двойное содержание. Ф.П. Филин предлагает различать два вида просторечия[1]: 1) "просторечие как стилистическое средство литературного языка", 2) "просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком".

Как известно, просторечие надтерриториально. Л.И. Баранникова отмечает: "Утрата территориальной ограниченности — одно из основных отличий просторечия от территориальных диалектов. Однако эта утрата не является полной"[2]. Изучение локальных особенностей просторечия представляется необходимым и актуальным не только с точки зрения его диалектных основ, но и в аспекте национально-территориальном.

---

[11] Интересно, что регионализмы в письмах и устных высказываниях получали различную оценку. Как сниженные, просторечные, не свойственные культурным людям оценивались обычно не слова, имеющие местную окраску, а слова вульгарные, грубые. Так, кузнец А. Панюков пишет в редакцию: "Как-то обращаясь ко мне гл. инженер нашего колхоза Волков В. говорит: "У меня телевизор не па́шет — а до этого пахал". — "Сейчас зима, земля застыла вот и не пашет", — ответил я, а ему неудобно стало, ведь главный инженер и такое объяснение" (Троицкий р-н, колхоз им. Ленина, 28.I.81 г.). Слово *пашет* в переносном значении не принадлежит к числу узко местных.

[1] *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка. — ВЯ, 1973, № 2, с. 7.

[2] *Баранникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка. — В кн.: Язык и общество, вып. 3, Саратов, 1974, с. 9.

Элиста — столица Калмыцкой автономной республики. Население Элисты по данным на 1980 г. составляет 70266 чел. Из них русских 35810 чел., калмыков — 30381 чел., лиц других национальностей — 4075 чел.

Калмыкия находится в географическом соседстве с территориями распространения южнорусского говора — областями: Астраханской, Волгоградской, Ростовской; краями: Ставропольским и Краснодарским. Для коренных жителей Элисты — русских характерна речь, сочетающая южнорусские диалектные черты с сильно выраженными украинскими элементами.

Разнородность социального, национального и культурного состава населения Элисты не позволяет говорить о единстве в речи города, о сложившихся речевых традициях.

Внелитературное просторечие г. Элисты неоднородно. Основу его составляет общерусская просторечная стихия. Локальный колорит просторечию сообщает сильно украинизированное южнорусское диалектное окружение.

При описании устной речи г. Элисты необходимо также учитывать его национально-территориальные особенности, поскольку русский язык здесь функционирует наряду с калмыцким. В связи с этим, видимо, следует разграничивать такие объекты изучения: речь русских в условиях национального языкового окружения; русская речь лиц, для которых русский язык неродной.

Объектом нашего исследования была главным образом речь русского населения, лишь отчасти мы привлекали речь той части калмыков, которые русским языком владеют как родным или лучше, чем родным. Описывается преимущественно речь людей, не имеющих высшего и среднего образования. Вместе с тем отмечаются случаи употребления просторечных элементов в литературной РР[3].

В задачи статьи входит дать самый общий обзор просторечных элементов, наиболее часто встречающихся в устной речи элистинцев. Городское просторечие — одна из малоисследованных областей русского языка. Термин "просторечие" обычно связывается с лексикой. Другие уровни языка с этой точки зрения изучены недостаточно. В статье излагаются некоторые наблюдения над просторечными элементами в произношении, ударении и грамматике. Под просторечными понимаются явления, находящиеся за пределами норм литературного языка, распространенные в речи малообразованных людей.

Просторечную окраску придают устной речи элистинцев некоторые особенности произношения. К ним можно отнести южнорусское [γ]. Оно свойственно не только носителям просторечия, но и местной (русской) интеллигенции коренного происхождения. Гораздо реже [γ] встречается в речи образованных калмыков. Твердое произношение [р] на месте мягкого в позиции перед [и] зафиксировано у лиц малограмотных, как русских, так и калмыков. Например: *Прышел* с работы; *Прыехал* автобусом; Ну, что *рышили?*; Пошел на *прынцип;* Закрыто там, *рывизия;* Вот он, *нарысовался.*

Местный характер этого явления объясняется влиянием украинского языка.

Гораздо реже встречается произношение [ш͡] в соответствии с литературным [ш͡'] в словах типа: *трудя* [ш͡]*ие, буду* [ш͡]*ее, за* [ш͡]*итна, за* [ш͡]*итник, пи* [ш͡]*ит.*

Одним из ярких признаков элистинского произношения является отсутствие редукции неударяемых гласных, поэтому все гласные звучат с

[3] Под РР (разговорной речью) мы понимаем непринужденную, неофициальную речь людей, владеющих русским литературным языком.

одинаковой длительностью. Например: *Галава* не работает; *Харашо палучается; Напугала ж* ты меня; Ну, *прачитала?*; *Пачему* не хочешь? Эту особенность нельзя считать собственно просторечной, она распространяется на разговорную и даже на официально-публичную речь.

Широкое распространение в Элисте получило произношение твердых согласных звуков в таких словах, как *шинэль* (вариант — *шинэлка*), *пионэр* (*пионэрский*) „ *кофэ, тэрмос, тэрмин* и др. Если *шинэль* и *пионэр* — принадлежность речи недостаточно грамотных людей, то *тэрмос* и *тэрмин* нередко употребляются в интеллигентской речи старшего поколения, как русских, так и калмыков. Слово *кофэ* подобным образом произносится в Краснодаре, Ставрополе и Ростове во всех разновидностях устной речи. По-видимому, это можно объяснить влиянием украинского языка.

Типичным для элистинского просторечия является нарушение норм словесного ударения. Южнорусское и украинское влияние создает устойчивый тип ударения, который, будучи просторечным, накладывает отпечаток на всю устную речь города — разговорную и публичную. В глаголах *брать, взять, ждать* в форме ж.р. прошедшего времени ударение регулярно переносится на корень: *бра́ла, взя́ла, жда́ла.* Примером могут служить диалоги в общественном транспорте:

Я ж, говорю вам, что *бра́ла* билет; Я *жда́ла-жда́ла,* когда вы возьмете билет; Я уже *взя́ла.* В приставочных глаголах ударение, как правило, переносится на предпоследний слог: *разобра́ла, отда́ла, переобра́ла*[4]. Этот тип ударения, типичный для речи русских, не характерен для калмыков. В глагольных формах им свойствен литературный вариант ударения.

Кроме этого, отмечается целый ряд случаев нарушения акцентологических норм, не обусловленный украинским или южнорусским влиянием. Такие нарушения встречаются в одинаковой степени часто как в речи русских, так и калмыков. Примеры: *кило́метр, по́ртфель, искра́, кресло́, ква́ртал, и́наче* — бытуют не только в просторечной сфере, но и в речи местной интеллигенции (нефилологов). Так на фоне правильной литературной речи многих элистинцев можно услышать такие варианты: *Кило́метр* будет; 101-ый *ква́ртал;* Полный *по́ртфель;* А это *кресло́* на колёсиках?; *И́наче* будут неприятности. Кроме этого, можно привести некоторые типичные случаи нарушения норм ударения в отдельных словоформах: *красиве́е, шофе́ров, хозяева́, средства́* и т.д. Примеры из речи: *Шофе́ров* не хватает; *Слесаря́* все на вызовах; Нет, в Сочи *красиве́е.* Глагол *звони́ть* в формах 2-го и 3-го лица имеет ударение на корне (*зво́нишь, зво́ните, зво́нит, зво́нят, позво́нят* и т.д.). Они употребляются во всех сферах устной речи, в том числе и в речи элистинской интеллигенции.

Значительный пласт просторечных элементов представляют различные грамматические явления.

Отметим ряд явлений из области глагольного словоизменения. Для носителей просторечия Элисты характерно использование флексии *-ут* в личных формах глаголов *слышут, ходют, ненавидют, кормют, дышут.* Можно назвать три глагола, которые в элистинской речи дают самое большое количество просторечных форм: *хотеть, класть, лечь.* При спряжении глагола *хотеть* обнаруживается стремление к выравниванию форм ед. и мн. числа: *хочем, хочете, хочут.* В речи лиц малограмотных эти формы наиболее употребительны, в речь же лиц, недостаточно овладевших литературным языком, они проникают как оговорки и говорящий, как правило, их

[4] К.С. Горбачевич рассматривает накоренное ударение в приставочных глаголах как сниженные (разговорные) варианты литературной нормы (см.: Вариантность слова и языковая норма. Л., Наука, 1978, с. 109).

исправляет (*хочете — хотите*). Возможна обратная аналогия, чаще всего в форме 2-го лица: *хоти́шь* (*как хоти́шь*) и *хоти́т* (*не хоти́т, не надо*). Глагол *лечь* (*лежать*) имеет аналогичную систему форм: *лягу, лягишь, лягит, лягим, лягите, лягут.* Или — *ляжу, ляжешь, ляжет, ляжем, ляжете, ляжут.* Примеры: Гости где *ляжут?*; Где вы *лягите?*; — Я щас *ляжу;* (о ребенке) Она так не *лягет,* надо попеть.

В устной речи Элисты не только в просторечии, но и в РР широко распространено специфичное для просторечия соотношение глаголов *класть — положить.* Стремление избавиться от суплетивизма в исходных формах дает: *класть — покласть, положить — ложить.* Ударение колеблется (*поло́жить — ло́жить* и *положи́ть — ложи́ть*). *Ложить* при спряжении в настоящем вр. имеет формы: *ло́жу* (*ложу́*), *ло́жишь, ло́жит, ло́жим, ло́жите, ло́жат.* В прошедшем вр.: *ло́жил — ложи́л, ло́жили — ложи́ли.* От глагола *покласть* образуются формы наст.-буд. вр.: *покладу, покладёшь, покладёт, покладём, покладёте, покладут.* Аналогично спрягаются производные с другими приставками (*скласть, раскласть*). Примеры: Книги надо *скласть* в ящик; *Раскладу* белье по полкам; Где *покладёшь,* никогда не лежит; Куда же вы *ло́жите* сумку? Подходишь, *ложишь* рубль и все. Типичным для носителей просторечия (лиц малограмотных) является отсутствие чередования "задненязычный — шипящий" в глаголах *печь, стеречь, беречь, сечь* и т.д.: Сама *пекёт;* Дождь-то как *секёт;* Ни капли мать не *берегёт;* Совсем не *берегёшь* здоровье; *Отволокёт* и придет.

В студенческом жаргоне бытуют выражения: *Не секёт, не волокёт* в значении 'не разбирается', 'не понимает'. Например: Он в органике *не секёт;* В технике *волокёт* здорово.

Глагол *жечь* в устной речи элистинцев, включая РР, чаще дает форму *жгет,* вариант *жжёт* встречается лишь у лиц, вполне владеющих нормами литературного языка.

Устойчивый характер имеют для описываемого региона нарушения в образовании форм повелительного наклонения. Например, от глагола на *-ива-* образуются формы: *застегай, расстегай, накопляй, затопляй, отряхай.* Примеры: Снег-то *отряхайте; — Расстегай* пальто, жарко; *Накопляй* денег и поедешь; *Застегай, застегай,* не лето.

Несколько вариантов просторечных форм повелительного наклонения глагола *ехать: едь, езжай, ехай.* Более употребительна в просторечии Элисты форма *ехай,* форму *езжай* можно услышать у людей, вполне владеющих языковой культурой. Литературное *поезжай* почти не используется.

Типично также употребление форм на *ч, ж* (вместо принятых в литературном языке форм на заднеязычные *к, г*): *ляжь, приляжь, бежи, толчи* и т.д.; *Приляжь,* полежи; *Бежи* быстрей, а то опоздаешь.

Из двух вариантов форм глаголов настоящего вр. *махает — машет, полоскает — полощет, плескает — плещет, брызгает — брызжет* и т.д. в речи элистинцев, не вполне владеющих литературными нормами, используется первый, особенно последовательно в речи калмыков. Последнее объясняется влиянием продуктивного словоизменительного класса глаголов на *-aj* (*ет*) (*работает, делает* и под.). Формы типа *сыплет, треплет* зафиксированы только в речи филологов и лиц, близких к книжной культуре.

Заметное количество отклонений, оцениваемых как просторечные, обнаруживается в грамматике и других частях речи. Остановимся лишь на некоторых из них.

Для элистинского просторечия характерны нелитературные формы местоимений *он — она* в сочетаниях с предлогами. Лица малограмотные говорят: в муж. роде: *у их, с ими, под ими, про их, от их* и т.д.; в женском роде: *с ей, от ей* (Я *с ей* работала (твор.); я *от ей* иду; какой *с ей* спрос).

В литературной РР встречается вариант *у ней.* Приметой элистинских диалогов в очереди является своеобразная форма вежливости. При указании на одно лицо используется форма мн. ч. *они.* Например: А Вы за кем? — Я *за ними* (указывая на стоящего впереди человека); — Кто последний? — Вот *они* за мной, отходили (показывая на женщину).

В Элисте вместо притяжательного местоимения *их* подавляющая часть говорящих по-русски использует форму *ихний* (кроме филологов). Опрос, проведенный среди представителей лиц со средним образованием, обнаружил отсутствие колебаний в употреблении форм *их — ихний*, т.е. полную победу *ихний.* Сомнение высказывают лишь лица с высшим образованием, близкие к гуманитарным профессиям. Частотно также наречие *по-ихнему,* которое наследует просторечную окраску местоимения.

Следует отметить употребление вопросительного местоимения *хто* вместо *кто.* Оно широко употребительно в речи коренных русских, а также лиц, переселившихся из сел.

Как просторечное можно квалифицировать возникшее под влиянием украинского языка употребление местоимения *сам, сама* вместо *один, одна*: — Вы с мужем едете? — Нет, я *сама* еду; Он *сам* уехал на дачу, семью не взял; — У вас семья? — Нет, я живу *сама.* Случаи такого употребления зафиксированы в РР Элисты, а также в речи местного радио и телевидения. Более узкую сферу имеет употребление местоимения *то* вместо *это.* Например: (показывая на приближающийся к остановке автобус) — *То* какой автобус? — Пятерка. — Я думала *то* девятка идет; — *То* не больница, *то* горсовет, а больница дальше.

Литературной нормой предписывается различение форм числительных *обоих — обеих*[5]. В Элисте неразличение этих форм свойственно не только носителям просторечия, но и лицам, владеющим литературным языком. Записано: с *обоих* сторон, *обоими* руками, *обоих* рук, у *обоих* дочерей. Например: Ковры на *обоих* стенах; Схватил *обоими* руками; *Обоих* дочерей квартиры. Аналогично смешение форм *двух — двоих, двумя — двоими:*

Пустила *двух* парней на квартиру; Приехала с *двоими* детьми. Отметим, что у калмыков это неразличение поддерживается отсутствием категории рода в родном языке.

Среди других просторечных явлений грамматики в речи элистинцев можно назвать: склонение несклоняемых существительных (*польта, польт, польтами*), замену нулевой флексии в род. мн. флексией *-ов* (*делов, местов*), ненормативное склонение слова *дитя* (*дитём*), суффикс *-ше* в формах сравнительной степени прилагательных *красивше, ширше, длиньше,* суффикс *-ее* вместо *-е*: *бойчее.*

Записи устной речи в Элисте позволили выявить некоторые несвойственные литературному языку конструкции. Одни из них могут оцениваться как общеупотребительные, другие как региональные, чаще всего возникшие под влиянием украинского языка. В частности, для элистинцев типично широкое употребление предлога *с* (в соответствии с литературным *из*). Так, наряду с нормативными сочетаниями *слезть с крыши, спуститься с горы, прийти с собрания* широко употребляются конструкции *прилететь с Москвы, приехать с Ростова, приехать с деревни, прийти со школы, иду с магазина, с университета, с больницы* и т.д. Конструкции приведенного типа можно объяснить влиянием украинского языка, они распространяются на

---

[5] См. об этом: *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. М,. Наука, 1976, с. 256.

речь местной интеллигенции, как русской, так и калмыцкой, встречаются в публичных выступлениях. Предлог *до* имеет в русском литературном языке ограниченную сферу употребления, он закреплен за глаголами с приставкой *до* и некоторыми другими: *дойти до края, добежать до финиша.* В устной речи элистинцев предлог *до* употребляется и с другими глаголами движения, заменяя при этом другие предлоги, например, *к* с обстоятельственным (локальным) значением: *пошел до брата, ходил до матери, поехал до сына, ходил до врача.* (Надо *сходить до зубного,* зуб вырвать; — Куда ты? — Да *до матери,* надо проведать). Реже *до* используется вместо *в*: Надо *сходить до магазина.*

Для элистинского просторечия характерно избыточное употребление частицы *ж* (просторечного варианта *же*). Примеры в диалогах: — Возьми зонт. — Беру *ж*; Я *ж* думаю, придешь или не придешь; Да вот *же ж,* и я думаю; Я *же ж* говорила; — Хлеб купила? — Да купила *ж.* Конструкции с частицей *ж* имеют своеобразное интонационное оформление в обиходной речи (у нефилологов). В речи интеллигенции встречаются довольно редко.

Для просторечия г. Элисты показательны такие устойчивые конструкции, как *смеяться с кого-то, скучать за кем-то.* Например: Я *с него* так *смеялась; Умрешь (со смеху) с тебя; С меня* там все *валялись; С меня* там все *упали со смеху;* Я *с этого артиста лежала.* Глаголы *умирать, подыхать, валяться, лежать, кататься* употребляются здесь в сочетаниях в значении 'смеяться'. Также частотно сочетание *скучать за кем-то*: Я *за тобой соскучилась;* Будешь *за мной скучать?; Скучаешь за мамой?* Нередко встречаются сочетания с глаголами *слышать, знать,* например: Она *за него* (о нем) *слушать* не хочет; — Что ты *знаешь за Любу?* Пишет она? — Нет, я *за нее* ничего *не знаю.*

Итак, в устной речи жителей г. Элисты, обнаружены следующие особенности общерусского городского просторечия: 1) в произношении: твердое произношение согласных перед [э] в некоторых словах (*шинэль, пионэр*), твердое произношение [ш] на месте [ш'] (*трудя*[ш]*ие*); 2) в ударении: нарушение норм словесного (*по́ртфель, кило́метр*) и грамматического ударения (*шофе́ров, средства́, хозяева́, звони́т*); 3) в грамматике: личные формы глаголов типа *ходют, кормют,* аналогическое выравнивание форм у непродуктивных глаголов *хотеть, лечь, класть,* отсутствие чередования при образовании форм глаголов *печь, беречь*; нарушение в образовании форм повелительного наклонение *отряхай, ехай, бежи*; изменение глаголов типа *махать, брызгать* по образцу *махает, брызгает*; образование нелитературных форм местоимений с предлогами *с ей, от ней, от ей, ихний,* форма вежливости *они* в значении ед. числа; неразличение форм числительных *обоих — обеих, двоих — двух,* склонение неизменяемых существительных *польта, польт,* замена нулевых окончаний флексией *-ов* (*местов, делов*), ненормативное склонение существительного *дитя* и нек. др.

К региональным признакам элистинского городского просторечия можно отнести следующие явления. В произношении: отвердение [р] перед [и] (*прышел, прынцип*), отсутствие редукции неударяемых гласных (*галава*), произношение слова *кофэ.* В ударении: ударение на основе в глагольных формах прош. вр. (*брала́, взяла́, по́няла, оторвала́*). В грамматике: употребление местоимений *сам, сама* в значении 'один', 'одна', местоимения *то* вместо *это,* употребление предлога *с* вместо *из* (*с Ростова, с магазина*), предлога *до* вместо *к* (*иду до врача, до матери*), избыточное употребление частицы *ж* (Я *же ж* сказала, Я *ж* думала); конструкции типа *смеяться с него; скучать за ним.*

Сочетание общеупотребительных просторечных черт с местными и составляет своеобразие речи г. Элисты. В речи г. Элисты (в отличие от цент-

ральных областей) еще ощутима диалектная основа, но вместе с тем прослеживается сильная общность с тенденциями развития так называемого "нового" просторечия русского языка.

Изучение речи городов Калмыкии только начинается. Оно актуально для разработки общей проблемы — локальные разновидности русского языка. Практическая надобность изучения просторечия обусловлена задачей повышения культуры речи как русских, так и калмыков.

А.А. ЗАКРЕБНЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ И РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В УСТНОЙ РЕЧИ

(на материале грамматики)

Достижения последнего десятилетия в исследовании разговорной речи привели к тому, что перед лингвистами острее встала проблема определения общего и частного в разных формах устной речи. Создавшаяся ситуация в первую очередь затронула вопросы, связанные с изучением просторечия, разговорной и диалектной речи, специфика функционирования которых касается разных языковых уровней: фонетики, лексики, словообразования и грамматики. В то же время все названные категории как устные формы бытования языка обладают целым рядом общих свойств. Так, например, О.А. Лаптева выявила важные общие закономерности в структуре предикативных конструкций разговорной и диалектной речи[1].

Сопоставление различных форм устной речи с диалектными явлениями не случайно. Многолетний опыт диалектологов позволяет подойти к некоторым предварительным обобщениям не только в области разговорной речи, но и в отношении просторечия. В одной из своих работ Л.И. Баранникова высказала предположение об особенностях использования грамматических форм в просторечии: "Просторечие не вырабатывает своей особой грамматической системы, а использует диалектные системы, соответствующим образом перерабатывая их"[2]. Данное высказывание имеет под собой прочную теоретическую базу, опирающуюся на исследование грамматических явлений в диалектной речи, в частности на специфику функционирования синтаксических явлений. В исследованиях диалектного синтаксиса, так же как и в отношении других диалектных явлений, определены элементы общие, употребляющиеся во всех говорах, — неразличительные, и элементы, используемые какой-то группой говоров, — различительные. Обобщение собранного диалектологами синтаксического материала позволило авторам раздела "Синтаксис" И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко в монографии "Русская диалектология" сделать вывод такого рода: "Элементы, общие для всех русских городов, не являются собственно диалектными — они свойственны также в большей или меньшей мере и территориально не варьирующимся разновидностям русского языка (литературный язык во всех его стилистических вариантах и просторечия)"[3].

Целью данной статьи является попытка проследить пути "переработки"

---

[1] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., Наука, 1976.

[2] *Баранникова Л.И.* Просторечие и литературная разговорная речь. — В кн.: Язык и общество, вып. IV. Саратов, 1977, с. 66.

[3] Русская диалектология. М., Наука, 1965, с. 173.

явлений грамматической системы диалектной речи в просторечные на материале как различительных, так и неразличительных элементов[4].

Материалом для анализа послужили наши исследования (в течение 1965—1981 гг.) синтаксиса словосочетаний и простого предложения в уральских городах и наблюдения за речью городских жителей г. Челябинска, а также и некоторых других уральских городов.

По-видимому, общей закономерностью при усвоении просторечием грамматической системы диалектной речи является отказ от тех элементов, которые составляют набор различительных грамматических особенностей, т.е. "освобождение от узкодиалектных элементов". Указанный процесс мы наблюдаем при функционировании синтаксических явлений в уральских говорах, которые в силу ряда исторических причин оказались оторванными от "родных" мест бытования и близко соприкасались, а иногда и смешивались с самыми различными по своему происхождению говорами[5].

Для старожильческих окающих уральских говоров характерно употребление так называемых двойных предлогов, например: *По-за* мосту спросите, где он живет; Старух некоторых вывозят *на-за* гумна; Спрятался *по-под* амбар; *До-по* зари ходишь с сабаном и др.[6] К различительным явлениям относят также встречаемые в наших говорах объектно-целевые конструкции с предлогом *по* и зависимым существительным в форме винительного падежа, например: поехать *по* дрова, *по* невесту; пойти *по* письмо, *по* велосипед[7]. Широко употребительна в уральских говорах объектно-целевая структура с предлогом *про* и зависимым именем существительным в форме вин. падежа, например: *Про* скотину надо припасти; Я *про* рыбу не оставила место. Зафиксирована только в уральских говорах конструкция с определительно-обстоятельственным значением, использующая в своем составе предлог *из-за* с именем существительным в форме род. падежа, например: Редкий мужик *из-за* бабы не гуляет (изменяет жене).

Все указанные явления имеют ярко выраженный диалектный характер, они осознаются носителями говора как особенности, свойственные деревенской речи. Многие носители говора знают об их синонимических эквивалентах, но употребляют первые в силу привычки. Отмеченные явления можно встретить и в полудиалекте, и в речи сельской интеллигенции, в устной и письменной речи учащихся сельских школ. Так, в разговоре с учителем одной из сельских школ была сделана попытка уточнить семантику конструкций с двойными предлогами. Учитель сумел объяснить их значение, прокомментировав толкование своими примерами, и заявил при этом, что его речи двойные предлоги не чужды. Приведем примеры из письменных работ учащихся средней школы: Маша положила его спать *по-под* дверью (4 кл.); Котовский приготовил *про* его гранату (5 кл.); Потом старик поехал снова *по* дрова (6 кл.).

Однако в речи горожан, очень далекой от норм литературного языка, указанные конструкции не были зафиксированы ни разу.

Значительно сложнее обстоит дело с неразличительными диалектными

---

[4] О просторечном характере грамматических явлений есть сведения в различных грамматиках русского языка, имеются и специальные исследования, см., в частности: *Гвоздина Л.К.* Разговорные и просторечные формы в грамматике. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[5] См. подробнее: *Турбин Г.А.* К лингвистической географии Южного Урала. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, Магнитогорск, 1961.

[6] См., в частности: *Скитова Ф.Л.* Двойные предлоги и словосочетания с ними в говорах Пермской области. — Уч. зап. Пермского ун-та, 1960, т. 16, вып. 1.

[7] См. об этом: *Скребнева А.А.* Соотношение предложно-падежных целевых конструкций в диалектной речи и современном литературном языке. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, вып. III. Челябинск, 1970.

явлениями. Как уже отмечалось, они есть во всех формах устной речи, но функционируют неодинаково. На условия употребления синтаксических форм оказывают влияние различные факторы: грамматические, лексические, явления синонимичности и вариантности, аналогии и контаминации. Попытаемся продемонстрировать действие указанных факторов на некоторых примерах.

Грамматический фактор. Говоры, в отличие от литературного языка, более привержены к использованию архаических конструкций. Так, утраченная современным литературным языком причинная структура, включающая в себя сочетание "глагол + *через* + В.п.", называет действие и лицо или предмет, являющийся причиной этого действия, ср.: *Состарились через их* (детей); *Через это* (пожар) *вот все дело сделалось.* В просторечии указанное словосочетание тоже находит себе место, например: *Через ее* (женщину) *не попала; Через квас и заболела.* В литературной разговорной речи челябинцев данная структура не отмечена. То же можно сказать и в отношении функционирования словосочетания, обозначающего время, в течение которого совершается действие. Оно включает в свой состав "гл. + *по* + + Д.п."и"гл.+*по* + В.п." — примеры отмечены как в диалектной речи, так и в просторечии: *По весне также вспашем; По осени придет из армии; Метали уж по два дни сено; Теперь по два дни выходных дают* — в разговорной речи указанные структуры не засвидетельствованы.

На особенность употребления синтаксической конструкции в устной речи может оказать влияние другая языковая среда. Так, в диалектной речи и в просторечии на Урале широко используется в побудительных предложениях междометные частицы, среди них частицы *айда — айдате.* Они зафиксированы в соединении с различными глагольными формами и выполняют роль предиката: 1) *айда — айдате* + глагол в форме повелительного наклонения, ср.: *Вы в обозе, айдате поезжайте домой; Айда куда-нибудь наймитесь; Айдате, бабы, спилите по березе.* При этом частицы могут повторяться для усиления категоричности приказа, например: *Айда-айда тряси косами* — или соединяться с другими частицами, ср.: *Давайте-айдате везите дров да ишо чо-нибудь*; 2) *айда-айдате* + глагол повелительного наклонения, омонимичный с глаголом 1-го лица мн. ч. настоящего или будущего времени, приведем иллюстрации: *Айда идем, беляши испечены* — заметим, что в диалектной речи и просторечии используются глаголы несовершенного и совершенного вида (*идем-пойдем*), в то время как для кодифицированного языка нормой является употребление только глаголов совершенного вида в составе аналогичных побудительных конструкций; 3) *айда-айдате* + + глаголы прошедшего времени изъявительного наклонения, например: *Да что ты будешь делать, айда пошли;* 4) *айда-айдате* + инфинитив, ср.: *Баушка, айда ужинать; Айдате к нам переезжать*; 5) *айда-айдате* выполняют самостоятельную функцию побуждения, например: *Сидишь, только кышнешь: айда! Ставят стог, подходит трактор, подцепил, айда; Айдате за нами; Я под окошком стою, айдате в народный дом; Надо идти самим, айдате сами — и собрались.* По-видимому, активное использование частиц *айда-айдате* в речи уральцев объясняется влиянием речи населения тюркского происхождения — в разговорную речь названные частицы не попадают.

Лексический фактор. Расширенное употребление круга лексем в составе синтаксической конструкции или, наоборот, его ограничение является, по-видимому, определяющим и в квалификации синтаксического явления как разговорного, просторечного или диалектного. Сошлемся на пример использования синонимичных предлогов *в* и *на* в структурах с пространственным значением. Конструкции с предлогом *на* указывают

на то, что действие совершается на поверхности предмета или направлено на его поверхность. В словосочетаниях с предлогом *в* обозначается действие, совершаемое внутри предмета или направлено внутрь его. В современной литературной речи круг лексем, возможный для сочетания с обоими предлогами и именами существительными в форме винительного или предложного падежей, весьма ограничен: сюда входят слова *кухня, двор, огород, поле*[8]. В уральских говорах состав лексем значительно расширен в аналогичных словосочетаниях: оба предлога *на* и *в* зафиксированы при именах существительных *край, сторона, степь, полоса, поле, двор, окоп, кухня, место, дупло, огород,* ср.: *На поле* поехали — В ворота скотину прогоняли *в поле;* Пришел он *на конный двор.* — Дяденька все-таки поставил *во двор* ее там; А меня уж из тюрьмы вывели *на кухню.* — А она эдак-ту идет *в кухню;* А потом увели *на степь,* так и расстреляли. — Да и уехал куда-то *в степь;* Кто разрешил *на заповедные места* забираться. — С Каменска возили бревна *в ново место;* И *на это дупло* залез. — Провалился *в дупло;* Мы *на окопах-то* мало поробыли тут. — Ну, столько лет томились *в окопах;* У нас, мы там жили *на краю.* — Там он *в краю* живет; Жили *на той стороне.* — А мы опять, здесь рядом были вот *в етой стороне-то.*

В просторечии количество лексем в анализируемых словосочетаниях меньше, так как исключаются из употребления в речи слова, закрепленные за определенной тематической группой — наименования предметов, часто встречающиеся лишь в жизни сельского жителя. Однако в словосочетаниях с зависимым компонентом именем, указывающим на сферу деятельности, название учреждения, куда направлено или где происходит действие, не наблюдается дифференциации значения при словах *завод, суд* как в диалектной речи, так и в просторечии, ср.: Да меня три раза *на суд* в Долматов район вывозили. — Он *в суд* на их подал; Сщас вот Геннадий тоже выучился *на заводе* в Челябинске. — А третья сноха *в заводе* робит.

В разговорной речи нами тоже зафиксированы случаи недифференцированного употребления существительного *суд* в конструкциях с предлогами *в* и *на.* Есть еще одно наблюдение: обычно существительные *университет* и *ректорат* используются в речи челябинских горожан с предлогом *в,* но в записях устной речи некоторых челябинцев нам встретились указанные существительные с предлогом *на*: поехал *на университет,* она *на ректорате.*

В уральских говорах и просторечии обычно за определенными топонимами закреплено употребление предлогов *на* или *в,* но по отношению к некоторым названиям населенных пунктов такой закрепленности не существует, поэтому эти названия могут входить в конструкции с обоими предлогами, например: Тут Пугачев по нашей деревни шел из Шадринска *на Верх-Течу.* — *В Верх-Течу* пешим ходили; *На Аргаяш* перебросили на камень. — Оне возили не в Кунашак, а *в Аргаяш;* А жили они *на Тахтамыше.* — У нас еще посев был *в Тахтамыше* за сорок километров; Эта опять жила *на Щучьем.* — Дочь моя теперь живет *в Щучьем,* может, слыхала?

Названные топонимы могут быть недифференцированно использованы в разговорной речи уральцев[9].

---

[8] См., например: *Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, с. 250.

[9] О соотношении конструкций с предлогами *с* и *из* и другими см., например, на материале уральских говоров: *Скребнева А.А.* Соотношение предложно-падежных конструкций с пространственным значением. — В кн.: Псковские говоры, вып. III. Псков, 1973; *Она же.* Некоторые особенности употребления в диалектной речи предложно-падежных конструкций с пространственным значением (на материале шадринского говора). — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, вып. V. Челябинск, 1972.

Явления синонимии и вариантности. Синтаксические конструкции в качестве членов синонимического или вариативного рядов в диалектной речи могут соотноситься несколько иначе, чем соответствующие структуры современного литературного языка. Так, например, в истории развития литературного языка шла длительная борьба за употребление в предикативной функции существительного в форме именительного или творительного падежей (он был *учитель — учителем*). Она закончилась победой творительного падежа. Говоры, в том числе и уральские, более консервативны: почти все позиции удерживает именительный предикативный, осторожно допуская творительный падеж в свои владения. Причем консервативнее оказались именно говоры позднего заселения — Урала, Сибири. Приведем некоторые примеры. В сказуемом при связке *быть* в форме настоящего времени современный литературный язык признает нормой второй именительный, то же и в говорах, хотя употребление творительного предикативного допустимо: *Он тракторист,* а она-то не работает нигде. — Сам-то инженер, *она-то учительницей; Я* на ферме *животноводом* был, *организатор* этой работы. — *Сын* его, Валька, этот опять *начальником* милиции, когда перва Советская власть-то была. Соотношение обеих форм наблюдается и при сказуемых со связкой *быть* прошедшего времени, но процесс проникновения творительного на позиции исконного функционирования именительного связан со спецификой употребления разных лексико-грамматических групп имен существительных, например, с именами собственными, неодушевленными, названиями лиц по отношениям родства, по характерному качеству, по роду деятельности, по вероисповеданию, с названиями животных; с названиями лиц по состоянию, являющемуся результатом предшествующей деятельности, используется только именительный падеж, ср.: *Вагановы они были,* фамилия-то; *Брат* сродный *был он* тебе, не племянник; А *они были двоеданы* какие-то немолящие; *Дмитриев — оратор был* хороший; *Родители — хозяева-то были;* Да и *изба-то одиночка была.*

Как в просторечии, так и в разговорной речи уральцев употребление сказуемого в форме творительного падежа весьма ограничено, хотя пока мы и не располагаем точными данными. В отношении говоров можно говорить о большей архаизации употребления второго именительного в сказуемом со связкой *быть* в будущем времени, например: Вот Федор как охлопочет, дык Арину в монастырь: *она певчая будет; Она* раньше была эта песня и долго еще *будет песня;* За богатого выйдет, и *красавец он будет* и все; *Я буду* вам *царь; Она* год не *работница будет.*

По говорам учтено соотношение конструкций, где возможна взаимозамена именительных предикативных форм: в пермских говорах 75% (им. п.) : 25% (тв. п.) [10], в сибирских говорах 80% (им. п.) : 20% (тв. п.) [11], в шадринском говоре 75% (им. п.) : 25% (тв. п.) [12]; данных по количественным соотношениям в просторечии и в разговорной речи пока в литературе не имеется. Однако, по-видимому, статистический фактор поможет выявить разную степень участия членов синонимического или вариативного рядов в разговорной и диалектной речи, а также и в просторечии.

---

[10] *Потапова Н.П.* Именительный и творительный предикативный в диалектной речи (по материалам говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской области). — В кн.: Живое слово в речи Прикамья. Пермь, 1972.

[11] *Власенко В.И.* Именное сказуемое в ангаро-ленских говорах. Канд. дисс. Иркутск, 1974.

[12] *Скребнева А.А.* Соотношение именительного и творительного предикативного при полузнаменательных глаголах в диалектной речи. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, Челябинск, 1977, вып. VII.

Итак, сопоставление функционирования синтаксических явлений в разных формах устной речи показало, что разговорная речь, диалекты и просторечие имеют много общего. Однако сам процесс функционирования грамматических форм протекает во всех видах устной речи неодинаково: 1) яркие диалектные черты сохраняются только в говоре или полудиалекте; 2) употребление общих синтаксических явлений различается по сферам устной речи факторами грамматическими, лексическими, по-разному распределяется соотношение членов синонимического и вариативного рядов, количественное соотношение грамматических категорий тоже не одинаково.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТЫ*

Записано в Ленинграде

I

А. — киномеханик, 57 лет
Б. и В. — филологи

А. Мама очень была хорошая/ и отец хороший// Отец у нас был такой только более суровый/ а мама у меня такая/ еще молодец/ приходила/ она танцевала/ (нрзбр.) она вообще пела очень хорошо// Она хотела поступить в э-э в это самое в Театральную/ тогда/ смотрелось как на театралку очень плохо// Отец в... ее дед/ заставлял только петь в церковном хоре// А у ней голос хороший// Она играла и на мандолине/ и на мандоле/ на пианино/ в общем на всех струнных какие есть э-э это самое/ так как она росла/ их человек шесть—пять их было/ и она одна сестра/ то у ней были (нрзбр.)// А учили ее плавать очень своеобразно// Ее с утеса сбрасывали в Волгу// И она раза два тонула/ третий раз все-таки поплыла//

* * *

А. ...вернулась после войны/ вышла замуж/ сын у меня/ уже 27 лет//
В. О-о/ уже большой совсем//
А. Большой/ кончил медицинский/ счас... работал он на периферии в очень тяжелых условиях// Он бывал там и хирург был/ он и терапевт/ и он все что угодно/ от и до/ работал// Три года отработал/ счас вот уже два месяца вернулся/ вернулся// Вернулся/ счас работает э-э хирургом/ ординатуру перешел в ординатуру хирургии/ так-то он терапевт/ но счас в хирургию перешел// В ординатуру// Вот он хочет хирургом быть//
Б. Интересный парень-то?
А. Он полный/ но метр восемьдесят восемь//
В. А-а//
А. Пятьдесят шесть костюм носит/ высокий в общем в...врач...
В. Интересный/ на вас похож?
А. Копия меня//
В. Да?
А. Во всех отношениях/ (правда?)
В. (нрзбр.)
А. Профиль папаша/ а прямо похож на меня/ очень// Ну/ характеры у нас сходные// И притом очень упрямый// Если он че... чего-нибудь задумал/ он стенки пробьет/ но своего добьется// Бывает/ что-то что он задумал/ это ведь бывает в не в мою пользу/ но он все равно добивается// Хоть я поплачу другой раз/ но все равно по-своему бывает// В этом

---

* Расшифровки текстов выполнены М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Тексты, записанные в Ленинграде (запись Е.А. Земской, М.В. Китайгородской) и Москве (текст I, запись М.В. Китайгородской, Т.С. Морозовой, Н.Н. Розановой), относятся к 1980 г.

отношении не всегда удобно// Но зато он захотел врачом/ он с четырех... с четвертого класса он уже в школе славился/ тем что он читал даже лекции по биологии/ десятый класс он знал много диагноз... диагностики знал/ и-и первый год он не набрал один балл/ не прошел// Он умеет и готовить/ он умеет печь/ он умеет ремонт сделать/ он починить/ постирать/ но так как он жил/ ему там никому не надо было/ приходилось самому все делать// Он/ в этом отношении он все умеет делать//

* * *

А. У нас еще два жильца// Кот Антоша и собака Джемма// Он оттудова привез ее// До того бывает очень смешно/ что положишь собаке хлебку/ нальешь/ а сверху куски там/ студня там/ косточки там берешь/ присыпешь/ кот никогда не ел этого/ только рыбу// Тут он подходит нахалом кусочек выберет/ кусочек ест// (*о собаке*) Но и с характером// Вот больших собачек он трепака дает// Если большая собачка/ если сама она его тронула/ счас больше э-э мужчина гуляет с немецкой овчаркой/ и как увидит Джемма/ он одевает на него поводок// Потому что было то что собака к нему подлетела/ и/ начала нападать на Джемму// А Джемма ее выдрала за это дело// Ну/ из-за этого теперь хозяйка видя Джемму одевает поводок// А маленьких/ хоть вот маленький налетает и все/ он не трогает маленьких э-э животных// Даже тут один пытался и куснуть/ маленький такой/ собачка/ его не трогал// Кот ведь его/ царапина у него на носу есть// И все-таки вот когтями его бьет/ а ведь не куснул// (*о коте*) Ну/ милый мой/ это просто тебе повезло/ а то бы хвостика не было за такую проделку// Кот идет к миске/ у него пробу снимает/ и собака переживает/ переживает//

Б. Ну да//

А. Переживает/ и весь так крутится/ ведь это самое/ но не трогает// Когда я иду гулять (*с собакой*) / то общее внимание на нас//

II

А. — вахтер научно-исследовательского института, 74 года.
Б. и В. — филологи. (Из рассказа о блокаде)

А. ...у меня девять лет э-э девять лет был мальчик/ (у самой сын?) // И вот я теперь/ однажды пробираюсь домой с палкой/ и сын... и сыну говорю/ ну/ наверно я умру// Ну-у/нечем существовать//

Б. А чего/ почему с палкой?

А. А?

Б. Трудно ходить?

А. (Нужно?) ходить// И худенькая была/ и трудно ходить// Теперь я значит это/ я наверно умру// А сын-то мне и говорит/ мамочка/ я тебе не дам умереть// Набрал каких-то мазей/ натер меня/ утюги согрел/ обложил меня/ и на другой день побежал/ выкупил сухих фруктов/ это-о сто грамм что-ли/ там не знаю// И/ значит на карточку/и / сварил/ и с ложки меня кормил// Я лежала/ уже умирала/ (нрзбр.) //

Б. Ну это хороший сын//

А. Да//

Б. Маленький//

III

А. — рабочая в столовой, 65 лет
Б., В. — филологи

Б. Расскажите про Ленинград про старый/ что помните//

А. Да?/ Что вам такое рассказать// Ну раньше было конечно/ я что вам

расскажу// Раньше было не так/в общем// Народу у нас было мало/ вот возьми до войны/ совсем мало// Вот только если дома такие не строили как сейчас / вообще/ жилье/ было совсем мало// (нрзбр.) не то что снимали/ комнату/ было никак не снять/ комнату// Сейчас у нас лучше// Улучшилось// Почему? Везде все даже двухкомнатные/ и трехкомнатные/ и четырехкомнатные квартиры// И отопление// А раньше мы на плитках// Да// А то карасинки// Больше на карасинках было// А сейчас м-м э-э на этих все на-а// И вообще было/ я вам что скажу/ совсем было народу мало// Как сейчас// Счас очень много народу// Приезжих// И все в Ленинград// А-а так/ других считайте/ мало осталось/ нынче// И мало вон было// Совсем/ совсем и-и бывало сядешь в трамвай/ ну/ как вам сказать/ человек десять так/ мало было// А теперь не сесть//

Б. Свободно было/ да? А сейчас не втолкнешься//

А. Сейчас ведь м-м считайте сколько кин поставили/ сколько школ поставили/ это все считай большое развитие// И счас/ считайте/ этот Ленинград/ Ленинград/ Он же... а счас сколько соединили//

В. Пригород/ да?

А. Пригороды// Считайте/ Колпино соединили с Ленинградом//

В. Уже Ленинград//

А. Да// Считайте э-э как вам сказать еще/ другое тоже место-о/ вот Пушкин/ Детское село/ как раньше было// Тоже/ тоже соединено с Ленинградом// Павловск так не считалось оно/ тоже теперь относится// И все это э-э относится к Ленинграду// Да// К Ленинграду// Все// Если б так вам посмотреть/ вобщем так весь Ленинград/ всю историю/ конечно это очень много значит// Вот считай Парка Победы так счас выстроили памятник/ очень хороший// Раньше этого не было// Сколько памятников выстроили// Раньше этого не было//

Записано в Москве

I

А. — работница трикотажной фабрики, 77 лет.
Б., В., Г. — филологи

Б. Она молодая в Москву-то попала/ да / мама?

А. Мама-то? Молода-а-я / папа-то ушел в [а р' м'] ию/

Б. Замуж вышла она?

А. Папа-то в солдаты ушел // Ушел в солдаты / они уехали из деревни //

Б. А они вместе были / да? Там /...

А. Да //

Б. Вроде да?

А. Да // Вот они уехали / когда отец уе...ушел в солдаты-то / а-а мать пошла-а/ у нее был один старший брат (*брат А.*) / этот Алексей/ совсем-совсем старший/

В. Угу //

А. И вот она его оставила своей матери / а сама пошла в кормилицы// Раньше кормилиц ведь брали // Вот //

Б. Угу // Да-да-да//

А. И она / жила без отца пять лет // Б. Угу // У этих господ // А он служил в солдатах// (нрзбр.) срок служить-то // (Ну это к тому/?) ... пришел / нанялся кучером // Ну-у/ кучером он поработал мало / поругался с хозяином там с своим / забрал мать / отсюда /

Б. Угу //
А. и вот они уже переехали м-м я уж не помню / где они тогда жили-то / на дворе он/ да и не помню уж теперь// И потому он/ пошел работать вот в этом/ в Марьинской больнице/ тоже это вот/ вы-вы может помните?
Б. Да-да-да //
А. Вот там/ он этим/ санитаром работал// А потом чернорабочим он работал/ он/ землекопом был/ а мама прачка была// Она ходила стирать по людям/ раньше были поденщицы-прачки / шийсят копеек в день // Вот //
В. Ну тогда деньги были другие ведь / наверное?
А. Они другие / но все равно очень мало / росли мы очень бедно// Очень // Впроголодь жили// Ну тем более у меня отец немножко любил выпить /
В. А-а//
А. маме было очень тяжело нас растить// Она бывало / ходила/ у нее уже были такие определенные места/
В. Угу//
А. где она стирала / и знали ее / и знала она по каким дням она у кого должна стирать//
Б. Угу//
А. Иначе значит э-э не прокормишь нас // И кроме того / она по совместительству как теперь говорят / а раньше так просто значит дворником она была // Дворником работала / и вот э-э ходила прачкой / стирать белье // А дворником тоже / ходила она / то есть работала она почему / нас ведь в хорошую-то квартиру-то не пускали / такую семьищу здоровую // Кому там нужны мы?
В. А-а //
А. Мы все старались подешевле значит снять / в подвале где-нибудь / подешевле да по... (нрзбр.) ребята остаются одни// Ведь одни оставались / они уйдут с утра до ночи// Ну и-и безопаснее// Ну и потом еще / почему? Подешевле / если снимали // А если не снимали/ то дворницкую сдавали / дворницкую-то //
В. Да-да-да //
А. Дворницкая / э-э сторожки были для них / или шо-то такое подвальные помещения давали / ну поэтому еще // Ну / а потом когда стали ребята уже подрастать / что / кое-кто пошел работать / то конечно матери стало полегче // Она / ребята у нас были одни / хорошие все/ правильные / даже не курили не пили / деньги все приносили матери// Как / получка / так матери / отдадут деньги/ а уже там ее / добрая воля / (нрзбр.) даст она им на гулянку /
В. Угу //
А. скоко там уже они попросют / вот // Даст / даст / а не даст уж они / не очень просют / вот так вот//
Г. Вы так и жили / возле Савеловского вокзала / или в другом месте?
А. Нет / это я жила уже када / м-м ... мы-ы с мужем-то / переехали из Сокольников мы переехали // Мы жили в Сокольниках// Вот / а из Сокольников / это нам-м / с фабрики мне дали // У нас там было очень (очен) плохое помещение / у меня / маленькая комнатушечка была / вся сырая / дачное помещение // Вся сырая была / бывало (нрзбр.) снимать пальто / со стены / то вот такое вот пятно / мороз прямо/ снег //
В. Ой! это где ... на Песчаной / да?
А. А?
В. Это в-в Сокольниках?

А. В Сокольниках / да / я в Со...
В. А-а / я думала там/ у Савеловского //
А. Не-ет / в Сокольниках // Там дачное помещение было/
В. А-а!
А. ну стены / стены-то холодные / тонкие там/ чё же там / тёсом (нрзбр.) токо обшита / дача / а-а отопление такое / у нас была на зиму времянка / вот которая /
В. Угу//
А. чугунка//
В. Буржуйка//
А. А-а летом нам не нужно / отапливаться-то / там же дачи // (*смеется*) Ну вот бывало я о / времянку выставим (высадим?) в коридор / на ней примус стоит / готовим / вот // Ну а потом с фабрики дали / вот у нас было это распределение / э-э называлось / фонд улучшения быта рабочих / это (нрзбр.) площадь / ну вот и мне дали // Одиннадцатиметровку // И ... было паровое отопление/
В. А-а!
А. там / зима проскочила / я думаю / ну / какая ... там я ... я и не зам... не заметила шо зима-то прошла // Вроде ее и не было // Уйдешь тепло / и придешь тепло // А в Сокольниках-то бывало ой/ придешь /уголь надо наколоть / да принесть / да разжечь эту печку/ А (*вздыхает*) ой! Не знаешь / возьмешься в ведро / вода / замерзла /таз /что умывались / все замерзло // Чайник стоит на столе / лед // И вот покамесь это вот / пока печечку растопишь / тада уже начинаешь / все это убираться / и готовить / и все делать / а то уже все / застывшее — замерзшее /
В. Угу //
А. Я там часто бюллетенила очень/ у меня-а даже-е / малокровие [млāкро́в'иь] ра[з'в']илось // (нрзбр.) а я-а / частые гриппы // Вот один бюллетень вот / беру / другой сдаю / один сдаю / другой беру // Часто очен бюллетенила / потому что (птамушто) промерзала (нрзбр.) и дорога была длинная // Бывало оттуда из Сокольников / надо до транвая добежать / до Старлексеевская / минут двадцать // Я жила (нрзбр.) просека//
В. Угу //
А. А тут транвай ходил у нас / одноколейка//

* * *

А. ...Ну жили мы в Сокольниках тоже // В Сокольниках жили / (*вздыхает*) летом-то хорошо// А вот как зима бывало подходит / и бежать / ходить / далеко / и темно // А мы работали так / три [с'м']ены (нрзбр.). // Ну-у утреннюю смену еще туда-сюда ничего/ а вот как в вече[р'н']ю-то [с'м']ену / кончали в одиннадцать — половина [д'в']енадцатого / пока добежишь до транвая / да пока доедешь / это уже-е / первый ча-ас//
В. А-а!
А. А первый час / бежать там лесом // Очень страшно // Вот меня муж ходил встречать // Когда я в вечерней смене/ он всегда выходил меня встречать к транваю// Очень страшно // Ну вот были такие случаи / тоже могу рассказать // Осенью / осенью бывало это / раз было так // Приехала / это не... было дело в субботу / в субботу мы кончали / в час ночи // Потому шо третья смена / заступала в семь / и в час значит кончала //Значит пока едешь / уже едешь с последним транваем // Угу / приехала я / на с ... сошла с остан... на остано[ф'к']е с транвая / теперь

значит это / думаю что ж Мити-то нету? Туда-сюда посмотрела нет // И идти страшно//

В. Да//

А. Потому что по одну сторону лес/ а по другую у нас там была-а / водокачка/ мы со...

Б. Да я знаю этот район...

А. Знаете?

Б. Угу//

А. Ну да// И вот бывало это / идти-то страшно там/ и думаю как же мне ... И обратно уже нельзя вернуться // Я бы села на транвай / обратно поехала / там братья живут у меня на Октябрьской улице / я б там ночевала / и обратно уже транвая ... последним транваем я приехала // Ну чо же делать-то? Страшно // (*вздыхает*) А осень до... дождик [до'ж'ик] грязно / темно / дум... (нрзбр.) пойду // Убьют /убьют / ну что же// (*смеется*) Да-а/ такое состояние отчаянное было // Ну вот / теперь значит это / иду / думаю / щас дойду до этой / до-о водокачки // Там сторож / я грю у сторожа постою маленько / покаместь рассветет / а тада пойду / домой // Угу / дохожу до... Да-а / иду / и слышу сзади меня / шаги // Вроде как еще страшнее стало// Када никого нет / ну и ладно // А тут хто-то идет сзади // Думаю [дум] ну / добрый человек / или плохой / кто его знает // Угу-у / теперь значит дошла до водокачки // Только ногу на ступеньки поставила / а-а (*вздыхает*) а он мне говорит // "Ну чо ж вы остановились-то / пойдемте" // А-а (*вздох*) I Я грю "а куда это я с вами пойду-та"? (смеется)

Б. Угу// "Домой!" Я грю "а-а куда домой-то?" // "Да я же вас знаю / вы в сто одиннадцатой даче живете/ а я в сто девятой" // Я грю " а откуда вы меня знаете-то?" (*смеется*) // "Ну вас всегда муж встречать выходит / я знаю"// Ну тада я уже вроде по [с'м'] елее стала / я грю "ну пойдемте"// А он гыт "у меня жена тоже также мучается // Она / работает / на "Богатыре"/ и там тоже три смены// Я дак то... када она в вечернюю смену / то я / утром работаю // Я ее хожу встречать"// Там / лесом // Там еще больше лесом / идти от "Богатыря" / и до нашего / до третьего просека было // (*вздыхает*) " А гыт а када это ... она-а/ утреннюю смену / вот щас она утреннюю смену / то я вечернюю // Вот я почему вас и вижу / что в вечернюю смену-то вас муж выходит встречать//" (*смеется*) Я грю "ну конечно"/ я грю "ну ладно/ пойдемте"// Идем-идем / смотрим уже / муж бежит / я грю "ты чо ж опоздал-та? Он гыт "знаешь / пришел" ... А он / и работал и учился/ на чертежных курсах // Гыт "понимаешь/ по... пока пришел гыт это /печку растопил / думаю (дум) пока хожу/ печка-то разгорится/ ну / пока гыт затопил / затопил гыт ее / топил / топил / растопил насильно / а-а гыт / побежал гыт / до [ж'] ик на улице / я вернулся / без галош выскочил / вернулся галоши одел"// Я грю "ну вот" / я грю "а я бы шла здесь одна-то"// Я грю "а я думала меня убьют здесь"// "Ну / ну убьют / ну ты б постояла бы где-нибудь!" (смеется) Ну-у в общем такие были вещи// Это раза два-три што ль он так опаздывал// Раз тоже так/ опоздал// Ай! Я разозлилася! (*смеется*) "Дома я те теперь да-ам!" (*смеется*) "Попа-ался ты мне!" Значит сердитая / да у нас была собака // Маленькая собачка была// (вздыхает) А главное вы на... выхожу из транвая тоже таким же образом/ мы ее Паташон назвали собаку-то / смотрю Паташон здесь// Ну раз Паташон здесь / думаю (дум) и Митя здесь // Я иду / с Паташоном / он прыгает / ласкается / ах! Иду / а Мити-то нету! Что ж такое? Почти что вот до переезда дошла // Ах! А его нет/ а уже тут начинается лес// Уже стра-ашно// (*смеется*) Ну тут я и остановилась/ Паташону я грю "Ну /

давай с тобой постоим/ может что и получится (*смеется*) / раз (?) он опять / опоздал"// Смотрю правда / бе-ежит / через (черезь) эту линию/ а! грю "ну ты что же?"// А он гыт "знаешь / покамесь / затапливал печку-то / сел / и задремал"// (*смеется*) Он уставал / конечно / слов нету// Тоже уставал // Ну // "А этот гыт выскочил / да бежать" (*о собаке*) // А он уже привык к этому времени меня встре... меня встречать-то// "Он гыть вперед меня и прибежал!" Ну что же делать! Ну я конечно тут разозлилася// Вот так вошла-а/ шуба поднялась летит в одну сторону/ (*смеется*) хозяйственные в другую сторону/ пальто на пол // А уж он молчит // Дескать разошлась // Потом вот посидела-посидела / отдохнула / чаю попила / вроде и все прошло // (*смеются*)

В. Ну конечно! (*смех*)

А. ... (нрзбр.) все и прошло / так вот и мы ... Ну так вообще мы жили хорошо // Мы не ссорились никада с мужем-то // Он дома хороший такой был у меня / муж// Ну / а я / немножко [с'—п'] ерчиком / но он уступал мне// Уступал / как мужчина // Вот так вот и жили мы //

* * *

А. ...Раз / было даже так // Вот / (*смеется*) отец загулял наш / и пропал // Раньше ведь были знаете такие / э рабочие дома такие / вот / забирали этих вот / кто-о / пьяный-та // Щас вот вытре [з'в'] ители / а раньше были рабочие дома // Вот возьмут его / заберут / вот он две недели там-м живет // Заставят его работать// И вот э/ две недели он там поработает / ему дадут значит заработок / это денежки / и выпускают / (нрзбр.) (*смеются*) Д-да-да // Да-а/ вот так делали// Ну мы уже привыкли к этому бывало// Как отец пропал / ну значит / в рабочий дом/ попал / и / ждите / он придет // А уж када приходит / значит он там денежки-то заработает / [с'в'] язка баранок на руке/ во-от / голова / эта / от... коровья / подмышкой завернута значит / и-и / здесь колбаса / и сахар // Это праздник был// Это уже мать за...радуется-а / а! щас самовар ста-авится / суп ва-а-рится / это все мы довольны / так хорошо / все / уже праздник тада// Ну вот он держится некоторое время бывало// Работать опять / начинает работать там/ все по-хорошему // И опять до первого случая// Когда ему вот уж / наверно невтерпеж / бывает / уж он опять начинает //

Б. Ну да//

А. (*вздыхает*) Ну вот так раз тоже было// Был значит это / он/ в отлучке в этой // А мать дворником работала// И вот пришел / щас вот уча [ск] овые / а раньше были / э-э / как оне / околодочные //

В. Околоточные//

А. Около [ч'] ные // И вот / пришел этот околодочный / ходил обход делал там по домам своим / заходит к матери / и начинает ее ругать // Поляк он был // По фамилии Створожинский / я вот запомнила // Да-а // И у него была поговорка / пща кровь //

Б. Угу//

А. Пща крэв//

В. Может быть //

А. По-польски//

Б. По-польски//

А. Да-а // Ну вот / и говорит // "Ты / пща крэв / что не отметила / своего мужа?" Она гыт "а шо́ я его буду отмечать-то? Сегодня я отмечу/ а завтра он придет / шо мне его / опять прописывать шо ли?" — "Нет /ты должна была отметить! А раз ты не отметила / приходи в участок/ будешь сидеть две недели/ В. Ах! А. ага / за это!" Ну/ мать гыт "приду/ шо ж / раз наказал / приду// Вот щас печку истоплю вот это / приду//" Угу

вот он знащт это / ушел // Мать печку истопила / и гыт "ребята / собирайтесь / пойдемте в участок//" (*смеются*) Все и па-ашли// Семь человек// Старший-то работал уже/ а эти еще мелюзга была / один одного / за другим // Пошли мы / зашли в к... этот / в участок-то// Вот // А он сидит там / у себя / в кабинете// А она гыт ... мать гыт/ "ну вот мы пришли-и//"—"Кто это мы-та?"—"Угу мы-ы вот"/ ...показывает-на нас// "Это что/ твои что ль все?" Она гыт/ "ма-аи-и//" — "Это ты шо/ сидеть пришла?" Она гыт "сидеть/ вы ж сказали приходить / я и пришла//" — "Фу ты ч-черт тебя возьми-та/ тебя проко [р'м'] ить дороже стоит / уходи к чертовой матери отсюда // Ребят/ соберите ей по гривеннику что ли// (*смеется*) Вот ораву привела какую! Рази их прокормишь здесь?" (*смеются*) Мать гыт "ну спасибо"// Собрала нас опять/ и пошли мы// И вот она нам до-олго это рассказывала такой вот случай-то// В. Угу// А. Но я и сама помню/ так это-о / немножко // Так что они нам собрали по гривеннику (нрзбр.) и там эти-и городовые [гърдавы́и] там были // Мать гыт "еще (ще) я / рубля три принесла домой"//

::

А. — коренная москвичка, 86 лет.
В. — филолог
Запись сделана С.С. Высотским в 1959 году.

А. ...В девушках меня никуда не пускали ведь// Нас э... к тете/ к двоюродной сестре/ э дык эта... пускали... оттуда... отсюда приезжала/ дак кухарка привезет/ или горничная/ а оттуда кучер привезет/ или дворник привезет/ одних нас девочек не пускали// Никуда не пускали//
В. И в Марьину Рощу не ездили?
А. Никуда́ не пускали//
В. А на Воробьевы горы?
А. На Воробьевку ездили// Мы... с мамашей ездила//
В. На своих лошадях//
А. Да// И всегда с собой брала мамаша чумоданчик/ и там-м бутылочка с водкой брала/ и-и... пирожков напечет/ и мы там сидели за столиком/
В. Там самовары брали наверно//
А. Самовар/ да// Заманивали/ самоваром// Э-э... все... э-э... одна кричит/ "к нам / к нам пожалте/ у меня-а горячий самовар"// А другая/ "нет/ у меня горячёе/ пожалте ко мне"// И вот выбираешь к кому//
В. В доме/ или в садах/ на улице?
А. В садах/ в садах//
В. Хорошо//
А. Вишня кругом росла// В вишне в этой всё... сад... эти... столики были/ накрыты салфеточкими были такие...
В. И вы наверно чай пили//
А. Чай пили//
В. А какой надо чай брать/ хороший сорт?
А. Я тада не знала какой//
В. Ну а сейчас какой?
А. А щас мы тоже... я не пью чай//
В. Не пьете?
А. Нет// Я пью утром кофе пью/ а днем-м/ всё пила воду/ одну чашку выпью/
В. Что ж/ не любите чая?
А. Нет/ не любила// Для меня безразлично/ что чай/ что...
В. Что-то не по-московски//
А. А?
В. Не по-московски//

А. Нет/ я не пила чай// И щас не пью/ потому что вс... всё запрещают пить//
В. Да/ меньше жидкости//
А. Меньше/ меньше жидкости [жы́тксʼи] // А у меня щас очень сильный склероз// И вот я...
В. Мясо нельзя//
А. А?
В. Мяса не дают наверно//
А. Мясо нельзя/ а я ем// Жареное даже ем//

* * *

(*Рассказывает о том, как раньше в купеческих семьях справляли свадьбу*).

А. На шестерне/ это... карета была на шестерне/ шесть лошадей было запряжёно// Две лошади/ две/ и опять две// Шесть лошадей// Дык... мы въезжали в наш переулок/ где мамашин дом был/ дык э... не могли повернуть даже// Птаму шо не пово... не повернешь карету// Это была... такая... шестерней// К... кругом пришлось объезжать//
В. Напрокат брали карету?
А. Да/ конечно/ напрокат// На свадьбу токо// А на другой день уж/ свадьбы/ с визитом ездили/ вторая карета приезжала/ уже эта приезжала на квартеру// Лошади все/ в живых цветах убраны// Э-э... не в живых конечно/ а такие искусственные/ красные/ желтые/ разные/ всякие розовые// И вот э... приезжал... с визитом ко всем ездили// У кого... кто пировал на свадьбе [на-сва́бʼь] / ко всем ездили// И все подарки дарили// Кто чего дарил// Кто-о... вот мы ездили/ я... подарили нам сервиз/ э-э... такой... чайный/ двенадцать персон// Но-о у меня-то всё бы́ло/ мне их ничё не надо/ у меня было... се... када я еще... до свадьбы/ уж наняли мне квартеру/ четыре комнаты// И прислугу уж мне наняли/ еще... кухарку// Одним словом [слом] // Ещё [шʼо] я была девушкой/ мне наняли// И вот э-э/ с визитом ездили/ ко всем/ и-и к кому приезжали/ коробку конфет привозили если дети есть [jэсʼ] //
В. Это уже вы должны были дарить?
А. Да мы должны/ а ѝнные/ нам дарили// Полную карету бывало/ всего накладут//
В. Ну а чего ж вам-то дарили?
А. Ложки серебьные/ дюжину ложек/ хто дюжину/ хто полдюжины/ хто чего// Кто столовые ложки/ хто чайные ложки/ кто ножи с вилкими// Кто чайник/ серебьнай/ одним словом [слом] серебро́ всё дарили// А мы коробку конфет давали//
В. А вот не было такого обычая чтобы/ девушки пели на свадьбах?
А. Это где-нибудь в деревне [вʼ-дʼирʼэ́вʼнʼи] / а в Москве [маскʼэ́] нет//
В. А может быть так вот/ в домах/ где попроще/ это еще ведь бывало и в Москве//
А. Было/ и в Москве/ но у нас не было в купецком звании// Не было этого// А попроще где/ в дере-е-вне или что/ это было так/ всегда на свадьбах поют/ а танцу-у-ют/ и все//
В. Вы на таких свадьбах не бывали?
А. Нет/ не бывала/ мамаша меня не пускала// Боялась очен//

III

А. — москвичка, 70 лет. Свыше 40 лет проработала ткачихой на "Трехгорке".
Б. — родом из Рязанской обл., 70 лет. В Москве проживает с 12 лет. 45 лет проработала ткачихой на "Трехгорке".
В. — филолог.
Запись сделана Е.В. Красильниковой в 1964 году.

А. (*рассказывает о жизни ткачей до революции*) Ну раньше все по-разному жили// Кто старался работал/ приобретал/ не пил/ не курил/ там/ балы

никакие не справлял/ тот значит все-тки нога ногу об... миновал// А что касаемо пьющие/ такие/ те уже конечно плохо жили// У кого много детей/ один работник/ это плохо// Потому что жалование было дешевое// Он не мог оправдать всю/ значит семью свою// Жили в казармах// Вот// Восьмиметровые комнаты/ вот// Перегородка была// Все слышно// Друг у друга все слышно// Отоплялся паровым/ таким/ отоплением// Вот// Что вы говорите/ значит все это переходит// И также/ (*смеется*) и клоп/ и таракан// То туда/ то сюда// (*смеется*) И приду... придут поморют// Там эти как их/ какие-то такие белые делали/ яд что ли какой// Вот и все// Плохо/ что ж// Табуретки были//Деревянные кровати были// Вот// Ну/ у кого самовар был/ а у ... кто из куба пил// Кто как// Вот//

В. А куб это в казарме стоял в этой/ да?

Б. Да//

А. Да// В казарме куб стоял//

В. А что это ее казармой-то называли? Вроде так это (*нрзбр.*)

А. Для рабочих//

В. Для рабочих тоже казармы называются?

Б. Так это когда где как/ а то спальни зовутся//

А. Ну спальни/ все равно как казарма/ одно и то же//

В. А что там/ такой длинный коридор что ли? Как там?

А. Длинный колидор/ по обеим сторонам комнаты//. В. А-а// А. Вот// А потом кухня б.. была// Вот// Готовили/ на кухне//

Б. Кухарка была// Кухарке тридцать копеек в месяц платили мы//

В. А как/ прям вот/ для нескольких семей она готовила/ одна кухарка-то?

Б. Да-а// Не только что для меня/ а всю спальню об... Сколько там человек было нас в коридоре/ на всех одна готовила//

В. А-а//

Б. Ну ведь она чего готовит? Вот постано́вить/ да выйдеть// А уж приготовлю я сама// В кастрюле ей приготовлю/ вот/ она видит что кастрюля/ поставить/ сварится/ выйдеть// Чтоб не сгорела//

В. Нет/ а на чем там/ готовилось?

Б. В печке//

А. А духо... духовые печки такие//

В. А какие?

Б. Духовые печки?

Не видела?

В. Я их не видела//

Б. Ну тебе так скажу/ печки/ печки она больша-а-я/ а под/ вот так комната/ так сказать/ а внизу топют/ истопник/ дровами// А здесь так вот каморочкими тоже/ как печка/ вот такие-то вот// Вот становь/ там все сварится// И испекется//

В. Угу//

Б. Это духовые назывались печки//

А. Духовые печки//

Б. А вы еше не знали какие это// (*смеется*)

В. Мне казалось керосинку-то я видела там/ еще какую печку/ а-а это нет//

Б. Нет/ нет//
А это духовые/ обчии//

А. Керосинки-то пошли когда/ после революции/ вот//

Б. Да/ по революции// Тогда-то/ а то и не знали/ что эта за керосинки// Вот эти-и

примуса//

А. Примуса пошли//

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Л.А. Капанадзе. Современное городское просторечие и литературный язык 5
В.Д. Девкин. О видах нелитературности речи 12
С.С. Высотский. О московском народном говоре 22
Н.Н. Розанова. Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) 37
Е.А. Земская, М.В. Китайгородская. Наблюдения над просторечной морфологией 66
А.Ф. Журавлев. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) 102
Л.А. Капанадзе. Современная просторечная лексика (московское просторечие) 125
О.П. Ермакова. Номинации в просторечии 130
Т.С. Морозова. Некоторые особенности построения высказывания в просторечии 141
Т.Е. Помыкалова, Т.Я. Шишкина, Л.А. Шкатова. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (к проблеме "язык города") 167
З.С. Санджи-Гаряева. Просторечные элементы в устной речи жителей г. Элисты 173
А.А. Скребнева. К вопросу об общих и различительных явлениях в устной речи (на материале грамматики) 179
Приложение. Тексты 179

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

Проблемы изучения

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства
Л.М. Гаврилова

Художник
А.Г. Кобрин

Художественный редактор
Т.П. Поленова

Технический редактор
А.Л. Шелудченко

Корректор
О.А. Пахомова

Набор осуществлен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 28412

Подписано к печати 15.05.84
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Универс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,2. Уч.-изд. 16,5
Тираж 4100 экз. Тип. зак. 1329. Цена 1 р. 40 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП—7
Москва В—485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В—34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

вышли из печати

Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования 14 л. 1р. 40 к.

В монографии рассматриваются стилистические средства словообразования современного русского языка. Исследуя их, автор выделяет характерные словообразовательные средства книжной разговорной и художественной ("авторской") речи.

Для филологов, языковедов–русистов, специалистов по современному русскому языку и стилистике, преподавателей вузов и аспирантов.

Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка 14 л. 1р. 40 к.

В монографии рассматривается лексика, обладающая в самом языке потенциальными стилистическими возможностями. Разрабатываются приемы стилистического анализа слов. Выделяются основные типы и виды этой лексики, выявляются общие закономерности их связей и соотношений.

Для научных работников – стилистов, лексикологов, лексикографов, для преподавателей вузов и аспирантов филологических специальностей.

Слово в грамматике и словаре 16 л. 1р. 60 к.

Сборник посвящен исследованию теоретических проблем грамматики, лексикологии и лексикографии. Рассматривается соотношение грамматики и лексики в словаре, словообразовательные аспекты изучения словарей, принципы системно–структурной организации словаря и грамматики.

Для лингвистов широкого профиля, лексикографов, преподавателей вузов, аспирантов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга—почтой" "Академкнига":

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю.Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4; 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7; 220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72; 117192 **Москва**, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6; 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
18	12 св.	подчеркивания	передразнивания
18	13 св.	передразнивания	подчеркивания

"Городское просторечие. Проблемы изучения"

1р. 40 к.